НѢМЕЦКАЯ ПСИХОЛОГІЯ

ВЪ

ТЕКУЩЕМЪ СТОЛѢТІИ.

НѢМЕЦКАЯ ПСИХОЛОГІЯ

ВЪ

ТЕКУЩЕМЪ СТОЛѢТІИ.

Пров. 19

„Прав

B
103

ИЕЛИ
Ib ис.

032
24

НѢМЕЦКАЯ ПСИХОЛОГІЯ

ВЪ

ТЕКУЩЕМЪ СТОЛѢТІИ

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

СЪ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ УСПѢХОВЪ ПСИХОЛОГІИ ВЪ АНГЛІИ СО ВРЕМЕНЪ БЭКОНА И ЛОККА.

М. Троицкаго.

Второе, вновь обработанное авторомъ,
изданіе Н. А. Абрикосова

ТОМЪ I.

МОСКВА
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., соб. д.
1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

Вступленіе 1

Успѣхи психологіи въ Англіи со временъ Бэкона и Локка.

ГЛАВА I.

Успѣхи психологической методы.

Бэконъ

Научныя методы въ періодъ схоластики. 9
Положеніе силлогизма и индукціи. 10
Теорія силлогизма. 11
Состояніе схоластической науки 12
Критика теоріи силлогизма.
У Бэкона 17
Локка 19
Рида. 22
Д Стюарта 25
Т Броуна 26
Д С. Милля. 32
Руководительное начало методы. 37
Индукція Бэкона . . . . . —
Реформа энциклопедіи наукъ 38
Метода науки о духѣ—у Локка, Адама Смита, Кэмпбеля, Д. Стюарта, Броуна, Джемса Милля 40
Другое выраженіе предыдущаго начала методы 41

ГЛАВА II

Успѣхи психологической методы.

(Продолженіе)

Стр.

Локкъ.

Значеніе Локка для наукъ о духѣ 43
Критицизмъ Локка 45
Компетентность науки:
У Локка 47
Рида 49
Д. Стюарта 50
Т. Броуна 51
Д. С. Милля 53
Бэна 54
Руководительное начало методы 55
„Рефлексія“ Локка . . . . . —
Идеи ощущенія и идеи рефлексіи 58
Пассивныя перцепціи и рефлексія 62
Теорія духовныхъ способностей 64
Второе начало методы 66
Приложеніе онаго въ объясненіи порцепцій 67
„Внушеніе“ у
Беркли 7-
Рида и Д. Стюарта 71

ГЛАВА III.

Успѣхи психологической методы.

(Продолженіе.)

Ридъ и Дональдъ Стюартъ.

Антагонизмъ между физическими и нравственными науками 77

Стр.

Наблюденіе и экспериментація въ философіи духа:
„Элементы индуктивной философіи духа", Д. Стюарта . 79
Критика въ Edinbourg Rewiew 81
Антикритика Д Стюарта 86
Руководительное начало методы 101

ГЛАВА IV.

Успѣхи психологической методы

(Продолженіе.)

Томасъ Броунъ
Отношеніе Броуна къ его предшественникамъ 102
Теорія причинной связи
У Юма. 107
Броуна. 109
Д С. Милля 116
Отношеніе между духомъ и тѣломъ 119
Внутренняя причинность духовныхъ явленій 126
Свойства психологическаго анализа. 135
Руководительныя начала методы 148
Джонъ Стюартъ Миллъ.
Спеціальныя методы наукъ о духѣ. 149
Психологія 153
Экспериментальныя методы психологіи:
Наблюденіе 160
Экпериментація. 162
Методы согласія и разности 164
Методы остатковъ и сопутствующихъ обстоятельствъ . 167
Руководительныя начала психологической методы 168

ГЛАВА V.

Успѣхи психологическаго анализа.

Классификація духовныхъ явленій 170
Анализъ чувственности.
Содержаніе этого отдѣла . . . 176

Стр

Мускульная энергія 179
Физическая сторона ощущеній . . 180
Духовная сторона ощущеній. . 183
Страстный характеръ ощущеній. . . 184
Дѣятельный характеръ ощущеній . 186
Умственный характеръ ощущеній . . . 187
Происхожденіе идей пространства, времени и матеріи.
У Локка, Беркли, Юма. . . .
Рида. 190
Д. Стюарта. . . 193
Броуна. 197
Бэна.
Элементы мускульные. 203
Комбинаціи мускульныхъ и осязательныхъ ощущеній. 207
Комбинаціи мускульныхъ и зрительныхъ ощущеній 211
Аппетиты 215
Инстинкты 219

ГЛАВА VI.

Успѣхи психологическаго анализа.

(Продолженіе)

Анализъ ума.
Оригинальныя умственныя явленія. 226
Идеи
Локкъ. Юмъ. Токеръ. Броунъ. Д. С. Милль. 227
Законы ассоціаціи 229
Физіологическая теорія ассоціаціи.
Гертли 230
Физіологическій элементъ ассоціаціи, у Д. Стюарта, Гамильтона, Спенсера, Бэна 233
Критика теоріи ассоціаціи Гертли. 237

Стр.

Психологическая теорія ассоціаціи
У Локка . . 249
Юма 249
Рида, Д. Стюарта. . . 250
Броуна
„Впушенія“ 252
Комбинаціи умственныхъ явленій съ духовными волненіями 256
Критика юмовой теоріи. . . 258
У Бена.
Законъ смежности.
Формула закона 261
Ассоціаціи движеній 262
Ассоціаціи ощущеній. 264
Происхожденіе нашей увѣренности въ существованіи внѣшняго міра 266
Ассоціаціи волненій 271
Ассоціаціи воли 272
Предметы природы. 273
Ассоціаціи преемствъ. 275
Законъ сходства
Формула закона 276
Отожествленіе при слабости впечатлѣній. 278
Отожествленіе при разницахъ. 279
Отожествленіе движеній 280
Отожествленіе ощущеній Естественный процессъ классификаціи 281
Отожествленіе предметовъ природы. Популярныя и научныя классификаціи. 282
Отожествленіе преемствъ 285
Законъ сложной ассоціаціи.
Формула закона. 286
Сложныя ассоціаціи—смежностей, сходствъ, смѣшанныя . . . . . —
Ассоціаціи подъ вліяніемъ волненій и воли 287
Ассоціація контраста. 291

Стр

Законъ творческой ассоціаціи
Формула закона 282
Операція закона въ кругѣ ощущеній, волненій, абстрактнаго и конкретнаго . . . 292
Художественныя комбинаціи . . 295

ГЛАВА VII.

Успѣхи психологическаго анализа.

(Продолженіе)

Анализъ духовныхъ волненій.
Его основанія 297
Виды происхожденія духовныхъ волненій . 301
Законы его 302
Классификація духовныхъ волненій . . —
Общіе пріемы анализа частныхъ группъ . 307
Эстетическое чувство . . . . . —
Эстетическій вкусъ и эстетическое волненіе Аддисонъ, Ридъ, Джеффри, Д. Стюартъ, Броунъ, Бэнъ 308
Теорія простоты эстетическаго чувства и исканіе общей принадлежности прекрасныхъ предметовъ. Гетчесонъ, Дидро, Блеръ, Гогартъ, Боркъ, Адамъ Смитъ, Рейнольдсъ, Пэнъ-Найтъ 310
Опроверженіе этой теоріи у Стюарта, Броуна, Бэна . 311
Отрицаніе оригинальной красоты: школа Гертли. . . 320
Опроверженіе этой теоріи у Броуна, Бэна . . 321
Условія красоты 326
Реальные источники красоты. 332
Красота доставляемая ассоціаціею. . . . 334
Теорія Элисона 335
Теорія Броуна 339
Теорія Бэна. 342
Комбинація эстетическихъ элементовъ 346

ГЛАВА VIII.

Успѣхи психологическаго анализа

(Продолженіе.)

Стр.

Анализъ воли.
Его основанія 349
Фактъ воли 350
Основные законы воли
Законъ самосохраненія. Локъ, Гетчесонъ, Ридъ, Броунъ, Бэнъ. 352
Законъ смежности. Гертли, Пристли, Д. Стюартъ, Броунъ, Джемсъ Милль, Бэнъ. 357
Самобытная мускульная энергія Бэнъ 360
Возрастаніе воли.
Операція основныхъ законовъ въ кругѣ—
Чувствъ мускульныхъ. 362
Органическихъ . . . . . —
Осязанія, и зрѣнія 364
Духовныхъ волненій 367
Производныя и промежуточныя цѣли. . . . . —
Перенесеніе готоваго дѣйствія въ новыя связи . . . 369
Управленіе посредствомъ слова. 370
Подражаніе 372
Дѣйствіе по простому хотѣнію дѣйствія 373
Управленіе чувствами 375
Управленіе теченіемъ мыслей 379
Сложнѣйшіе феномены воли
Конфликтъ мотивовъ. 383
Побужденія воли, и физическіе импульсы 385
Конфликтъ произвольныхъ актовъ 386
Упорныя мысли (ideae fixae). 390
Обдумываніе. 391

Стр

Нравственная алгебра Франклина 394
Желаніе 397
Нравственные навыки 399
Свобода и необходимость
Происхожденіе вопроса 402
Его значеніе. 405
Исторія спора со временъ Локка 406

ВСТУПЛЕНІЕ.

Судьба наукъ естественныхъ и наукъ о духѣ въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій была неодинакова. Между тѣмъ какъ науки естественныя быстро обогащались безспорными истинами, науки о духѣ, не смотря на замѣчательные таланты ученыхъ, посвящавшихъ себя ихъ разработкѣ въ Англіи, Франціи и Германіи, далеко не имѣли подобнаго успѣха; и въ настоящее время объемъ ихъ общепризнанныхъ истинъ, едва ли значительно шире того, какой онѣ имѣли еще у Платона и Аристотеля. Говоря это, мы отнюдь не забываемъ извѣстнаго богатства новыхъ теорій появившихся за послѣднія три столѣтія въ этой отрасли человѣческихъ знаній: мы хотимъ указать только на одинъ, весьма наглядный и вызывающій на размышленія, фактъ, — недостатокъ единодушнаго, со стороны спеціалистовъ, признанія этихъ теорій въ качествѣ научныхъ истинъ. Изъ трехъ странъ, наиболѣе богатыхъ историческимъ опытомъ въ дѣлѣ этихъ наукъ,—въ Германіи мы наблюдали до сихъ поръ одну непрерывную смѣну разнообразныхъ системъ построенныхъ для разъясненія глубокихъ явленій духа; во Франціи, за господствомъ ученій Кондильяка, наступилъ періодъ колебаній, продолжающійся донынѣ и близко напоминаю-

щій положеніе вещей въ Германіи. Только въ Англіи, со временъ Бэкона и Локка, упорно работаютъ въ однообразномъ направленіи; но плоды этой работы остаются до сихъ поръ почти исключительною собственностію англичанъ. Что можетъ вывесть науки о духѣ изъ такого, сравнительно невыгоднаго положенія, остается вопросомъ.

Въ послѣднее время *), между друзьями наукъ о духѣ стало больше и больше распространяться убѣжденіе, что коренное зло, оставляющее эти науки въ ихъ незавидномъ состояніи, есть недостатокъ общепризнанныхъ и общеупотребительныхъ методъ въ разработкѣ ихъ предмета. И съ этимъ не трудно согласиться, имѣя въ виду примѣръ естественныхъ наукъ. Единодушный пріемъ извѣстной теоріи въ качествѣ научной истины тамъ подготовляется рядомъ изысканій открытыхъ собственной провѣркѣ каждаго спеціалиста, и общимъ довѣріемъ къ методамъ, которымъ эта теорія претендуетъ удовлетворять. Общее довѣріе къ нѣкоторымъ методамъ изслѣдованія и общее употребленіе ихъ въ разъясненіи спорныхъ или неизвѣстныхъ сторонъ, претендующемъ на общее согласіе всѣхъ компетентныхъ лицъ,—вотъ великое преимущество физическихъ наукъ какому онѣ обязаны такимъ завидным расширеніемъ объема своихъ общепризнанныхъ истинъ. Всякій согласится, что это условіе выгоднаго положенія естествознанія не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы противорѣчило общему свойству научныхъ убѣжденій и въ отдѣлѣ духа. Вопросъ, какъ мы полагаемъ, останавливается не на томъ, можно ли, при такомъ же условіи, обѣщать наукамъ о духѣ лучшую будущность,

*) Первое изданіе этого сочиненія появилось въ 1867 году.

а единственно на томъ, исполнимо ли такое условіе въ приложеніи къ этимъ наукамъ; другими словами, можно ли предвидѣть время, когда ученые, посвящающіе себя ихъ разработкѣ, сойдутся въ дружномъ признаніи несомнѣнной правильности извѣстныхъ методъ изслѣдованія духа и все дѣло взаимнаго контроля ограничится между ними простою повѣркою того, насколько предлагаемыя теоріи отвѣчаютъ требованіямъ такихъ общепризнанныхъ методъ?

Извѣстно, что науки естественныя разрабатываются по методѣ индуктивной, указанной Бэкономъ и усовершенствованной его преемниками. Англійскіе ученые смотрѣли на дѣло Бэкона какъ на реформу науки вообще, не исключая отсюда и наукъ о духѣ, и метода индуктивная давно ими принята какъ единственно здравая и успѣшная метода изслѣдованія духа. Но ихъ убѣжденіе не нашло до сихъ поръ всеобщаго сочувствія между учеными другихъ странъ. Во Франціи и Германіи, индуктивная метода въ наукахъ о духѣ провозглашалась не разъ, и многими, единственно правильною методою; но въ общемъ составѣ опытовъ о духѣ мы встрѣчаемъ здѣсь донынѣ—и живую преданность методамъ, отвергнутымъ Бэкономъ, и какую-то смѣсь стараго и новаго, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и направленіяхъ.

Такое зыбкое положеніе наукъ о духѣ въ вопросѣ методы, повидимому, мало благопріятствуетъ надеждамъ на соглашеніе какое оказывается первымъ условіемъ ихъ лучшей будущности. Что остается дѣлать въ такомъ состояніи этого вопроса? Ожидать ли открытія новыхъ, еще не проложенныхъ путей во глубины нашего духовнаго существованія? Бросить ли всякія надежды, достигнуть

когда нибудь желаемаго единодушія, и собственными, темными и никѣмъ другимъ не посѣщаемыми тропинками углубляться наугадъ въ чащу этого предмета, чтобы вынести оттуда нѣсколько новыхъ мыслей обязательныхъ для нашихъ друзей, и довѣрчивой къ нимъ читающей публики? Или, не предаваясь такому научному квіетизму и авантюризму, холодно взвѣсить сравнительное достоинство употребляемыхъ методъ, и справедливымъ предпочтеніемъ однѣхъ ослабить или уничтожить претензіи другихъ?

Обратимся къ самому факту. Не смотря на кажущуюся пестроту и безконечное разнообразіе методъ, употребляемыхъ нынѣ въ изслѣдованіи духа, нельзя не замѣтить, что индуктивная метода, въ общей сложности, имѣла на своей сторонѣ, въ эти три столѣтія, гораздо больше значительныхъ приверженцевъ чѣмъ всякая другая. Въ Англіи, со временъ Локка, она стала безспорною для всѣхъ лучшихъ изслѣдователей духа;—обстоятельство не маловажное, если припомнимъ, что теорія этой методы здѣсь возникла, здѣсь совершенствовалась, и отсюда прокладывала себѣ дорогу во Францію и Германію. Тѣмъ не менѣе, и между французскими и нѣмецкими сторонниками индуктивнаго изслѣдованія духа, мы встрѣчаемъ много извѣстныхъ именъ. Если подобныя историческія сближенія даютъ право на какія нибудь предварительныя заключенія, то мы думаемъ, что выгода ихъ была бы на сторонѣ методы индуктивной По меньшей мѣрѣ, это позволяетъ поставить вопросъ такимъ образомъ: въ фактическомъ состояніи наукъ о духѣ, существуютъ ли какія нибудь серіозныя возраженія противъ правъ индуктивной методы, защищаемыхъ психологами Англіи?

Для рѣшенія нашего вопроса, мы должны были бы

обратиться къ литературѣ французской и нѣмецкой. Но психологи Франціи, оставивши разъ Декарта, склонялись преемственно то на сторону англійскихъ, то на сторону нѣмецкихъ, и такимъ образомъ, отъ литературы англійской переводятъ наше вниманіе непосредственно къ нѣмецкой. Это позволяетъ дать нашему вопросу болѣе сжатую форму: *нѣмецкая литература, посвященная изслѣдованію духа, представляетъ ли достаточно уважительныя причины, чтобъ отрицать исключительныя права индуктивной методы въ наукахъ объ этомъ предметѣ, признанныя въ Англіи послѣ Бэкона и Локка?*

Къ рѣшенію этого именно вопроса и направлено наше *историко-критическое изслѣдованіе нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи*, въ связи *съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка.*

Мы полагаемъ, что *нѣмецкая психологическая литература, разсматриваемая при свѣтѣ исторической критики, не только не препятствуетъ, а напротивъ, прямо благопріятствуетъ признанію англійской индуктивной методы единственно успѣшною методою изслѣдованія духа.*

Къ этому положенію мы приходимъ, разбирая употребительныя въ Германіи психологическія методы и полученные съ ихъ помощію психологическіе выводы.

Самый разборъ и оцѣнка этихъ предметовъ исполнены нами путемъ историческаго сравненія. Мы сопоставляемъ, въ нашемъ изслѣдованіи, успѣхи психологической методы и психологическаго анализа въ Англіи съ положеніемъ тѣхъ же вещей въ Германіи, и представляемъ

судить, какая сторона вызываетъ предпочтеніе. Этимъ сравненіемъ опредѣляется и самое дѣленіе нашего сочиненія на предварительный очеркъ *успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка* въ Англіи,—и подробный разборъ *главныхъ направленій нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи*, когда она достигла наиболѣе уважительнаго вида.

УСПѢХИ ПСИХОЛОГІИ СО ВРЕМЕНЪ БЭКОНА И ЛОККА

Homo, naturae minister et interpres, tantum facit et intelligit, quantum de naturae ordine re vel mente observaverit; nec amplius scit aut potest.

Baco. Nov. Org. Aph. I.

The laws of inquiry, those general principles of the logic of physics, which regulate our search of truth in all things, external and internal, do not vary with the name of science, or its objects or instruments.

T. Brown. Phil. of the Hum. Mind. Lect V

ГЛАВА I

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДЫ.

Бэконъ. Научныя методы въ періодѣ схоластики. Критика теоріи силлогизма — у Бэкона, Локка, Рида, Д. Стюарта, Броуна, Д С. Милля. Руководительное начало методы. Индукція Бэкона. Реформа энциклопедіи наукъ

Соотвѣтственно предположенной цѣли нашего изслѣдованія, мы считаемъ нужнымъ прежде всего отвѣтить на слѣдующіе вопросы; какія теоріи методы господствовали до Бэкона? Имѣли ли онѣ вліяніе на пріемы исторически извѣстнаго намъ психологическаго изслѣдованія того времени, — ибо, замѣтимъ мимоходомъ, теорія методы, и дѣйствительная метода изслѣдованія не всегда совпадаютъ даже у одного и того же писателя,—и какое именно? Въ чемъ состояла реформа методы произведенная Бэкономъ? и насколько эта реформа коснулась психологическихъ методъ, господствовавшихъ въ Англіи, Франціи и Германіи въ періодъ такъ-называемой схоластики?

Замѣтимъ напередъ, что, отвѣчая на эти вопросы, мы не намѣрены долго останавливаться на вещахъ общепризнанныхъ; но стороны темныя и спорныя интересующаго насъ дѣла найдутъ себѣ широкое мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи; это конечно повредитъ округленности разли-

ныхъ частей его, но, какъ мы увѣрены, скорѣе приведетъ насъ къ предположенной цѣли.

Вопросъ о методѣ, господствовавшей въ періодъ схоластики, и вопросъ о реформѣ Бэкона связались другъ съ другомъ неразрывно; реформа Бэкона, продолженная его пріемниками, впервые и пролила свѣтъ на истинную сущность и достоинство схоластической методы.

Схоластическая наука признавала два главныхъ пріема изслѣдованія, *силлогизмъ* и *индукцію*. Если останавливаться на однихъ терминахъ, то схоластика обладала всѣмъ, чѣмъ только могутъ похвалиться и послѣдователи Бэкона; но на дѣлѣ, между логикою схоластическою и логикою Бэкона существуетъ мало общаго. Заслуга Бэкона именно въ томъ и состояла, что онъ первый, и безвозвратно, осудилъ схоластическую теорію силлогизма, со всѣми ея научными послѣдствіями,—и показалъ ничтожность схоластической теоріи индукціи.

Между учеными временъ схоластики господствовало убѣжденіе, что силлогизмъ и индукція — двѣ методы совершенно разнородныя; что индукція даетъ намъ только познанія мелкія и правдоподобныя, слѣдовательно, лишенныя научнаго достоинства; что настоящій органъ пріобрѣтенія научныхъ истинъ и аргументаціи есть силлогизмъ; и что, поэтому, въ разработкѣ теоріи силлогизма и приложеніи ея къ дѣлу изслѣдованія и состоитъ все дѣло науки. Силлогизмъ представлялся схоластикамъ какъ ars artium, scientia scientiarum, organum organorum, instrumentum instrumentorum, ancilla, clavis, testa, murus philosophiae. docendi discendique magistra, veri falsique disceptatrix et judex. Согласно съ этимъ понималась и заслуга Аристотеля, создавшаго теорію силлогизма. Из-

вѣстный арабскій философъ, Аверроэсъ говорилъ, что «природа не была вполнѣ закончена, пока не родился Аристотель», и что «она нашла въ немъ свое завершеніе и итти дальше не можетъ» *).

Схоластическая теорія силлогизма довольно извѣстна. Сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ. Всякая научная операція ума состоитъ въ умозаключеніи, т. е. въ такомъ сложномъ актѣ, когда умъ, сравнивая два понятія, необходимость связи которыхъ въ данномъ предложеніи ему не очевидна, приходитъ къ усмотрѣнію этой необходимости, когда на помощь его колебаніямъ является третье понятіе, связь котораго съ предыдущими ему очевидна, и которое, въ силу этого средняго или примирительнаго положенія, ставитъ и взаимную связь предыдущихъ понятій, прежде неясную, внѣ всякаго спора. Такимъ образомъ,—мы не видимъ необходимой связи между понятіями: *богатство* и *смертность*, въ предложеніи: *богатые смертны*; но припоминая среднее понятіе *человѣка*, мы должны, по теоріи схоластиковъ, быть мгновенно поражены связію богатства и смертности съ человѣкомъ, а такимъ образомъ, и связію ихъ между собою,—что̀ выразится въ слѣдующемъ порядкѣ трехъ предложеній:

Всѣ люди смертны,
Богатые тоже люди;
Слѣд. богатые также смертны.

Представленный силлогизмъ есть, по понятію схоластиковъ, совершеннѣйшій типъ научнаго силлогизма. Въ немъ заключается отъ общаго къ частному. Первыя два предложенія назывались *посылками*, *бо́льшею* (верхнею) и

*) *Blakey*: Hist. of the Phil. of Mind. Vol. 1, p. 92.

меньшею (нижнею); послѣднее *заключеніемъ*. Сообразно съ теоріею, большая и меньшая посылка не всегда, однакожъ, отвѣчаютъ этому совершеннѣйшему типу; онѣ измѣняются, во-первыхъ, отъ положенія средняго понятія или термина, и это даетъ извѣстныя четыре *фигуры* силлогизма; во-вторыхъ, отъ качества или количества въ предложеніяхъ, т. е смотря потому, будутъ ли они утвердительныя или отрицательныя, общія или частныя. Второе обстоятельство давало 64 особенныхъ видовъ силлогизма, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ первымъ, 256 *модусовъ* его Но всѣ эти виды силлогизма имѣли научную цѣну только тогда, когда легко превращались въ тотъ совершеннѣйшій видъ силлогизма, образчикъ котораго представленъ выше, т. е. въ умозаключеніе отъ общаго къ частному *по первой фигурѣ категорическаго силлогизма* Легко представить, сколько работы задавалось уму изученіемъ этихъ 256 видовъ силлогизма, и правилами ихъ превращенія!... Нѣсколько столѣтій ученые мужи среднихъ вѣковъ исчерпывали эту матерію; и — къ чести ихъ будь сказано,— они исполнили свое предпріятіе безукоризненно; теорія силлогизма, въ этомъ направленіи, неспособна дальше ни къ какому усовершенствованію.

Посмотримъ теперь, каковы были плоды этой теоріи силлогизма въ схоластической наукѣ.

По теоріи силлогизма, представленный нами образчикъ совершеннѣйшаго умозаключенія долженъ быть непреодолимымъ научнымъ *аргументомъ* или *доказательствомъ*. Но легко можетъ случиться, что большая или меньшая посылка такого аргумента представляется намъ вещью спорною; что же дѣлать тогда? .. Случай этотъ предусмотрѣнъ схоластиками; — требуется новый силло-

гизмъ или новый аргументъ для укрѣпленія спорныхъ положеній перваго. Правда, эти новые аргументы могутъ также заключать въ своемъ составѣ какое нибудь спорное предложеніе; и воображенію нашему уже рисуется длинная цѣпь силлогизмовъ или аргументовъ, которой мы не видимъ и конца. Но схоластическая теорія силлогизма увѣряетъ насъ, что это иллюзія. Въ совершенномъ силлогизмѣ или аргументѣ заключеніе идетъ отъ общаго къ частному; слѣдовательно, новые силлогизмы или аргументы, его усиливающіе, должны своими посылками имѣть положенія болѣе общія чѣмъ посылки усиливаемаго силлогизма; и это требованіе все болѣе и болѣе общихъ положеній распространяется на всю цѣпь взаимно усиливающихъ силлогизмовъ. Теорія говоритъ затѣмъ, что мы должны этимъ путемъ прійти къ положеніямъ столь общимъ, что всякая попытка отыскать еще болѣе общія окажется безплодною. Значитъ, мы дойдемъ до положеній не сравнительно, а безусловно общихъ, *всеобщихъ, универсальныхъ*. На нихъ, значитъ, опирается въ концѣ и вся научная аргументація; это твердыя исходныя точки всего научнаго мышленія; это безусловныя и неизмѣнныя *начала* всей науки. Такъ какъ, по предположенію, силлогизмъ и индукція двѣ методы совершенно разнородныя, и силлогизмъ есть совершеннѣйшая научная операція ума, то и эти начала науки, по теоріи силлогизма, суть начала независимыя отъ индукціи,—иначе сказать, наблюденія и опыта,—и составляютъ то первое, универсальное, безусловное и совершеннѣйшее знаніе, какого только и можно пожелать человѣческому уму. Какъ независимыя отъ индукціи, эти начала науки назывались началами *a priori*; напротивъ, всякое позна-

ніе индуктивное, всѣ наблюденія и опыты назывались началами *a posteriori*. Въ этихъ терминахъ (которые, замѣтимъ мимоходомъ, получили въ школѣ Бэкона другой смыслъ) выражалась нагляднo именно та мысль, что начала науки существуютъ въ умѣ раньше (prius) всякаго наблюденія, и суть самобытная и неотъемлемая собственность его какъ особенной силы человѣческаго духа.

Понятны, послѣ этого, и всѣ научныя стремленія схоластическаго періода. Главною и высшею заботою ихъ было отысканіе этихъ всеобщихъ или универсальныхъ началъ науки; они излагались въ такъ-называемой philosophia prima или *онтологіи*. Затѣмъ требовался рядъ совершеннѣйшихъ аргументовъ относительно трехъ предметовъ человѣческаго вѣденія· міра, человѣческаго духа и Бога. Это представлялось въ трехъ подчиненныхъ наукахъ *космологіи*, *пневматологіи* и *теологіи*. Къ послѣдней прибавлялась наука о духахъ высшихъ человѣка, — *ангелографія*. Заключенія, полученныя въ этихъ наукахъ, давали посылки для *ѳики* или ученія о нравственности въ широкомъ смыслѣ. Этимъ и исчерпывалась вся энциклопедія схоластической науки или философіи.

Четыре первыя науки назывались у схоластиковъ *метафизикою*. Названіе это было неизвѣстно въ цвѣтущія времена греческой философіи и явилось въ первый разъ при обнародованіи Андроникомъ родосскимъ сочиненій Аристотеля, доставленныхъ ему Суллою по завоеваніи Аѳинъ. Разсказываютъ, что ученый Андроникъ, найдя въ сочиненіяхъ Аристотеля пять книгъ, не носившихъ никакого заглавія, надписалъ надъ ними: τὰ μετὰ τὰ φυσικά (слѣдующія за физикою), вѣроятно, съ цѣлію

указать имъ мѣсто въ ряду другихъ сочиненій, такъ какъ они у Аристотеля слѣдовали за его физикою; или же опредѣлить порядокъ, въ какомъ они должны быть изучаемы. Для насъ важенъ не этотъ мелкій и темный фактъ происхожденія термина метафизики, а отношеніе схоластической метафизики къ тѣмъ пяти книгамъ Аристотеля. Свои желанныя, универсальныя начала науки схоластики отыскивали не въ живомъ процессѣ нашихъ мыслей, а просто-на-просто въ сочиненіяхъ Аристотеля и его комментаторовъ. Въ основаніе всей постановки вопросовъ или точекъ зрѣнія на предметъ легли такъ-называемыя аристотелевы *топики* или *общія мѣста: что; когда; гдѣ; бытіе; сущность* и проч. А въ отвѣтахъ на всѣ метафизическіе вопросы подразумѣвалась аристотелева теорія формъ, существующихъ независимо отъ матеріи или содержанія, которыя понимались схоластиками какъ сущности всѣхъ вещей и притомъ какъ *видовыя* и *родовыя сущности*, отвѣчающія нашимъ понятіямъ или названіямъ родовъ и видовъ вещей; это, очевидно, въ духѣ Платона или же позднѣйшаго греческаго эклектизма какой замѣчается у неоплатониковъ. Вся метафизика была, такимъ образомъ, познаніемъ сущности всѣхъ вещей, сущности духа и Бога, по извѣстнымъ топикамъ Аристотеля.

Познаніе сущности всѣхъ вещей, уже само по себѣ, весьма льстило воображенію и, казалось, совершенно отвѣчало достоинству предполагаемаго органа науки, какъ средства познанія независимаго отъ индукціи или наблюденій и опыта. Метода, разнородная съ индукціею, и познаніе сущностей, лежащихъ гдѣ-то далеко, за явленіями, — суть два обстоятельства немыслимыя одно безъ

другого, и встрѣча ихъ въ схоластической наукѣ была не случайность, а естественное положеніе всего дѣла. Прозирать путемъ науки въ таинственныя глубины незримаго существованія,—задача, поистинѣ грандіозная и порывъ духа легко вызывающій восторженное сочувствіе. Но какъ выполненіе этой задачи было далеко отъ возбужденныхъ ею надеждъ!... Посмотримъ ближе, что составляло насущный интересъ схоластической мудрости?— Вопросы въ родѣ слѣдующихъ

Въ пневматологіи сущность (essentia) духа отлична ли отъ его существованія (existentia)? Можетъ ли сущность его пребывать, не имѣя дѣйствительнаго существованія? И что такое всѣ качества связанныя съ нею какъ non-entitas?. .

Въ богословіи Божество—существуетъ въ пространствѣ воображаемомъ или дѣйствительномъ? Можетъ ли Оно сотворить какое нибудь существованіе безъ существующаго? Вѣденію Его подлежатъ ли только сущности, общія вещи,—или и частныя? И можетъ ли Оно возможнаго, но не существующаго ангела любить больше чѣмъ дѣйствительно существующее насѣкомое?...

Въ ангелографіи: могутъ ли ангелы переходить изъ одной точки пространства въ другую, не переходя промежуточныхъ между ними? Можетъ ли ихъ зрѣніе различать предметы во мракѣ? Можетъ ли въ одну и ту же минуту въ одной и той же физической точкѣ существовать больше одного ангела?...

Въ ификѣ если духъ имѣетъ свободу выбора, то эта независимая воля есть ли entitas или quidditas? И слѣдуетъ ли сказать, согласно съ мнѣніемъ однихъ, что добродѣтель есть добро, потому что она имѣетъ внутреннюю

доброту, или, согласно съ мнѣніемъ другихъ,—что она имѣетъ внутреннюю доброту, потому что есть добро?...).

Послѣ той пышной теоріи органа науки, послѣ этой увѣренности въ полной возможности проникнуть съ нимъ въ самое существо всѣхъ вещей, подобные вопросы, составлявшіе муку ученаго міра въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, звучатъ неожиданно и дико. . Въ настоящее время, конечно, никому не интересно знать, какіе отвѣты давались на подобные вопросы; ясно, что наука здѣсь сбилась съ прямой дороги .. Однакожъ, при указанной обстановкѣ, не легко было почувствовать это, и еще труднѣе открыть, гдѣ таился корень этого зла Требовалась сила Бэкона и его продолжателей, чтобы опрокинуть это зданіе цѣлыхъ столѣтій

Бэконъ, съ проницательностію генія, замѣтилъ, что жалкое положеніе схоластической науки и ея неподвижность при всѣхъ громадныхъ усиліяхъ цѣлыхъ столѣтій, зависятъ отъ радикальной ложности ея методы. Относительно схоластическаго силлогизма онъ поставилъ слѣдующій вопросъ можетъ ли силлогизмъ, самъ по себѣ, безъ помощи индукціи, или опыта и наблюденій, быть органомъ открытія новыхъ истинъ и непреодолимымъ средствомъ аргументаціи, однимъ словомъ, органомъ науки,—какъ въ этомъ были убѣждены ученые схоластики?

Для рѣшенія этого вопроса, Бэконъ обратился не къ мертвымъ книгамъ,- какъ это обыкновенно дѣлали схоластики,—а къ живому процессу нашихъ мыслей; и въ этомъ поворотѣ уже лежалъ смертный приговоръ ихъ философіи. Схоластика могла держаться только до тѣхъ

*) *T. Brown.* Philos. of the Hum. Mind. 20 ed. 1860, p 2.

поръ, пока не коснулись ея основныхъ предположеній въ теоріи силлогизма и не обличили ихъ неосновательности и прямого противорѣчія фактамъ живой мысли.—Въ цѣляхъ нашего изслѣдованія, вопросъ о силлогизмѣ такой существенной важности, что мы намѣрены остановиться съ нѣкоторою подробностію на его исторической судьбѣ, предначертанной Бэкономъ

Анализъ схоластической теоріи силлогизма открылъ, что вся эта теорія держится на большомъ количествѣ неоправданныхъ гипотезъ, и что достаточно опровергнуть одну изъ нихъ, чтобы подорвать и всѣ остальныя. Но Бэконъ и его преемники не оставили въ этомъ вопросѣ ни одной темной стороны и вывели наружу всѣ недостатки этой теоріи.

Какъ мы видѣли выше, въ каждомъ совершенномъ силлогизмѣ играютъ роль три понятія или термина: два понятія, связь которыхъ въ извѣстномъ предложеніи намъ не представляется необходимою, и третье, среднее, которое позволяетъ намъ мгновенно сообразить эту необходимость. Уму, не обремененному схоластическими предразсудками, естественно представляется слѣдующій вопросъ: на чемъ опирается достоинство силлогизма сочетавающаго эти три понятія въ трехъ отдѣльныхъ предложеніяхъ? На вѣрности ли понятій, сочетаваемыхъ въ предложенія, или на правильности самаго акта ихъ сочетанія, или на обоихъ обстоятельствахъ вмѣстѣ? Чтобъ удержать теорію силлогизма, мы должны были бы сказать, что все достоинство силлогизма опирается исключительно на правильномъ актѣ сочетанія понятій;—ибо, если бъ оно зависѣло отъ правильности понятій, въ такомъ случаѣ вся силлогизація потеряла бы свою цѣну

какъ органъ науки самостоятельный или независимый отъ индукціи.—Но, говоря такимъ образомъ, мы будемъ противорѣчить фактамъ живой мысли, показывающимъ, что если сочетаваемыя понятія ошибочны, то и самый актъ ихъ сочетанія въ силлогизмѣ не будетъ имѣть никакого достоинства. Это обстоятельство ускользнуло отъ вниманія схоластиковъ повидимому потому, что они обращали его преимущественно на предложенія и форму силлогизма, представляя себѣ понятія какими-то твердыми единицами и ровнымъ матеріаломъ оперирующаго ума. Изъ этой иллюзіи вывелъ ихъ Бэконъ. «Силлогизмъ», писалъ онъ, «состоитъ изъ предложеній, предложенія изъ словъ, а слова суть знаки понятій: поэтому, если понятія сбивчивы или образованы скороспѣшно, то все, что бы мы ни строили на этомъ основаніи, не будетъ держаться.» *) Иначе сказать, силлогизмъ, какъ органъ познанія природы, почерпаетъ свою твердость и основательность не столько изъ формы силлогизаціи, сколько изъ обстоятельствъ ей предшествующихъ, или отъ нея отличныхъ. И такъ какъ нѣтъ ничего третьяго между силлогизмомъ и индукціею, съ предваряющими ее умственными операціями: то это значило, что для основательности силлогизмовъ требуются прежде всего правильныя наблюденія, сравненія, и т. д., и основательныя «наведенія.»—Это рѣшило участь силлогизма, и обратило англійскую философію съ Бэкона къ разработкѣ методы «индуктивной».

Локкъ взглянулъ на силлогизмъ съ другой точки зрѣнія. Припомнимъ, что, по теоріи схоластиковъ, твердость частныхъ положеній зависитъ отъ положеній болѣе

*) *Baco.* Nov. Organ. Lib. 1, Aph. 24.

общихъ, такъ-называемыхъ верхнихъ или большихъ посылокъ въ силлогизмѣ, изъ которыхъ они выводятся при помощи посылокъ меньшихъ. Чтобы быть вѣрною себѣ, эта теорія должна допустить возможность неопредѣленно длинной аргументаціи: но, въ концѣ, все же отказывается отъ своего исходнаго мнѣнія, насильственно обрывая рядъ аргументовъ гипотезою такъ-называемыхъ началъ науки,—положеній безусловно общихъ и болѣе не аргументируемыхъ. Это противорѣчіе опять не могло не поразить безпристрастнаго ума; невольно спрашивается: если твердость науки зависитъ исключительно отъ силлогизма, отъ аргументаціи изъ общихъ положеній· то какимъ образомъ возможна наука, которой всѣ аргументы должны въ концѣ опираться на положенія недоступныя никакой аргументаціи? Схоластики считали это неизбѣжною, роковою судьбою науки; но на дѣлѣ, это было только наглядное доказательство несостоятельности схоластическихъ понятій о силлогизмѣ. Все затрудненіе вышло изъ той гипотезы, что вѣрность частныхъ положеній науки зависитъ отъ аргументаціи изъ положеній общихъ. Но чѣмъ же оправдывается эта гипотеза? Локкъ, обратившись опять къ живому процессу нашихъ мыслей, нашелъ, что эта гипотеза противорѣчитъ фактамъ нашихъ убѣжденій. Схоластики, въ своихъ предположеніяхъ объ общихъ началахъ, руководились всего больше показаніями математики, такъ какъ, повидимому, въ этой наукѣ, всѣ частныя истины добываются путемъ аргументаціи изъ нѣсколькихъ ни откуда не выводимыхъ аксіомъ. Локкъ охотно остановился на этомъ примѣрѣ общихъ началъ и доказалъ всю неосновательность гипотезы, что твердость частныхъ истинъ зависитъ въ этой области

отъ вывода изъ положеній общихъ. «Неужели», спрашиваетъ онъ, «знать что одинъ и два равны тремъ, иначе не возможно какъ при помощи той аксіомы, что цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ взятымъ вмѣстѣ, или другой какой? Многіе знаютъ, что одинъ и два равны тремъ, не зная и не думая объ этой или другой какой доказывающей аксіомѣ, — и знаютъ также рѣшительно какъ и тотъ кто знаетъ, что цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, или другую подобную аксіому, — и все это по тому же началу самоочевидности (self-evidence). А какъ скоро это равенство идей, безъ этой или подобной аксіомы, для нихъ также очевидно и рѣшительно какъ и при аксіомѣ· то нѣтъ никакой нужды въ аргументѣ, чтобы заставить ихъ замѣтить его. Узнавши, что цѣлое равно своимъ частямъ, они будутъ знать не лучше и не достовѣрнѣе прежняго, что одинъ и два равны тремъ; потому что, если и есть какая нибудь разница въ этихъ идеяхъ, то она заключается въ томъ, что цѣлое и части гораздо темнѣе и труднѣе напечатлѣваются въ умѣ, чѣмъ идеи одного, двухъ и трехъ.» *) Такимъ образомъ, твердость частныхъ положеній отнюдь не находится въ роковой зависимости отъ силлогизма или аргументаціи изъ положеній общихъ. И такъ какъ въ процессѣ мыслей, положенія общія встрѣчаются не у всѣхъ и не всегда, то легко прійти къ вопросу, прямо противоположному теоріи схоластиковъ: общія положенія, — для которыхъ притомъ они не имѣютъ въ концѣ никакого оправданія,— не опираются ли, наоборотъ, на положеніяхъ частныхъ? Локкъ подвергъ анализу общія положенія, и доказалъ,

*) Essay concern. the Hum. Understand. B. IV. Chapt VII. Sect. 10.

что въ основаніи живого процесса нашихъ мыслей, лежатъ дѣйствительно положенія частныя, т. е. наблюденія или «наведенія» въ широкомъ смыслѣ

Ридъ (Reid) обратилъ вниманіе на обстоятельство естественно бросающееся въ глаза послѣ анализовъ Локка. Это—petitio principii въ совершенномъ силлогизмѣ. Припомнимъ нашъ примѣръ совершеннаго схоластическаго силлогизма. Возьмемъ бо́льшую посылку: *всѣ люди смертны*, и подумаемъ, можетъ ли она быть правильна, если люди богатые дѣлаютъ изъ этого правила исключеніе? Нѣтъ; и слѣдовательно, для вѣрности большей посылки требуется помощь предложенія *богатые люди смертны*. Такимъ образомъ, построивши приведенный силлогизмъ и получивши въ заключеніи: *богатые также смертны*, мы основываемъ это заключеніе на предложеніи, которому оно само (заключеніе) ссужаетъ правильность. Этотъ родъ умозаключеній называется въ логикахъ petitio principii. Слѣд. совершенный схоластическій силлогизмъ, взятый самъ по себѣ, есть скрытное тожесловіе, а не аргументъ; въ немъ, въ заключеніи, мы приходимъ къ тому, правильность чего признали раньше чѣмъ переступили къ меньшей посылкѣ. Въ своемъ изложеніи и критикѣ логики Аристотеля, Ридъ раскрываетъ это обстоятельство въ слѣдующемъ общемъ выводѣ.

«Въ первой фигурѣ», говоритъ онъ, «заключеніе утверждаетъ или отрицаетъ что нибудь относительно какого нибудь вида или недѣлимаго, а доказательствомъ служитъ, что тоже самое можетъ быть утверждаемо или отрицаемо и относительно цѣлаго рода, къ которому принадлежитъ этотъ видъ или недѣлимое.

«Во второй фигурѣ заключается, что извѣстный

видъ или недѣлимое не принадлежитъ къ извѣстному роду, и въ доказательство приводится то обстоятельство, что извѣстная принадлежность, общая цѣлому роду, не есть принадлежность этого вида или недѣлимаго.

«Въ третьей фигурѣ заключается, что данное какое нибудь свойство принадлежитъ только части какого нибудь рода, и въ доказательство приводится, что это свойство принадлежитъ только виду или недѣлимому, которыя суть только части этого рода.

«Я полагаю, что въ этомъ краткомъ обзорѣ схвачено всякое заключеніе, не выходящее за предѣлы трехъ фигуръ, равно какъ и средства доказательства. Отсюда легко можно вывесть правила всѣхъ фигуръ, и кажется, что во всѣхъ трехъ фигурахъ собственно только одно начало умозаключенія, такъ что отнюдь не странно, что силлогизмъ одной фигуры можетъ быть превращенъ въ силлогизмъ другой.

«Общее начало, къ которому все сводится, и котораго каждый категорическій силлогизмъ есть только частное приложеніе, состоитъ въ томъ, что все, что утверждается или отрицается относительно цѣлаго рода, можетъ быть утверждаемо и отрицаемо и относительно каждаго вида, къ нему принадлежащаго. Это начало несомнѣнно достовѣрное, но не отличается большею глубиною. Аристотель и всѣ логики принимаютъ его за аксіому или первое начало, отъ котораго какъ бы отправляется вся силлогистическая система, и послѣ скучнаго путешествія и великой траты аргументаціи причаливаютъ, въ концѣ, къ тому же началу какъ своему послѣднему заключенію. O curas hominum! O quantum est in rebus

inane!» *) Въ этомъ короткомъ очеркѣ фигуръ силлогизма бросается рѣзко въ глаза полнѣйшая тожественность начала каждаго силлогизма, или основанія аргументаціи, съ самымъ заключеніемъ.

Итакъ, схоластическій силлогизмъ потерялъ всѣ свои призрачныя достоинства уже въ рукахъ Бэкона, Локка и Рида. Основательность его зависитъ прежде всего отъ обстоятельствъ чуждыхъ самому силлогизму и отыскиваемыхъ въ процессахъ индуктивнаго характера, общія положенія, изъ которыхъ онъ выводилъ и доказывалъ частныя предложенія, въ дѣйствительности, сами зависятъ отъ частныхъ предложеній, и выводъ частнаго изъ общаго, въ совершенномъ силлогизмѣ, есть petitio principii. Слѣдовательно, всѣ достоинства, которыхъ схоластики искали въ силлогизмѣ независимомъ отъ индукціи, въ дѣйствительности, принадлежатъ именно методѣ индуктивной, начинающей наблюденіемъ фактовъ. Изъ этого легко видѣть, что индуктивная метода не была, какъ думали многіе внѣ Англіи, случайнымъ нововведеніемъ Бэкона, а была необходимымъ слѣдствіемъ критики схоластической теоріи силлогизма. въ этой критикѣ лежитъ все ея оправданіе.

Критика силлогизма привела къ вопросу о педагогическихъ свойствахъ силлогистическаго искуства. Спрашивается: послѣ всѣхъ указанныхъ анализовъ схоластическаго силлогизма, можно ли ожидать какой нибудь практической пользы отъ силлогистическаго искуства, и стоитъ ли труда изучать эту варварскую схоластику? Вопросъ этотъ оказался труднѣе чѣмъ предполагали. Причина та,

*) Brief Account of Aristotle's Logic.

что въ этомъ, чисто педагогическомъ вопросѣ, дѣло идетъ уже не о силлогизмѣ схоластическомъ, или тѣхъ преувеличенныхъ понятіяхъ о его достоинствѣ какія связывались съ нимъ въ теоріи схоластиковъ.—а о силлогизмѣ вообще, или о роли его въ методѣ индуктивной. Это послѣднее обстоятельство, подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній недавней критики, было упущено изъ вниманія первыми учеными поднявшими этотъ вопросъ; и отвѣтъ вышелъ отрицательный. Мы приводимъ сужденія объ этомъ предметѣ Догальда Стюарта «Замѣчанія», говоритъ онъ, «давно сдѣланныя лордомъ Бэкономъ относительно безполезности силлогизма какъ органа научнаго открытія, и тонкія сужденія объ этой формѣ умствованія въ «Опытѣ» Локка, такъ рѣшительны въ своей доказательности, и въ тоже время, такъ извѣстны всякому обращающему вниманіе на эти философскія изслѣдованія, что въ настоящемъ случаѣ, всякое прибавленіе къ этому съ моей стороны дѣлается совершенно излишнимъ. Поэтому, въ нижеслѣдующемъ, я ограничусь только немногими и смѣшанными замѣчаніями объ одномъ или двухъ пунктахъ, которые были упущены изъ виду этими превосходными писателями, но на которые существенно важно обратить вниманіе, чтобъ оцѣнить по справедливости значеніе аристотелевой логики какъ извѣстной вѣтви воспитанія.

«Со времени Бэкона повторялось такъ часто—и напрашивалось на вниманіе философовъ, къ удивленію такъ долго, то замѣчаніе, что во всѣхъ нашихъ умствованіяхъ объ установленномъ порядкѣ вселенной, опытъ есть единственный нашъ руководитель, и познаніе пріобрѣтается только путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему; меж-

ду тѣмъ какъ силлогизмъ неизмѣнно ведетъ насъ отъ общаго къ частному, истина котораго, вмѣсто того чтобы вытекать изъ общаго предложенія, содержится и предполагается въ самыхъ терминахъ его выраженія. Справедливо заключили отсюда, что *силлогистическое искуство безполезно для разширенія нашихъ знаній о природѣ.*

«Но это искуство достойно порицанія не просто какъ безполезный и недѣйствительный органъ для открытія истины: не мало сомнительна важность и самой цѣли его стремленій Правильное упражненіе способностей вывода и аргументаціи, или другими словами, заключеніе изъ предлежащихъ посылокъ—есть умственный процессъ, повидимому, мало нуждающійся въ пособіи правилъ Всего рѣшительнѣе это высказывается въ той легкости съ какою люди самыхъ скромныхъ дарованій, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, научаются понимать самыя длинныя математическія доказательства, —что, сравнительно съ трудностію вразумленія ихъ въ вопросахъ морали и политики, даетъ достаточное ручательство, что наши умозрительныя заблужденія происходятъ не отъ какой нибудь неспособности къ простому логическому процессу. То фактъ, что въ большей части наукъ, наши умствованія очень не сложны; а между тѣмъ, какъ легко самые тонкіе и проницательные люди поддаются ошибочнымъ заключеніямъ»! *)

Если Д. Стюартъ находилъ только достаточные поводы сомнѣваться въ педагогическомъ достоинствѣ силлогистическаго искуства, то Томасъ Броунъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свое пол-

*) Eléments de la philosophie de l'esprit humain, trad. par Peisse. Paris. 1845. Vol II. p. 189

нѣйшее презрѣніе къ силлогистической логикѣ. какъ самому вредному и одуряющему средству воспитанія. Но основанія этого мнѣнія онъ находитъ единственно въ доказанной несостоятельности схоластической теоріи силлогизма, и въ жалкомъ состояніи схоластической науки —Примыкая къ анализамъ Бэкона, Броунъ показываетъ, что естественный процессъ нашихъ умствованій состоитъ единственно въ преемствѣ свободно возникающихъ понятій, и чувствахъ ихъ взаимнаго отношенія, и что этотъ процессъ, столь мало зависящій отъ нашихъ желаній, весьма отличенъ отъ позднѣйшей его корректуры, какую мы дѣлаемъ въ трудахъ литературныхъ и разговорѣ. «Безспорно», говоритъ онъ, «въ нашей состоитъ власти не выражать въ словахъ понятій или отношеній рождающихся къ нашей мысли; и вслѣдствіе этого простого опущенія частей нашего внутренняго ряда, какія мы отбрасываемъ какъ слабыя или не относящіяся къ главному предмету,—и весь рядъ предложеній, выраженный въ такомъ видѣ, покажется другимъ и, конечно, будетъ принужденнѣе того, какой дѣйствительно слѣдовалъ въ нашемъ духѣ и произвелъ въ насъ ту увѣренность или убѣжденіе, какое мы желаемъ передать. Но надобно всегда помнить, что эта разница вытекаетъ только изъ простого опущенія, и что въ цѣломъ рядѣ предложеній, какой мы выражаемъ въ рѣчи, нѣтъ ни одного понятія или чувства, отношенія котораго мы желали бы прямымъ образомъ». Таковъ естественный процессъ нашихъ умствованій.—«Что же надобно думать», продолжаетъ Броунъ, «о томъ искуствѣ умствованія, которымъ столько вѣковъ вытѣсняли изъ школы разумъ,—объ искуствѣ, которое давало столько головоломной работы, чтобы стать не-

много невѣжественнѣе чѣмъ прежде, — которое могло вести столько споровъ безъ всякаго предмета спора, и ровно ни съ чѣмъ одерживало столько побѣдъ менѣе чѣмъ ни надъ чѣмъ? Нѣтъ нужды говорить, что я имѣю въ виду силлогистическое искуство логики». Броунъ соглашается, что «есть разумная логика, и что соотвѣтственно извѣстной системѣ правилъ, неопытному начинающему можно дать много полезныхъ указаній, облегчающихъ ему пріобрѣтеніе такихъ познаній, которыхъ, безъ этихъ указаній, онъ достигъ бы гораздо медленнѣе, или не достигъ вовсе». «Но»—продолжаетъ онъ—«если надобно дать какое нибудь искуство умствованія, то конечно такое, которое бы облегчало, а не затрудняло пріобрѣтеніе знанія,— искуство, которое пользуется естественною склонностію ума къ открытію истины, а не наслуетъ этой склонности, и по возможности не принуждаетъ духа оставлять надлежащей дороги къ истинѣ». И такихъ достоинствъ онъ не находитъ въ искуствѣ силлогистики. Въ доказательство своего мнѣнія, онъ приводитъ,—за исключеніемъ одного пункта, который мы опускаемъ, по неточности его развитія,—) основныя мысли Рида и Локка о достоинствѣ схоластической теоріи силлогизма; т. е. указываетъ извѣстное petitio principii, и несостоятельность схоластическихъ мнѣній объ общихъ положеніяхъ. Эта критика силлогизма воспроизведена Броуномъ сжато и сильно. Схоластическая теорія его, говоритъ Броунъ, «постоянно принимаетъ за начало умозаключенія, которымъ мы приходимъ къ частной истинѣ, наше предва-

*) Это—мнѣніе Т. Броуна о значеніи меньшей посылки въ силлогизмѣ; см. критику онаго въ «Логикѣ» Д. С Милля, въ главѣ о «силлогизмѣ».

рительное знаніе этой самой истины. Верхняя посылка бываетъ и заключеніемъ, только подъ другою формою, и истина ея чувствуется не больше истины того, что̀ она обѣщаетъ раскрыть». Въ доказательство, Броунъ ссылается на одинъ изъ обыкновенно ничтожныхъ примѣровъ схоластической логики, когда, обвиняя Ивана въ грѣховности, мы отказываемся отъ естественной дороги указанія частнаго грѣха, а хотимъ поразить его болѣе непреодолимымъ аргументомъ схоластики въ родѣ слѣдующаго Всѣ люди грѣшники, Иванъ человѣкъ; слѣд Иванъ грѣшникъ. «Если я» — говоритъ Броунъ — «дѣйствительно придаю какой нибудь смыслъ моей верхней посылкѣ, то долженъ вполнѣ и въ туже минуту почувствовать, что Иванъ грѣшникъ, – совершенно также какъ и прошедши, по требованію техники, меньшею посылкою и заключеніемъ».—Великое заблужденіе схоластической теоріи Броунъ видитъ въ извращеніи естественнаго отношенія общихъ и частныхъ положеній. «Не вслѣдствіе нашего предварительнаго согласія на аксіому: *цѣлое больше своей части*, мы увѣрены», говоритъ Броунъ, «что извѣстное частное цѣлое больше своей части; напротивъ, мы чувствуемъ эту истину въ каждомъ частномъ случаѣ, по собственной ея наглядной (intuitive) очевидности; и аксіома выражаетъ кратко только наши различныя чувства этого рода, не давая къ нимъ никакого повода. Дитя, у котораго взяли половину пирожнаго, которое видѣло это, и однакожъ не думаетъ, чтобъ у него оставалось меньше прежняго, можетъ оказаться самымъ упорнымъ отрицателемъ общаго предложенія какимъ мы попытались бы убѣдить его, что у него пирожнаго меньше чѣмъ прежде,—именно, что цѣлое больше части и, слѣдова-

тельно, часть меньше цѣлаго». «Общая аксіома, во всякомъ случаѣ, позже частныхъ чувствъ, которыхъ она простое выраженіе, или по крайней мѣрѣ,—безъ которыхъ какъ предшествующихъ нашей словесной постановкѣ аксіомы, и самая аксіома никогда не составляла бы части системы нашихъ знаній Поэтому, силлогизмъ. который идетъ отъ аксіомы къ доказательству частнаго, совершенно извращаетъ порядокъ умствованія, и начинаетъ заключеніемъ, чтобы показать какъ можно прійти къ этому заключенію». *)

Если всѣ эти замѣчанія Броуна разсматривать какъ возраженіе противъ схоластической методы въ наукѣ, то истина ихъ очевидна. Но они далеко не достаточны чтобы убѣдить насъ, что, по этому самому, всѣ аристотелевскія правила силлогизаціи не стоятъ изученія и даже могутъ повредить вѣрному методическому образованію; убѣдительность ихъ въ этомъ отношеніи стоитъ далеко ниже замѣчаній о томъ же предметѣ Д. Стюарта, который, при всемъ томъ, высказалъ только одно сомнѣніе въ педагогической пользѣ аристотелевой логики.—Истина подобныхъ мнѣній оправдалась бы только тогда, если бъ успѣли доказать, что логическимъ пріемомъ, на которомъ останавливались схоластики, мы не пользуемся никогда въ мышленіи индуктивномъ. Но доказывать это былъ бы напрасный трудъ. Индуктивный выводъ, т. е. изъ частнаго,—и въ жизни, и въ наукѣ, весьма обыкновенно и совершенно непринужденно, принимаетъ наружность силлогизма; и это не только не вредитъ, но и служитъ благодѣтельнымъ естественнымъ пособіемъ нашему умство-

*) Brown. Philosoph. of. the Hum. Mind. Lectur. XLIX.

ванію. Таковы всѣ случаи, когда мы заключаемъ отъ общаго къ частному будущему; какъ напр·

Благородный человѣкъ внушаетъ къ себѣ сочувствіе.
N N. человѣкъ благородный,
Слѣд. онъ долженъ внушить къ себѣ сочувствіе.

Если этотъ ходъ мыслей обставить ихъ естественными предыдущими и послѣдующими, которыя опускаются въ этомъ сжатомъ выраженіи то легко замѣтить, что онъ вовсе не непривыченъ намъ. Схоластики никогда не употребляли такихъ примѣровъ, ихъ Иванъ, Петръ и т. д., въ дѣйствительности, не были частнымъ лицомъ, а употреблялись какъ математическіе x или y, соотвѣтствуя вполнѣ выраженіямъ Иванъ или Петръ или кто бы то ни было,—словомъ, всякій человѣкъ,—чѣмъ и выказывается во всей наготѣ тожество верхней посылки и заключенія. Но этого нѣтъ въ приведенномъ примѣрѣ, дѣло идетъ здѣсь о будущемъ, вѣроятность котораго мы предусматриваемъ, но которое отнюдь, по нашему убѣжденію, не заключается въ верхней посылкѣ. Это, очевидно, выводъ, и именно, выводъ будущаго случая изъ предварительной опытности представленной общимъ итогомъ въ верхней посылкѣ. Выводъ, слѣд. индуктивный; иначе сказать,—заключеніе къ одному случаю отъ извѣстныхъ многихъ случаевъ; но форма его, по свойству языка, силлогистическая,—съ общею посылкою во главѣ. Каково бы ни было достоинство этихъ верхнихъ посылокъ, или общихъ положеній, въ отношеніи къ силѣ доказательности вывода,—но если мы пользуемся ими, то конечно будемъ дѣлать это лучше, ознакомившись съ правилами ихъ употребленія, т. е. искуствомъ силлогистики. Прибавимъ, что примѣры силлогизмовъ, въ родѣ только что

приведеннаго заставили нѣкоторыхъ англійскихъ ученыхъ усомниться въ безусловномъ господствѣ вывода путемъ индукціи, и возвратить нѣкоторую долю самостоятельности силлогизму: но эта временная иллюзія скоро была разоблачена послѣдователями Бэкона; и честь разъясненія этихъ двухъ обстоятельствъ, т. е. полезнаго педагогическаго значенія силлогизма, и его индуктивной природы въ случаяхъ дѣйствительнаго, а не мнимаго вывода относительно вещей,—принадлежитъ всего больше Джону Стюарту Миллю, «Логика» котораго, кромѣ высокихъ самобытныхъ достоинствъ, представила въ цѣльномъ свѣтѣ всѣ результаты критики силлогизма и его отношеній къ индукціи, пріобрѣтенные со временъ Бэкона. Д. С. Милль совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Рида, Д. Стюарта, Броуна и другихъ,—что силлогизмъ, разсматриваемый самъ по себѣ какъ аргументъ, есть неизбѣжно petitio principii. Когда мы представляемъ силлогизмъ такого рода

Всѣ люди смертны,
Сократъ человѣкъ,
Слѣд. Сократъ смертенъ,—

то не подлежитъ никакому спору, говоритъ Милль, «что сужденіе: *Сократъ смертенъ*, уже предполагается въ болѣе общемъ предложеніи *всѣ люди смертны*,—что мы не можемъ быть убѣждены въ смертности всѣхъ людей, пока не увѣрены въ смертности всѣхъ частныхъ людей,—что если остается сомнѣніе точно ли Сократъ или другая какая особа смертны, то эта неизвѣстность простирается и на предложеніе: *всѣ люди смертны*;—что общее предложеніе не только не доказываетъ частнаго случая, но и не можетъ считаться безусловно вѣрнымъ,

пока какими нибудь доказательствами *aliunde* не будетъ устранена всякая тѣнь сомнѣнія относительно каждаго заключающагося въ немъ случая;—и что же тогда останется доказывать силлогизму?—кратко, что силлогизмъ какъ заключеніе отъ общаго къ частному, не доказываетъ ровно ничего, потому что изъ общаго предложенія нельзя вывесть никакихъ другихъ предложеній кромѣ тѣхъ, какія общее предложеніе уже предполагаетъ извѣстными.» Но соглашаясь съ этимъ «неопровержимо вѣрнымъ» взглядомъ на силлогизмъ какъ аргументъ, Д. С. Милль принимаетъ въ уваженіе и ту сторону этого вопроса на которую мы указали выше. Ежедневный опытъ, говоритъ онъ, не показываетъ ли однакожъ, «что мы можемъ посредствомъ общаго умствованія пріобрѣтать истины до тѣхъ поръ не предчувствованныя, факты какіе прямымъ образомъ не наблюдаются и не могутъ быть наблюдаемы? Мы думаемъ, что герцогъ Веллингтонъ смертенъ, и знаемъ это не изъ прямого наблюденія, потому что онъ не умиралъ. Но если такъ, то на вопросъ почему мы это знаемъ, мы вѣроятно отвѣтили бы,—потому что всѣ люди смертны. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ познанію (до сихъ поръ) недоступной наблюденію истины путемъ заключенія которое представляется въ слѣдующемъ силлогизмѣ:

Всѣ люди смертны;
Герцогъ Веллингтонъ человѣкъ;
Слѣд. Герцогъ Веллингтонъ смертенъ.»

Такого рода заключеніями добывается большая часть нашихъ познаній, и обстоятельство это стоитъ повидимому въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ указаніемъ вѣчнаго petitio principii въ силлогизмѣ какъ аргументѣ. Про-

тиворѣчіе это однакожъ изчезаетъ, если ближе всмотримся въ природу силлогизмовъ послѣдняго рода «Сужденіе,» продолжаетъ Д. С. Милль, «что герцогъ Веллингтонъ смертенъ, есть конечно выводъ и, какъ выводъ, изъ чего нибудь получается; но получается ли онъ, въ дѣйствительности, изъ сужденія *всѣ люди смертны?* Я отвѣчаю. нѣтъ!» Въ доказательство этого, Д С. Милль даетъ превосходный и вполнѣ обстоятельный анализъ бо́льшихъ посылокъ или общихъ предложеній, примыкающій къ показаннымъ выше анализамъ Локка и Броуна. Все затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что приверженцы силлогизма не умѣли различить въ нашихъ умствованіяхъ двухъ, весьма различныхъ обстоятельствъ: — простой справки съ указаніями нашего полномочія или правъ на выводъ, которую мы наводимъ обращаясь къ нашей памяти или общимъ предложеніямъ;—и самаго этого полномочія или правъ, иначе доказательствъ правильности вывода, которыя весьма часто ускользаютъ изъ нашей памяти, оставляя своимъ намѣстникомъ только эти общія предложенія, и которыя предшествуютъ послѣднимъ какъ ихъ производители или факторы. Приведенное умозаключеніе о герцогѣ Веллингтонѣ есть выводъ основанный на простой справкѣ съ нашими правами на выводъ, какія указываются общимъ предложеніемъ· *всѣ люди смертны.* Но самаго полномочія, самыхъ правъ, самаго доказательства безошибочности этого вывода—мы не находимъ въ этомъ умозаключеніи.—Легко замѣтить, что такою постановкою дѣла, и этого рода умозаключенія сводятся опять къ условію высказанному Бэкономъ,—что правильность силлогизма зависитъ прежде всего отъ обстоятельствъ ему предшествующихъ.—Мы высказали основ-

ную мысль Д. С. Милля, разрѣшающую возникшее недоумѣніе, она развивается въ слѣдующихъ подробностяхъ.

Всѣ общія истины или предложенія суть только аггрегаты истинъ частныхъ, полученныхъ изъ частныхъ случаевъ, и должны разрѣшаться на эти частныя истины.

Но эти частныя истины не суть простой сводъ какихъ нибудь безсвязныхъ наблюденій, а сутъ рядъ однообразныхъ выводовъ изъ частныхъ случаевъ,—рядъ обобщеній, выразившихся, по свойству языка, въ одномъ широкомъ обобщеніи,—общемъ предложеніи, играющемъ роль верхней посылки въ силлогизмѣ.

Въ этихъ-то выводахъ, въ этихъ обобщеніяхъ, въ этихъ частныхъ истинахъ и частныхъ случаяхъ изъ которыхъ онѣ извлекаются, и лежитъ все наше полномочіе на дальнѣйшіе выводы; въ нихъ только можетъ содержаться и доказательство того, что герцогъ Веллингтонъ смертенъ. Вбрасывая въ наше умствованіе общее сужденіе, мы не прибавляемъ къ этому доказательству ни одной іоты.

Поэтому, въ дѣйствительности, мы заключаемъ всегда только отъ частнаго къ частному,—пользуемся ли мы общими предложеніями или нѣтъ. Въ случаяхъ надобности, мы прибѣгаемъ къ нимъ какъ справочной книгѣ пріобрѣтенныхъ полномочій на извѣстныя заключенія; но можемъ обходиться и безъ нихъ; и дѣйствительно обходимся, не только въ первое время нашего дѣтства, при отсутствіи органа общихъ предложеній,—языка, но и въ годы зрѣлаго возраста, когда «заключаемъ отъ себя къ другимъ и отъ одной личности къ другой, не трудясь сводить свои наблюденія въ общія предложенія», и въ другихъ случаяхъ

Мы не можемъ прослѣдить здѣсь всѣ превосходныя частности въ развитіи этихъ мыслей, и ограничимся однимъ общимъ выводомъ, къ которому онѣ привели Д. С. Милля. «Всѣ заключенія», говоритъ онъ въ концѣ этого анализа, «бываютъ отъ частнаго къ частному; общія сужденія суть простыя помѣты такихъ, уже сдѣланныхъ заключеній и краткая формула для увеличенія числа ихъ; общая посылка силлогизма есть именно такая формула, и заключеніе есть выводъ не *изъ* этой формулы, а *по* этой формулѣ потому что дѣйствительнымъ логическимъ предыдущимъ,—посылками бываютъ факты, изъ которыхъ общее сужденіе извлечено по наведенію; эти факты и частные случаи, ихъ доставившіе, могутъ быть забыты, но оглавленіе, справочный листъ остается; и это не значитъ, чтобъ онъ самъ описывалъ эти факты, онъ только указываетъ какъ различать тѣ случаи, въ которыхъ эти факты, когда сдѣлались извѣстны, были признаны ручательствомъ правильнаго вывода. По указаніямъ этого справочнаго листа мы дѣлаемъ заключенія, которыя во всѣхъ отношеніяхъ суть заключенія изъ забытыхъ фактовъ. Отсюда существенно важно, чтобы мы правильно читали нашъ справочный листъ, и правила силлогизма суть рядъ правилъ предосторожности, помогающихъ вѣрнѣе придерживаться его.» *)

Этимъ рѣшается и послѣдній вопросъ о силлогизмѣ,—вопросъ о педагогическомъ значеніи силлогистическаго искуства. Рѣшеніе это сводится къ слѣдующему руководительному началу правильной методы, принятому отъ Бэкона:

---

*) *John Stuart Mill*: System der deductiven und inductiven Logik. Uebertrg. von *J. Schiel* 2-te Auflage 1862. I. Th. p. 220—232.

Схоластическое мнѣніе, что силлогизмъ, совершенно независимо отъ фактовъ и наведеній, есть органъ науки,—органъ открытія новыхъ истинъ и аргументаціи,—опровергается критикою самаго силлогизма и анализомъ процесса нашихъ мыслей. Каково бы ни было достоинство наблюденій, опыта и индукціи, но очевидно, что только за индуктивною методою въ ея широкомъ смыслѣ остается не оспоренное право быть самостоятельнымъ органомъ науки.

Итакъ, вопросъ о научной методѣ приводитъ къ вопросу объ индукціи. Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: что можно сдѣлать, въ интересахъ человѣческаго знанія и науки, этою новою, столько времени презираемою методою,—этимъ «Novum Organum», какъ озаглавилъ Бэконъ свое классическое твореніе о ней, и какимъ образомъ?

Положительная сторона этого вопроса точно также предрѣшена Бэкономъ. Онъ показалъ не только преувеличенность схоластическихъ понятій о достоинствахъ силлогизма, но и то, что эти преувеличенныя понятія находили себѣ поддержку въ ничтожномъ понятіи схоластиковъ о средствахъ опыта и индукціи: Подъ индукціею схоластики разумѣли не выводъ какой нибудь истины изъ частныхъ случаевъ, основанный на особенныхъ логическихъ пріемахъ, составляющихъ доказательство его правильности, и вовсе неизвѣстныхъ схоластическому міру, а простое исчисленіе частныхъ сходныхъ замѣчаній, безъ всякаго дальнѣйшаго труда ихъ анализа,—постановки вопроса объ отношеніи ихъ элементовъ, и доказательства, что предусматриваемое нами отношеніе

дѣйствительно существуетъ. Бэконъ назвалъ схоластическое наведеніе inductio per enumerationem simplicem, и показалъ, что съ этимъ пріемомъ, дѣйствительно, не возможно разсчитывать на пріобрѣтеніе важныхъ научныхъ истинъ; это только первый шагъ къ дѣйствительному научному индуктивному выводу.—Въ чемъ же, опредѣленнѣе, состоитъ индуктивная метода какъ органъ открытія новыхъ истинъ и аргументаціи, и какъ далеко простирается ея компетентность?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ вся исторія индуктивной методы въ Англіи, съ Бэкона до Джона Стюарта Милля Но мы должны, теперь, по требованію нашей задачи, постепенно сойти съ этого общаго поля вопросовъ о методѣ, и ограничиться только одною стороною исторіи индукціи,—а именно, исторіею индуктивной методы въ области психологіи.

Обращая наше вниманіе въ указанномъ направленіи, мы должны еще разъ возвратиться къ Бэкону и отмѣтить важный шагъ исторіи наукъ о духѣ въ одномъ изъ произведеній его генія, важность котораго повидимому не всегда достаточно цѣнится, и которое, однакожъ, было первымъ осязательнымъ торжествомъ опроверженія силлогистической методы схоластиковъ, и признанія истинныхъ правъ индукціи. Мы разумѣемъ бэконову энциклопедію наукъ.

Было бы неумѣстно входить, при настоящемъ случаѣ, въ подробный разборъ или оцѣнку бэконовой энциклопедіи, и въ частности, основаній новой классификаціи человѣческихъ знаній. Недостатки этой классификаціи давно отмѣчены; но всѣ попытки корректуры привели

англійскихъ ученыхъ только къ одному убѣжденію, что вслѣдствіе текучей природы самаго дѣла, знанія наши трудно заковать, однажды навсегда, въ какія нибудь твердыя рамки, и гораздо легче указать чѣмъ исправить недостатки бэкоповой энциклопедіи. *) Насъ интересуетъ въ ней только одно обстоятельство, котораго дѣйствіе мы наблюдаемъ и донынѣ Извѣстно, что Бэконъ всѣ человѣческія знанія дѣлилъ на три вѣтви исторію, поэзію и философію; разумѣя подъ исторіею всѣ такъ-называемыя знанія описательныя, а подъ философіею знанія объясняющія причины или законы явленій,—куда отнесены философія природы, или вещества и философія человѣческаго духа.

Чтобы оцѣнить всю важность этой реформы энциклопедіи, надобно припомнить энциклопедію наукъ у схоластиковъ. Тамъ заправлялъ ею силлогизмъ, съ своими широкими, но ошибочными притязаніями, и въ результатѣ, энциклопедія науки или философіи была энциклопедіею теоретической и прикладной метафизики занимавшейся нефеноменальною сущностью вещей. Опровергнувъ силлогизмъ, Бэконъ долженъ былъ вычеркнуть эту высокопарную науку, и такимъ образомъ создать новую энциклопедію, которая была бы по силамъ уполномоченной имъ индуктивной методы. Вслѣдствіе этого, наука или философія обращена къ изученію законовъ доступныхъ наблюденію и опытамъ, и распалась естественно на двѣ великія части. индуктивную науку о природѣ и индуктивную науку о духѣ,—философію природы и философію духа.

*) См. напр., *D. Stewart*: Histoire abregée des sciences metaphysiques etc 1 Part Préface; trad. par Buchon. Oeuvres de D. S. Tom III. Bruxelles. 1829.

Такимъ образомъ, въ бэкоповой энциклопедіи, въ первый разъ, наглядно признано безусловное и исключительное господство индуктивной методы—столько же въ наукѣ о веществѣ, какъ и въ наукѣ о духѣ.

На основаніи единства методы, Локкъ нашелъ возможность возобновить терминъ *физики* въ его классическомъ смыслѣ, какъ терминъ науки о природѣ вообще или о веществѣ и духѣ,—и раздѣлилъ, поэтому, всѣ наши знанія, по примѣру древнихъ,—на физику, практику или философію нравственную, и семіотику или логику.

Адамъ Смитъ, подобно Локку, высказалъ свое полное сочувствіе къ дѣленію древнихъ «Древняя греческая философія», писалъ онъ, «раздѣлялась на три главныя части физику или философію природы, ифику или философію нравственную и логику.» «Это общее дѣленіе совершенно отвѣчаетъ природѣ вещей» Такъ какъ человѣческій духъ, — какова бы ни была его сущность,— составляетъ часть великой системы вселенной, и такъ какъ изъ этой части вытекаютъ самыя важныя послѣдствія, то всѣ указанія на ея природу, въ древнихъ греческихъ школахъ, составляли часть системы физики» *).

Кэмпбелль, рекомендуя подобную же классификацію, замѣчаетъ, что «духъ можетъ подходить подъ понятіе предмета природы точно также какъ и тѣло, потому что познаніе о немъ философы могутъ пріобрѣтать только тѣмъ же самымъ путемъ, т. е. наблюденія и опыта» **).

Д. Стюартъ, уступая терминъ физики наукѣ о веществѣ, усвоенный ей въ школѣ Ньютона, пользуется, во избѣжаніе возникающихъ изъ этого обстоятельства

*) Wealth of Nations. Vol. III. Book. V. Ch. 1

**) Philosophy of the Retorics. Book 1, Chap. I.

недоразумѣній, терминомъ *метафизики*, замѣчая опредѣленно, что «подъ метафизикою онъ разумѣетъ не схоластическую онтологію и пневматологію, а индуктивную философію духа» *) Примѣру его слѣдуютъ донынѣ весьма многіе англійскіе писатели, и это обстоятельство не нужно упускать изъ виду, при чтеніи англійскихъ сочиненій въ которыхъ встрѣчается этотъ терминъ.

Броунъ пользуется, также охотно какъ и многіе его предшественники, терминами *физика вещества* и *физика духа*, *физіологія вещества* и *физіологія духа*,—для выраженія тожества господствующей въ той и другой наукѣ индуктивной методы.

Джемсъ Милль назвалъ науку о духѣ «анализомъ человѣческаго духа»; другія называютъ это знаніе науками *нравственными*, *моральными*, *духовными*, чтобы отличить ихъ отъ науки о веществѣ или физики въ смыслѣ нютоновой школы.

Ясно, однакожъ, что со временъ Бэкона, послѣдствія критики схоластической теоріи силлогизма,—по требованію природы самаго дѣла,—признаны рѣшительными и неизбѣжными—столько же въ наукѣ о духѣ, какъ и въ наукѣ о веществѣ. Руководительное начало методы принятое отъ Бэкона, и представленное нами выше, должно быть, по этому, понимаемо такимъ образомъ

При безусловной несостоятельности силлогистической методы схоластиковъ, метода индуктивная, въ широкомъ смыслѣ восхожденія отъ частнаго къ общему остается единственнымъ самостоятельнымъ органомъ какъ науки о веществѣ, такъ и науки о духѣ.

---

*) Hist. abreg. Part. I Préface. p 35

ГЛАВА II.

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДЫ.

(Продолженіе)

Локкъ. Значеніе Локка для наукъ о духѣ. Компетентность науки—у Локка, Рида, Д. Стюарта, Броуна, Д. С. Милля, Бэна Руководительное начало методы «Рефлексія» Локка Второе начало методы Приложеніе его въ объясненіи нашихъ перцепцій. «Внушеніе»—у Беркли, Рида и Д. Стюарта

Настоящее положеніе науки представляетъ много неоцѣненныхъ выгодъ для правильной оцѣнки истиннаго достоинства многихъ историческихъ фактовъ — Бэконъ стоитъ безспорно во главѣ всего новаго направленія европейской науки; но мы сдѣлали бы большую историческую ошибку, если бы предположили, что причина этого лежитъ исключительно въ его геніальныхъ указаніяхъ на «новый органъ», обѣщающій научнымъ изслѣдованіямъ болѣе счастливыя послѣдствія. Нѣтъ ничего несправедливѣе и вреднѣе для успѣховъ исторической критики какъ преувеличивать значеніе простыхъ теоретическихъ указаній. Истинная сила ихъ обнаруживается только тогда, когда они изъ слова переходятъ въ дѣло,—счастливое, плодотворное дѣло;—когда становятся исполнив-

шимся предсказаніемъ и поражаютъ неизгладимыми впечатлѣніями, опредѣляющими направленіе усилій для цѣлыхъ поколѣній. И въ этомъ отношеніи замѣчено весьма вѣрно, что изгнаніе схоластической мечтательности изъ философіи природы зависѣло быть-можетъ еще больше отъ геніальныхъ открытій Ньютона, въ которыхъ могущество индуктивной методы выказалось съ блескомъ, положившимъ конецъ всякому вопросу о силахъ этого логическаго пріема,—чѣмъ отъ великолѣпныхъ произведеній Бэкона

Въ параллель съ дѣломъ Ньютона не рѣдко ставятъ безсмертное произведеніе Локка, «Опытъ о человѣческомъ умѣ», открывшій собою новую эру въ другой, параллельной вѣтви нашихъ знаній,—въ философіи человѣческаго духа. И такое сопоставленіе, въ отношеніи къ успѣхамъ новой методы, не представляетъ ничего принужденнаго. Дѣло шло о дѣйствительномъ водвореніи индуктивной методы въ работахъ послѣдующихъ поколѣній; и честь исполненія этой задачи, въ отношеніи къ наукѣ о духѣ, безспорно принадлежитъ Локку. Локкъ воплотилъ индуктивную методу въ существенныхъ руководительныхъ началахъ философіи духа, сдѣлавшихся точкою опоры для всѣхъ послѣдующихъ аналитиковъ духа, и зерномъ изъ котораго развилось все современное знаніе психологіи. Локкъ, замѣчаетъ спокойный и умный историкъ науки о духѣ, Блеки, «былъ аналитикомъ по самому складу своего духа; и онъ проникалъ въ каждое углубленіе и изгибъ нашего умственнаго устройства. Онъ подчинилъ его тому же процессу наблюденія, какому Ньютонъ міръ матеріальный. Нѣтъ ни одной книги о духѣ, ни на какомъ языкѣ, древнемъ или новомъ, въ которой было бы высказано столько здраваго смысла и столько

точнаго знанія духовныхъ явленій, какъ въ опытѣ о человѣческомъ умѣ» *)

Въ виду многихъ недоразумѣній относительно философіи Локка, господствующихъ внѣ его отечества, мы позволяемъ себѣ взять у того же историка другую замѣтку о Локкѣ, сэръ-Джемса Мэкинтоша. «Не многія книги», говоритъ послѣдній о сочиненіяхъ Локка, «способствовали столько къ исправленію предразсудковъ, къ искорененію окрѣпшихъ заблужденій, къ распространенію правильнаго образа мыслей, къ возбужденію безбоязненнаго духа изслѣдованія, и въ тоже время, къ удержанію его въ границахъ, предписываемыхъ природою человѣческому уму. Усовершенствованіе правильныхъ навыковъ мысли, для большей части знаній, есть предметъ столько же важный какъ и открытіе новыхъ истинъ,—хотя онъ не столько осязателенъ и, по самой природѣ, не такъ доступенъ оцѣнкѣ поверхностныхъ наблюдателей. Въ духовномъ и нравственномъ мірѣ, который едва ли допускаетъ что нибудь что можно было бы назвать открытіемъ, исправленіе умственныхъ навыковъ есть, вѣроятно, самая великая услуга какую только можно оказать наукѣ. Въ этомъ отношеніи, заслуга Локка не встрѣчаетъ соперничества; сочиненія его распространили въ образованномъ мірѣ любовь къ гражданской свободѣ, духъ терпимости и любви при религіозныхъ разногласіяхъ,—расположили избѣгать всего темнаго, мечтательнаго и гипотетическаго въ умозрѣніяхъ, сводить споры о словахъ къ ихъ истинному достоинству, оставлять проблемы недоступныя разрѣшенію, не довѣрять всему чего нельзя ясно

*) *R. Blakey*: Hist. of the Phil. of the Mind. Vol. II. p. 487.

выразить, обращать теорію въ простое толкованіе фактовъ и предпочитать занятія прямѣе способствующія человѣческому счастію. Если Бэконъ первый открылъ правила какими совершенствуется человѣческое знаніе, то Локкъ всѣхъ болѣе способствовалъ человѣчеству въ широкомъ наблюденіи ихъ. Онъ сдѣлалъ больше всѣхъ — хотя часто молчаливымъ и незамѣтнымъ дѣйствіемъ — къ уврачеванію болѣзней препятствовавшихъ дѣйствію этихъ правилъ, и положилъ начало тому широкому разливу здороваго и сильнаго ума, который есть, въ одно и тоже время, и величайшее изъ всѣхъ усовершенствованій, и орудіе для достиженія всякихъ будущихъ. Онъ оставилъ потомству назидательный примѣръ умѣреннаго реформатора, и столько же умѣренной, какъ и либеральной философіи, которая бережетъ чувство добра, и избѣгаетъ прямой вражды къ закоренѣлому, страшному предразсудку. Если Локкъ не сдѣлалъ никакихъ открытій, то и Сократъ тоже. Но тотъ и другой сдѣлали гораздо больше для усовершенствованія ума, и не меньше для успѣховъ знанія, чѣмъ виновники самыхъ блестящихъ открытій. Локкъ всегда будетъ считаться однимъ изъ блестящихъ украшеній англійскаго народа, и самое отдаленное потомство не перестанетъ обращаться къ нему съ словами поэта (Грэя.)

O decus Angliae certe, O lux altera gentis *).

Соотвѣтственно нашей цѣли, мы отмѣтимъ, въ этомъ мѣстѣ, только тѣ черты изъ философіи Локка, въ которыхъ однажды навсегда установились основные пріемы новой методы въ наукѣ о духѣ.

Изъ словъ сэръ-Джемса Мэкинтоша легко предуга-

*) Edinbur Review. 1821 p. 243.

дать, что философія Локка была собственно *критическая*. Но критицизмъ Локка нельзя уравнивать позднѣйшимъ критическимъ работамъ, напр. Беркли, Юма, Броуна. Локкъ создалъ критическое направленіе въ философіи духа, другіе слѣдовали путемъ имъ проложеннымъ, работали въ границахъ имъ очерченныхъ Это былъ безпримѣрный подвигъ въ исторіи наукъ, равнаго которому невозможно предвидѣть во всѣхъ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ ума въ кругу вопросовъ о духѣ Въ предисловіи къ «Опыту о человѣческомъ умѣ», Локкъ разсказываетъ обстоятельно что побудило его къ этому труду. Собиравшіеся въ его покояхъ друзья, разсуждая однажды о какомъ-то предметѣ, были печально поражены трудностями изслѣдованія, представлявшимися со всѣхъ сторонъ. «Когда мы промучились», говоритъ Локкъ, долгое время, не успѣвши разрѣшить затруднявшихъ насъ сомнѣній, мнѣ пришло на мысль, что мы не вѣрно взялись за дѣло, и что прежде чѣмъ пускаться въ такого рода разысканія, надобно изслѣдовать тѣ средства, съ какими мы могли бы успѣть въ нихъ, и посмотрѣть на какіе предметы силы нашего ума простираются и какіе отъ нихъ ускользаютъ. По предложеніи этого вопроса моимъ собесѣдникамъ, послѣдніе согласились съ моею мыслію, и мы порѣшили, что въ этомъ именно и долженъ состоять первый предметъ нашего изслѣдованія». По просьбѣ друзей, Локкъ принялъ на себя трудъ этого изслѣдованія, и результатомъ его работъ былъ знаменитый «Опытъ о человѣческомъ умѣ.»

Соотвѣтственно указанной мысли, Локкъ предпринялъ въ своемъ «Опытѣ» изслѣдовать *происхожденіе*, *достовѣрность* и *предѣлы* человѣческаго знанія, по слѣдующему плану.

«Во-первыхъ» говоритъ онъ, «я долженъ изслѣдовать происхожденіе идей, понятій, — или назовите ихъ какъ иначе,—которыя человѣкъ наблюдаетъ и сознаетъ присущими своему духу, — и тѣ пути, которыми умъ снабжается ими

«Я постараюсь, во-вторыхъ, показать, какое знаніе дается уму въ этихъ идеяхъ,—и достовѣрность, очевидность и границы его.

«Я долженъ, въ третьихъ, войти въ нѣкоторыя изслѣдованія о природѣ и основаніяхъ вѣры и мнѣнія, подъ чѣмъ я разумѣю согласіе какое мы даемъ на извѣстныя положенія какъ истинныя, не имѣя однакожъ достовѣрнаго знанія ихъ истинности, при этомъ будетъ случай изслѣдовать основанія и степени этого согласія».

Результатомъ этой философской критики нашихъ знаній было слѣдующее

Предѣлы человѣческаго знанія и науки суть недоступныя нашимъ познавательнымъ средствамъ сущности вещественныхъ и духовныхъ явленій, лежащія внѣ круга самыхъ явленій. Все что мы знаемъ о веществѣ и духѣ, относится только къ ихъ обнаруженіямъ въ познающемъ умѣ, но отнюдь не къ ихъ нефеноменальной сущности. Слѣдовательно, такъ-называемыя пневматологія и космологія схоластиковъ, какъ притязанія на познаніе нефеноменальной сущности духа и внѣшняго міра, суть науки невозможныя. Еще менѣе доступно человѣческимъ силамъ познаніе сущности верховнаго Виновника всего, къ Которому возвышается благоговѣйная вѣра. Власти умственнаго анализа подлежатъ одни духовныя и вещественныя явленія; духъ доступный наукѣ, и вещество доступное наукѣ, суть только двѣ различныя системы нашихъ состо-

яній, относимыя нами, поэтому, къ двумъ различнымъ существамъ (субстанціямъ).

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого результата, надобно имѣть въ виду, что Локкъ работалъ въ такое время, когда, съ одной стороны, схоластика, освобожденная Декартомъ отъ пустого совопросничества остановилась на объясненіи «субстанцій», ихъ существенныхъ «аттрибутовъ», и «модусовъ» послѣднихъ, съ другой стороны, система Гоббса волновала общественное мнѣніе въ Англіи реставраціею матеріализма и крайними политическими теоріями. Критика Локка пришла къ результату опровергающему оба эти направленія, какъ равно чуждыя стремленіямъ науки. Гоббсъ, на основаніи анализа нашихъ ощущеній, продолженнаго потомъ Локкомъ, пришелъ къ убѣжденію, что вещество, въ своей подлинной сущности, недоступно нашимъ умственнымъ средствамъ, что все наше знаніе о немъ ограничено нашими внутренними состояніями, которыя производятся неизвѣстными намъ внѣшними причинами, почему и называются внѣшними ощущеніями. — Къ тому же самому приходитъ и критика Локка.—Но Гоббсъ, отказываясь отъ знанія вещества въ его сущности независимой отъ нашихъ ощущеній, тѣмъ не менѣе настаивалъ, что эти ощущенія и всѣ другія духовныя событія входятъ въ кругъ однихъ и тѣхъ же, всюду господствующихъ вещественныхъ движеній. И въ этомъ критика Локка расходится кореннымъ образомъ съ логикою Гоббса, она дала убѣдиться, что то что̀ подлежитъ извѣстнымъ измѣненіямъ, при дѣйствіи внѣшнихъ или вещественныхъ причинъ,—иначе, субстанція нашего духа точно также недоступна нашему анализу, какъ и субстанція вещества, и что наука, имѣющая дѣло

съ одними явленіями духа, не можетъ быть компетентна въ рѣшеніи вопроса о его субстанціи. Но оставаясь въ кругу явленій, научный наблюдатель логически не можетъ смѣшивать двухъ столь различныхъ порядковъ какъ явленія вещественныя и явленія духовныя; а это дѣлаетъ необходимымъ раздѣленіе физики на два великіе отдѣла,—науку о веществѣ и науку о духѣ,—и самостоятельное изслѣдованіе оригинальныхъ законовъ духа и вещества.

Ученіе Локка о недоступности нашимъ умственнымъ средствамъ субстанціи духовныхъ и вещественныхъ явленій, и о полномочіи науки въ рѣшеніи однихъ вопросовъ о явленіяхъ, такъ общеизвѣстно и общепризнано за нимъ, что намъ нѣтъ нужды вдаваться въ какія нибудь цитаты, и интереснѣе прослѣдить, какъ оно было принято и поддерживалось лучшими писателями Англіи до нашихъ дней.

Ридъ, который такъ много трудился въ разъясненіи индуктивной методы въ приложеніи къ изслѣдованіямъ духа, многократно возвращался къ этому пункту философіи Локка, и твердо высказывалъ свое полное согласіе на это требованіе здравой методы. Онъ подвергалъ критикѣ схоластическія умозаключенія о субстанціи души, и нашелъ, что всѣ эти заключенія суть невинные «паралогизмы». Его критика возбудила недоумѣнія, подавшія знаменитому ученику его, Д. Стюарту поводъ къ слѣдующей замѣткѣ «Предполагаютъ», говоритъ онъ, «что Ридъ представилъ какую-то сомнительную гипотезу относительно мыслящаго и чувствующаго начала. Мнѣ почти достаточно было бы отвѣтить, что нападеніе направлено на тотъ именно пунктъ гдѣ его философія вполнѣ неуязвима. Характеръ особенно отличающій индуктивную науку о духѣ, есть тотъ что она налагаетъ обязанность воздер-

живаться отъ всякаго умозрѣнія относительно природы и существа души свое вниманіе она всецѣло сосредоточиваетъ на явленіяхъ, которыя даются свидѣтельствомъ внутренняго чувства, и на законахъ которымъ эти явленія подчинены Въ этомъ отношеніи, она отдѣляется, въ одно и тоже время, и отъ пневматологическихъ гипотезъ схоластики, и отъ теорій не менѣе химерическихъ столь жарко проповѣдуемыхъ метафизическою физіологіею нашего времени. Она отличается отъ старой школы, какъ изслѣдованіе механики о законахъ движенія тѣлъ, отличается отъ споровъ древнихъ софистовъ о существованіи и природѣ движенія; она отличается отъ секты новой, какъ открытія Ньютона законовъ тяготѣнія, отличаются отъ вопроса о невидимомъ эфирѣ котораго эти законы, какъ онъ предполагаетъ, могутъ быть послѣдствіемъ. Явленія, которыя намѣрена констатировать эта индуктивная метода, опираются на свою собственную очевидность; достовѣрность ихъ не зависитъ отъ указанныхъ гипотезъ, и осталась бы непоколебимою даже и тогда, когда бы истина той или другой вполнѣ установилась»).

Вслѣдствіе частнаго повода, Д. Стюартъ высказался въ этомъ мѣстѣ только объ одной сторонѣ вопроса. Но въ своихъ «Элементахъ философіи человѣческаго духа», онъ, по собственнымъ словамъ, «имѣлъ много случаевъ замѣчать, что такъ какъ наши понятія о веществѣ и духѣ чисто *относительны*, потому что мы знаемъ первое только по его чувственнымъ качествамъ, каковы протяженіе, фигура и плотность; другое же только по операціямъ каковы ощущеніе, мысль и воля,—то мы можемъ

*) *Cousin*: Philosophie Écossaise 1858. p. 304.

съ увѣренностію сказать, что вещество и духъ, *разсматриваемые какъ предметы нашего изученія*, существенно различны. Въ самомъ дѣлѣ, наука о веществѣ опирается, въ послѣднемъ анализѣ, на явленіяхъ поражающихъ наши внѣшнія чувства; а наука о духѣ на явленіяхъ свидѣтельствуемыхъ сознаніемъ. Поэтому, вмѣсто того чтобъ упрекать матеріализмъ въ ложности его заключеній, справедливѣе было бы сказать, что цѣль къ которой онъ стремится, не имѣетъ ничего философскаго. Только вслѣдствіе непониманія границъ и объема истинной науки, онъ ударился въ подобную систему, потому что затрудненія какія онъ берется разрѣшить, очевидно превосходятъ всѣ наши силы. Безспорно, что думать объяснить природу чувствующаго, мыслящаго и желающаго начала, сказавши что это субстанція вещественная или результатъ организаціи,—значитъ играть въ слова, забывая, что мы знаемъ о веществѣ и духѣ только по тѣмъ качествамъ въ какихъ они обнаруживаются, и что субстанція того и другого ускользаетъ отъ нашихъ усилій» *).

Т. Броунъ, въ концѣ своихъ изслѣдованій о научной методѣ, которыя во многихъ отношеніяхъ легли въ основаніе всей индуктивной логики, приходитъ къ слѣдующему выводу. Философія вещества и философія духа совершенно согласны въ томъ отношеніи, что «наше знаніе въ той и другой ограничено вещественными и духовными явленіями. Названіе матеріи мы даемъ неизвѣстной причинѣ различныхъ чувствъ, какихъ, по устройству нашей

*) *D. Stewart*: Essais philosophiques, trad. par Huret. Oeuvres de D. S. Tom II p. 6. Eléments de la philosophie de l'esprit, par Peisse. Vol. 1. p. 3.

природы, не можемъ не относить къ какой нибудь внѣшней вещи какъ ихъ причинѣ. Что такое она, независимо отъ нашего ощущенія, мы не знаемъ; но какъ подлежащее нашимъ ощущеніямъ, мы разсматриваемъ ее какъ нѣчто протяженное, и слѣдовательно дѣлимое, непроницаемое, подвижное (mobile), и эти качества, или какія нибудь другія которыя мы нашли бы нужнымъ включить, для выраженія частныхъ субстанцій различно дѣйствующихъ на наши чувства,—и составляютъ все наше опредѣленіе матеріи, такъ какъ въ дѣйствительности составляютъ и все наше знаніе о ней. Надѣяться узнать что такое она сама въ себѣ, безусловно независимо отъ нашего ощущенія,—было бы очевидною нелѣпостію, потому что во всѣхъ отношеніяхъ она доступна нашему знанію только посредствомъ ощущеній, т. е. чувствъ нашего духа, и эти простыя чувства духа должны зависѣть, въ концѣ, столько же отъ законовъ субстанціи производящей на него эти впечатлѣнія. Поэтому, какое бы знаніе мы ни пріобрѣли о ней, оно будетъ только относительное, и должно быть таково при всѣхъ обстоятельствахъ; если бы вмѣсто немногихъ внѣшнихъ чувствъ, которыя насъ связываютъ съ нею въ настоящее время, мы получили ихъ столько сколько быть-можетъ существуетъ качествъ матеріи, при настоящемъ положеніи для насъ неразличимыхъ, то и при такомъ, увеличенномъ числѣ внѣшнихъ чувствъ, мы узнали бы только гораздо большее число качествъ матеріи, а отнюдь не самую сущность матеріи, какъ она существуетъ безъ отношенія къ духу».

«Если наше знаніе о веществѣ относительно, то и наше знаніе о духѣ таково же. Мы знаемъ его какъ подлежащее чувствамъ уже существовавшимъ, а воспріим-

чивость его къ другимъ чувствамъ, какія не происходили, но при другихъ обстоятельствахъ могутъ происходить, мы знаемъ также мало какъ, предполагается, слѣпой знаетъ о цвѣтахъ, или какъ, при всѣхъ своихъ чувствахъ, мы знаемъ о тѣхъ качествахъ какія матерія могла бы намъ открыть, если бы наша организація была другая. Такимъ образомъ, о сущности духа мы не знаемъ ничего, безъ отношенія къ тѣмъ состояніямъ или чувствамъ какія составляютъ или составляли наше минутное сознаніе. Наше знаніе не безусловно, но относительно, хотя я долженъ признаться, что терминъ *относительно* употребляется здѣсь не въ обыкновенномъ смыслѣ, потому что въ настоящемъ случаѣ относительное (relative) и соотносительное (correlative) совершенно тоже самое». *)

Дж. С. Милль, изслѣдуя вопросъ о субстанціяхъ, приходитъ къ слѣдующему логическому выводу «Субстанціи», говоритъ онъ; «суть или тѣло или духъ. Не входя въ основанія метафизическихъ сомнѣній относительно существованія духа и вещества какъ предметныхъ реальностей, мы пришли къ заключенію, въ которомъ нынѣ согласны всѣ лучшіе мыслители,—что ощущенія, и порядокъ ихъ происхожденія, и составляютъ все что мы можемъ знать о веществѣ· и что между тѣмъ какъ субстанція *тѣло* есть неизвѣстная причина нашихъ ощущеній, субстанція *духъ* есть неизвѣстный воспріемникъ (рецпіентъ) ихъ».

Поэтому, классификація всѣхъ именуемыхъ вещей представляется имъ въ слѣдующемъ видѣ·

« 1. Чувства или состоянія сознанія

---

*) *Bronn.* Phil. of the Hum. Mind. 20—th ed. p. 53. 54. Lect IX.

« 2. Духъ, испытывающій эти чувства.

« 3 Тѣла или внѣшніе предметы которые возбуждаютъ эти чувства, вмѣстѣ съ способностію или свойствами возбуждать ихъ; эти послѣднія, говоритъ Милль, мы включаемъ болѣе для согласія съ обыкновеннымъ взглядомъ, и потому что существованіе ихъ, въ обыкновенномъ словоупотребленіи (отъ котораго отступать не хорошо), считается общепризнаннымъ,—нежели потому чтобы признаніе этой способности или этихъ свойствъ предписывалось здравою философіею.

« 4 Послѣдовательности (преемства) и сосуществованія, сходства и несходства чувствъ или состояній сознанія. Эти отношенія, хотя бы считались состоящими и между другими вещами, въ дѣйствительности состоятъ только между состояніями сознанія, которыя этими вещами, если онѣ тѣло, возбуждаются, а если онѣ духъ, или возбуждаются или испытываются».)

Бэнъ, одинъ изъ самыхъ новѣйшихъ психологовъ Англіи, приступая къ опредѣленію духа, собственно съ точки зрѣнія науки,—говоритъ слѣдующее· «Духъ обыкновенно противополагается веществу или, правильнѣе, внѣшнему міру Эти двѣ противоположности опредѣляютъ другъ друга. Внѣшній, или предметный, міръ отличается свойствомъ, которое называется протяженіемъ и относится и къ сопротивляющемуся, веществу, и къ не сопротивляющемуся, или пустому, пространству. Внутренній, или подлежательный міръ есть нашъ опытъ всякой вещи непротяженной; это ни вещество ни пространство.

---

*) *J. S. Mille*: Syst der deduct. u. induct Logik Uebertr. v. *Schiel*. I. Th. 6. 90, 91

Дерево, обладающее протяженіемъ, есть часть предметнаго міра; удовольствіе, желаніе, мысли суть факты міра подлежательнаго или духа». *)

Въ предыдущей главѣ былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: какъ далеко простираются средства индуктивной методы какъ органа науки? Теперь мы имѣемъ отвѣтъ, который сводится къ слѣдующему руководительному началу, принятому отъ Локка:

Метода индуктивная или аналитическая, по самой природѣ своей, не можетъ претендовать на познаніе нефеноменальной сущности—ни духа, ни вещества. Духъ и вещество, для нашего знанія и науки, суть два логически различныхъ порядка явленій, и ихъ законы.

Второй важный результатъ философской критики Локка,—который въ его «Опытѣ» служитъ къ разъясненію предыдущаго, и поставленъ нами позади только вслѣдствіе того, что имъ индуктивная метода направляется собственно въ наукѣ о духѣ, и потому что онъ долгое время не находилъ себѣ точнаго научнаго выраженія и подвергался различнымъ перетолкованіямъ,—состоитъ въ слѣдующемъ.

По общему выраженію предыдущаго результата, мы имѣемъ два порядка явленій или внутреннихъ состояній,—одинъ, изъ котораго мы дѣлаемъ міръ внѣшній, или сказуемыя внѣшней причины нашихъ внутреннихъ состояній называемыхъ внѣшними ощущеніями,—и другой, изъ котораго мы дѣлаемъ свой собственный внутренній міръ, или

*) *A. Bain*: The Senses and the Intellect. 2—d. ed. 1864. Ch. 1, p. 1.

сказуемыя духа. Послѣдніи, теперь, своимъ существованіемъ обязаны вообще не внѣшнимъ причинамъ, не впечатлѣніямъ на духъ отъ предметовъ ему стороннихъ или вещества, а его собственной внутренней энергіи, его самостоятельнымъ внутреннимъ операціямъ, его самобытнымъ внутреннимъ законамъ, но, въ своемъ историческомъ происхожденіи, они всецѣло обусловлены состояніями перваго порядка, изъ которыхъ мы дѣлаемъ сказуемыя вещества. Такимъ образомъ, каждое понятіе, каждое желаніе, каждое страстное волненіе, которыя мы относимъ къ духу какъ его сказуемыя,—въ своемъ возникновеніи, прямо или косвенно, условливаются предшествующими имъ состояніями, причина которыхъ лежитъ внѣ духа. На каждое состояніе возбужденное внѣшнимъ образомъ, духъ отзывается другими состояніями,—операціями самобытными, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, мы и дѣлаемъ его предикаты, и въ которыхъ всего болѣе отличаемъ его отъ внѣшняго или вещественнаго міра. Это—знаменитое ученіе Локка о *рефлексіи*.

Чтобы понять весь смыслъ этого ученія, слѣдуетъ опять припомнить нѣсколько историческихъ данныхъ. Въ облагороженной метафизикѣ Декарта и его школы, теорія схоластическихъ универсальныхъ началъ выразилась въ теоріи *врожденныхъ идей*, которую оспаривалъ соперникъ Декарта, Гассенди Извѣстно, что критика Локка относилась именно къ этимъ двумъ антагонистамъ. Декартъ полагалъ, что въ душѣ человѣка, раньше самыхъ первыхъ духовныхъ состояній по поводу внѣшнихъ возбужденій, уже лежитъ нѣкоторый запасъ понятій и убѣжденій, которыя ожидаютъ только удобной минуты, чтобы вступить въ предназначенную имъ, руководитель-

ную роль въ духовной жизни человѣка. Поэтому, вниманіе психологовъ его школы обращалось, какъ и въ былыя времена схоластики, именно въ эту темную область метафизическаго бытія нашего духа, и ободряло ихъ, путемъ умозаключенія разгадать и количество и качество этого врожденнаго запаса. Ученіе Декарта объ этихъ врожденныхъ идеяхъ, сначала возбудило негодованіе въ католическомъ духовенствѣ,—какъ нововведеніе сомнительнаго достоинства; но когда въ этой теоріи почувствовалось только устойчивое выраженіе тѣхъ же «универсальныхъ началъ», то наоборотъ, всякое возраженіе противъ ней считалось покушеніемъ на вѣру и религію. И въ этомъ именно положеніи оказался Гассенди. За свои возраженія противъ «врожденныхъ идей», онъ былъ заподозрѣнъ въ матеріализмѣ, хотя по чистотѣ вѣры и нравственныхъ убѣжденій стоялъ отнюдь не ниже Декарта. Гассенди доказывалъ, что нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ гипотезѣ врожденныхъ идей, и что все содержаніе нашего знанія удобно объясняется изъ однихъ чувственныхъ состояній или внѣшнихъ ощущеній. «Deinde», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Декарту, «omnis nostra notitia videtur planè ducere originem à sensibus, et quamvis tu neges quidquid est in intellectu praeesse debet in sensu, videtur id est nihilominùs verum, cum nisi sola incursione κατὰ περιπτωσιν ut loquuntur fiat; perficiatur tamen analogiâ, compositione, divisione, ampliatione, aestimatione aliisque similibus modis, quos commemorare nihil est necesse». *) Критика Локка привела

*) *D. Stewart:* Hist. abreg , trad par Buchon. Part. II, p. 41.

къ результату отличному и отъ теоріи Гассенди, и отъ теоріи Декарта Въ противоположность ученію Гассенди, Локкъ показалъ, что существуетъ огромный классъ идей которыя не даются внѣшними чувствами («à sensibus») Но эти идеи или духовныя состоянія, не получаемыя путемъ внѣшнихъ ощущеній, не суть какая нибудь готовая и прирожденная собственность духа,—какъ думалъ Декартъ,—а имѣютъ каждое свою исторію, начало своего существованія, подлежащее опытному, индуктивному изслѣдованію; и въ исторической судьбѣ каждаго высшаго проявленія духа, должна быть отыскана минута, когда его существованіе было отзывомъ на предшествующія ему состоянія чувственныя.—Это совершенно измѣнило все направленіе психологическихъ работъ, вниманіе психолога перестало направляться въ метафизическую область какого-то предсуществованія идей и убѣжденій за предѣлами дѣйствительной исторіи духа, — а обратилось къ слабѣйшимъ, дѣтскимъ начаткамъ духовной жизни, изъ которыхъ постепенно и непрерывно и возрастаетъ все богатство духовнаго существованія, съ этимъ вмѣстѣ, индуктивной методѣ открылся тотъ необозримо-широкій просторъ анализа и изъясненія, которымъ, съ теченіемъ времени, такъ счастливо воспользовались изслѣдователи духа

Этотъ результатъ локковой критики подвергался, какъ мы замѣтили, столькимъ недоразумѣніямъ и лжетолкованіямъ, что мы считаемъ нужнымъ обратиться, прежде всего, къ подлиннымъ словамъ самого Локка

Изслѣдуя источники изъ которыхъ проистекаютъ наши идеи, Локкъ нашелъ таковыхъ два *ощущеніе* (sensation) и *рефлексію* (reflection). Относительно пер-

ваго, онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ «наши внѣшнія чувства (senses), обращаясь съ частными чувственными (sensible) предметами, вводятъ въ духъ частныя раздѣльныя перцепціи вещей, — соотвѣтственно различнымъ путямъ какими предметы на нихъ дѣйствуютъ, такъ мы приходимъ къ идеямъ жолтаго, бѣлаго, теплаго, холоднаго, мягкаго, твердаго, горькаго, сладкаго и всѣхъ другихъ такъ-называемыхъ чувственныхъ качествъ. Этотъ великій источникъ большей части нашихъ идей, зависящій всецѣло отъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и посредствомъ нихъ доступный уму, — я называю *ощущеніемъ*». — [1]) Второй источникъ нашего знанія описывается такимъ образомъ. «*Другой источникъ*, отвѣдываніе котораго снабжаетъ умъ идеями, есть наблюденіе надъ операціями нашего собственнаго духа, которыя производятся имъ надъ идеями уже добытыми;—каковыя операціи, когда душа *останавливается* (*reflect on*) на нихъ и разсматриваетъ ихъ,—и снабжаетъ умъ другимъ порядкомъ идей, какихъ отъ вещей внѣшнихъ получить не возможно. Таковы, именно, *перцепція*, *мышленіе*, *сомнѣніе*, *вѣра*, *умствованіе*, *знаніе*, *желаніе*, и всѣ различныя дѣйствія нашего собственнаго духа; сознавая и наблюдая ихъ въ себѣ, мы получаемъ отъ нихъ въ свои умы идеи столь же раздѣльныя, какъ и отъ тѣлъ, дѣйствующихъ на наши чувства. Этотъ источникъ идей каждый человѣкъ имѣетъ всецѣло въ самомъ себѣ, и хотя это не внѣшнее чувство (sense), — потому что не имѣетъ никакого дѣла съ внѣшними предметами,— однакожъ, весьма походитъ на него, и названіе *внутренняго*

[1]) Essay. Book II. Chap. I. § 3

чувства (internal sense) было бы ему не неприлично. Но такъ какъ первый источникъ я назвалъ ощущеніемъ, то этотъ называю *рефлексіею*; потому что получаемыя изъ него идеи даются только тогда, когда духъ останавливается на своихъ собственныхъ операціяхъ». Къ этому онъ прибавляетъ. «Кажется, умъ нашъ не имѣетъ ни малѣйшаго проблеска идей какихъ бы онъ не почерпнулъ въ томъ или другомъ изъ этихъ двухъ источниковъ *Внѣшніе предметы снабжаютъ умъ идеями чувственныхъ качествъ; а духъ снабжаетъ его идеями своихъ собственныхъ операцій*». *)

Для всякаго кто не предзанятъ споромъ Гассенди съ Декартомъ, и не вообразилъ, что въ этихъ крайнихъ теоріяхъ исчерпывается кругъ всѣхъ возможныхъ теорій объ источникахъ нашихъ знаній, — приведенныя мѣста слишкомъ рѣшительны, чтобы смѣшать теорію Локка съ теоріею Гассенди. Но очевидно, что точно также онъ далекъ и отъ Декарта, и его готоваго запаса врожденныхъ идей. «Если бы спросили», говоритъ онъ, «*когда человѣкъ впервые начинаетъ имѣть идеи*, то, я думаю, правильный отвѣтъ былъ бы:—когда онъ впервые имѣетъ какое нибудь *ощущеніе*. Я разумѣю, что идеи въ умѣ современны (coeval) *ощущенію*; т. е. какому нибудь впечатлѣнію или движенію въ извѣстной части тѣла производящему въ умѣ какую нибудь перцепцію. За этими-то впечатлѣніями на наши внѣшнія чувства, духъ

*) Essay. Book II. Chap I. §§ 4, 5. *Blakey:* Hist. of the Phil. of Mind, p 472. *D Stewart:* Hist abr. des scien. métaph. Part. II, p. 40—52. Oeuvres, tom IV. Послѣдній писатель способствовалъ всего болѣе къ обнаруженію лжетолкованій Локка внѣ Англіи; указанныя страницы заслуживаютъ всякаго вниманія

нашъ, кажется, *впервые* и употребляетъ самого себя для такихъ операцій какъ *перцепція*, *воспоминаніе*, *разсматриваніе*, *умствованіе* и проч.

«Съ теченіемъ времени, духъ приходитъ къ сосредоточенію на своихъ собственныхъ операціяхъ,—операціяхъ надъ идеями полученными при помощи ощущенія,—и при этомъ запасается новымъ порядкомъ идей, которыя я называю *идеями рефлексіи*. Впечатлѣнія на наши чувства отъ предметовъ сторонихъ духу, и собственныя его операціи, вытекающія изъ силъ внутреннихъ и ему самому свойственныхъ, (которыя, при его сосредоточеніи на нихъ становятся также предметами его созерцанія),—и суть, какъ я сказалъ, начало *всякаго нашего знанія*» *).

Итакъ, по ученію Локка, мы имѣемъ два совершенно различныхъ класса идей, которыя добываются изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ и которыми мы пользуемся въ описаніи двухъ совершенно различныхъ существованій, — духовнаго и вещественнаго. Гассенди принималъ источникомъ всѣхъ идей одни внѣшнія чувства· Локкъ—внѣшнія чувства и рефлексію; Декартъ утверждалъ присутствіе въ духѣ врожденныхъ идей, предшествующее всякому ощущенію. Локкъ учитъ, что всѣ идеи начинаютъ свое существованіе впервые послѣ ощущеній, или впечатлѣній внѣшнихъ предметовъ на наши чувства, и что идеи собственныхъ операцій духа возникаютъ гораздо позднѣе идей внѣшнихъ предметовъ, и въ силу рефлексіи духа на эти, собственныя операціи.

Одинъ пунктъ остается пока не яснымъ; это—самая *рефлексія* Локка. Что это такое?—Кузенъ, напр., урав-

*) Essay. Book II. Chap. I §§ 23, 24

нивалъ «рефлексію» Локка «сознанію» или «самосознанію» Рида, справедливо ли это? Вѣрно ли, что рефлексія Локка состоитъ только въ остановкѣ духа на своихъ собственныхъ операціяхъ; — что рефлексія есть только-актъ «самосознанія» духа, и что до начала этого акта, до начала сосредоточенія духа на собственныхъ операціяхъ, въ немъ не существуетъ ничего рефлексивнаго? — Совершенно нѣтъ. Духъ, по ученію Локка, получаетъ идеи своихъ собственныхъ операцій, точно, въ силу рефлексіи какъ остановки на этихъ операціяхъ, но эта остановка есть только поворотъ къ самимъ себѣ тѣхъ же духовныхъ операцій, которыя до того времени были обращены въ сторону внѣшнихъ предметовъ; потому что рефлексія, у Локка, не есть какая нибудь отдѣльная сила духа, а есть только сумма всѣхъ силъ, т. е. всѣхъ классовъ духовныхъ явленій, — за исключеніемъ ощущеній какъ «перцепцій пассивныхъ». И поразительное доказательство этому представлено Локкомъ въ «Аналитической таблицѣ рефлексіи», приложенной къ его «Опыту». Мы представляемъ ее въ оригиналѣ *).

---

*) Аналитическая таблица рефлексіи

Reflection.	1	Perception. .	First step to knowledge—Employed about Ideas—Distinguished from passive perceptions—Common to all animated creatures—Is of three kinds
	2	Retention .	1. Contemplation. 2 Memory. 3 Association
	3.	Discerning. .	1. Clear ideas. 2. Wit. 3. Judgement.
	4	Comparing. .	Ideas of relations. Imperfect in brutes.
	5	Compounding or Enlarging.	Ideas of numbers and simple modes.

Изъ этой таблицы легко замѣтить, что Локкъ былъ далекъ отъ того чтобы терминомъ рефлексіи обозначить только сосредоточеніе духа на своихъ собственныхъ операціяхъ, дающее ему идеи этихъ операцій. Напротивъ, все духовное существованіе распадается у него на двѣ половины,—ощущенія и рефлексію. Поэтому, и два порядка идей, получаемыхъ изъ этихъ двухъ, совершенно различныхъ отдѣловъ существованія, носятъ у него имя этихъ отдѣловъ;—идеи ощущенія, идеи рефлексіи. Духъ равно рефлексируетъ, и когда замѣчаетъ, вспоминаетъ, различаетъ и проч предметы внѣшніе, — и когда замѣчаетъ, сравниваетъ, припоминаетъ свои собственныя операціи. Но идеи собственныхъ операцій получаются исключительно въ послѣднемъ случаѣ; изъ области ощущенія, изъ содержанія чувственныхъ качествъ, къ нимъ не привходитъ ничего, — и вотъ почему имъ можетъ быть усвоено, и дѣйствительно усвоено Локкомъ, имя *идей рефлексіи*. Слѣд. сосредоточеніе духа на своихъ собственныхъ операціяхъ не имѣетъ у Локка никакого специфическаго названія, хотя онъ, повидимому, и склонялся назвать его «внутреннимъ чувствомъ»,—терминъ, вмѣстѣ съ равносильнымъ ему терминомъ «сознаніе» или «самосознаніе», весьма употребительный въ его школѣ. Предпочтеніе термина рефлексіи, и для этого особеннаго случая,—объясняется просто Если бы спросили: въ чемъ же состоитъ этотъ, повидимому, столь особенный случай

---

6. Abstraction .	Distinguishes men from brutes — Form general ideas, or principles from particulars—Genus and Species—Essences—Language.
7. Volition. . .	1 Power of acting 2. Powerof choosing».

Какія силы даютъ ему существованіе? Отвѣтъ былъ бы — перцепція, сравненіе, желаніе и проч.,—однимъ словомъ, все тѣже самыя силы какія работали и до этого случая. Остановка духа на своихъ собственныхъ операціяхъ есть только частный случай тѣхъ же самыхъ операцій, и удерживаетъ ихъ общее имя

Дѣйствительно важный вопросъ о рефлексіи Локка состоитъ не въ томъ, почему извѣстный порядокъ идей онъ назвалъ идеями рефлексіи, или почему для остановки духа на своихъ собственныхъ операціяхъ не назначилъ особеннаго имени, — а въ томъ. почему всѣ духовныя операціи, за исключеніемъ «пассивныхъ» перцепцій, Локкъ называетъ рефлексіею? Почему въ составъ рефлексіи входятъ не только всѣ такъ-называемыя познавательныя,— но и всѣ такъ-называемыя дѣятельныя, или практическія, силы или способности духа? Почему и перцепція есть рефлексія, и сравненіе есть рефлексія, и память или воспоминаніе, и желаніе и выборъ?. —Чтобы понять это лучше, слѣдуетъ замѣтить, прежде всего, какъ понимаетъ Локкъ такъ-называемыя силы или способности. Локкъ, какъ уже легко ожидать, говоритъ объ нихъ, только придерживаясь обыкновеннаго словоупотребленія, отъ котораго и не совѣтуетъ отступать *). Въ теоріи же своей, онъ не только игнорируетъ, но и положительно опровергаетъ существованіе силъ какъ особенныхъ агентовъ въ духѣ, и великую часть схоластическихъ заблужденій приписываетъ именно этой нескладной теоріи силъ какъ раздѣльныхъ духовныхъ агентовъ, которые, по его мнѣнію, были только прикрытіемъ пробѣла въ знаніи дѣйствительныхъ

*) Essay Book II, Chap. XXI, § 19.

событій. «То было заблужденіе», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего «Опыта»,—«когда способности описывались и представлялись какъ многочисленные отдѣльные агенты; потому что на вопросъ, что такое варитъ пищу въ нашемъ желудкѣ, былъ уже готовый и весьма удовлетворительный отвѣтъ: *пищеварительная способность* Что такое побуждаетъ что нибудь къ выходу изъ тѣла? *Способность экспульсіи*. Что такое движитъ? *Способность къ движенію*. Точно также и въ духѣ понимали способность интеллектуальную или умъ... Но *способность* (faculty), *возможность* (ability) и *сила* (power) суть различныя имена для одного и того же дѣла; тѣ обороты рѣчи, переложенные на болѣе понятныя слова, сводятся къ тому,—что пищевареніе совершается чѣмъ нибудь что можетъ варить пищу; движеніе чѣмъ нибудь что можетъ двигать; и пониманіе чѣмъ нибудь что можетъ понимать.»*) Способности суть свойства существъ, но сами не суть существа; принадлежатъ агенту, но сами не суть дѣйствующія лица. Выраженіе *способность* означаетъ возможность что нибудь дѣлать; и говорить такимъ образомъ, что воля свободна или несвободна, воля даетъ направленіе уму, умъ слушается или не слушается воли,—также нелѣпо какъ говорить, что способность къ пѣнью поетъ, способность къ танцу танцуетъ, или способность къ танцу дѣйствуетъ на способность пѣнья. *Способности* суть отношенія (relations), а не дѣятели.—Эти замѣчанія были сдѣланы Локкомъ по частному поводу, но взглядъ его выраженъ ясно: способности, возможности, силы, совершенно одно и тоже; это не какіе нибудь агенты, а про-

*) Essay, Book II, Chap. XXI, §§ 19, 16—18.

сто наблюдаемыя свойства различныхъ дѣйствительныхъ агентовъ, разнообразныя отношенія дѣйствительныхъ событій или дѣйствій, которыя мы можемъ приводить къ извѣстнымъ классамъ или родамъ, различая, такимъ образомъ, способности общія или основныя, и способности частныя или производныя. — Такимъ образомъ, глядя на таблицу локковой рефлексіи, мы должны выбросить всякую мысль о способностяхъ или силахъ какія стояли бы подлѣ духовныхъ дѣйствій, состояній, или событій, какъ скрытые агенты, вся дѣйствительность доступная знанію и наукѣ, ограничивается здѣсь единственно этими самыми дѣйствіями или состояніями или событіями. Одно состояніе духа смѣняется другимъ, одинъ видъ рефлексіи ведетъ за собою другой. Но всѣ рефлексивныя событія или состоянія вызываются, прямо или косвенно, предшествующими имъ ощущеніями,—подобно эху вызываемому звуками. Рефлексія есть отзвукъ или откликъ духа на внѣшнія ощущенія, — рядъ духовныхъ явленій прямо или косвенно вызванныхъ предметными впечатлѣніями. Вмѣстѣ съ этими впечатлѣніями, и по поводу этихъ впечатлѣній, и начинается впервые исторія самостоятельнаго духовнаго существованія: и въ эти-то минуты возникновенія различныхъ духовныхъ обнаруженій, со всѣми его поводами и результатами, и должна быть направлена сила научнаго изслѣдованія,—а не въ туманныя области предсуществующихъ силъ, и различнаго готоваго запаса идей и убѣжденій

Такимъ образомъ, второй результатъ философской критики Локка сводится къ слѣдующему руководительному правилу индуктивной методы въ наукѣ о духѣ:

Не выступая за предѣлы явленій, индуктивная

наука о духѣ должна объяснить всѣ духовныя явленія—изъ вліяній со стороны внѣшнихъ предметовъ, обнаруживающихся въ фактѣ внѣшнихъ ощущеній, и изъ оригинальныхъ операцій духа, вызываемыхъ внѣшними ощущеніями, или изъ рефлексіи.

Чтобы пояснить истинный смыслъ этого начала, и ту задачу какая предлагается имъ индуктивной наукѣ о духѣ,—остановимся на самомъ щекотливомъ, и подавшемъ столько поводовъ къ недоразумѣніямъ, пунктѣ,—именно, на отношеніи рефлексіи, или собственныхъ операцій духа, къ ощущеніямъ.

Ученые судившіе о философіи Локка больше по наслышкѣ, плохимъ комментаріямъ, или подъ вліяніемъ опасеній возбужденныхъ теоріями Гоббса и Гассенди,—не хотѣли, или не могли понять существенной разницы между теоріями названныхъ писателей и ученіемъ Локка, по вопросу о значеніи ощущеній. Они думали, что Локкъ отличается отъ Гоббса и Гассенди только меньшею искренностію и что указанное имъ начало стремится, въ существѣ къ той же цѣли,—свести всѣ духовныя явленія къ ощущеніямъ; и рѣчь объ оригинальныхъ операціяхъ и законахъ духа есть только маска, прикрывающая эту тайную цѣль,—или, по крайней мѣрѣ, совершенно не примирима съ духомъ всего ученія.—Всѣ эти недоразумѣнія давно разсѣены; и въ настоящее время мы можемъ отдать полную справедливость геніальной прозорливости «отца аналитической философіи духа», какъ называютъ Локка въ Англіи.

Пунктъ гдѣ рефлексія встрѣчается непосредственно съ ощущеніемъ, есть,—какъ это легко замѣтить и въ

приведенной таблицѣ рефлексіи,—*перцепція*; опредѣленнѣе,—отношеніе этой, рефлексивной, порцепціи къ перцепціямъ которыя Локкъ называетъ *страдательными* (passive), и которыя составляютъ существо ощущенія какъ состоянія возбуждаемаго отвнѣ, получаемаго, дарового. Если перцепція рефлексивная не получается вмѣстѣ съ пассивными, какъ слѣдствіе непосредственнаго возбужденія отвнѣ, а дается только собственною энергіею духа, по вызову этихъ пассивныхъ перцепцій или ощущеній то всякое дальнѣйшее сомнѣніе относительно самостоятельной природы рефлексіи исчезаетъ само собой, потому что рефлексивная перцепція занимаетъ у Локка, въ ряду другихъ видовъ рефлексіи, самое низшее мѣсто.

Соотвѣтственно общему началу локковой критики, вопросъ относительно этого частнаго пункта долженъ быть поставленъ такимъ образомъ: вещи которыя мы наблюдаемъ внѣшними чувствами, —напр видимъ, суть ли только даръ внѣшнихъ чувствъ, со всѣмъ своимъ содержаніемъ, напр. видимымъ,—или же суть—отчасти такой именно даръ (перцепція пассивная), и отчасти продуктъ собственныхъ операцій духа, такъ что мы наблюдаемъ, напр видимъ, и то что создали сами, по оригинальнымъ законамъ своего духа (перцепція рефлексивная)?

Вопросъ этотъ былъ рѣшительнымъ пунктомъ для разъясненія локкова начала, и сюда, какъ увидимъ, и были устремлены первые анализы его школы.

Локкъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ смыслѣ послѣднемъ. Вещи, наблюдаемыя внѣшними чувствами суть, на его взглядъ, продуктъ смѣшанной природы, и часть его отнюдь не дается внѣшними чувствами, а есть результатъ операцій самого духа, его сужденій, опытовъ,

навыковъ, вызываемыхъ первоначально перцепціями внѣшнихъ чувствъ. Вотъ что̀ читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ его «Опыта» «Другое замѣчаніе, которое умѣстно сдѣлать по вопросу о перцепціи,—состоитъ въ томъ, что идеи приходящія путемъ ощущенія, часто измѣняются сужденіями, которыя дѣлаютъ люди, сами того не замѣчая. Извѣстно, напр., что когда мы ставимъ передъ глазами круглое тѣло однообразнаго цвѣта, напр. зо̀лота, алебастра или чернаго янтаря, — то идея напечатлѣвающаяся въ насъ при видѣ этого шара, представляетъ плоскій кругъ съ различными оттѣнками, по различнымъ степенямъ свѣта поражающаго наше зрѣніе; но какъ скоро, вслѣдствіе практики, мы навыкли различать какого рода образы обыкновенно производятся въ насъ выпуклыми тѣлами и какія перемѣны бываютъ въ отраженіи свѣта по различію чувственной фигуры тѣлъ,—то мы на мѣсто того что представляется, тотчасъ ставимъ самую причину видимаго образа; и это въ силу сужденія, которое отъ повторенія обратилось въ навыкъ,—такъ что, прибавляя къ зрѣнію, сливаемое съ нимъ, сужденіе, мы создаемъ себѣ идею выпуклой фигуры и однообразнаго цвѣта, хотя въ полѣ зрѣнія намъ представляется только различной свѣтотѣни плоскость».... «Во многихъ случаяхъ, по привычкѣ полученной вслѣдствіе частыхъ опытовъ, это дѣлается такъ неизмѣнно и такъ быстро, что мы принимаемъ за перцепцію внѣшнихъ чувствъ что̀ на самомъ дѣлѣ только идея образованная сужденіемъ; — такъ что первая служитъ только къ возбужденію второй, и сама едва замѣчается» *) Локкъ представляетъ факты объ-

*) Essay. Book II, Chap. IX, §§ 8—10.

ясняющіе—и эту необыкновенную быстроту сліянія операціи духа съ состояніемъ возбуждаемымъ отвнѣ; и эту незамѣтность всего процесса, рождающую иллюзію исключительнаго господства однихъ внѣшнихъ возбужденій въ фактѣ нашихъ перцепцій.

Ясно, что Локкъ слишкомъ далекъ отъ того чтобы все содержаніе чувственныхъ наблюденій выводить изъ одного возбужденія внѣшнихъ чувствъ, многое привходитъ сюда изъ самостоятельныхъ операцій самого духа, — отзывается изнутри его самого, и сливаясь съ даннымъ отвнѣ, составляетъ, въ этомъ смѣшанномъ продуктѣ, элементъ перцепціи рефлексивной.

То самое къ чему Локкъ былъ приведенъ преимущественно путемъ критики, получено въ его школѣ путемъ экспериментаціи, какъ полнѣйшее оправданіе его предсказанія.

Беркли, въ своей «Теоріи зрѣнія», путемъ самыхъ искусныхъ экспериментовъ, доказалъ скудость господствовавшихъ до того времени, теорій оптики по вопросу о зрительномъ разстояніи,—и въ ощущеніяхъ зрѣнія открылъ элементы которые только вслѣдствіе опыта, почерпаемаго изъ другихъ внѣшнихъ чувствъ, становятся для насъ знаками разстоянія, или—говоря его словами—*внушаютъ* (suggere) нашему духу *разстояніе* предметовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, ихъ величину и положеніе. Беркли вывелъ изъ этого, что если бы слѣпорожденный открылъ зрѣніе, то, въ первое мгновеніе, однимъ зрѣніемъ онъ не могъ бы составить себѣ никакой идеи о разстояніяхъ; солнце и звѣзды, предметы самые отдаленные, какъ и самые близкіе, ему показались бы помѣщенными въ его глазѣ, или лучше, въ его духѣ *). И.

*) *Stewart:* Hist. abr. d. sc. metaph. etc. Par. II. Oevres, T. IV, p. 246.

докторъ Чизльденъ, своими наблюденіямя надъ слѣпорожденнымъ, которому онъ дѣлалъ глазную операцію,—вполнѣ подтвердилъ послѣдній выводъ Беркли. Открытіе Беркли которое теперь такъ общеизвѣстно, потому что вошло въ каждый курсъ оптики, было первою блестящею страницею въ исторіи индуктивной науки о духѣ· оно было выполнено по всѣмъ правиламъ бэконовой индукціи, и представило строгое научное оправданіе локковой теоріи перцепціи.

Открытіемъ Беркли полагался, такимъ образомъ, конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ относительно локковой рефлексіи, или второго руководительнаго начала изслѣдованія духа, полученнаго критикою; такъ, по крайней мѣрѣ, это было въ Англіи. Лучшіе писатели ея скоро согласились, что руководительное начало Локка, требующее объясненія каждаго духовнаго явленія изъ предшествующихъ фактовъ, и въ послѣднемъ анализѣ, изъ нашихъ ощущеній,—стремится только къ избѣжанію всякихъ предположеній, выходящихъ за границы духовныхъ явленій, которыя одни и доступны знанію и научному изслѣдованію;—что оригинальныя операціи духа, на которыя указываетъ критика Локка, сохраняютъ свою самобытную физіономію, не смотря на свою историческую зависимость отъ ощущеній, — и что ощущенія суть только простые случаи, при которыхъ возникаютъ, или впервые получаютъ существованіе, оригинальныя операціи самого духа. Случаи эти суть, конечно, conditio sine qua non; но роль ихъ ограничивается простымъ вызовомъ оригинальныхъ явленій духа; простымъ *внушеніемъ* (suggestion) ему какихъ нибудь понятій, мыслей, желаній, по его собственнымъ законамъ.

Такъ именно былъ поставленъ у Рида вопросъ объ

идеяхъ или понятіяхъ. По системѣ Рида, говоритъ Д. Стюартъ, «вопросъ о происхожденіи понятій сводится къ простому вопросу факта; дѣло идетъ только о томъ чтобъ узнать случаи, при которыхъ духъ нашъ начинаетъ формировать тѣ простыя понятія, на какія разрѣшаются наши мысли и какія слѣдуетъ разсматривать какъ начала или элементы человѣческаго знанія. Для большей части понятій, изслѣдованіе такого рода не представляетъ никакихъ трудностей. Никто напр. не затруднится сказать, при какихъ случаяхъ духъ начинаетъ пріобрѣтать понятія цвѣтовъ и звуковъ, потому что эти понятія существуютъ только для того кто имѣетъ извѣстныя частныя чувства, и никакимъ сочетаніемъ словъ нельзя передать ихъ тому кто лишенъ этихъ чувствъ. Исторія нашихъ понятій протяженія и фигуры, внушаемыхъ зрѣніемъ и осязаніемъ, не вполнѣ очевидна; поэтому, послужила поводомъ ко многимъ спорамъ. Происхожденіе этихъ и другихъ простыхъ понятій относящихся къ качествамъ вещества,—другими словами, указаніе случаевъ, въ которыхъ эти понятія внушаются намъ по законамъ нашей природы, и есть одинъ изъ главныхъ предметовъ, какіе Ридъ имѣлъ въ виду въ анализѣ внѣшнихъ чувствъ. Онъ тщательно избѣгалъ всякаго вида гипотезъ въ отношеніи къ неизъяснимымъ явленіямъ мысли и ощущенія и заботливо ограничивался точнымъ описаніемъ факта. Подобные вопросы можно бы предложить и о тѣхъ случаяхъ, при которыхъ мы образуемъ понятія *времени*, *движенія*, *числа*, *причины* и безчисленнаго множества другихъ предметовъ.... Такого рода изслѣдованія, имѣющія предметомъ происхожденіе нашихъ познаній, любопытны и полезны; сдѣланныя разсудительно, они могутъ повести къ извѣ-

стнымъ результатамъ. Они предназначены единственно для констатированія фактовъ, и хотя бы эти факты прикрывались и ускользали отъ наблюдателя поверхностнаго, они не скроются отъ того, кто изучаетъ ихъ съ терпѣливымъ вниманіемъ.

«Что же касается вопроса», продолжаетъ тотъ же писатель: «всѣ ли наши познанія происходятъ, въ послѣдней ступени, отъ ощущенія,—то я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что какое бы мнѣніе мы ни предпочли въ этомъ отношеніи, оно будетъ совсѣмъ не такъ важно, какъ это вообще думаютъ. Я достаточно показалъ, что нельзя смотрѣть на духъ какъ на магазинъ постепенно наполняемый матеріалами, доставляемыми отвнѣ и провозимыми каналомъ чувствъ,—или какъ на *tabula rasa*, на которой отпечатлѣваются копіи похожія на внѣшніе предметы. Такимъ образомъ, даже и тогда когда мы примемъ, что безъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, духъ необходимо оставался бы безъ всякаго познанія, — еще отнюдь не слѣдуетъ ничего что̀ бы хотя на іоту могло благопріятствовать матеріализму. Въ самомъ дѣлѣ, единственное слѣдствіе какое могли бы извлечь отсюда, есть то, что въ силу законовъ нашего умственнаго устройства, впечатлѣнія производимыя на чувства внѣшними предметами, и суть тѣ случаи въ какихъ духъ получаетъ перцепцію качествъ вещественнаго міра и всѣ видоизмѣненія мысли, къ какимъ онъ способенъ.

«Но даже и при этомъ, краткомъ замѣчаніи на предложенный вопросъ, достаточно видно, что ученіе относящее происхожденіе нашихъ познаній къ случаямъ подаваемымъ внѣшними чувствами, можно принять только съ большими ограниченіями. Всѣ согласны, что идеи, ко-

торыя Локкъ называетъ идеями рефлексіи, непосредственно намъ не внушаются ощущеніями въ собственномъ смыслѣ. Эти идеи рефлексіи суть идеи предметовъ познаваемыхъ чувствомъ внутреннимъ, или сознаніемъ того что происходитъ въ насъ самихъ. Такія идеи—говоримъ мы—прямымъ образомъ не внушаются ощущеніемъ возбуждаемымъ органами нашихъ чувственныхъ наблюденій; — въ чемъ и согласны всѣ занимающіеся этимъ предметомъ. Вслѣдствіе того, ученіе о которомъ мы говоримъ, сводится къ слѣдующему. первые случаи, въ которыхъ начинается упражненіе нашихъ различныхъ умственныхъ способностей, сообщаются впечатлѣніями производимыми на органы чувствъ; слѣдовательно, безъ этихъ впечатлѣній не возможно прійти къ наблюденію нашихъ собственныхъ способностей. Толкуемое такимъ образомъ, это ученіе можетъ получить видъ системы внушающей довѣріе; въ дѣйствительности, я убѣжденъ, что всѣ случаи въ какихъ образуются наши понятія, или прямо, или въ послѣднемъ анализѣ, даются намъ нашими внѣшними чувствами. Но, или я ошибаюсь, или не такъ понимаютъ это ученіе его защитники и его противники, — по крайней мѣрѣ очевидно, что объясняемое такимъ образомъ какъ сдѣлалъ я, ученіе это отнюдь не влечетъ за собою тѣхъ послѣдствій какія однихъ философовъ вызвали на опроверженіе, а другихъ на защиту его. *)

Къ этимъ указаніямъ на Беркли, Рида и Д. Стюарта, которые усвоили начало локковой критики въ чистомъ смыслѣ ея творца, остается прибавить, что это

*) *D. Stewart*: Hist. abr. d. sc. met. etc. Par. II. Oeuvres, Tom. IV. Nota *D*, p. 275

руководительное начало нашло свое твердое, раздѣльное и энергическое выраженіе впервые у Броуна, который сдѣлалъ новый, великій шагъ въ философской критикѣ, послужившій фундаментомъ всѣхъ спеціальныхъ пріемовъ индуктивной методы.

Пересматривая оба руководительныя начала индуктивной методы, данныя Локкомъ, легко прійти къ мысли, что послѣ опроверженія схоластической теоріи силлогизма падали сами собою и схоластическія претензіи на познаніе того что̀ не лежитъ въ предѣлахъ духовныхъ и вещественныхъ явленій:—будутъ ли это сущности вещей; или способности духа, какъ особенные агенты скрытые за явленіями; или универсальныя начала, существующія, какимъ бы то ни было образомъ, раньше самыхъ первыхъ обнаруженій духа; или врожденныя идеи,—что̀ составляетъ только одно изъ многихъ видоизмѣненій той же теоріи универсальныхъ началъ;—или что другое что̀ только претендуетъ, путемъ знанія и науки, выйти изъ очарованнаго круга простыхъ явленій. Единственная, мнимо-научная, опора всѣхъ подобныхъ ученій состояла въ мнимыхъ правахъ силлогизма; схоластическая теорія силлогизма оказалась несостоятельною, и прямымъ послѣдствіемъ было паденіе этихъ ученій. На что же, могутъ возразить, всѣ эти усилія Локка, за которыя ставятъ его такъ высоко?—Подобное умствованіе было бы великимъ самообольщеніемъ. Не говоря о томъ, что заслуга Локка не ограничивается одною постановкою этихъ руководительныхъ началъ; умалчивая даже о томъ, какое участіе принималъ Локкъ въ разъясненіи ложности схоластической теоріи силлогизма,—откуда же мы узнали

эту связь всѣхъ указанныхъ схоластическихъ ученій съ ихъ теоріею силлогизма? Откуда увидѣли мы, что эти ученія держались единственно на ихъ мнимомъ органѣ? Не черезъ силлогизмъ ли? Нѣтъ, конечно.—черезъ анализъ, черезъ употребленіе въ дѣло, остававшейся единственнымъ самостоятельнымъ органомъ науки, индуктивной методы, а этимъ анализомъ, этимъ приложеніемъ индуктивной методы къ оцѣнкѣ нашихъ познавательныхъ средствъ и правильнаго употребленія ихъ, — мы и обязаны именно Локку, его философской критикѣ, представленной въ «Опытѣ о человѣческомъ умѣ». — Какова бы ни была дальнѣйшая судьба индуктивной методы,—она предначертана Бэкономъ и Локкомъ; и слава ихъ будетъ возрастать съ успѣхами индуктивныхъ знаній.

ГЛАВА III

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДЫ.

(Продолженіе)

Ридъ и *Д. Стюартъ*. Антагонизмъ между физическими и нравственными науками. Наблюденіе и экспериментація въ философіи духа: «Элементы индуктивной философіи человѣческаго духа», Д. Стюарта; критика въ Edinbourg Rewiew; антикритика Д. Стюарта Руководительное начало методы

Въ исторіи наукъ о духѣ послѣ Локка, мы не можемъ пропустить одного обстоятельства, вызвавшаго строгую оцѣнку спеціальныхъ средствъ индуктивной методы въ этой области знаній. Это именно антагонизмъ между науками физическими и науками нравственными, перешедшій въ сферу заявленій литературныхъ. Подобный антагонизмъ примѣчается и въ древней Греціи; но тамъ онъ обнаруживался въ совершенно обратномъ видѣ. Тамъ науки нравственныя вызывали недовѣріе къ успѣхамъ и пользѣ физики; послѣ Бэкона и Ньютона, наоборотъ, представители физики стали смотрѣть скептически на успѣшность и пользу работы моралистовъ.

Откуда вышелъ подобный антагонизмъ? Что возбудило недовѣріе къ наукамъ о духѣ?—Дѣло это вовсе не покажется страннымъ, если обратимъ вниманіе на то об-

стоятельство, что спеціализація наукъ послѣ Бэкона отняла у физиковъ всякую возможность слѣдить за трудами моралистовъ, съ тѣмъ вниманіемъ какого эти труды дѣйствительно заслуживали; съ другой стороны, философія духа, не смотря на нѣкоторые счастливые успѣхи, долгое время не могла представить ничего кромѣ работъ чисто предварительныхъ,—изслѣдованій объ особенностяхъ индуктивной методы въ наукѣ о духѣ, и простыхъ наблюденій и описаній фактовъ представляемыхъ духовными явленіями, безъ всякихъ, твердо поставленныхъ, общихъ законовъ этихъ явленій. Всякій безпристрастный изслѣдователь могъ бы вывесть изъ этого только одно заключеніе, что науки о духѣ успѣваютъ сравнительно медленнѣе чѣмъ физика, или точнѣе, нѣкоторыя физическія науки. Но при другихъ расположеніяхъ, можно было пойти и дальше,—согласиться съ особенною трудностію моральныхъ изслѣдованій, и потомъ спросить преодолимы ли эти трудности для науки о духѣ? Можно ли надѣяться, что она пойдетъ дальше простыхъ описаній и наблюденій? Можно ли думать, что она усвоитъ себѣ тѣ экспериментальныя средства индуктивной методы, которыя составляютъ душу и отличіе индукціи Бэкона,—и съ этими средствами придетъ къ цѣли указанной индуктивнымъ знаніямъ и достаточно осуществленной науками физическими?

Въ руководящихъ началахъ Локка обозначены лишь точные предѣлы индуктивнаго изслѣдованія, и прямая задача его въ наукѣ о духѣ. Настоящій вопросъ оставленъ былъ Локкомъ въ томъ же положеніи, какое онъ имѣлъ у Бэкона. Послѣдній, въ объясненіи экспериментаціи обыкновенно пользовался примѣрами изъ области физики; и

это обстоятельство могло приводить къ мысли, что важнѣйшія выгоды индуктивнаго изслѣдованія остаются исключительно на сторонѣ наукъ физическихъ.

Вопросъ объ индуктивныхъ средствахъ философіи духа былъ поднятъ въ то время, когда съ литературою этой науки успѣли связать свои имена такіе ученые, изъ школы Локка, какъ Беркли, Юмъ, Гетчесонъ, Шевтсбери, Адамъ Смитъ, Гертли, Пристли, Кондильякъ, Ридъ, Д. Стюартъ. По стеченію обстоятельствъ которыя не трудно угадать, онъ былъ вызванъ впервые сочиненіемъ Д. Стюарта подъ названіемъ: «Элементы индуктивной философіи человѣческаго духа». Ридъ и ученикъ его Д. Стюартъ способствовали наиболѣе популярности индуктивной методы въ наукѣ о духѣ. Сила, простота и изящество стиля, — качества, со времени Локка, болѣе или менѣе общія всей англійской литературѣ и служившія показателемъ степени эманципаціи отъ схоластическихъ преданій,—эти качества отличали въ высокой степени литературныя манеры Рида, и еще болѣе Д. Стюарта, и ихъ сочувственное отношеніе къ индуктивной методѣ въ наукѣ о духѣ, ихъ горячія надежды на ея успѣшность не могли не распространяться въ массѣ читающей публики.

«Тотъ»—писалъ Ридъ—«кто первый открылъ, что холодъ превращаетъ воду въ ледъ, какъ теплота въ паръ,—слѣдовалъ тѣмъ же общимъ началамъ и той же методѣ, которыя привели и Нютона къ открытію законовъ тяготѣнія и свойствъ свѣта. Его пріемы въ философіи суть только простыя правила здраваго смысла,—тѣ правила которымъ благоразумные люди слѣдуютъ въ своемъ обыкновенномъ поведеніи. Всякій претендующій философствовать по другимъ правиламъ, о мірѣ ли вещественномъ,

или нравственномъ,—подвергается опасности заблудиться и не достигнуть предположенной цѣли.

«Догадки и теоріи суть произведенія человѣка, которыя мы всегда найдемъ весьма отличными отъ дѣлъ Божіихъ. Если хотимъ вполнѣ узнать послѣднія, надо наблюдать ихъ и подвергать анализу, не прибавляя ничего собственнаго къ результатамъ какіе даны наблюденіемъ Правильное истолкованіе природы, — вотъ православная (orthodoxe) философія; все что прибавимъ къ этому отъ себя, есть апокрифъ... Все извѣстное намъ о человѣческомъ тѣлѣ, есть слѣдствіе разсѣченій и наблюденій Этимъ же самымъ путемъ можемъ надѣяться достигнуть и познанія духа, его началъ, его способностей. Надобно такъ-сказать анатомировать, разсѣкать его, если хотимъ узнать его составъ и его устройство»).

Въ этомъ именно духѣ и предпринято было Д. Стюартомъ широкое начертаніе элементовъ духовнаго существованія въ упомянутомъ сочиненіи. Выше представили мы его собственную характеристику этого труда, въ которой раскрывалась руководительная мысль цѣлаго сочиненія,—невозможность выйти изъ круга явленій при данныхъ средствахъ человѣческаго знанія). «Слѣдуя такой идеи», говоритъ онъ, «я старался показать, что эта вѣтвь философіи должна остановиться на заключеніяхъ которымъ наблюденіе и опытъ даютъ непоколебимое основаніе. Такимъ образомъ въ своихъ изслѣдованіяхъ я поставилъ себѣ единственною задачею, — опредѣлить, прежде всего, всѣ законы нашей конституціи, — *по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, какіе могутъ* быть открыты наблюденіемъ фактовъ, сви-

*) *Cousin.* Philosophie Écossaise. 1857. p. 307.

**) См. стр 32.

дѣтельствуемыхъ сознаніемъ; потомъ, взявши эти законы за начала, объяснить путемъ вывода самыя сложныя явленія человѣческаго духа. Вотъ планъ какому я слѣдовалъ въ обработкѣ ассоціаціи идей, памяти, воображенія и другихъ умственныхъ способностей; я слѣдовалъ, сколько возможно, примѣру писателей которые съ такимъ блестящимъ успѣхомъ обработывали изученіе философіи природы» *).

Извѣстно, что сочиненіе Д. Стюарта получило въ Англіи особенную популярность и отнюдь не удивительно, что оно обратило на себя вниманіе и того класса ученыхъ, которые, послѣ Ньютона, мало интересовались изслѣдованіями этого рода. Отъ нихъ не ускользнула большая разница въ успѣхахъ физическихъ и нравственныхъ наукъ; и на трудъ Д. Стюарта появилось съ этой стороны нѣсколько критикъ, изъ которыхъ одна заставила его, наконецъ, отвѣтить Эта критика была помѣщена въ «Edinbourg Rewiew» (Tom. III p. 269 et seqq.); авторъ ея, заподозривая успѣшность изслѣдованій о духѣ, выразилъ довольно не двусмысленно свое сомнѣніе въ самой пользѣ ихъ

Дѣло о которомъ зашелъ споръ между Д. Стюартомъ и его критикомъ, принадлежитъ въ Англіи къ вопросамъ давно рѣшеннымъ; но во Франціи и Германіи оно только начато; и это заставляетъ насъ воспроизвесть указываемый споръ, по возможности, съ его оригинальною силою.

«Индуктивная философія» — писалъ критикъ– «идущая путемъ точнаго наблюденія фактовъ, можетъ относиться къ явленіямъ двухъ различныхъ классовъ. Пер-

*) *D. Stewart:* Essais philos. Oeuvres, Tom. II, p. 3.

вый классъ составляютъ явленія, которыя могутъ быть предметомъ личнаго опыта,—когда субстанціи находятся дѣйствительно въ распоряженіи наблюдателя, и онъ можетъ пользоваться своимъ сужденіемъ и трудомъ въ сочетаніи этихъ матеріаловъ, чтобы привести въ очевидность самыя сокровенныя ихъ свойства и отношенія. Второй состоитъ въ явленіяхъ, какія представляются въ субстанціяхъ расположенныхъ внѣ нашей сферы,—которыхъ порядка и преемства мы измѣнять не можемъ, и которыя позволяютъ только собирать и констатировать законы, какими они повидимому управляются Субстанціи послѣдняго рода суть предметъ не экспериментаціи, а простого наблюденія, и познанія какія можно пріобрѣтать внимательнымъ изслѣдованіемъ ихъ видоизмѣненій, не обладаютъ свойствомъ увеличивать нашу власть надъ ними, какою мы могли бы воспользоваться въ другихъ цѣляхъ. Тѣ великолѣпныя открытія, какія воздвигли такой обширный трофей пророческому генію Бэкона, сдѣланы по преимуществу въ первомъ изъ этихъ двухъ порядковъ, — *въ философіи чисто экспериментальной*. Астрономія Нютона не дѣлаетъ исключенія изъ этого общаго замѣчанія; потому что предшествующіе ученые овладѣли уже всѣмъ что можно было открыть, въ разсужденіи движенія небесныхъ тѣлъ, простымъ наблюденіемъ; и законъ тяготѣнія, приложенный имъ къ планетной системѣ, вычисленъ былъ сначала на основаніи опытовъ, которые были въ полномъ его распоряженіи.

«Трудно не согласиться съ тѣмъ, что Бэконъ обращалъ вниманіе своихъ послѣдователей исключительно на этотъ родъ опыта Основнымъ правиломъ его было: *знаю значитъ могу* И великая задача, какую онъ постоянно

старался разрѣшить, состояла въ томъ какимъ образомъ мы можемъ проникать въ природу извѣстной субстанціи или извѣстнаго свойства, настолько чтобы потомъ измѣнять ихъ по своимъ желаніямъ. Вотъ почему Novum organum содержитъ массу правилъ и примѣровъ относящихся къ искуству опытовъ. и главное преимущество. какого повидимому Бэконъ ожидалъ отъ успѣха изысканій, кажется, состоитъ въ расширеніи власти человѣка надъ вещественнымъ міромъ. Поэтому и предписанныя имъ правила у простого наблюдателя имѣютъ очень мало приложенія, если исключить общее внушеніе осторожности, и трудно видѣть какую награду онъ обѣщаетъ его трудамъ. Очевидно, что мы не можемъ извлечь никакой *прямой* пользы изъ самыхъ точныхъ наблюденій, какъ скоро они относятся къ явленіямъ недоступнымъ анализу, и пользою какая получится изъ нихъ позднѣе, мы будемъ обязаны не столько простому наблюдателю, сколько тѣмъ кто откроетъ ихъ приложеніе. Точно также, кажется, ясно, что и самое искуство наблюденія не можетъ ожидать большихъ успѣховъ. Бдительность и вниманіе—вотъ все что можно рекомендовать наблюдателю, и хотя методическое изложеніе весьма способно облегчать другимъ изученіе собранныхъ фактовъ, — не видно однакожъ, какимъ образомъ новая метода, употребляемая для описанія этихъ фактовъ, будетъ содѣйствовать и лучшему разумѣнію ихъ. Факты которыхъ мы не можемъ ни измѣнять, ни направлять по своему желанію, могутъ быть только предметомъ наблюденія, а наблюденіе ограничивается лишь простымъ указаніемъ того, что они существуютъ, и что преемство ихъ повидимому зависитъ отъ извѣстныхъ общихъ законовъ.

«Въ экспериментальной философіи въ собственномъ смыслѣ—могущество возрастаетъ съ знаніемъ; потому что послѣднее вытекаетъ изъ того, что мы произвольно располагаемъ матеріалами, какими можемъ распоряжаться всегда одинаково, но въ философіи наблюденія мы получаемъ одно удовлетвореніе своему любопытству. Далѣе, экспериментація открываетъ намъ довольно точнымъ образомъ причины производимыхъ нами явленій, какъ скоро мы разнообразимъ обстоятельства, отъ которыхъ они зависятъ, между тѣмъ какъ въ области простого наблюденія, въ указаніи причинъ мы почти всегда ограничены догадками, потому что не имѣемъ никакого средства отдѣлять предшествующихъ явленій, и только по аналогіи можемъ рѣшать, какому изъ нихъ должно приписать вытекающія слѣдствія».

Эти предварительныя разсужденія критикъ прилагаетъ къ наукѣ о духѣ слѣдующимъ образомъ: «Знаніе метафизики опирается на наблюденіе и отнюдь не на опыты; всѣ заключенія какія мы дѣлаемъ о духѣ, относятся къ наблюденію общему всѣмъ людямъ, а не къ какимъ нибудь частнымъ опытамъ которыхъ тайна извѣстна одному изобрѣтателю Итакъ вся философія сводится здѣсь рѣшительно къ простому наблюденію; и наибольшая часть установленныхъ Бэкономъ законовъ строгой экспериментаціи остается очевидно безъ приложенія. *И конечно въ метафизикѣ знаю не значитъ могу;* не мечтая производить, при помощи строгой экспериментаціи, новыхъ явленій для объясненія старыхъ, и самый трудолюбивый философъ долженъ удовольствоваться здѣсь простою помѣтою и сопоставленіемъ явленій въ которыхъ не можетъ дать отчета и которыхъ отношеній не въ состояніи измѣнить».

«Наши чувства, наши перцепціи и воспоминанія не опредѣляются спеціальною волею съ нашей стороны, и мы очевидно не имѣемъ никакого вліянія на механизмъ завѣдующій этими функціями. Правда, мы можемъ, болѣе или менѣе внимательно и точно, описывать и различать эти операціи духа, но мы никогда не будемъ въ состояніи сдѣлать изъ нихъ предметъ экспериментовъ и отыскать средства къ видоизмѣненію ихъ природы. Можно ли разложить перцепціи въ тягелъ,—ощущенія при помощи призмы; сумѣютъ ли произвести какое нибудь сочетаніе мыслей или страстныхъ волненій, какого природа не даровала человѣку? Нѣтъ метафизика, который бы надѣялся открыть посредствомъ анализа новую способность, или создать въ духѣ новое ощущеніе,—какъ открываетъ химикъ неизвѣстный до него металлъ или землю; никогда еще не думали чтобы можно было получить синтезомъ умственную организацію отличную отъ всякой другой».

«Изъ самой природы предмета вытекаетъ, что люди узнаютъ на практикѣ всѣ отправленія и качества духа, съ тѣми законами, какіе повидимому управляютъ ими. Каждый знаетъ въ совершенствѣ что значитъ замѣчать и чувствовать, вспоминать, воображать и вѣрить; и хотя не всѣ могутъ пользоваться этими терминами съ достаточною точностью, тѣмъ не менѣе нельзя предполагать, чтобы кто нибудь не зналъ что они выражаютъ. И тѣ законы мысли, тѣ связи умственныхъ операцій, которыя уже не такъ сходно выражаются въ рѣчи,—повидимому также извѣстны каждому; и мы замѣчаемъ, что они управляютъ дѣйствіями даже тѣхъ, кто никогда не думалъ высказывать ихъ въ отвлеченномъ предложеніи. Люди ко-

торымъ никогда не внушали, что память зависитъ отъ вниманія,—тѣмъ не менѣе сосредоточиваютъ всѣ усилія этой способности на предметахъ о которыхъ хотятъ сохранить воспоминаніе; и когда что нибудь забываютъ, признаются что не были достаточно внимательны. Конюхъ, никогда не слышавшій объ ассоціаціи идей,—при звукѣ трубы, отправляется кормить лошадь предназначенную въ походъ; и невѣжественный искусникъ дрессирующій слоновъ и собакъ, дѣйствуетъ въ силу того же, подмѣченнаго имъ начала».

Такова, въ существѣ, критика направленная противъ наукъ о духѣ, по поводу знаменитаго сочиненія Д Стюарта Въ литературѣ мы не встрѣчали нигдѣ болѣе мѣткаго и тонкаго возраженія противъ успѣшности и «прямой» пользы науки о духѣ; не то же ли возраженіе слышится кое-гдѣ и нынѣ, въ тѣхъ смутныхъ намекахъ и слабо сознанной неблагосклонности, — заявляемыхъ противъ нашей науки людьми въ другихъ отношеніяхъ безупречно образованными, — которыхъ эта критика является отчетливымъ выраженіемъ въ періодъ самыхъ раннихъ опытовъ индуктивнаго изслѣдованія духа?—Отвѣтъ Д. Стюарта для насъ тѣмъ важнѣе, что, послѣ него, друзья и представители индуктивной методы въ философіи духа не считали болѣе нужнымъ отвѣчать на подобныя возраженія противъ этой науки.—

Обращаясь къ предварительнымъ разсужденіямъ критика, Д. Стюартъ замѣчаетъ. «Такъ какъ вся эта тирада стремится унизить важность точно также значительной вѣтви физики какъ и науки о духѣ, и вызываемый ею споръ интересуетъ одинаково философовъ обоихъ классовъ, то я не считаю нужнымъ извиняться за обшир-

ность изслѣдованія, въ которое предполагаю войти. Достаточно припомнить моимъ читателямъ, что въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ я защищаю дѣло и школы Локка и школы астрономовъ, какъ Тихобраге, Кеплеръ, Галилей, Коперникъ.

«Я охотно допущу, что новая физика большею частію своихъ открытій обязана умной *экспериментаціи*. Соглашусь также, что отличіемъ изысканій учениковъ Бэкона отъ изысканій прежнихъ школъ служитъ не столько усовершенствованіе искуства наблюдать явленія вселенной какъ они намъ представляются, сколько счастливое приложеніе къ дѣлу именно этого великаго средства...

«Но дѣлая эту уступку искуству опытовъ, какъ самому полезному вспомогательному средству изученія природы, и соглашаясь безусловно съ особенными преимуществами наукъ въ которыхъ можно пользоваться имъ,— я считаю однакожъ позволительнымъ прибавить, что не умѣю открыть ни малѣйшаго отношенія между этими посылками и заключеніемъ, какое хотятъ вывесть изъ нихъ, Разность между анализомъ и наблюденіемъ состоитъ единственно въ сравнительной быстротѣ съ какою оба дѣлаютъ свои открытія. или скорѣе въ сравнительной легкости съ какою мы владѣемъ этими двумя орудіями при изысканіи истины. Открытія къ которымъ они ведутъ, по своей природѣ совершенно одинаковы; такъ что можно сказать съ увѣренностью, что все признанное истиннымъ по одному изъ нихъ, будетъ таковымъ же и по другому. Прибавимъ еще, что для философа наилучшее право на славу состоитъ въ томъ, когда въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ получаетъ счастливые результаты именно въ тѣхъ отдѣлахъ науки, гдѣ производство опытовъ почти не воз-

можно, гдѣ для открытія законовъ природы мы принуждены собирать и осторожно связывать множество случайныхъ наблюденій.

«Сколько я знаю, еще никакой астрономъ не ожидалъ, чтобы наблюденіе законовъ управляющихъ небесными явленіями, могло дать ему хоть малѣйшую власть надъ предметами его изученія. Но развѣ астрономическія открытія не увеличили нашего владычества на сценѣ, гдѣ мы призваны играть главную роль? Развѣ они остались безполезны для успѣховъ географіи и хронологіи? Не они ли сдѣлали весь міръ данникомъ человѣка, направляя его плаванія по неизмѣримымъ морямъ? По крайней мѣрѣ очевидно, что не взирая на опыты снабдившіе Ньютона важными данными, открытіе закона тяготѣнія не прибавило ничего такого къ могуществу человѣка, чего польза расходилась бы въ принципѣ съ пользою наблюденій Кеплера и Тихобраге. Планетная система не стала доступнѣе нашему дѣйствію; и единственная выгода, какую мы извлекли отсюда, состоитъ въ томъ, что выходя изъ теоріи тяготѣнія синтетически, мы опредѣлили съ точностію, какой никогда нельзя было ожидать отъ простого наблюденія, различные и въ высшей степени полезные астрономическіе элементы.

«Нѣтъ сомнѣнія, что «различными выгодами извле«ченными изъ астрономіи и многихъ другихъ наукъ, мы «обязаны не столько самому наблюдателю, сколько тому «кѣмъ было сдѣлано счастливое приложеніе его изыска«ній»; но развѣ нельзя сказать того же и въ отношеніи къ познаніямъ извлеченнымъ прямо изъ экспериментаціи? По какому же праву испытатель поставитъ себя выше наблюдателя?

Прибавимъ еще, что если астрономическія открытія не даютъ человѣку никакого *механическаго* дѣйствія на небо, подобнаго тому какое онъ имѣетъ на огонь, воду, паръ, силы животныхъ, и другихъ физическихъ дѣятелей,—то причина этого лежитъ въ разстояніи и величинѣ тѣлъ которыми занимается астрономъ, и эти два обстоятельства не могутъ составлять существенной разницы между науками наблюдательными и тѣми которыя опираются на опытахъ Можно бы даже спросить, какому изъ этихъ двухъ средствъ открытій мы обязаны всего болѣе познаніемъ этихъ физическихъ дѣятелей, о которыхъ только сейчасъ говорили.

«Нѣтъ, астрономъ не сумѣетъ подѣйствовать на движенія которыхъ законы онъ изучаетъ; но какъ я уже сказалъ, онъ можетъ гордиться тѣмъ, что своими усиліями увеличилъ могущество человѣка надъ всѣмъ его окружающимъ. Было бы слишкомъ долго, исчислять всѣ практическія услуги принесенныя его трудами. Достаточно повторить здѣсь замѣтку стольже вѣрную, какъ и давнюю: всѣми точными понятіями какія человѣкъ могъ пріобрѣсть о земной поверхности, онъ обязанъ знанію небесныхъ явленій. Есть ли доказательство болѣе удовлетворительное, болѣе безупречное, универсальности правила Бэкона: *знаю значитъ могу*, — чѣмъ фактъ открывающій превосходныя услуги, оказанныя человѣку, въ завоеваніи міра, наукою которая на первый взглядъ, кажется, имѣетъ въ виду одно удовлетвореніе умозрительнаго любопытства, и которая въ своемъ младенчествѣ сокращала досуги халдейскихъ пастуховъ?»

Обращаясь затѣмъ къ возраженію противъ философіи духа, основанному на тѣхъ предварительныхъ раз-

сужденіяхъ, Стюартъ отвѣчаетъ «такъ какъ это умствованіе основано на предположеніи, что наблюденіе, разсматриваемое какъ источникъ могущества и практическаго знанія, уступаетъ по своей пользѣ экспериментаціи, то я ничего не прибавлю къ тому, что̀ сказано для его опроверженія. Если бы даже и было вѣрно, что всѣмъ нашимъ знаніемъ о духѣ мы обязаны одному наблюденію,—во всякомъ случаѣ было бы несправедливо заключать отсюда, что философія духа менѣе полезна чѣмъ физика. Безъ сомнѣнія, въ изученіи первой предстоитъ преодолѣвать величайшія трудности; но эта черта не можетъ быть поводомъ къ тому, чтобъ унижать важность сообщаемыхъ ею заключеній

«Но я спрашиваю, насколько вѣрно, даже вообще вѣрно ли, что «знаніе метафизики», т. е., какъ критикъ разумѣетъ,—философіи человѣческаго духа,—«опирается только на наблюденіе и отнюдь не на опыты?».. . Мнѣ кажется, что такое положеніе недостаточно даже въ разсужденіи нашихъ *перцепцій*,—хотя это самый правдоподобный примѣръ какой только критикъ могъ представить въ свою пользу. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ разлагать ихъ буквально въ тягелѣ; но эту операцію развѣ нельзя исполнить при помощи пріемовъ приноровленныхъ къ природѣ предмета? Безупречное доказательство этому мы видимъ въ «Теоріи зрѣнія» Беркли, и особенно въ его анализѣ средствъ ссужаемыхъ опытомъ для оцѣнки разстоянія и величины предметовъ. Вотъ по крайней мѣрѣ хоть одна проба экспериментальнаго разложенія;—проба, по моему мнѣнію, стольже счастливая какъ и оригинальная, и которой однакожъ еще на достаетъ многихъ условій чтобъ быть вполнѣ обстоятельною. Въ подтвержденіе этой

истины можно бы сослаться также на позднѣйшія изслѣдованія Смита, Джюрайна, Портерфильда, Рида и другихъ—относительно явленій зрѣнія, какія входятъ прямо въ философію духа. Но труды нашихъ предшественниковъ не остановились на одномъ этомъ классѣ нашихъ перцепцій. Провести границу между оригинальными и пріобрѣтенными перцепціями, какими мы обязаны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, какъ напр. слуху и осязанію,— задача и любопытная и трудная, и рѣшеніе этой задачи не привлекло бы нынѣ и малѣйшаго вниманія, еслибъ оно не основывалось на экспериментахъ

«Во всемъ сказанномъ я ограничился изысканіями индуктивной философіи по поводу перцепцій, такъ какъ авторъ критики ограничился тѣмъ же классомъ фактовъ. Но кто захочетъ войти въ этотъ предметъ глубже, тотъ узнаетъ какъ широка область экспериментаціи въ наукѣ о духѣ, наблюдая употребленіе сдѣланное изъ этого органа изслѣдованія,—въ анализѣ явленій связанныхъ съ нашими умственными способностями; наприм., явленій вниманія, ассоціаціи, навыка вообще, памяти, воображенія и, послѣ всего, явленій представляемыхъ употребленіемъ языка, какъ органа мыслей и умозаключенія.

«Вся жизнь философа, предположившаго себѣ извѣстную цѣль, есть длинный рядъ опытовъ надъ своими собственными способностями; и превосходство духа которое онъ доказываетъ проницательнымъ употребленіемъ ихъ, выходитъ въ особенности изъ общихъ правилъ, въ какихъ онъ можетъ-быть никогда не давалъ себѣ *яснаго* отчета, но которыя выведены имъ изъ этихъ опытовъ Конечно, эти опыты неисполнимы съ помощью такихъ инструментовъ какъ призма или тягель, но полу-

чаются при помощи снаряда болѣе приличнаго умственной лабораторіи, которая служитъ имъ театромъ.

«Что касается духа другихъ, то, безспорно, мы весьма рѣдко имѣемъ средства подвергать его формальнымъ и преднамѣреннымъ опытамъ. но и здѣсь есть масса исключеній изъ общаго предположенія, которое я опровергаю. Какая цѣль воспитанія, направляемаго систематически и разсудительно? Не приложеніе ли къ дѣлу тѣхъ правилъ какія извлечены нами изъ собственныхъ и чужихъ опытовъ надъ лучшими средствами къ раскрытію и обработкѣ умственныхъ способностей и нравственныхъ началъ?— Я не говорю уже объ относительномъ достоинствѣ тѣхъ рѣдкихъ и столь драгоцѣнныхъ для нашей любознательности фактовъ,—разумѣю слѣпыхъ и глухихъ, когда они были поставлены въ состояніе давать отчетъ въ своихъ перцепціяхъ, своихъ чувствахъ и своихъ особенныхъ навыкахъ мысли. Я не исключаю отсюда и случаевъ самыхъ необыкновенныхъ, — какъ случай съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго исторія передана Чизльденомъ, и который, описывая умно и просто первыя впечатлѣнія, возбужденныя въ немъ этимъ видимымъ міромъ, обнаружилъ въ своемъ описаніи, замѣчательномъ по ясности, такую легкость наблюденія и мысли, какой еще никогда не замѣчалось въ подобныхъ обстоятельствахъ

«Но если философія духа не можетъ производить надъ духомъ другихъ большое количество опытовъ, то въ жизни человѣка она находитъ широкое поле наблюденій надъ умственными и нравственными явленіями, глубокое изученіе которыхъ можетъ дать заключенія столько же удовлетворительныя, какъ и тѣ какія мы могли бы получить распоряжаясь *опытами*. Разница между

этими двумя началами знанія остается здѣсь въ одномъ имени: первый самъ собою даетъ нашему уму результаты совершенно *сходные* съ тѣми, для которыхъ второй потребовалъ бы пріемовъ болѣе легкихъ и скорыхъ, еслибъ имѣлъ къ этому средства. Едва ли можно выдумать какой нибудь опытъ который бы не былъ уже исполненъ рукою природы, когда въ неисчерпаемомъ разнообразіи характеровъ и склонностей человѣка она даетъ изумительное количество различныхъ наблюденій, вытекающихъ изъ сочетанія тѣхъ способностей и тѣхъ элементарныхъ началъ, какія человѣкъ носитъ въ своемъ сознаніи. Общество дикое и различныя ступени цивилизаціи; всѣ званія, профессіи, свободныя и механическія; крестьянинъ погруженный въ предразсудки, человѣкъ поклоняющійся модѣ; безконечные оттѣнки характера, смѣняющіеся съ дѣтства до старости; чудеса произведенныя искуствомъ во всѣхъ частяхъ нашего господства, законы, управленія, промышленность, религія, и за всѣмъ этимъ сокровища человѣческой мысли лежащія въ нашихъ библіотекахъ,—не есть ли все это одна широкая экспериментація природы, которая въ наше назиданіе расположила въ неизмѣримой лѣстницѣ различныя ступени умственныхъ способностей человѣка, и такимъ образомъ, показываетъ намъ всемогущее вліяніе воспитанія на развитіе его духа?

«Нѣтъ»—говорятъ намъ—«метафизика, который бы «думалъ открыть путемъ анализа новую способность, или «создать въ духѣ новое ощущеніе, — подобно тому какъ «химикъ открываетъ неизвѣстную до него землю или ме«таллъ». Но не трудно замѣтить, что это соображеніе легко прилагается столько же къ анатоміи тѣла какъ и

анатоміи духа По всѣмъ документамъ, почерпнутымъ физіологами изъ наблюденій и опытовъ, до сихъ поръ не открыто никакого новаго органа дѣйствія или удовольствія, никакого средства прибавить хоть локоть къ человѣческому росту; изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ изысканія ихъ были безполезны. Расширяя свѣдѣнія человѣка о его собственномъ устройствѣ, они увеличили его могущество, но только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, на которыя они сами и указали. Такимъ образомъ, они предложили пособія противъ случайностей вредныхъ для его здоровья и жизни; они возвратили ему силы ослабленныя или уничтоженныя болѣзнью: или же, открывая глаза слѣпому и ухо глухому, возбудили дремавшія въ нихъ способности ощущенія. Не забудемъ также, что они помогли оптикѣ и механикѣ расширить предѣлы этихъ чувствъ и продлить ихъ энергію

«Если теперь посмотримъ какіе результаты получаются изъ анатоміи духа, то найдемъ, что эта послѣдняя наука имѣетъ на своей сторонѣ всю выгоду такой параллели. Все что сдѣлала до сихъ поръ медицина къ увеличенію тѣлесныхъ силъ человѣка, къ излѣченію встрѣчающихъ его болѣзней и продолженію его дней,—можетъ ли, хоть на минуту, выдержать сравненіе съ чудесами производимыми воспитаніемъ въ раскрытіи нашихъ умственныхъ способностей, нашихъ нравственныхъ привычекъ, нашей чувствительности, и въ созданіи массы внутреннихъ наслажденій? Напрасно стали бы возражать, что воспитаніе не относится къ философіи человѣческаго духа. Если оно производитъ спасительныя дѣйствія, то обязано ими тѣмъ началамъ нашей природы, которыя вѣковой опытъ покорилъ общему наблюденію. Если оно идетъ дорогою

ненадежною и гибельною, то это значитъ, что оно сбивается съ прямого пути такими умозрѣніями и предразсудками, которые могутъ найти свое врачеваніе единственно въ болѣе точныхъ понятіяхъ философіи духа. Воспитаніе не будетъ ли неизбѣжно систематичнѣе и просвѣщеннѣе, при испытаніи болѣе строгомъ, разумѣніи болѣе глубокомъ, тѣхъ операцій которыя оно беретъся направлять?—Надобно припомнить, что быстрые успѣхи медицины начинаются лишь съ того времени, когда анатомію стали считать необходимымъ введеніемъ къ ней. Сомнительно, чтобы Гиппократъ разсѣкалъ когда нибудь трупы; и увѣряютъ, что Галенъ предпринималъ путешествіе въ Александрію, единственно чтобы видѣть скелетъ

«Что особенно любопытно, — возраженіе которое мы разбираемъ въ эту минуту, почти тоже самое какое Сократъ дѣлалъ въ свое время философамъ природы. По свидѣтельству Ксенофонта, «говоря о наблюдателяхъ за-«нимающихся природою явленій, которыхъ причина есть «одно Божество,—онъ спрашивалъ, не думаютъ ли эти «философы, испытывающіе божественныя дѣла, что они, «подобно художникамъ упражняющимъ свой талантъ, «по своему личному желанію или въ удовольствіе дру-«гихъ, будутъ въ состояніи, узнавши *причины* всѣхъ «явленій, направлять по своему произволу вѣтры и дождь, «измѣненія атмосферы и всякія другія перемѣны подоб-«наго рода;—или же, напротивъ, ограничатся простымъ «знаніемъ этихъ фактовъ, не предаваясь подобнымъ хи «мерическимъ претензіямъ? — Такъ-то смотрѣлъ онъ на «изслѣдованія этого рода. Что же касается до него са-«мого, то предметомъ его бесѣды былъ человѣкъ и то «что относится къ человѣку».

Приводя это мѣсто, я хотѣлъ, главнымъ образомъ, замѣтить, что скептицизмъ, остановившійся въ наше время на философіи духа, относился когда-то всего болѣе къ теоріямъ, цѣлью которыхъ было объясненіе вещественнаго міра. Изложеніе ученій Сократа въ первой главѣ «Достопамятностей» достаточно показываетъ, что его ревность къ успѣхамъ морали не препятствовала ему быть рѣшительнымъ скептикомъ относительно всего что мы называемъ нынѣ науками физическими. И этотъ фактъ не покажется очень страннымъ, если припомнить тѣ праздные вопросы, въ какихъ вращались тогда всѣ изслѣдованія философовъ природы, по показанію того же писателя. Послѣ физическихъ открытій обезсмертившихъ два послѣднія столѣтія, скептицизмъ этого, вполнѣ мудраго человѣка на первый разъ можетъ удивить насъ. Но это самое не внушаетъ ли надежды тому, кто обработываетъ философію духа,—что еще можетъ наступить день, когда общественное мнѣніе отдастъ его трудамъ все приличное имъ уваженіе?»

Д. Стюартъ говоритъ, что послѣднее мнѣніе онъ основываетъ не на одной возможности въ будущемъ: «не взирая на темноту и неизвѣстность, покрывающія до сихъ поръ различные вопросы о нашемъ духовномъ устройствѣ, я не усомнюсь», говоритъ онъ, «даже и въ этомъ несовершенномъ состояніи въ какомъ находится нынѣ философія духа, поставить ее источникомъ могущества и счастія человѣка, на ряду съ открытіями обезсмертившими имя Ньютона и Бойля»; и въ доказательство ссылается на великія заслуги Бэкона. «Я не имѣю въ мысли», продолжаетъ онъ, «приписывать ученому и даровитому писателю, вызвавшему эти замѣчанія, намѣренія унижать

заслугу Бэкона. Онъ громко признаетъ вліяніе этого философа на успѣхи сдѣланные въ послѣдствіи въ экспериментальной философіи. Но я скажу, что, по моему мнѣнію, ему приличнѣе было бы защищать противоположное. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ онъ, при такомъ мнѣніи, оспоривать практическую пользу философіи духа, которой успѣхи и составляютъ очевидную цѣль предположенную Бэкономъ отъ начала до конца»?

Приводя нѣкоторыя мѣста изъ Бэкона, Д. Стюартъ показываетъ, въ какую тѣсную связь съ успѣхами логики ставилъ Бэконъ успѣхи и самыхъ естественныхъ наукъ. «Но наука о духѣ»—продолжаетъ онъ—«имѣетъ важность не просто какъ орудіе успѣховъ физики; сама по себѣ, она есть предметъ изученія и любопытный и полезный, и стоитъ въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, со всѣми искуствами составляющими стойкость, славу и счастіе образованнаго общества».—Въ доказательство, что Бэконъ имѣлъ въ виду приложеніе своей методы и къ изученію философіи духа, Д. Стюартъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее за мѣчательное мѣсто.

«Eitam dubitabit quispiam potiùs quam objiciet; utrùm nos de naturali tantùm philosophiâ, an etiam de scientiis reliquis, logicis, ethicis, politicis, secundum viam nostram perficiendis loquamur. At nos certé de universis haec, quae dicta sunt, intelligimus: atque quemadmodùm vulgaris logica, quae gerit res per syllogismum, non tantùm ad naturales, sed ad omnes scientias pertinet, ità et nostra, quae procedit per inductionem, omnia complectitur. Tam enim historiam et tabulas inveniendi conficimus de irâ, metu et verecundiâ, et similibus; ac etiam de exemplis

rerum civilium, nec minùs de motibus mentalibus memoriae, compositionis et divisionis, judicii, et reliquorum; quàm de calido, et frigido, aut luce, aut vegetatione, aut similibus»

«И хотя сочиненія Бэкона», продолжаетъ Д. Стюартъ «произвели въ физикѣ гораздо болѣе замѣтную революцію, чѣмъ въ ученыхъ занятіяхъ которыхъ предметомъ служитъ человѣческій духъ, однакожъ нельзя не согласиться, что нѣкоторыя важныя улучшенія введены и въ науку о духѣ и въ нѣкоторыя, сюда принадлежащія отрасли, каковы естественное право, политическая экономія, критика и мораль,—которыя выходятъ изъ тѣхъ же корней, или лучше, суть вѣтви тогоже великаго дерева, котораго стволъ образуетъ наука о духѣ. .

«Я отнюдь не стану отрицать того, что наши заключенія о началахъ и законахъ человѣческаго состава, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ открытій въ физикѣ, не буду и спорить о словахъ, если кто думаетъ, что слово *открытія* не приложимо къ этимъ заключеніямъ Для меня достаточно поставить на видъ, что такая критика, справедливость которой я готовъ допустить, не должна ни въ какомъ отношеніи препятствовать оцѣнкѣ практической важности этихъ заключеній, и уменьшать въ нашихъ глазахъ заслуги писателей, которымъ мы обязаны ими. Въ «Афоризмахъ» Бэкона нѣтъ ни одного открытія въ томъ смыслѣ, какой въ послѣднее время приписывается этому слову, но какое открытіе когда нибудь содѣйствовало съ такимъ успѣхомъ счастію и могуществу человѣческаго рода.»

Д. Стюартъ переходитъ къ послѣдней части критики, гдѣ доказывается, что главные законы духа общеизвѣст-

ны безъ всякой науки и по крайней мѣрѣ у всѣхъ въ практикѣ. «Это умствованіе»—говоритъ Стюартъ—«ведетъ насъ, если не ошибаюсь, гораздо дальше чѣмъ хотѣлъ авторъ; потому что фамильярные примѣры на которые онъ ссылается, прилагаются еще прямѣе къ собственно такъ-называемой физикѣ чѣмъ къ наукѣ о духѣ. Дикій не знаетъ безусловно что сила тяжести возрастаетъ постепенно; и однакожъ онъ не преминетъ подняться на высоту чтобъ увеличить дѣйствіе верженія. Ему никогда не разсказывали о третьемъ законѣ движенія описанномъ Ньютономъ; и однакожъ онъ пользуется имъ, когда отталкиваетъ отъ берега свою лодку и пускается въ море. Его праща есть точно также экспериментальное доказательство центробѣжныхъ силъ. «Конюхъ, который, при звукѣ трубы, отправляется кормить лошадь предназначенную въ походъ», никогда не читавши что писали Локкъ или Юмъ о законахъ ассоціаціи идей,—могъ бы похвалиться еще съ большимъ правомъ, что онъ никогда не имѣлъ нужды развертывать Борелли, чтобы давать своей лошади его различныя алюры. Онъ могъ бы сказать, что упражняя ее на поводѣ, онъ дѣлаетъ приложеніе центробѣжныхъ силъ и центра тяжести;—приложеніе, которое въ манежахъ знали гораздо раньше чѣмъ Ньютонъ раскрылъ теорію этихъ явленій въ своихъ «Началахъ.» Это примѣняется даже и къ операціямъ обучаемой имъ лошади, которыя предполагаютъ въ этомъ животномъ знаніе тѣхъ же самыхъ физическихъ законовъ; — какъ напр. когда она съ математическою точностью соразмѣряетъ кривизну своего тѣла съ описываемымъ ею въ галопѣ кругомъ. Въ дѣлѣ человѣка и животнаго, это практическое знаніе начертано рукою самой природы въ ор-

ганахъ внѣшнихъ чувствъ; и однакожъ это не препятствуетъ пользѣ раскрытія общихъ теоремъ, заключающихся въ этихъ частныхъ приложеніяхъ, и сочетанія ихъ въ формѣ системы, для назиданія себя и другихъ. Пневматика потеряла ли свою важность, когда замѣтили, что дѣйствія пустоты, упругости и сжатія воздуха,—которыми объясняются самыя любопытныя явленія какія только она описываетъ,—отыскиваются въ инстинктивномъ процессѣ управляющемъ нашимъ дыханіемъ, и наблюдаются на устахъ младенца сосущаго матернюю грудь?»

«Въ операціяхъ мануфактуръ и искуствъ лежитъ изумительное количество научныхъ началъ, какихъ даже и не подозрѣваютъ. и Бойль провозгласилъ громко, что онъ гораздо больше узналъ въ лавкахъ торгашей чѣмъ изъ всѣхъ читанныхъ имъ сочиненій».

«Не видимъ ли мы ежедневно самыя высокія истины механики въ приложеніяхъ у самаго невѣжественнаго класса народа? Грубые ремесленники не отличаются ли по временамъ быстротою и ловкостью даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ и самый глубокомысленный механикъ напрасно пытался бы найтись съ своею наукою...; и однакожъ можно ли изъ этого заключать, что изучая сложеніе и разложеніе силъ, онъ дѣлаетъ пустыя и безполезныя пріобрѣтенія?..»

«Почти нѣтъ нужды говорить, что тоже замѣчаніе вполнѣ прилагается и къ тѣмъ самымъ доктринамъ философскаго знанія, которыя подали поводъ къ этому спору. Кто знаетъ что воспитаніе почти сводится къ искусному направленію способностей *вниманія* и *ассоціаціи*, тотъ согласится безъ труда, что возбуждая бдительность родителей и наставниковъ надъ этими двумя основными

началами нашего устройства, можно сдѣлать операціи этого искуства болѣе систематическими и упрочить ихъ успѣхъ. А развѣ относительно этого предмета уже не получено такихъ заключеній, руководствуясь которыми можно бы содѣйствовать вѣрнѣе и возрастанію умственнаго могущества человѣка, и успѣху его нравственнаго совершенства и просвѣщенію его смысла тѣмъ чистымъ и неизмѣннымъ свѣтомъ, безъ котораго и самый умъ не можетъ сдѣлать почти ничего для нашего знанія и счастія?» *)

Этимъ мы и ограничимся въ изложеніи спора возникшаго между Д. Стюартомъ и его критиками относительно средствъ индуктивной методы въ философіи духа. Вопросъ поставленъ былъ такъ строго и точно, и отвѣтъ Д. Стюарта такъ рѣшителенъ, что мы считаемъ излишнимъ входить по этому поводу въ какія нибудь дальнѣйшія разсужденія Что въ общихъ чертахъ было высказано уже Бэкономъ и молчаливо подразумѣвалось Локкомъ, то у Рида и Д. Стюарта выступило съ поразительною отчетливостью, и сводится къ слѣдующему руководительному началу индуктивной методы въ наукѣ о духѣ:

Въ изслѣдованіи духовныхъ явленій, имѣющемъ въ виду цѣли поставленныя Локкомъ, т. е. ихъ естественныя отношенія или общіе законы,—мы имѣемъ полную возможность и обязанность пользоваться общими орудіями индуктивнаго знанія, указанными Бэкономъ,—столько же простымъ наблюденіемъ, какъ и экспериментаціею,—направляясь, въ концѣ, къ увеличенію могущества и счастія человѣка».

---

*) *D Stewart:* Oeuvres, Tom. II Dissertat prélim. Chap. II.

ГЛАВА IV.

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДЫ.

(Продолженіе)

Т. Броунъ. Отношеніе Броуна къ его предшественникамъ. Теорія причинной связи у Юма, Броуна, Д. С. Милля. Отношеніе между духомъ и тѣломъ. Внутренняя причинность духовныхъ явленій. Свойства психологическаго анализа. Руководительныя начала методы *Д. С. Милль.* Спеціальныя методы наукъ о духѣ. Психологія. Экспериментальныя методы психологіи. Руководительныя начала психологической методы.

Заботы о водвореніи индуктивной методы въ наукахъ о духѣ, составляющія самую выпуклую черту литературныхъ усилій англійскихъ ученыхъ XVIII-го столѣтія, эти заботы, выступающія еще такъ рѣшительно въ произведеніяхъ Рида и Д. Стюарта, увѣнчались наконецъ въ родинѣ Бэкона и Локка,—къ немалому соблазну писателей нѣкоторыхъ странъ материка, — полнымъ и безвозвратнымъ успѣхомъ. Въ сочиненіяхъ Броуна, писателя послѣднихъ годовъ XVIII-го и начала текущаго столѣтія, разлита такая невозмутимая увѣренность въ законности изслѣдованія духа по методѣ Бэкона и Локка, какая возможна только при полномъ торжествѣ поставленныхъ ими руководительныхъ началъ.

Въ своей «Философіи человѣческаго духа», припом-

нивши исторію этой науки во времена схоластики, Броунъ продолжаетъ «мы пришли наконецъ и къ той важной истинѣ, кажущейся теперь такою наглядною,—что духъ нашъ узнается всего лучше изъ наблюденія представляемаго имъ ряда перемѣнъ, и всѣхъ предшествующихъ и сопутствующихъ имъ обстоятельствъ;—что пытаясь изъяснить его явленія, мы должны прежде всего узнать что̀ это за явленія; и что наше усилie открыть путемъ діалектическихъ тонкостей, а priori, различныя чувства, входящія въ составъ частной мысли или страсти,—походило бы на усиліе открыть путемъ одной логики, безъ помощи наблюденія или опыта, различные цвѣта входящіе въ составъ солнечнаго луча.» *).

Вниманіе Броуна было сосредоточено по преимуществу на дальнѣйшемъ разъясненіи и отчетливѣйшей постановкѣ второго руководительнаго начала локковой критики. Возвращаясь къ этому началу, мы должны припомнить, что выраженіе его у Локка было зыбко и подавало поводъ къ недоразумѣніямъ. Во второй главѣ мы не очертили вполнѣ той стороны, въ какой собственно лежала эта зыбкость; потому что не могли этого сдѣлать не обращаясь къ Броуну. Теперь мы должны пополнить предыдущія замѣчанія. Зыбкая сторона въ выраженіи этого руководительнаго начала психологической методы зависѣла у Локка отъ важнаго пробѣла въ его философской критикѣ. Локкъ оставилъ наукѣ одни духовныя и вещественныя явленія, рекомендуя наукѣ о духѣ изученіе фактовъ и указываемыхъ ими законовъ, и строго разграничивая между ощущеніемъ и самостоятельными операціями

*) *T. Brown:* Philos. of the Hum. Mind. 20-th ed. Lect. 1, p. 3.

духа. Но взаимная зависимость духовныхъ явленій, зависимость самостоятельныхъ операцій духа отъ ощущеній или внѣшнихъ вліяній, осталась у него почти однимъ критическимъ требованіемъ. Всѣ усилія опредѣлить этотъ пунктъ не пошли дальше новой, отвѣчавшей этому требованію терминологіи, и это не только у Локка, но и у Беркли, Рида и Д. Стюарта. Такіе термины какъ *рефлексія* (отзывъ, отраженіе), *внушеніе* (suggestion) и проч., были только удобными образами, выраженіями фигуральными, которыя, правда, получили въ ученой терминологіи полное право гражданства, но до Броуна не заключали въ себѣ никакой строго очерченной научной идеи. Вывесть на свѣтъ зависимость духовныхъ явленій, и уяснить такимъ образомъ чего должна искать наука въ доставляемыхъ ими фактахъ,—вотъ задача выполненная достойно изслѣдованіями Броуна. Эти изслѣдованія суть послѣдствія и вмѣстѣ вѣнецъ философской критики Локка. Взятыя вмѣстѣ, критика Локка и критика Броуна даютъ индуктивной логикѣ законченный фундаментъ.

Результаты изслѣдованій Броуна имѣютъ такимъ образомъ одинаковое значеніе и для философіи природы и для философіи духа; но для послѣдней это было полнѣйшимъ торжествомъ второго локкова руководительнаго начала, защищавшаго самостоятельность духа, и слѣдовательно самыхъ наукъ о духѣ.

Языкъ вышеприведеннаго мѣста изъ Броуна уже даетъ чувствовать какое-то новое и болѣе раздѣльное выраженіе задачи философіи духа. Термины «перемѣна» или «рядъ перемѣнъ», какъ синонимы явленія, вводятъ какъ-то лучше въ дѣло изслѣдованія. Если припомнимъ то прекрасное мѣсто изъ Броуна, въ которомъ раскрывалась не-

доступность нашимъ познавательнымъ средствамъ бытія вещей самихъ въ себѣ, или независимо отъ нашихъ чувствъ или сознанія,*) — то слѣдующія слова очертятъ намъ еще опредѣленнѣе взглядъ Броуна на науку о духѣ. «Духъ», говоритъ Броунъ, «подобно тѣлу, съ которымъ онъ связанъ, или вещественнымъ предметамъ, которыми оно окружается, можно очевидно разсматривать какъ субстанцію обладающую извѣстными качествами, доступную различнымъ впечатлѣніямъ или видоизмѣненіямъ, которыя, существуя преемственно или какъ его минутныя состоянія, и составляютъ всѣ явленія мысли и чувства. Общія обстоятельства въ какихъ слѣдуютъ другъ за другомъ эти перемѣны состоянія, или, другими словами, законы ихъ преемства, подлежатъ указанію, и явленія могутъ быть сведены къ различнымъ классамъ, согласно ихъ взаимному сходству въ предшествующихъ и послѣдующихъ обстоятельствахъ, или въ какихъ нибудь другихъ, имѣющихъ наглядную аналогію. Кратко сказать, есть наука какую можно назвать физіологіею духа, какъ есть другая наука, относящаяся къ устройству и отправленіямъ нашего тѣлеснаго состава, къ которой терминъ физіологіи прилагается чаще; и какъ мы стараемся, путемъ опыта и наблюденія, начертить рядъ перемѣнъ происходящихъ въ нашей части матеріальной, — съ первой минуты жизни до послѣдней—смерти; такъ точно, путемъ наблюденія и въ извѣстной мѣрѣ также путемъ опытовъ, стараемся начертить рядъ перемѣнъ происходящихъ въ духѣ, какъ бы эти преемства ни были бѣглы и какъ бы ни переплетались въ своихъ сочетаніяхъ при взаимной

*) См. стр. 51.

встрѣчѣ. Безчисленныя перемѣны, тѣлесныя и духовныя, мы сводимъ путемъ обобщенія къ немногимъ классамъ; и говоримъ въ отношеніи къ духу о его способностяхъ или отправленіяхъ, — наблюденіи, памяти, разумѣ, какъ говоримъ въ отношеніи къ тѣлу объ отправленіяхъ дыханія, кровообращенія, питанія» *).

Такою параллелью между наукою о духѣ и наукою физическою, метода первой много выигрываетъ въ отчетливости, потому что пріемы послѣдней въ изслѣдованіяхъ своего предмета гораздо нагляднѣе. Эта параллель проводилась конечно и прежде, всѣми изслѣдователями философіи духа, начиная съ Бэкона и Локка, — но далеко не съ такою выразительностію. И эта выразительность – у Броуна не есть случайность. Въ наукѣ о духѣ мы изслѣдуемъ, какъ и въ физіологіи тѣла, рядъ или преемства перемѣнъ и ихъ взаимныя отношенія. Спрашивается теперь какого рода эти отношенія?

Броунъ отвѣчаетъ—*причинныя*; строгая причинная связь и зависимость. Таково именно значеніе тѣхъ обстоятельствъ духовныхъ перемѣнъ, которыя выше названы у него предшествующими. Это очевидно проливаетъ новый свѣтъ на руководительное начало Локка. Локкъ требуетъ, чтобы мы объясняли духовныя явленія изъ предшествующихъ фактовъ и, въ послѣднемъ анализѣ, изъ ощущеній. Броунъ прибавляетъ къ этому: — объясняли изъ нихъ какъ ихъ истинныхъ *причинъ*.

Но теперь спрашивается дальше: такая постановка дѣла не измѣняетъ ли въ корнѣ и самыхъ началъ Локка? Сохранится ли при этомъ тотъ выводъ критики, ко-

*) *Brown:* Phil. of the Hum. Mind Lect. I, p. 3.

торый отмѣченъ у Локка терминомъ рефлексіи, или у Рида терминомъ внушенія? И если внѣшнія перемѣны,— въ окружающихъ наше тѣло предметахъ и за тѣмъ въ нашей нервной системѣ и мозгѣ,— суть причина нашихъ ощущеній; если, далѣе, ощущенія суть причина всѣхъ другихъ духовныхъ явленій· то не получимъ ли мы въ итогѣ самый грубѣйшій матеріализмъ?—Совершенно вѣрно, что матеріализмъ, въ этомъ именно пунктѣ, иначе выражаться не можетъ; вѣрно и то, что Броунъ выражается именно такъ. И за всѣмъ тѣмъ онъ остается вѣренъ обоимъ руководительнымъ началамъ Локка; и терминъ внушенія играетъ въ его философіи духа такую широкую роль, какой онъ не имѣлъ ни у Рида ни у Д. Стюарта. Броунъ доказалъ, напротивъ, что такое отступленіе отъ локковыхъ началъ возможно было бы только при томъ понятіи о причинной связи, какое господствовало во времена схоластики и не оправдывается строгою аналитическою методою, положенною Локкомъ въ основаніе науки о духѣ.

Заслуга Броуна въ разъясненіи причинности признана всѣми лучшими писателями Англіи; и значеніе его критическихъ работъ по этому предмету такъ существенно въ исторіи индуктивной методы, что мы должны отмѣтить по крайней мѣрѣ ихъ сущность.

Начало, которому Броунъ далъ осѣдлость въ наукѣ, было бы безъ сомнѣнія принято и раньше, — изъ рукъ ученаго, который впервые заявилъ его въ новое время, именно Юма, — если бъ этому не помѣшали нѣкоторыя обстоятельства совершенно стороннія для самаго дѣла. На долю Юма выпалъ между прочимъ разборъ всей схоластической метафизики, т. е такъ-называемыхъ раціо-

нальныхъ или апріорныхъ умозаключеній, изъ которыхъ состояла у схоластиковъ онтологія, космологія, теологія и пневматологія Само собою разумѣется, что эта силлогизація страдала вѣчнымъ petitio principii; и Юмъ разоблачилъ ея научную несостоятельность съ свойственною ему тонкостью анализа и силою выраженія. Онъ сдѣлалъ, такимъ образомъ, тоже самое для всей метафизики, что сдѣлалъ Беркли собственно для космологіи. И ясно, что его дѣло вызывалось, въ этомъ направленіи, тѣми данными какія были получены критикою Бэкона и Локка — невозможностью силлогизаціи независимой отъ индукціи, и некомпетентностью индуктивной науки въ рѣшеніи вопросовъ выходящихъ изъ сферы явленій.

Юмъ доказывалъ, что оставаясь въ предѣлахъ анализа, не возможно отыскать въ причинныхъ отношеніяхъ явленій—чего нибудь другого кромѣ извѣстнаго преемства или послѣдовательности явленій, и вся таинственность какою окружены эти отношенія въ популярномъ сознаніи и въ преданіяхъ схоластики, беретъ свое начало въ игрѣ воображенія, примѣшивающейся къ простому наблюденію. Ридъ, стоявшій во главѣ его противниковъ, не отрицалъ, что въ нашемъ опытѣ мы ограничены, дѣйствительно, изученіемъ однихъ преемствъ; но тѣмъ не менѣе онъ протестовалъ противъ ученія Юма, потому что расходился съ нимъ въ психологическомъ объясненіи таинственности, какая облегала эти отношенія въ преданіяхъ схоластики;—что для дѣла составляло, очевидно, интересъ второстепенный — Но Ридъ пользовался высокимъ авторитетомъ, и его оппозиція въ этомъ пунктѣ можетъ-быть на долго остановила бы разработку этого вопроса въ интересахъ индуктивной методы, если бъ изъ среды его

собственной школы не выступилъ на это поприще ученый, не менѣе его блестящій своими талантами и, столькоже какъ онъ, извѣстный по чистотѣ своихъ нравственныхъ убѣжденій и религіозныхъ вѣрованій. Это былъ Броунъ. Ближайшимъ поводомъ къ тому была недостойная интрига клерикальной партіи въ эдинбургскомъ университетѣ противъ ученаго Лесли, искавшаго кафедры математики. Эта партія имѣла своего кандидата и, чтобы помѣшать конкурренціи Лесли, ссылалась на его сочиненіе «О теплотѣ», въ которомъ онъ обнаружилъ себя сторонникомъ Юма по вопросу о причинности. Такая интрига возмутила людей благородныхъ; и Броунъ, рискуя собственною репутаціею, выступилъ на защиту Лесли. Онъ доказывалъ, что теорія Юма, взятая сама по себѣ, безъ примѣси всякихъ сторонніхъ для ней вопросовъ и заключеній,—есть совершенно здравая и не противорѣчитъ никакой важной истинѣ нравственной и религіозной.—При этомъ весьма замѣчательно то обстоятельство, что Д. Стюартъ, который вслѣдъ за Ридомъ, опровергалъ теорію Юма,—прочитавши сочиненіе Броуна объ этомъ предметѣ, чистосердечно отказался отъ своего предубѣжденія въ этомъ пунктѣ, и въ лестномъ письмѣ къ Броуну выразилъ полное сочувствіе его взгляду *).

Обратимся теперь къ ученію Броуна о причинности. Что такое сила, причина, дѣйствіе или слѣдствіе? спрашиваетъ Броунъ: «Есть ли это рядъ правильно предшествующаго и послѣдующаго? Или же вещь болѣе таинственная, которая, какъ слѣдуетъ предполагать, лежитъ въ срединѣ между ними и связываетъ ихъ какими-то незримыми узами?

*) *Brown*: Phil. of the Hum. Mind. Memoire of Dr Brown.

«Мы видимъ, что въ природѣ за однимъ явленіемъ слѣдуетъ другое, напр. за паденіемъ искры на порохъ взрывъ пороха,—и по особенной тенденціи нашего духовнаго устройства, которую мы должны принять даромъ, какова бы ни была наша теорія силы, — мы убѣждены, что пока всѣ обстоятельства останутся тѣже, то и послѣдовательность событій будетъ таже; что напр. взрывъ пороха будетъ неизмѣннымъ слѣдствіемъ паденія на него искры —другими словами, мы убѣждены, что порохъ при прикосновеніи искры подлежитъ взрыву, а искра имѣетъ силу взрывать порохъ

«Такимъ образомъ, въ этомъ теченіи событій, конечно правильномъ, больше ничего не разумѣется кромѣ правильнаго порядка предыдущаго и послѣдующаго, изъ которыхъ слагается это теченіе; и если бы между ними существовала еще какая нибудь вещь, то она была бы сама какою нибудь частью этого теченія. Все что мы разумѣемъ, когда приписываемъ какой нибудь субстанціи воспріимчивость къ страданію (susceptibility of being affected) отъ другой субстанціи,—значитъ только, что въ первой будетъ однообразно происходить извѣстная перемѣна, какъ скоро будетъ налицо послѣдняя; такимъ же образомъ, все что мы разумѣемъ, когда приписываемъ извѣстной субстанціи силу дѣйствія (a power of affecting) на другую субстанцію,—значитъ только, что когда она присуща, то въ этой послѣдней будетъ однообразно происходить извѣстная перемѣна. Кратко, сила не означаетъ ничего отличнаго отъ неизмѣннаго предыдущаго, а единственно простую неизмѣнность порядка его выступанія въ отношеніи къ какому нибудь неизмѣнному послѣдующему; неизмѣнное предыдущее называется причиною, а

неизмѣнное послѣдующее дѣйствіемъ (effect). Сказать, что вода имѣетъ силу растворять соль, или что соль растворяется, какъ скоро на нее наливается вода, — значитъ сказать совершенно одну и туже вещь въ первомъ предложеніи нѣтъ ровно ничего такого, чего бы въ точности и въ томъ же самомъ объемѣ не было высказано и въ другомъ.

«Правда, мы имѣли бы совсѣмъ другую теорію причиненія, если бы не взявъ въ разсчетъ этого важнаго обстоятельства неизмѣнности или однообразной вѣрности слѣдованія какого нибудь частнаго событія, сказали просто, что сила есть только предыдущее; потому что нѣтъ никакого спора, что послѣ извѣстныхъ явленій наступаютъ другія, въ которыхъ мы не замѣчаемъ никакого постояннаго отношенія къ нимъ. Это будутъ тоже предъидущія, но не будутъ неизмѣнныя предыдущія; и основаніе тому весьма наглядно Въ неизмѣримой системѣ вселенной постоянно и заразъ случаются безчисленныя событія. И потому всегда должны быть безчисленныя сосуществующіе ряды; части каждаго изъ нихъ, имѣя постоянное отношеніе другъ къ другу, могутъ не имѣть никакого постояннаго отношенія къ частямъ другихъ рядовъ, и такимъ образомъ какое нибудь событіе какого нибудь ряда можетъ предварять не только свое собственное дѣйствіе, которое замѣчается послѣ него постоянно и однообразно, но еще и событія другихъ сосуществующихъ рядовъ, которыя въ другой разъ въ туже самую минуту могутъ съ нимъ и не встрѣчаться Нѣтъ никакого суевѣрія думать, что послѣ затмѣнія солнца *можетъ* слѣдовать моровая язва; или какой нибудь непріятный сонъ послѣ какихъ нибудь непредвидѣнныхъ бѣдствій дня; но

было бы большимъ суевѣріемъ думать, что эти предъидущія и послѣдующія имѣютъ другъ къ другу какое нибудь постоянное отношеніе. По крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ и привычныхъ случаяхъ, каждый достаточно знаетъ разницу между тѣмъ, что̀ такимъ образомъ только случайно и что̀ неизмѣнно въ порядкѣ природы. И однакожъ, единственно упуская изъ виду эту столь наглядную разницу,—д-ръ Ридъ и другіе отличные философы вдались въ такую подробную аргументацію, съ цѣлью опровергнуть одно изъ самыхъ простыхъ и самыхъ вѣрныхъ метафизическихъ мнѣній. Чтобы доказать, что сила есть больше чѣмъ одно неизмѣнное предыдущее, они доказывали, что оно больше чѣмъ случайное предыдущее, и что событія не слѣдуютъ другъ за другомъ разрозненно и въ безпорядкѣ; — какъ будто предыдущее можетъ быть неизмѣннымъ, не имѣя неизмѣннаго послѣдующаго, или какъ будто однообразный рядъ не есть просто другое имя какого нибудь числа однообразныхъ предыдущихъ и послѣдующихъ. Причиною можетъ быть и не то, что̀ предшествовало однажды извѣстному событію; но мы даемъ это названіе тому, за чѣмъ всегда слѣдовало извѣстное событіе, всегда слѣдуетъ извѣстное событіе, и какъ мы увѣрены, и на будущее время всегда послѣдуетъ из вѣстное событіе, какъ за своимъ неизмѣннымъ предыдущимъ; и причиненіе, сила, или другія какія нибудь синомическія слова, ничего больше и не выражаютъ кромѣ этого постояннаго отношенія—того что̀ предшествовало, къ тому что̀ послѣдовало. Если эта неизмѣнность преемства, прошлаго, настоящаго и будущаго, не есть то, что дѣлаетъ одно событіе дѣйствіемъ другого, то д-ръ Ридъ по крайней мѣрѣ не указалъ никакого другого прибавоч-

наго обстоятельства, которое мы должны бы съ этимъ соединить въ нашемъ опредѣленіи слѣдствія; хотя онъ дѣйствительно и видѣлъ съ самою высокою ясностью,—если только на это нужна проницательность,—что предыдущія и послѣдующія не одно и тоже, что мы пользуемся дѣйствительными и страдательными глаголами въ различнымъ смыслахъ, прилагая, — какъ легко предугадать,— одни къ предыдущимъ, а другіе къ послѣдующимъ; что мы говоримъ о дѣйствіяхъ и причинахъ какъ о вещахъ различныхъ, потому что безспорно, однообразно слѣдовать за извѣстною перемѣною и однообразно предшествовать извѣстной перемѣнѣ—не одно и тоже,—и что мы никогда не прилагаемъ этихъ названій тамъ, гдѣ не замѣчаемъ какого нибудь постояннаго отношенія. И хотя эти разграниченія можно признать непреодолимо твердыми въ борьбѣ со скептицизмомъ,—если только когда нибудь существовалъ такой чудовищный скептицизмъ, который утверждалъ бы, что преемства событій и случайны и неправильны,—они не имѣютъ никакого вѣса противъ опредѣленія силы, утверждающаго, что она состоитъ въ вѣрности неизмѣннаго слѣдованія какого нибудь событія какъ ея непосредственнаго послѣдующаго; потому что этою самою правильностью слѣдованій, предполагаемою въ опредѣленіи, самъ собою дается случай для всѣхъ этихъ разграниченій мысли и рѣчи, которыя выведены д-ромъ Ридомъ.

«Что одно какое нибудь событіе слѣдуетъ неизмѣнно за другимъ, это конечно достойно высокаго удивленія, какъ и всякая вещь въ природѣ, и можетъ быть приписано только безконечному источнику всего чудеснаго и

возвышеннаго,— волѣ того божественнаго Существа. Кто далъ вселенной ея законы, и сочеталъ ихъ въ наиблагодѣтельнѣйшемъ порядкѣ для счастія своихъ твореній, которыя, безъ вѣры въ однообразіе этихъ законовъ, управляющей ихъ поведеніемъ, не умѣли бы поддержать даже и своего животнаго существованія. Но однообразіе преемства, конечно, не станетъ менѣе чудесно вслѣдствіе одной перемѣны имени. Тоже самое чудо остается и тогда, когда предыдущему изъ двухъ событій мы приписываемъ терминъ силы, и когда употребляемъ совершенно синонимическое выраженіе неизмѣннаго предшествія; потому что каждый изъ этихъ терминовъ ничего больше не заключаетъ, кромѣ того, что одно какое нибудь событіе не можетъ происходить, такъ чтобы за нимъ не слѣдовало извѣстное другое. Постоянство и однообразіе отношенія суть существенныя обстоятельства. Быть тѣмъ, что̀ не можетъ существовать, такъ чтобы за нимъ не слѣдовало въ тоже мгновеніе извѣстное событіе, и значитъ быть причиною этого событія, какъ соотносительнаго дѣйствія (correlative effect). Не возможно думать, что неизмѣнное предыдущее есть нѣчто другое чѣмъ причина, или причина нѣчто иное чѣмъ неизмѣнное предыдущее,—точно также какъ нельзя думать, что *homo* есть латинскій синонимъ *man* и однакожъ *man* не есть англійскій синонимъ *homo*.

«Знать силы природы, значитъ, поэтому, только знать, за какими предыдущими слѣдуютъ и будутъ слѣдовать какія послѣдующія; потому что именно эта неизмѣнность, а не какое нибудь отдѣльное существованіе, и составляетъ все, что выражается въ какомъ нибудь слу-

чаѣ краткимъ терминомъ *сила*; это, и только это, и есть истинный предметъ физическаго изслѣдованія, занимающагося преемствомъ событій.

«Поэтому на вопросъ, что такое извѣстный предметъ, можно дать со смысломъ только два отвѣта. Мы можемъ разсматривать его какъ онъ существуетъ въ пространствѣ, и постановлять элементы которые сосуществуютъ въ немъ, или скорѣе составляютъ его, или можемъ разсматривать его какъ онъ существуетъ во времени,—и во всѣхъ рядахъ перемѣнъ, которыхъ онъ образуетъ неизмѣнную часть, установлять тѣ предметы, къ которымъ онъ относится какъ предыдущее или послѣдующее.

«Сочетать эти два взгляда на природу, какъ она существуетъ въ пространствѣ и времени, и знать съ совершенною точностью каждый элементъ каждаго аггрегата, и каждый рядъ перемѣнъ, которыхъ каждый изъ нихъ образуетъ или можетъ образовать какую нибудь часть,—и значило бы знать все, что только физически можно знать о вселенной. Простирать наше физическое изслѣдованіе явленій природы, послѣ такого совершеннаго знанія, еще дальше, значило бы ошибочно предполагать, что въ тѣхъ сложностяхъ, которыя мы имѣемъ передъ собою и которыхъ знаемъ каждый элементъ, есть какой нибудь элементъ еще не открытый, или въ совершенно извѣстныхъ преемствахъ нѣкоторыя предыдущія или послѣдующія еще не замѣчены; или значило бы изслѣдовать безъ всякаго дѣйствительнаго предмета изслѣдованія;—родъ изысканій, какой въ продолженіи двухъ тысячъ лѣтъ былъ почти единственнымъ занятіемъ остроумныхъ и ретивыхъ, и какой далеко еще не изчезъ, со

всѣми этими ничтожными схоластическими глупостями, которыя возбуждаютъ въ насъ одну улыбку, при всемъ томъ, что мы можетъ-быть не уступили бы имъ въ массѣ своихъ собственныхъ заблужденій.»)

Броунъ не остановился на прямомъ анализѣ причинныхъ отношеній, основныя черты котораго мы сейчасъ представили; онъ прослѣдилъ самыя обстоятельства, подавшія поводъ искать между предыдущимъ и послѣдующимъ, кромѣ простой неизмѣнности ихъ преемства, еще какой-то, отличной отъ нихъ, таинственной связи между ними, на которую по преимуществу и переносилось названіе силы или причины. Но мы не имѣемъ здѣсь мѣста вдаваться въ эти превосходные анализы; ограничимся замѣчаніемъ, что его ученіе принято нынѣ всѣми лучшими представителями философіи духа въ Англіи, какъ спеціальный фундаментъ индуктивной логики.

Д. С. Милль, по поводу того же ученія, дѣлаетъ замѣчаніе, которое можетъ выставить одну сторону теоріи Броуна въ лучшемъ свѣтѣ. «Если причиною чего нибудь мы называемъ «предыдущее, за которымъ это нѣчто неизмѣнно слѣдуетъ», то это выраженіе мы употребляемъ», говоритъ Милль, «не какъ синонимическое съ слѣдующимъ: «предыдущее, за которымъ оно въ нашихъ прошлыхъ опытахъ неизмѣнно слѣдовало». Такой образъ выраженія подлежалъ бы благовидному возраженію, сдѣланному Ридомъ,—что, по этому ученію, ночь должна быть причиною дня, а день причиною ночи, потому что эти явленія природы слѣдуютъ другъ за другомъ отъ начала міра. При нашемъ употребленіи термина причины надобно быть

*) *Brown.* Phl. of the Hum. Mind. 20-th. ed. Lect. VI, p. 35—38

убѣжденнымъ не только въ томъ, что за извѣстнымъ предыдущимъ всегда слѣдовало извѣстное послѣдующее, но и въ томъ, что оно всегда и будетъ слѣдовать, до тѣхъ поръ пока существуетъ настоящій порядокъ вещей; а это будетъ невѣрно въ приложеніи ко дню и ночи. Мы не думаемъ, что день будетъ слѣдовать за ночью при всѣхъ мыслимыхъ обстоятельствахъ, а только *подъ условіемъ* восхожденія солнца. Если бы солнце не взошло, — что, сколько мы знаемъ, не стоитъ въ противорѣчіи съ общими законами природы, — то была бы, или могла бы быть, вѣчная ночь. Съ другой стороны, если солнце стоитъ надъ горизонтомъ, если свѣтъ его не погасъ, если между нимъ и нами не находится никакого плотнаго тѣла, мы убѣждены, что если не произойдетъ никакой перемѣны въ свойствахъ вещества, то это сочетаніе предъидущихъ будетъ сопровождаться послѣдующимъ, днемъ; что еслибъ это сочетаніе предыдущихъ могло продолжаться безконечно, то и день продолжался бы вѣчно, и что еслибъ оно существовало постоянно, то и день существовалъ бы всегда, и независимо отъ ночи какъ предварительнаго условія. Существованіе солнца (или свѣтящаго тѣла), отсутствіе темной среды въ прямомъ направленіи *) между солнцемъ и частію земли, обитаемою нами, и суть единственныя условія, изъ соединенія которыхъ, безъ всякаго дальнѣйшаго прибавленія, слагается причина. Вотъ что разумѣютъ писатели, когда говорятъ, что понятіе причины заключаетъ идею необходимости. Если слову *необходимость* принадлежитъ какое нибудь безспорное значеніе, то это, конечно, значеніе *безусловности*.

*) «Въ прямомъ направленіи» говорится, по примѣчанію Милля, ради краткости и простоты.

Что нѣчто необходимо, что нѣчто *должно* быть, значитъ, что нѣчто будетъ, каковы бы ни были наши предположенія относительно всѣхъ другихъ вещей. Очевидно, что преемство дня и ночи въ этомъ смыслѣ не есть необходимо; оно установлено совмѣстнымъ дѣйствіемъ различныхъ предыдущихъ Что сопровождается какимъ нибудь даннымъ слѣдствіемъ только въ томъ случаѣ, какъ скоро существуетъ также какое нибудь третье обстоятельство, то не есть причина, хотя бы и не случилось ни разу, чтобъ это явленіе происходило въ его отсутствіи.

«Поэтому неизмѣнная послѣдовательность не есть синонимъ причины, если слѣдствіе, кромѣ неизмѣнности, не обладаетъ и безусловностью. Есть преемства, которыя по прошлымъ опытамъ также однообразны какъ и другія, и которыя однакожъ мы считаемъ не случаями причиненія, а связями (conjunctions) въ нѣкоторой мѣрѣ случайными, какъ это именно въ дѣлѣ дня и ночи...»

«Поэтому причину физическаго явленія мы можемъ опредѣлить какъ такое предыдущее, или такое совмѣстное дѣйствіе предыдущихъ, за которымъ оно неизмѣнно и *безусловно* слѣдуетъ, или, принимая удобную модификацію значенія слова причина, по которой она есть сумма положительныхъ условій безъ отрицательныхъ,— мы должны сказать вмѣсто «безусловно». не подчиняясь никакимъ другимъ условіямъ кромѣ отрицательныхъ.» *).

Мѣста, приведенныя нами изъ Броуна и Д. С. Милля, кажется, достаточно объясняютъ, въ чемъ состоитъ это, чисто аналитическое ученіе о причинности, впервые поставленное на видъ, съ такою силою и съ такимъ успѣ-

*) *J. S. Mill.* Syst d. ded. u. ind. Logik. Uebertr. v Schiel 2-te Autl. I Th. p. 399—401

хомъ, философскою критикою Броуна. Мы увидимъ сейчасъ, какими важными послѣдствіями оно сопровождалось для точной постановки руководительныхъ началъ Локка.

Припомнимъ первое изъ нихъ. Наука о духѣ должна оставить силлогизацію о нефеноменальной сущности духа, какъ это дѣлалось во времена схоластики, и заняться изученіемъ однихъ духовныхъ явленій, предоставляя физикѣ вещества изученіе явленій вещественныхъ; и это потому, что познаніе чего бы то ни было за предѣлами простыхъ явленій недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Вмѣстѣ съ этимъ, знаменитый вопросъ объ отношеніи между духомъ, какъ неизвѣстнымъ подлежащимъ духовнымъ видоизмѣненіямъ, и веществомъ, какъ сущностью независимою отъ нашихъ внутреннихъ состояній,—вопросъ столько занимавшій схоластику и школу Декарта, искавшихъ опредѣлить и мѣстопребываніе души въ тѣлѣ, и способъ ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга и проч.,—остался вопросомъ не имѣющимъ въ наукѣ никакого мѣста.

Все что могло бы подлежать научному изслѣдованію, будетъ, послѣ этого, не отношеніе духа и тѣла какъ противоположныхъ субстанцій, а единственно взаимное отношеніе двухъ противоположныхъ порядковъ явленій, вещественныхъ и духовныхъ, т. е. двухъ порядковъ нашихъ внутреннихъ состояній, или состояній нашего сознанія, изъ которыхъ въ одномъ мы видимъ міръ внѣшній и отъ нашего духа независимый, а въ другомъ собственныя дѣйствія своего духа;—впрочемъ и это только подъ тѣмъ условіемъ, если явленія вещественныя и явленія духовныя, дѣйствительно, встрѣчаются между собою въ нашемъ анализѣ фактовъ. Такой случай мы имѣемъ, именно, въ

пограничной сферѣ философіи вещества и философіи духа, — области, которая подразумѣвается въ положеніи Локка, что извѣстная часть духовныхъ явленій обязана своимъ происхожденіемъ дѣятелямъ постороннимъ для духа и называемымъ внѣшними предметами. Это та область знаній, въ которой физикъ, напр. оптикъ, медикъ, физіологъ и проч., не всегда можетъ вращаться съ удобствомъ въ кругѣ явленій вещественныхъ, не заглядывая въ кругъ явленій имъ противоположныхъ, духовныхъ,— и въ которой моралистъ, съ своей стороны, находитъ постоянные поводы выходить изъ круга собственнаго предмета своихъ изслѣдованій въ область физики; и именно, съ одной стороны, явленія тѣлесныя, или органическія, въ ихъ связи съ явленіями духовными, и съ другой, явленія духовныя въ ихъ связи съ явленіями органическими Эта связь духовныхъ и вещественныхъ явленій, въ этой смежной области философіи природы и философіи духа, и есть единственный научный смыслъ вопроса объ отношеніи между духомъ и тѣломъ. Въ чемъ же состоитъ эта связь?

Чтобы не теряться въ исканіяхъ лучшей постановки дѣла, обратимся къ результатамъ уже извѣстнымъ. Философская критика показала, что внѣшній міръ существуетъ для насъ въ силу нашихъ состояній, которыя мы называемъ внѣшними ощущеніями, и начало которыхъ ведемъ отъ предметовъ постороннихъ нашему духу. Итакъ наши внѣшнія *ощущенія* — вотъ тотъ пунктъ, въ которомъ моралистъ, какъ и другіе, полагаетъ связь духа съ предметами ему посторонними, иначе сказать, связь явленій духовныхъ и органическихъ, или тѣлесныхъ. Анатомія и физіологія, своими особенными средствами

индуктивнаго изслѣдованія, раскрыли эту связь въ весьма тонкихъ подробностяхъ; онѣ поставили внѣ всякаго сомнѣнія ту истину, что для ощущеній нужна предварительная дѣятельность нервовъ и мозга; иначе сказать, что ощущенія *производятся* органическими явленіями системы нервовъ и мозга. Многимъ физіологамъ казалось, что тутъ и послѣдній приговоръ въ опредѣленіи этой связи нашихъ ощущеній съ нервами и мозгомъ; и дѣйствительно, этимъ и оканчивается, въ итогѣ, все показаніе физіологіи. Дальше этого шага она итти не можетъ; потому что болѣе тѣсной связи явленій, чѣмъ связь произведенія однихъ другими, мы не знаемъ. Но этимъ не оканчивается приговоръ цѣлой науки. Логика напр. тутъ только и начинаетъ свои вопросы; а именно, что значатъ эти, очевидно, метафорическія выраженія *рожденіе*, *произведеніе*, *причиненіе* и т. д., которыми обозначается отношеніе нервныхъ и мозговыхъ явленій къ нашимъ ощущеніямъ?

Руководствуясь теоріею причины и дѣйствія, единственно возможною въ индуктивной наукѣ, мы должны отвѣтить, что здѣсь дѣло идетъ о какомъ нибудь преемствѣ явленій, въ которомъ предыдущимъ служатъ какія бы то ни было явленія нервныя и мозговыя, а послѣдующимъ то духовное состояніе, которое называется внѣшнимъ ощущеніемъ. Если это преемство явленій есть связь причинная, то мы должны показать, что послѣдующее, т. е. ощущеніе, всегда, или непремѣнно и безусловно, сопровождаетъ эти органическія предыдущія. Физіологія это сдѣлала; и мы имѣемъ отрасль знаній равно интересную и для физика и для моралиста. Но все что мы имѣемъ въ этомъ случаѣ, ограничивается только

извѣстною послѣдовательностью или извѣстнымъ преемствомъ явленій. Явленія духовныя существенно отличаются отъ вещественныхъ, не взирая на то, что извѣстная часть ихъ слѣдуетъ неизмѣнно и безусловно за извѣстными событіями органическими или тѣлесными, и что съ разстройствомъ или уничтоженіемъ этихъ предыдущихъ разстроиваются или уничтожаются и эти послѣдующія, т. е. ощущенія. Такъ какъ ощущенія суть необходимое начало всей высшей духовной жизни, то изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что безъ предварительныхъ извѣстныхъ перемѣнъ или событій въ нашемъ тѣлѣ, безъ явленій въ нервахъ и мозгѣ, отъ которыхъ зависятъ наши ощущенія, мы ни могли бы, родившись на свѣтъ, быть причастниками какой бы то ни было духовной жизни; и наша жизнь, если бы таковая была возможна, походила бы, сколько мы можемъ судить объ этомъ, на жизнь растеній. Вотъ все, что можно вывесть изъ физіологическихъ условій нашихъ ощущеній. Эти условія нашего земного существованія для насъ отнюдь не тайна, и едва ли бы внушали какое нибудь подозрѣніе, если бы мы не были подготовлены къ этому различными сторонними предразсудками.

Итакъ въ фактѣ ощущеній, какъ онъ открывается взаимнымъ усиліямъ физіологіи и философской критики, мы имѣемъ только одинъ урокъ,—что явленіямъ духовнымъ, которыя мы называемъ внѣшними ощущеніями, неизмѣнно и безусловно предшествуютъ различныя органическія перемѣны, или событія въ нервахъ и мозгѣ; болѣе этой, выраженной такимъ образомъ, смѣны явленій, или преемства ихъ, въ томъ рядѣ, послѣднимъ звѣномъ котораго стоитъ внѣшнее ощущеніе,—мы не имѣемъ ровно

ничего; и коренная разница между явленіями вещественными и явленіями духовными остается попрежнему.— Но мы взяли ощущенія только какъ ближайшій примѣръ такихъ фактовъ, которые относятся къ области явленій, равно интересующихъ и физику и философію духа Рождается вопросъ: какъ далеко простирается такая причинная зависимость духовныхъ явленій отъ органическихъ или тѣлесныхъ?—Замѣтимъ прежде всего, что какъ бы далеко она ни простиралась, во всякомъ случаѣ она будетъ того же самого характера, какъ и въ фактѣ нашихъ внѣшнихъ ощущеній, и духъ останется по прежнему существенно отличнымъ отъ тѣла. Но вопросъ этотъ интересенъ уже съ другой стороны; здѣсь дѣло идетъ о самостоятельности духа, и связанныхъ съ этимъ практическихъ интересахъ. На этотъ вопросъ науки физическія представляли много утвердительныхъ отвѣтовъ, изъ которыхъ ни одинъ не выдержалъ критики Въ тоже время философія духа получила у Локка твердое руководительное правило различать между ощущеніями и между операціями духа, которыя зависятъ непосредственно или отъ ощущеній, или, въ дальнѣйшемъ, сами отъ себя. Это безспорный фактъ философской критики, и физіологія никогда не опровергнетъ его; но ей остается просторъ изслѣдовать, точно ли психологическій анализъ исчерпываетъ до дна зависимость духовныхъ явленій; и тѣ явленія, какія Локкъ называетъ рефлексивными, не условливаются ли ощущеніями только на ближайшемъ разстояніи аналитическихъ работъ, какое такимъ образомъ только и доступно философіи духа независимо отъ физіологіи, — а въ дальнѣйшемъ зависятъ собственно отъ условій физіологическихъ, точно также какъ и ощущенія?

Если бы физіологіи удалось доказать послѣднее, то оказалось бы только, что духовныя событія, которыхъ причину мы видимъ въ ощущеніяхъ, стоятъ съ послѣдними въ такой же связи, какъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ, стоятъ между собою день и ночь. Преемство ихъ было бы, въ опытѣ, постояннымъ, но не безусловнымъ иначе причиннымъ. По научныя убѣжденія, будутъ ли это положенія, или отрицанія,—должны быть только выраженіемъ уже достигнутаго результата, — чего въ нашемъ случаѣ физіологія не сдѣлала; а потому и нѣтъ никакого твердаго научнаго основанія измѣнять на рефлексивныя явленія взглядъ, высказаный Локкомъ,—отнимая у нихъ характеръ самостоятельныхъ операцій духа Но вопросъ приметъ другое положеніе, если мы представимъ его въ такомъ видѣ имѣютъ ли явленія органическія какое бы то ни было, прямое или косвенное, вліяніе на собственныя операціи духа, иначе сказать, отзываются ли эти явленія какимъ нибудь прямымъ или косвеннымъ видоизмѣненіемъ оригинальныхъ законовъ духа? На этотъ вопросъ физіологія опять до сихъ поръ не дала такого же, строго научнаго отвѣта, какъ по поводу ощущеній; но всѣ данныя склоняются къ отвѣту утвердительному. Во всякомъ случаѣ, предполагаемая здѣсь роль органическихъ перемѣнъ есть чисто второстепенная и ограничивается, или должна ограничиваться, побочною кооперацією съ оригинальными законами духа; и эта кооперація состояла бы опять только въ извѣстномъ преемствѣ этихъ перемѣнъ, отражающемся, въ послѣдней степени, какою нибудь перемѣною въ направленіи оригинальныхъ законовъ духа. Такимъ образомъ и здѣсь причинная связь духовныхъ и вещественныхъ явленій не можетъ итти даль-

ше неизмѣннаго и безусловнаго предваренія однихъ явленій другими.

Таковъ первый важный выводъ философской критики Броуна. Упоминая объ извѣстныхъ физіологическихъ фактахъ, существованіе которыхъ сопровождается ощущеніями, и отсутствіе которыхъ влечетъ неизбѣжно отсутствіе соотвѣтственныхъ ощущеній, Броунъ продолжаетъ: «Итакъ мозгъ, и различные нервы внѣшнихъ чувствъ въ непрерывномъ соединеніи съ нимъ, взятые вмѣстѣ, образуютъ, можно сказать, одинъ великій органъ, — который я назвалъ бы кратко чувствилищнымъ органомъ (sensorial organ),—существенный для жизни и для непосредственнаго произведенія тѣхъ духовныхъ явленій, въ которыхъ состоятъ наши ощущенія, и можетъ-быть притомъ въ нѣкоторой мѣрѣ видоизмѣняющій, прямо или косвенно, и всѣ другія явленія духа.»

«Относительно самой природы связи этого великаго чувствилищнаго органа съ ощущающимъ духомъ, мы никогда не будемъ въ состояніи знать что-нибудь больше того, что̀ заключается въ простомъ фактѣ, что извѣстному состоянію духа предшествуетъ непосредственно извѣстное впечатлѣніе на нервную систему. Впрочемъ, хотя мы и привыкли представлять этотъ видъ взаимнаго преемства тѣлесныхъ и духовныхъ энергій особенно неизъяснимымъ, вслѣдствіе совершенно различной природы субстанцій, производящихъ другъ на друга взаимное впечатлѣніе, — въ дѣйствительности, неизъяснимаго здѣсь не больше, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ преемства событій, когда явленія встрѣчаются въ субстанціяхъ, которыя въ своихъ дѣйствіяхъ не различны, но подобны или даже безусловно сходны... Что за особеннымъ со-

стояніемъ частей мозга всегда слѣдуетъ перемѣна въ состояніи ощущающаго духа, это дѣйствительно удивительно; но если вглядимся въ это пристальнѣе, то найдемъ, что это ничуть не удивительнѣе того, что восхожденіе мѣсяца на извѣстную точку небесъ, всегда дѣлаетъ состояніе тѣла на земной поверхности отличнымъ отъ того, какое ему свойственно въ другое время; или что состояніе каждой частички нашего земного шара въ ихъ относительныхъ тенденціяхъ тяготѣнія должно, какъ это безпорно, мгновенно измѣниться вслѣдствіе разрушенія самого отдаленнаго спутника самой отдаленной планеты нашей системы...» *)

Другой, столько же важный, пунктъ объясненія научныхъ пріемовъ въ философіи духа дается разъясненіемъ отношенія къ нашимъ ощущеніямъ остальныхъ явленій духа, обозначенныхъ у Локка терминомъ рефлексіи. На мѣсто фигуральнаго выраженія Локка, Броунъ ставитъ твердый терминъ причинности. Кратко выражая его выводъ, мы должны сказать, что всѣ духовныя явленія, какія Локкъ сводилъ подъ главу рефлексіи, отдѣляя ихъ отъ ощущеній и не разрывая съ послѣдними ихъ связи,—т. е. наши перцепціи, воспоминанія, желанія и проч., все это, насколько зависитъ отъ ощущеній, производится послѣдними какъ своими причинами, иначе состоитъ въ преемствахъ событій, которыхъ первое, исходное звѣно лежитъ уже не во внѣшнихъ предметахъ, или органическихъ перемѣнахъ, — какъ это именно прилагается къ нашимъ ощущеніямъ, — а напротивъ во внутреннихъ состояніяхъ самого духа, т. е. въ нашихъ

*) *Brown*: Phil. of the Hum. Mind. Lect. XIX, p. 119.

внѣшнихъ ощущеніяхъ. Самая природа отношенія остается таже. это простой фактъ всегдашняго слѣдованія за ощущеніями какихъ нибудь другихъ духовныхъ явленій, напр. воспоминаній, желаній и т. д. Различіе антецедентовъ въ примѣрѣ внѣшнихъ ощущеній и остальныхъ духовныхъ явленій, такъ важно и такъ упрощаетъ работы ихъ изслѣдованія, что Броунъ не усомнился принять его началомъ для классификаціи всѣхъ духовныхъ явленій. Удобно ли это начало для такой цѣли, это другой вопросъ; но что это раздѣленіе духовныхъ явленій по ихъ непосредственнымъ антецедентамъ. или причинамъ, никогда не можетъ быть упускаемо изъ виду изслѣдователемъ духа, это ясно изъ того, что оноесть только другое выраженіе второго локкова руководительнаго начала методы. — Послушаемъ теперь объ этомъ предметѣ самого Броуна.

«Всѣ чувства и мысли духа», говоритъ онъ, «суть только самъ духъ, существующій въ различныхъ состояніяхъ. Съ этимъ простымъ словомъ *состояніе* я употребляю, какъ синонимическое, выраженіе *впечатлѣніе духа* (affection of mind), для обозначенія минутнаго чувства, въ чемъ бы оно ни состояло... Наши духовныя состоянія или духовныя впечатлѣнія суть, такимъ образомъ, простѣйшіе термины, которыми я могу пользоваться для выраженія цѣлыхъ рядовъ явленій духа, во всемъ ихъ разнообразіи, — безъ всякой примѣси гипотезы относительно частнаго способа происхожденія этихъ послѣдовательныхъ перемѣнъ.

«Такимъ образомъ, когда мы разсматриваемъ различныя состоянія или впечатлѣнія духа. составляющія эти ряды, одно обстоятельство разности не можетъ не пора-

зить насъ; то именно, что нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ непосредственно вслѣдствіе присутствія внѣшнихъ предметовъ, и нѣкоторыя, также непосредственно, вслѣдствіе извѣстныхъ предшествующихъ впечатлѣній самого духа. Поэтому одинъ порядокъ есть, очевидно, результатъ законовъ вещества и духа, показывающій въ предметахъ внѣшнихъ силу производить впечатлѣніе на духъ, а въ духѣ воспріимчивость къ этимъ впечатлѣніямъ. Другой порядокъ есть результатъ впечатлительности духа къ своимъ собственнымъ состояніямъ, — духа, котораго его божественный Виновникъ устроилъ такъ, что онъ существуетъ въ извѣстныхъ состояніяхъ, и существуетъ въ этихъ состояніяхъ въ извѣстномъ относительномъ порядкѣ преемства. Впечатлѣнія перваго класса происходятъ вслѣдствіе присутствія какого нибудь внѣшняго предмета; впечатлѣнія второго класса происходятъ вслѣдствіе какой нибудь предварительной перемѣны въ состояніяхъ духа.

«Объяснимъ эту разницу примѣромъ. Предположимъ, что гуляя по лугу, мы обращаемъ глаза въ извѣстную сторону и замѣчаемъ дубъ; т. е. присутствіе дуба, или лучше отражаемаго имъ свѣта, причиняетъ извѣстное новое состояніе духа, которое мы называемъ ощущеніемъ зрѣнія, — впечатлѣніе, которое на дѣлѣ принадлежитъ только нашему духу, но которому онъ, какъ мы имѣемъ полное право предполагать, не подлежалъ бы безъ присутствія свѣта. Это частное ощущеніе есть, поэтому слѣдствіе присутствія свѣта, отражаемаго дубомъ, и мы получаемъ его въ силу впечатлительности духа ко внѣшнимъ вещамъ. Но это впечатлѣніе духа, имѣющее своею

непосредственною причиною внѣшній предметъ, не есть единственная духовная перемѣна, какая происходитъ при этомъ. Другія перемѣны послѣдовали за нею, безъ всякаго другого внѣшняго впечатлѣнія. Мы сравниваемъ дубъ съ какимъ нибудь другимъ деревомъ, видѣннымъ прежде, и поражаемся его величественностью и красотою; воображаемъ, въ какомъ бы видѣ предстала передъ нами какая нибудь болѣе привычная намъ сцена, если бы была украшена этимъ деревомъ,—и какая открылась бы сцена, еслибъ это дерево было устранено съ своего мѣста; думаемъ, сколько требовалось прожить лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ дубъ былъ только жолудемъ, и размышляемъ о тѣхъ перемѣнахъ, какія произошли въ маленькой исторіи, нашей собственной и нашихъ друзей,—и даже больше, о перемѣнахъ царствъ, рожденіи и смерти цѣлыхъ человѣческихъ поколѣній, въ то время какъ онъ тихо и правильно подвигался къ зрѣлости, подъ солнечнымъ сіяніемъ и бурею. Изъ всего этого разнообразія состояній духа, заключающихся въ этихъ процессахъ мысли, единственное состояніе, какое можетъ быть приписано внѣшнему предмету, какъ его прямой причинѣ,—есть первое ощущеніе дуба; остальное есть прямой результатъ не какой нибудь внѣшней вещи, а предшествующихъ духовныхъ состояній; за частнымъ духовнымъ состояніемъ, которое заключалось въ перцепціи дуба, слѣдовало непосредственно то отличное состояніе, какое давалось воспоминаніемъ дерева замѣченнаго прежде; за этимъ опять иное, въ которомъ заключалось сравненіе обоихъ; и такъ преемственно всѣ исчисленные различные процессы мысли. Духъ нашъ, дѣйствительно, не могъ, безъ присутствія дуба, т. е. при отсутствіи отражаемаго имъ свѣта, суще-

ствовать въ томъ состояніи, изъ котораго слагалось ощущеніе дуба. Но точно также и всякій внѣшній предметъ, безъ этого перваго духовнаго состоянія, не произвелъ бы непосредственно ни одного изъ тѣхъ другихъ состояній духа, которыя слѣдовали за этимъ ощущеніемъ. Есть, такимъ образомъ, весьма наглядная разница между духовными явленіями, это—разница въ ихъ отношеніи къ ихъ причинамъ, внутреннимъ и внѣшнимъ.» *)

Не трудно замѣтить, что это другой, болѣе ясный, опредѣлительный и твердый языкъ для того же самаго факта нашего духовнаго устройства, которое Локкъ назвалъ рефлексіею,—буквально, отсвѣтомъ, отраженіемъ предшествующихъ состояній, иначе отзывомъ духа на состоянія, возбужденныя въ немъ внѣшними предметами. Философская критика привела Локка къ убѣжденію, что разнообразныя явленія духа невозможно предполагать существующими въ немъ раньше самаго факта ихъ перваго существованія, всегда предваряемаго внѣшними ощущеніями; съ другой стороны, нельзя смотрѣть на нихъ только какъ на ощущенія, и простое видоизмѣненіе послѣднихъ, ихъ сложеніе, раздѣленіе и проч., какъ это утверждалъ Гассенди,—такъ какъ мы получаемъ здѣсь факты духовнаго существованія совершенно отличные отъ нихъ и дающіе порядокъ новыхъ идей, о предметахъ не подходящихъ подъ разрядъ внѣшнихъ или вещественныхъ явленій. Но эта мысль Локка, оставаясь руководительною, была, какъ мы сказали, заключена въ термины метафорическіе и допускающіе недоразумѣнія, однимъ словомъ, далекіе отъ строгой научной фразеологіи. И философія Броуна является въ этомъ пунктѣ столько же

*) *Brown:* Phil. of the Hum Mind. Lect. XVI, p. 102.

твердою, сколько и чуждою несобственныхъ выраженій и неясности. Поставивши строгимъ аналитическимъ пріемомъ понятіе причинныхъ отношеній, какъ неизмѣннаго и безусловнаго преемства предыдущаго и послѣдующаго, Броунъ освѣтилъ неожиданнымъ свѣтомъ какъ отношеніе нашихъ ощущеній къ перемѣнамъ органическимъ, такъ точно и отношеніе остальныхъ явленій духа къ нашимъ ощущеніямъ Они относятся къ послѣднимъ, какъ своимъ причинамъ, и это значитъ только—какъ своимъ неизмѣннымъ и безусловнымъ предыдущимъ Это отношеніе весьма выразительно въ терминѣ «внушеніе,» и Броунъ сдѣлалъ его техническимъ терминомъ для выраженія всѣхъ умственныхъ состояній духа, которыя и раздѣляются имъ на *внушенія простыя* (simple suggestions) и *внушенія отношеній* или *относительныя* (relative suggestions),— употребляя, въ томъ же обстоятельствѣ, для страстныхъ волненій, желаній или вообще нравственныхъ состояній духа, выраженія синонимическія, какъ *вызовъ*, *возбужденіе* и проч.

Можетъ быть здѣсь не некстати замѣтить, до какой степени этотъ взглядъ на отношенія духовныхъ явленій къ органическимъ перемѣнамъ и между собою, требуемый здравою философіею причинности, отвѣчаетъ глубочайшимъ убѣжденіямъ и обычнымъ взглядамъ общества. Возьмемъ для примѣра послѣднее отношеніе. Терминъ «внушеніе», самый выразительный для содержанія теорій Броуна въ нашемъ частномъ случаѣ, не есть ли въ тоже время наиболѣе живое и употребительное слово, въ литературѣ древней и новой, не предрасположенной къ «воспоминаніямъ» Платона или «врожденнымъ идеямъ» Декарта, — и въ разговорѣ публики? Внушать, наводить

на мысль, подавать мысль и проч.,—все это говорится не только въ отношеніи къ лицамъ или ихъ рѣчи, но и въ отношеніи къ внѣшнимъ предметамъ или внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Такая-то вещь мнѣ напомнила другую; такая-то встрѣча освѣтила меня такимъ-то подозрѣніемъ; такое-то лицо вызвало невольное сочувствіе къ себѣ; такіе-то знаки расположили къ такимъ-то думамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы можемъ не знать законовъ управляющихъ нашими воспоминаніями, подозрѣніями, сочувствіями, думами; но одно обстоятельство высказывается съ яснымъ сознаніемъ, именно что всѣ эти случаи духовныхъ явленій обязаны своимъ существованіемъ какимъ нибудь предыдущимъ духовнымъ явленіямъ, вызваннымъ внѣшними предметами, какъ ихъ причинами.

При такой постановкѣ дѣла, задача изученія духовныхъ явленій оказывается ясною до прозрачности. Извѣстная часть духовныхъ явленій (ощущенія) есть послѣдствіе явленій вещественныхъ и ближайшимъ образомъ нервныхъ и мозговыхъ; слѣдовательно законы этихъ явленій суть собственно законы физики въ строгомъ смыслѣ нютоновой школы, и изслѣдованіе ихъ падаетъ въ область физіологіи. Но что долженъ имѣть въ виду физіологъ,—разслѣдующій дѣло по требованіямъ строгой индуктивной методы,—при разъясненіи факта причинной зависимости извѣстной части духовныхъ явленій отъ нашего организма, особенно нервовъ и мозга,—и чего долженъ искать въ этихъ физіологическихъ разъясненіяхъ моралистъ? Одного,—опредѣленія всѣхъ органическихъ перемѣнъ, присутствіе которыхъ всегда и безусловно сопровождается извѣстными явленіями въ нашемъ духѣ и видоизмѣненіями его различныхъ операцій, и отсутствіе

которыхъ, по этому самому, влечетъ за собою отсутствіе этихъ явленій и этихъ видоизмѣненій. Таково должно быть, по требованію здравой методы, содержаніе *физіологическаго* или *физическаго ученія о духѣ*.

Затѣмъ остается необозримо широкая область духовныхъ явленій, которыхъ отношенія суть чисто внутреннія, которыхъ обработка принадлежитъ собственно и исключительно философіи духа, и отъ успѣшнаго изученія которыхъ зависятъ, въ извѣстной долѣ, успѣхи и самаго физіологическаго ученія о духѣ. Эти чисто внутреннія отношенія духовныхъ явленій и ихъ законы и составляютъ собственный, самостоятельный фундаментъ всѣхъ наукъ о духѣ. Какая же задача предстоитъ изслѣдователю духа въ этой, его собственной, сферѣ духовныхъ явленій?—«Видъ философскаго изслѣдованія», говоритъ Броунъ, «допускаемый нашими внутренними впечатлѣніями духа, есть тотъ же самый, какой допускается и нашими внѣшними впечатлѣніями; т. е. въ нашемъ изслѣдованіи мы должны разсматривать обстоятельства, при которыхъ они происходятъ, и тѣ обстоятельства, какія слѣдуютъ за ними, съ тѣми отношеніями, которыя они обнаруживаютъ къ нашимъ внѣшнимъ ощущеніямъ и другъ къ другу, — и ничего болѣе. Независимо отъ опыта, a priori, не возможно открыть какое бы то ни было основаніе, почему, въ дѣлѣ нашихъ внутреннихъ чувствъ, одно состояніе духа должно непосредственно сопровождаться другимъ; точно также какъ невозможно открыть, почему присутствіе свѣта должно сопровождаться тѣмъ частнымъ духовнымъ состояніемъ, какимъ составляется извѣстное ощущеніе цвѣта, а не тѣмъ, какимъ составляется ощущеніе звука соловья, или запаха фіалки; или

почему эти внѣшнія причины сопровождаются скорѣе ощущеніями звука и запаха, чѣмъ ощущеніемъ цвѣта. Такимъ же образомъ мы напрасно стали бы надѣяться открыть какое нибудь основаніе въ природѣ самого духа, которое дозволило бы намъ предсказать, безъ помощи дѣйствительнаго опыта, или по крайней мѣрѣ аналогіи другихъ сходныхъ случаевъ, какія нибудь чисто умственныя перемѣны состоянія, — напр., что образъ какого нибудь предмета, прежде видѣннаго нами при другихъ обстоятельствахъ, мгновеннымъ самостоятельнымъ внушеніемъ, вызоветъ эти, уже болѣе не существующія обстоятельства; — что встрѣтивши, въ самой отдаленной землѣ, урожденца собственной страны, мы будемъ въ состояніи однимъ лишь словомъ, какъ бы уничтожить на минуту всѣ моря и горы, отдѣляющія его отъ родины, — или, что во глубинѣ мрачной темницы, откуда ея несчастный обитатель, проведшій въ ней пол-жизни, видитъ, и едва видитъ, только не много слабыхъ лучей, позволяющихъ ему лишь говорить о солнечномъ сіяніи, а не наслаждаться имъ, и даже лишающихъ его удобства самозабвенія, открывая его глазамъ несчастіе, испытываемое имъ въ сердцѣ, — это жалкое твореніе, о комъ въ цѣломъ свѣтѣ помнитъ можетъ-быть только одно существо, котораго регулярное присутствіе въ урочный часъ почти не чувствуется какъ присутствіе другого живого существа, — тѣмъ не менѣе, по силѣ одной мысли, вступитъ мгновенно въ обладаніе свободою, оставаясь по прежнему въ темницѣ, — свободою, которая возвратитъ ему не только волю, но и тѣ годы, когда онъ потерялъ ее, и лѣса, и поля, и ручьи его дѣтскихъ шалостей, и всѣ счастливыя лица, пользовавшіяся счастіемъ не болѣе чѣмъ онъ.

Безчисленные примѣры такихъ преемствъ мысли мы знаемъ изъ опыта, но только изъ опыта. Для насъ достаточно. однакожъ, установить простой фактъ, что внутреннія внушенія мысли за мыслію, безъ встрѣчи съ какимъ нибудь внѣшнимъ предметомъ, происходятъ точно также, какъ и ощущенія, когда встрѣчаются внѣшніе предметы,— подмѣтить общія обстоятельства въ разсужденіи самаго внушенія, и привести въ порядокъ начала, отъ которыхъ они обнаруживаются зависящими, какъ начала нашего умственнаго устройства. Покушаясь только на это, мы увѣрены по крайней мѣрѣ, что не покушаемся на что нибудь такое, что̀ бы выходило изъ круга человѣческихъ работъ. Покушаться на что нибудь больше и усиливаться. открыть въ одномъ изъ рядовъ нашихъ внутреннихъ чувствъ какое нибудь основаніе, какое могло бы, само по себѣ, вести насъ къ предсказанію ихъ существованія, или существованія другихъ умственныхъ впечатлѣній, какія за ними слѣдуютъ, значило бы надѣяться открыть то, что̀ не только выходитъ за предѣлы нашей способности предсказанія, но что̀ и не позволило бы знать, что мы угадали, если бы случайно мы даже и успѣли сдѣлать такое открытіе» *). — Все что сказано здѣсь о состояніяхъ умственныхъ, прилагается вполнѣ и къ другимъ отношеніямъ внутренней зависимости духовныхъ явленій.

Задача науки о духѣ поставляется, такимъ образомъ, какъ нельзя яснѣе, и ея исполненіе кажется такъ легко что едва ли и требуетъ чего нибудь, кромѣ «внимательности и терпѣнія». Въ дѣйствительности это далеко не такъ. Вся иллюзія легкости можетъ происходить только при исключительномъ сосредоточеніи на одномъ пунктѣ

*) *Brown*· Phil. of the Hum Mind Lect XXXII, p. 206.

этой задачи,—изслѣдованіи преемствъ духовныхъ явленій, или теченія ихъ въ порядкѣ времени. Но задача философіи духа поставлена такимъ образомъ. изученіе преемствъ духовныхъ явленій, съ тѣми отношеніями, какія они при этомъ обнаруживаютъ другъ къ другу. И въ этомъ послѣднемъ прибавленіи лежитъ труднѣйшая задача науки о духѣ, работа, совершенно параллельная, въ физикѣ, анализу тѣлъ. Анализъ духовныхъ явленій представляетъ чрезвычайныя трудности по самой особенности природы духовнаго существованія; потому что духъ, какъ противоположность вещества, есть существо непротяженное, и слѣдовательно недѣлимое. Отсюда самое понятіе сосуществованія въ духѣ,—которое однакожъ требуется для анализа,—звучитъ странно и на первый разъ неправдоподобно.

«Такъ какъ явленія духа», говоритъ Броунъ, «суть очевидно преемственны, подобно явленіямъ вещества, то разборъ послѣдовательности ихъ и расположеніе по извѣстнымъ классамъ можетъ казаться достаточно похожимъ на разборъ и расположеніе преемствъ явленій вещественнаго міра Но чтобы въ философіи духа были какія нибудь изслѣдованія, отвѣчающія изслѣдованіямъ сложности тѣлъ, это можетъ казаться невѣроятнымъ или почти нелѣпымъ, такъ какъ духъ, а слѣдовательно и его впечатлѣнія, должны быть просты и недѣлимы. Какъ бы однакожъ не казалось это удивительнымъ или даже нелѣпымъ,—не смотря на безусловную простоту духа, и слѣдовательно всѣхъ его чувствъ или минутныхъ состояній, наука о духѣ, въ своихъ наиболѣе важныхъ отношеніяхъ, есть наука анализа, или процесса который виртуально тоже самое что анализъ, и только потому, что

она есть въ этомъ, виртуальномъ, смыслѣ аналитическая, и можно ожидать отъ ней какихъ нибудь открытій, по крайней мѣрѣ какихъ нибудь важныхъ открытій.

«Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно сдѣлать хоть одинъ шагъ впередъ въ умственной физикѣ, не имѣя нужды въ исполненіи нѣкотораго рода анализа, которымъ какія нибудь сложныя (complex) чувства сводятся къ простымъ элементамъ, которые, какъ намъ кажется, виртуально содержатся въ нихъ. Въ духѣ человѣка все бываетъ въ состояніи постоянной и вѣчно измѣняющейся сложности, и одно чувство можетъ быть едва замѣтнымъ слѣдствіемъ безчисленныхъ чувствъ. Нѣтъ ни одного удовольствія, или скорби, или мысли, или страстнаго волненія, которое не могло бы—подъ вліяніемъ закона ассоціаціи—входить въ такія сочетанія съ другими удовольствіями, или скорбями, или мыслями, или страстными волненіями, чтобы потомъ навсегда составлять съ ними самое тѣсное единство. Анализовать сложныя (complex), или кажущіяся сложными, явленія мысли, вытекающія изъ постояннаго дѣйствія того духовнаго начала, есть трудъ изслѣдователя духа, какъ трудъ химика — сводить сложныя тѣла, надъ которыми онъ работаетъ, какъ бы ни было внутренне и тѣсно ихъ сочетаніе (combination), — къ ихъ составнымъ элементамъ. Процессъ и орудія, посредствомъ которыхъ совершается здѣсь анализъ, суть, дѣйствительно, столь же различны, какъ духъ и вещество,— въ одномъ случаѣ грубыя, какъ вещество, въ другомъ простыя и духовныя, какъ самый духъ. Аггрегаты вещества мы анализуемъ употребляя другое вещество, прибавляя субстанцію къ субстанціи, и разнообразя одинъ за другимъ внѣшніе пріемы; сложныя явленія духа мы анализуемъ виртуаль-

но, простымъ размышленіемъ, тотъ же самый недѣлимый духъ есть и предметъ анализа, и орудіе анализа, и анализующій изслѣдователь.

«Когда мы говоримъ, однакожъ, о соединеніи (union) отдѣльныхъ мыслей и чувствъ въ одно сложное чувство или духовное волненіе, и объ аналитической способности мысли или ума, то не надобно думать, что я пользуюсь этими словами въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ они прилагаются къ веществу. Масса вещества, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности, не есть одно тѣло, а множество смежныхъ тѣлъ, которыя можно на время разсматривать всѣ какъ имѣющія отдѣльное существованіе и какъ сопоставленныя вмѣстѣ болѣе случайнымъ приложеніемъ, нежели какимъ нибудь существеннымъ соединеніемъ; и анализъ есть не больше того, что̀ указывается его этимологіею,—отдѣленіе ихъ одного отъ другого. Въ строгомъ смыслѣ слова, такая сложность и такой анализъ не могутъ имѣть мѣста въ духѣ. Самое сложное чувство есть всегда только одно чувство, потому что мы не можемъ дѣлить состояній или впечатлѣній духа на отдѣльныя, сами по себѣ существующія дроби, какъ можемъ дѣлить массу вещества на отдѣльныя и сами по себѣ существующія массы,—не различать половину радости или скорби отъ цѣлой радости или скорби. Понятіе золота и понятіе горы могутъ происходить порознь, и могутъ сопровождаться понятіемъ золотой горы; послѣднее и можно назвать сложеннымъ изъ двухъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю это слово, чтобы выразить просто, что называемое здѣсь сложнымъ или составнымъ есть результатъ извѣстныхъ предыдущихъ чувствъ, къ которымъ, какъ бы они существовали вмѣстѣ, чувствуется

его отношеніе виртуальнаго равенства, или отношеніе какое имѣетъ цѣлое къ заключающимся въ немъ частямъ. Но понятіе золотой горы есть опять столько же одно состояніе или чувство одного простого духа, какъ и каждое изъ отдѣльныхъ понятій золота и горы, которыя ему предшествовали. Дѣйствительно, чувство вытекающее въ случаяхъ такого рода, по самой природѣ своей, кажется намъ такимъ образомъ сложнымъ; и это, по самому устройству нашего духа, даетъ намъ поводъ разсматривать то, что мы называемъ сложною идеею, какъ эквивалентъ отдѣльнымъ идеямъ, изъ которыхъ оно вытекаетъ, или какъ содержащее ихъ, какъ то, что для нашего понятія, но только для нашего понятія, поэтому только виртуально или въ отношеніи къ намъ изслѣдователямъ, — есть таково, какъ бы оно было составлено изъ отдѣльныхъ сосуществующихъ чувствъ, точно такъ какъ сосуществуютъ въ пространствѣ элементы тѣла

«Это то чувство отношенія извѣстныхъ состояній духа и разрѣшаетъ всю тайну духовнаго анализа, которая казалась на первый разъ такою непзъяснимою, — виртуальнаго разложенія, въ нашей мысли, того что по самой природѣ своей недѣлимо. Духъ,—съ этимъ должно согласиться,—дѣйствительно, безусловно простъ во всѣхъ своихъ состояніяхъ; поэтому и каждое отдѣльное состояніе или впечатлѣніе его должно быть безусловно просто, но въ извѣстныхъ случаяхъ, когда какое нибудь чувство есть результатъ другихъ чувствъ, предшествующихъ ему, оно по самой природѣ своей кажется соединяющимъ въ себѣ тѣ предшествующія чувства; и различать отдѣльныя ощущенія, или мысли, или волненія, какія оно, какъ кажется при размышленіи, содержитъ въ себѣ. — и зна-

читъ совершать тотъ умственный процессъ, который хотя и не есть анализъ дѣйствительный, по крайней мѣрѣ анализъ въ отношеніи къ нашему понятію... Сложность, съ какою мы имѣемъ здѣсь дѣло, не безусловная, а относительная, кажущаяся сложность, которая заключается въ чувствѣ всякаго рода отношеній...»

«Умственный анализъ, который, какъ мнѣ кажется, составляетъ такую важную часть науки о духѣ, есть ничто иное, какъ преемственное раскрытіе, въ приложеніи къ различнымъ духовнымъ явленіямъ, того чувства равенства или содержанія, которое не ограничивается математическими понятіями числа и количества, (хотя по особенной простотѣ послѣднихъ, равенство или пропорція ихъ можетъ быть различаема болѣе отчетливо), но простирается на каждую мысль и чувство, какія мы считаемъ сложными, т. е. почти на всякую мысль и чувство, къ которымъ духъ имѣетъ воспріимчивость. Мы сравниваемъ добродѣтель съ добродѣтелью, талантъ съ талантомъ, правда не съ тою же точностью, но конечно точно также, и тѣмъ же чувствомъ пропорціи, какъ сравниваемъ одинъ уголъ съ другимъ угломъ; мы спрашиваемъ, какія идеи заключаются въ нашихъ сложныхъ понятіяхъ религіи и правительства, съ твердымъ чувствомъ, что въ нихъ виртуально заключается или содержится какое нибудь число идей; точно такъ какъ спрашиваемъ, сколько разъ квадратъ двухъ повторяется въ кубѣ шести.

«Итакъ анализъ въ наукѣ о духѣ основанъ всецѣло на чувствѣ отношенія, какое одно состояніе духа обнаруживаетъ къ другимъ духовнымъ состояніямъ, какъ содержащимся въ немъ; но когда эта кажущаяся сложность

чувствуется, то для нашего анализа это тоже самое какъ бы она была не виртуальною и относительною, а безусловною и дѣйствительною. Можно возражать противъ приложенія термина анализъ къ наукѣ о духѣ, термина, который, какъ показываетъ его этимологія, взятъ, какъ я сказалъ выше, съ вещества, и въ приложеніи къ духу передаетъ понятіе въ нѣкоторой степени отличное отъ своего этимологическаго смысла. Но тоже возраженіе можно дѣлать по крайней мѣрѣ съ одинаковою силою и противъ всякаго, или почти всякаго, термина нашей науки. При недостаткѣ особеннаго метафизическаго языка, мы вынуждены, въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, брать языкъ метафорическій, отъ міра вещественнаго; и имѣемъ весьма естественный поводъ говорить о духовной сложности и анализѣ, потому что для духа, чувствующаго отношеніе эквиваленціи или содержанія, это совершенно тоже самое, какъ бы наши идеи и волненія, вытекающія изъ нашихъ прежнихъ идей и волненій, и по нашему чувству какъ бы заключающія ихъ въ одномъ сложномъ цѣломъ, могли дѣйствительно дѣлиться на отдѣльные элементы, какіе виртуально и относительно являются содержащимися въ нихъ» *).

Объяснивши такимъ образомъ свойства психологическаго анализа, Броунъ обнаруживаетъ, что возраженія противъ достоинства философіи духа, какія мы встрѣчали въ спорѣ Д. Стюарта съ его критиками, выходили единственно изъ того обстоятельства, что возражатели останавливали свое вниманіе исключительно на преемствахъ духовныхъ явленій и не умѣли оцѣнить важности анализа, отвѣчающаго свойству самаго предмета этихъ наукъ.

*) *Brown*: Philosophy of the Human Mind. Lect. X, p. 60—62.

«Еслибъ явленія духа», говоритъ Броунъ, «разсматривались только какъ преемственныя,—что составляетъ лишь одинъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ они могутъ быть физически разсматриваемы,—то можно бы, и въ самомъ дѣлѣ, сказать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что это простое преемство должно быть извѣстно и не размышляющему объ немъ уму, столько же какъ и уму философа; хотя и въ этомъ частномъ смыслѣ замѣчаніе будетъ далеко не точно. Но также какъ отношенія преемства, духовныя явленія имѣютъ и другія отношенія, какія не заключены въ простомъ минутномъ сознаніи, но открываются только путемъ размышленій, и къ знанію которыхъ можетъ, поэтому, дѣлать постепенныя прибавленія каждое новое поколѣніе размышляющихъ о нихъ изслѣдователей Съ первой минуты своего существованія, духъ постоянно представляетъ явленія болѣе или менѣе сложныя ощущенія, мысли, волненія, все смѣшивается вмѣстѣ, и почти каждое чувство, въ большей или меньшей степени, измѣняется чувствами, которыя ему предшествовали, и какъ въ химіи часто случается, что качества отдѣльныхъ ингредіентовъ сложнаго тѣла не легко узнаются нами въ видимо отличныхъ качествахъ самого сложнаго тѣла, такъ и въ этой самобытной химіи духа, сложныя чувства, вытекающія изъ ассоціаціи прежнихъ чувствъ, имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на первый взглядъ такъ мало сходства съ ихъ составителями, какъ они существуютъ въ началѣ въ ихъ отдѣльномъ состояніи, что нужно самое внимательное размышленіе, чтобы раздѣлить и распутать отчетливо для другихъ скопленія (assemblages) произведенныя быть-можетъ нѣсколькими годами. Въ самомъ дѣлѣ, духовныя явленія такъ сложны

и такъ трудны для анализа, даже въ случаяхъ самыхъ обыкновенныхъ и, какъ говорятъ, привычныхъ всякому, что поистинѣ удивительно, что трудность этого анализа, и открываемое этою самою трудностью поле изслѣдованія, не бросились въ глаза унижавшимъ умственныя открытія, и не дали почувствовать имъ, что то чего они не въ состояніи изъяснить, не можетъ быть настолько извѣстнымъ всему человѣчеству, чтобы безусловно не требовалось никакого дополнительнаго объясненія. Дикій, говорятъ намъ, сознаетъ точно также какъ и мудрецъ, что такое онъ чувствуетъ любя свою родину, но хорошо ли онъ знаетъ, или можетъ ли сказать намъ съ точностью, какія различныя элементарныя чувства послѣдовательно измѣняли, или лучше составляли, эту привязанность къ мѣсту? Конечно и крестьянинъ можетъ имѣть чувство красоты, подобно художнику, который производитъ ее, или умозрительному изслѣдователю, который анализуетъ это весьма сложное духовное волненіе Но простое волненіе, производимое красотою, не есть знаніе тѣхъ простыхъ чувствъ, которыя составили или видоизмѣнили его; и хотя удовольствіе и удивленіе остаются тѣже, тѣмъ не менѣе крестьянинъ еще могъ бы, конечно, поучиться кой-чему, если бы можно было дать ему понять, что красота есть нѣчто больше чѣмъ видимая имъ форма и цвѣтъ Что вѣрно, такимъ образомъ, относительно красоты, какъ понимаемой различно крестьяниномъ и философомъ, то вѣрно точно также и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ сложнымъ явленіямъ духа. Какъ неразумно утверждать, что мы всѣ одинаково знакомы съ физіономіею мускульнаго движенія, потому что—приводя болѣе подходящій примѣръ — всѣ

движемъ ногами; что мы знаемъ самыя тончайшія истины ариѳметики и геометріи, потому что всѣ знаемъ числа и фигуры, отношеніями которыхъ занимаются эти науки: такъ точно не разумно утверждать, что намъ всѣмъ одинаково извѣстна философія духа, и число элементовъ какіе входятъ въ наши различныя чувства, потому что мы всѣ и наблюдаемъ, и помнимъ, и любимъ, и ненавидимъ. Надобно согласиться, что наука о духѣ допускаетъ открытія главнымъ образомъ, а можетъ быть и всецѣло, только какъ наука аналитическая; но какъ наука анализа постоянно чувствуемыхъ при размышленіи новыхъ отношеній, она представляетъ намъ поле открытій столько же богатое, и могу сказать, столько же неисчерпаемое въ чудесахъ, какъ и поле внѣшней вселенной.

«Поэтому-то,—какъ я замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ *),— «въ такихъ именно явленіяхъ, которыя кажутся такъ «просты, что не допускаютъ никакого сочетанія, науч- «нымъ изслѣдователемъ и открыты чудеса. Самая пер- «цепція, это первое отправленіе духа, которое и до Беркли, «изслѣдовавшаго законы зрѣнія, конечно, было тоже са- «мое, что и сегодня,—разсматривается нами теперь, въ «отношеніи къ самымъ важнѣйшимъ сторонамъ, совер- «шенно иначе; и не легко отыскать, въ ряду самыхъ бле- «стящихъ открытій новой химіи и даже въ цѣлой обла- «сти физики вещества, положенія болѣе возмутительнаго «для популярной вѣры, какъ это, составляющее нынѣ «общее убѣжденіе философовъ,—что чувство зрѣнія, ко- «торое, кажется, разстилаетъ передъ нашимъ взоромъ «самыя отдаленныя возвышенности самаго широкаго ланд- «шафта и настоящую безпредѣльность пространства, само

*) *Brown*· Inquiry into the Relation of Cause and Effect.

«по себѣ не способно дать ни одной линіи разстоянія «въ длину».

«Есть дѣйствительно нѣкоторый хаосъ въ духѣ человѣка, но есть также и духъ изслѣдованія, который, постоянно носясь надъ нимъ, медленно раздѣляетъ всѣ смѣшанные элементы его. Только тогда, когда они будутъ раздѣлены, философія духа можетъ быть закончена и не способна къ дальнѣйшему открытію. Сказать, что она закончена теперь, когда въ ней есть все что можетъ подлежать анализу, точно также нелѣпо, какъ нелѣпо было бы предполагать, что древній хаосъ, содержавшій въ себѣ одни элементы вещей, прежде чѣмъ Духъ Божій носился надъ водами бездны, былъ уже тѣмъ міромъ жизни, и порядка, и красоты, какой явился позднѣе.

«Трудность, какая въ физическомъ изслѣдованіи духа происходитъ отъ видимой простоты тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя, при болѣе внимательномъ размышленіи, чувствуются какъ бы сложенными изъ многихъ другихъ мыслей и чувствъ, существовавшихъ предварительно, вмѣстѣ или въ непосредственномъ преемствѣ,—совершенно походитъ на трудность, испытываемую нами въ физикѣ вещества, отъ несовершенства нашихъ чувствъ, которыя дозволяютъ намъ наблюдать только массы, а не единичныя части ихъ, и разсматривать какъ простыя тѣла, что̀ вслѣдствіе какого нибудь одного новаго опыта можетъ оказаться сложеннымъ изъ различныхъ элементовъ.

«Такимъ же образомъ и въ мірѣ умственномъ медленный ходъ открытія происходитъ отъ препятствія нашему духовному анализу со стороны нашихъ слабыхъ различающихъ силъ. Но надобно всегда помнить, что и вся аналитическая наука о духѣ, точно также какъ и о

веществѣ, обязана своимъ происхожденіемъ этой самой слабости различающихъ силъ. Если бы въ нашихъ сложныхъ феноменахъ мысли мы могли ясно и мгновенно различать ихъ основные элементы; если бы, напр., въ этомъ единичномъ и явно простомъ духовномъ волненіи, какое чувствуется при взглядѣ на красоту живую, или при созерцаніи той идеальной красоты, которая отражается отъ произведеній искуства, мы могли открыть какъ бы однимъ взглядомъ всѣ безчисленныя чувства, которыя, можетъ-быть съ первой минуты жизни, входили въ ассоціацію другъ съ другомъ и сливались въ его произведеніи. то мы, конечно, чувствовали бы мало интереса въ нашихъ теоріяхъ вкуса, точно также какъ и въ теоріи горѣнія, если бы во всякое время были видимы самыя тончайшія перемѣны происходящія въ горѣніи» *).

Въ этихъ замѣчаніяхъ Броуна задача философіи духа обрисована наконецъ раздѣльно.

Философія духа изслѣдуетъ преемства духовныхъ явленій, и именно въ причинномъ смыслѣ. Вслѣдствіе простоты духа, послѣдовательность его состояній можетъ быть мыслима только какъ преемственный рядъ состояній столько же простыхъ какъ и самъ духъ; но вслѣдствіе чувства ихъ взаимнаго отношенія, они становятся доступными нашему анализу,—являются для нашего понятія состояніями сложными. Правда, эта сложность есть чисто относительная и кажущаяся; но для научнаго анализа имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ бы была дѣйствительною и безусловною.

Вслѣдствіе такого положенія дѣла, вмѣсто той прозрачности для нашихъ различающихъ силъ, какой слѣдо-

*) *Brown*: Phil. of the Hum. Mind Lect. X, p 62—64

вало бы ожидать отъ дѣйствительной простоты духовныхъ явленій, духу наблюдателя ихъ, прежде чѣмъ онъ коснулся ихъ своимъ анализомъ, предстоитъ такой же хаосъ перепутанныхъ явленій, какой представлялся и физикамъ, прежде чѣмъ они успѣли дѣйствительное сосуществованіе безконечно многихъ рядовъ преемства разрѣшить, въ извѣстной мѣрѣ, на ихъ простѣйшія причинныя отношенія.

Внести въ такой хаосъ духовныхъ явленій надлежащій порядокъ, значитъ не просто описать наглядный рядъ крупныхъ событій. что далеко еще отъ дѣйствительнаго опредѣленія ихъ причинной зависимости, какого ищетъ философія духа,—но разложить каждый выпукло выдающійся членъ преемства на его (относительные) элементы, и поставить каждый изъ нихъ въ должное отношеніе причинной зависимости; т. е. многочисленнымъ послѣдующимъ. какіе открываются, для нашего понятія, въ извѣстномъ членѣ преемства духовныхъ явленій, указать отвѣчающія имъ предыдущія (антецеденты). составители или производители или истинныя причины ихъ. И только въ этихъ, открытыхъ путемъ такого анализа, однообразіяхъ преемства мы и получимъ законы духа.

Такая задача философіи духа исполнена великихъ трудностей, потому что если нѣкоторыя духовныя состоянія обнаруживаютъ въ своемъ (относительномъ) составѣ элементы, которымъ не легко скрыться отъ вниманія наблюдателя, вслѣдствіе того обстоятельства, что, въ своемъ (относительномъ) соединеніи они не измѣняютъ качествъ свойственныхъ имъ взятымъ порознь, и напоминаютъ своею функціею простое сложеніе силъ въ механикѣ: то другія состоянія, —какъ это доказано напр. относительно чув-

ства красоты, и особенно блестяще, Броуномъ, относительно перцепціи протяженія,—съ перваго раза не имѣютъ ничего похожаго на ихъ производителей или предыдущихъ, и въ этомъ уподобляются труднымъ предметамъ анализа, встрѣчаемымъ въ химіи. Но если философіи духа предлежатъ, такимъ образомъ, великія трудности, то вмѣстѣ съ этимъ предстоитъ и необозримое поле открытій такихъ вещей, которыя не только чужды популярному смыслу, но и прямо расходятся съ его навыками

Все изложенное нами ученіе Броуна, разъясняющее индуктивную методу въ наукѣ о духѣ, сводится къ слѣдующимъ руководительнымъ началамъ

Индуктивная философія духа, преслѣдуя задачу поставленную Локкомъ,—объясненіе духовныхъ явленій изъ внѣшнихъ вліяній и рефлексіи, изслѣдуетъ собственно причинную связь этихъ явленій.

Причинная связь явленій, разсматриваемая по руководству индуктивной методы, есть неизмѣнное и безусловное отношеніе преемства событій предыдущихъ къ событіямъ, за ними слѣдующимъ.

По своимъ предыдущимъ (антецедентамъ), или причинамъ, всѣ духовныя явленія распадаются на два класса:—во-первыхъ, явленія производимыя причинами внѣшними, т. е. предшествующими имъ перемѣнами въ тѣлѣ и событіями въ окружающемъ наше тѣло вещественномъ мірѣ,—что составляетъ собственно предметъ физіологическаго ученія о духѣ; и во-вторыхъ, явленія производимыя причинами внутренними,—ощущеніями, и рядомъ вызываемыхъ ими перемѣнъ духовнаго состоянія, — что составляетъ собственный предметъ философіи духа.

Изслѣдуя причинность духовныхъ явленій, философія духа поступаетъ аналитически, разлагая на простѣйшіе элементы ихъ относительную сложность и отыскивая для элементарныхъ послѣдующихъ ихъ элементарныя предыдущія.

Отъ Броуна переходимъ къ Джону Стюарту Миллю.

Въ критическихъ трудахъ Броуна, какъ мы уже замѣтили, обрисовалась, наконецъ, вполнѣ и раздѣльно задача философіи духа, указанная впервые Локкомъ. Мы знаемъ теперь съ опредѣленностью, что̀ можетъ и что̀ должна исполнить наука о духѣ. Предстоящая ей задача сопряжена съ великими трудностями; отсюда естественно рождается вопросъ: какъ исполнить эту задачу? Какими средствами располагаетъ индуктивная метода къ преодолѣнію этихъ трудностей?

Подготовивши къ этому вопросу, мы должны теперь остановиться на немъ съ тою внимательностью, какая требуется важностью самаго предмета. Не трудно замѣтить, что всѣ руководительныя начала правильной методы, стоящія впереди, выработаны главнымъ образомъ путемъ философской критики, путемъ разбора и оцѣнки готовыхъ научныхъ теорій, и на первомъ мѣстѣ схоластической теоріи силлогизма и связанныхъ съ нею предразсудковъ. Это результатъ не столько положительный, сколько отрицательный, не столько разъясненіе существа индуктивной методы, сколько расчистка поля для ея операцій—какъ въ физикѣ, такъ и въ особенности въ философіи духа. Только въ главѣ о Бэконѣ мы сдѣлали легкое замѣчаніе, что индукція, о которой идетъ дѣло у этого писателя и его послѣдователей, есть не то, что̀

привыкли разумѣть подъ этимъ схоластики; и въ главѣ о Ридѣ и Д. Стюартѣ дали предварительно понять, что индуктивная метода принятая послѣдователями Локка, была понимаема ими именно въ смыслѣ Бэкона, какъ располагающая въ философіи духа тѣми же пріемами рѣшенія, какіе въ ней указаны и наукамъ естественнымъ, воспользовавшимся ими съ такими блестящими результатами.

Намъ предстоитъ теперь заняться самою сущностью индуктивной методы изслѣдованія духовныхъ явленій, — тѣмъ, безъ чего послѣднее, оставаясь даже вполнѣ вѣрно началамъ, съ такою отчетливостью очерченнымъ у Броуна, все еще могло бы быть не индуктивнымъ, въ смыслѣ индукціи Бэкона и его послѣдователей.

Вопросъ объ индуктивныхъ операціяхъ въ рѣшеніи задачъ науки о духѣ былъ связанъ съ трудностями, которыя могло преодолѣть только время. Поэтому мы и замѣчаемъ, что ближайшіе послѣ Бэкона изслѣдователи духа, занятые критическою постановкою самой задачи философіи духа, довольствовались, въ направленіи разрѣшенія ея почти только тѣми данными, какія, относительно индуктивныхъ операцій, указаны были Бэкономъ, съособенною пользою для наукъ физическихъ Широкая теорія индукціи, собственно въ приложеніи къ наукамъ о духѣ, появилась въ первый разъ въ «Логикѣ» Джона Стюарта Милля, изданной въ 1836 году и сдѣлавшейся давно настольною книгою столько же у моралистовъ, какъ и у физиковъ

Какъ мы замѣтили, общее убѣжденіе учениковъ Локка было таково, что пріемы индуктивной методы, приложенные съ такимъ успѣхомъ къ изслѣдованію вещества, должны быть употребляемы и для рѣшенія задачъ, предлагаемыхъ явленіями духа,—съ тою, конечно, особенно-

стію, какая требуется самою природою духовной сложности, т. е. относительною дѣлимостью духовныхъ состояній —Съ своей стороны, Д С. Милль не видитъ никакихъ иныхъ средствъ, чтобы вывесть науки о духѣ изъ этого нерѣшительнаго, сравнительно съ науками естественными, положенія, созданнаго частію неоконченными спорами по многимъ вопросамъ, частію массой наблюденій безъ всякой дальнѣйшей обработки. «Если между мыслителями», говоритъ онъ, «должно когда нибудь состояться болѣе общее согласіе относительно предметовъ безспорно важнѣйшихъ, какіе только могутъ занимать человѣческій духъ; если то, что̀ названо «собственно человѣческою наукою», не опредѣлено оставаться единственнымъ предметомъ, какой философіи не удается освободить отъ эмпиріи, то надобно и въ этихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ, съ сознаніемъ и обдуманностью, употребить ту же методу, посредствомъ которой, какъ общепризнано, поставлены внѣ всякаго спора законы многихъ простыхъ явленій. Если нѣкоторые предметы дали результаты, съ которыми, наконецъ, согласились всѣ обращающіе вниманіе на доказательства; если въ отношеніи къ другимъ было меньше счастія, и самымъ проницательнымъ умамъ, занимавшимся ими съ самаго давняго времени, не удалось основать уважительную, недоступную сомнѣнію и упрекамъ систему истинъ, то мы можемъ надѣяться смыть это пятно съ лица науки только посредствомъ обобщенія и приноровленія къ послѣднимъ тѣхъ же методъ, которыя съ такимъ счастіемъ прилагались къ изслѣдованіямъ перваго рода» *).

*) *D. S. Mill*: Syst. d. ded. u. ind. Logik. II. Th. p. 487

Въ чемъ же состоятъ эти физическія методы, «достаточно обобщенныя, и приноровленныя» къ рѣшенію вопросовъ относительно причинной зависимости духовныхъ явленій?

Въ словахъ Д. Стюарта, опредѣляющаго свою манеру изслѣдованія вопросовъ индуктивной философіи духа, снесенныхъ съ цѣлымъ ходомъ его антикритики, мы дали уже предварительный намекъ, что операціи индуктивнаго изслѣдованія этого предмета обнимаютъ всѣ виды физическихъ методъ, — а именно, съ одной стороны, *наблюденіе* и *экспериментацію*, съ другой *заключенія* изъ данныхъ, полученныхъ этими пріемами. На послѣдній видъ индуктивной методы въ широкомъ смыслѣ мы до сихъ поръ не имѣли нужды указывать съ надлежащею раздѣльностью; теперь пополняемъ этотъ пробѣлъ небольшимъ отступленіемъ къ данному, въ первой главѣ, разбору схоластической силлогизаціи.

Разсматривая исторію критики силлогизма, мы видѣли, что такъ-называемая бо́льшая посылка его есть ничто иное, какъ общее выраженіе сходныхъ частныхъ случаевъ, замѣчаній или сужденій,—общая формула, помогающая легко удерживать массу частныхъ случаевъ, или по крайней мѣрѣ сходныя черты ихъ, и легко прилагаемая къ опредѣленію новыхъ сходныхъ случаевъ. Такъ какъ во всѣхъ процессахъ мысли послѣдними въ анализѣ посылками служатъ всегда частныя сужденія или случаи, то заключаемъ ли мы отъ частнаго къ общей формулѣ, или посредствомъ общей формулы отъ частнаго къ частному, въ обоихъ случаяхъ наше заключеніе есть равно *наведеніе* или *индукція*. Но «согласно съ происхожденіемъ этого термина», Д. С. Милль усвояетъ это

названіе ближайшимъ образомъ только первому пріему мысли, обозначая второй терминомъ *вывода* или *дедукціи* *). Такимъ образомъ въ самой методѣ индуктивной различаются два основныхъ пріема индукція въ тѣсномъ смыслѣ, и выводъ или дедукція. Отношеніе ихъ таково индукція въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. заключенія изъ наблюденій и экспериментовъ, даютъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ, твердые законы, составляющіе точку опоры для дедукціи или выводовъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ первые пріемы могли бы оказаться недѣйствительными. Но дедукціи, или переходъ отъ частнаго къ частному путемъ общаго предложенія или большей посылки, предполагаютъ какъ впереди себя, такъ и позади себя, другіе пріемы: общая посылка должна быть закономъ, опредѣленнымъ съ помощью наблюденій и экспериментаціи; приложеніе этого закона къ объясненію новыхъ случаевъ бываетъ исполнено только тогда, когда выводъ оправданъ опять путемъ наблюденій и экспериментовъ Такимъ образомъ весь механизмъ дедукціи въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ, есть природы индуктивной, но отличается отъ операцій индуктивныхъ въ тѣсномъ смыслѣ большею сложностью, а отсюда и мѣстомъ употребленія **).

Этого замѣчанія о дедуктивной методѣ мы считаемъ совершенно достаточнымъ для цѣлей нашего сочиненія; и вотъ по какой причинѣ: до сихъ поръ мы пользовались безразлично терминами философія духа, наука о духѣ, науки о духѣ, психологія и т. д., и имѣли на это полное право. Всѣ руководительныя начала философіи духа, стоящія выше, относятся равно ко всѣмъ наукамъ

*) *D. S Mill*: Syst. der ded. u. ind Logik. I Th. p 245.

**) Ibid. Vom Kettenschluss und von den deductiven Wissenschaften.

о духѣ.—столько же къ психологіи,—этой индуктивной философіи духа въ тѣсномъ или собственномъ смыслѣ,—какъ и другимъ наукамъ и дисциплинамъ того же класса, образующимъ, по выраженію Д. Стюарта, «вѣтви этого великаго ствола». Но вопросы о спеціальныхъ пріемахъ въ рѣшеніи различныхъ проблемъ о духѣ, представленныхъ сокращенно въ четвертомъ руководительномъ началѣ Броуна, заставляютъ насъ, по требованію прямой цѣли нашего сочиненія, оставить общую почву вопросовъ о методѣ философіи духа и ограничиться нашимъ спеціальнымъ вопросомъ о методахъ *психологическихъ*. Слѣдующее замѣчаніе можетъ служить легкимъ переходомъ къ этому предмету.

Въ теченіи своихъ изслѣдованій въ области логики, Д. С. Милль далъ неоднократно замѣтить, что всѣ весьма сложные случаи явленій могутъ быть опредѣляемы съ успѣхомъ только путемъ дедукціи изъ извѣстныхъ законовъ, найденныхъ съ помощью наблюденій и экспериментаціи. Духовныя явленія относятся большею частію къ этому роду сложныхъ случаевъ, зависящихъ отъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ причинъ; и слѣдовательно метода опредѣленія духовныхъ законовъ должна быть по преимуществу дедуктивная. По указанію Милля, дедуктивная метода должна быть употребляема: въ наукѣ объ образованіи характеровъ частныхъ лицъ (этологія); въ наукѣ объ образованіи экономическихъ отношеній страны (политическая экономія) и народныхъ характеровъ (политическая этологія); въ опредѣленіи законовъ сосуществованія общественныхъ явленій (политическая статика) и законовъ ихъ преемства или послѣдовательности хода (политическая динамика).—Практическія дисциплины или

искуства, какъ педагогика, политика, ифика, эстетика и проч., не могутъ быть науками дедуктивными, потому что суть ничто иное, какъ простое приложеніе или употребленіе для руководства въ частныхъ случаяхъ законовъ уже извѣстныхъ.

Въ указанныхъ наукахъ лежитъ наивысшій интересъ философіи духа, такъ какъ установленные въ нихъ законы позволяли бы, съ большею или меньшею степенью вѣрности, напередъ предугадывать и предсказывать теченіе общественныхъ и частныхъ событій. Но знаніе этихъ сложныхъ законовъ предполагаетъ впереди себя твердую постановку простѣйшихъ и болѣе общихъ законовъ духовныхъ явленій, которыми занимается психологія. Не имѣя сама по себѣ такого практическаго интереса, какой свойственъ упомянутымъ наукамъ, она имѣетъ фундаментальный теоретическій интересъ, потому что даетъ этимъ наукамъ, какъ и различнымъ практическимъ дисциплинамъ или искуствамъ, твердую почву для выводовъ или приложеній Какъ бы ни были сложны явленія частныхъ характеровъ, равно какъ и разнообразныя соціальныя и политическія состоянія, съ ихъ послѣдовательнымъ раскрытіемъ,—во всякомъ случаѣ, законы ихъ будутъ только видоизмѣненіемъ простѣйшихъ, общихъ или элементарныхъ законовъ человѣческой природы, работающихъ подъ разнообразными вліяніями. Историкъ, политикъ, педагогъ и проч , стремящійся къ усовершенствованію своей спеціальности, долженъ быть знакомъ съ результатами психологіи, если отъ своихъ усилій ожидаетъ пріобрѣтеній долговѣчныхъ —Какія же, опредѣленнѣе, проблемы психологіи? и какими научными средствами она располагаетъ къ рѣшенію этихъ проблемъ?

Какъ мы уже замѣтили, психологія не есть что нибудь параллельное другимъ наукамъ, а есть ихъ фундаментъ, ихъ общая основа. Поэтому все отличіе ея отъ другихъ наукъ о духѣ состоитъ единственно въ томъ, что она остается на общей почвѣ вопросовъ о духѣ, или изслѣдуетъ самую общую, простѣйшую причинную зависимость духовныхъ явленій, общія, основныя однообразія ихъ преемства. Съ этимъ небольшимъ прибавленіемъ, задача ея, такимъ образомъ, уже обрисована въ руководительныхъ началахъ философіи духа, стоящихъ впереди. Поэтому, у Д. С. Милля, въ общей постановкѣ дѣла психологіи, мы встрѣчаемъ повтореніе уже извѣстнаго намъ «Всѣ состоянія духа», говоритъ онъ, «производятся не посредственно или другими состояніями духа, или состояніями тѣла Если какое нибудь духовное состояніе производится другимъ духовнымъ состояніемъ, то разсматриваемый при этомъ законъ я называю закономъ духа. Если же какое нибудь состояніе духа производится, какимъ нибудь состояніемъ тѣла, то законъ этотъ будетъ закономъ тѣла, и поэтому принадлежитъ наукамъ физическимъ.

«Въ отношеніи къ состояніямъ духа которыя называются ощущеніями (sensations), всѣ согласны въ томъ, что ихъ непосредственныя предыдущія суть состоянія тѣлесныя Каждое ощущеніе своею ближайшею причиною имѣетъ какое нибудь возбужденіе той части нашего тѣла, какую называютъ нервною системою,—происходитъ ли это возбужденіе изъ дѣйствія какого нибудь внѣшняго предмета, или изъ какого нибудь патологическаго состоянія самой нервной системы Законы этой части нашей природы, наши различныя ощущенія, и физическія состоя-

нія отъ которыхъ они зависятъ,—принадлежатъ, очевидно, къ области физіологіи.

«Зависитъ ли, подобнымъ же образомъ, отъ физическихъ состояній и остальная часть нашихъ духовныхъ состояній,—это одинъ изъ *quaestiones vexatae* въ наукѣ о человѣческой природѣ. До сихъ поръ спорятъ еще, не происходятъ ли наши мысли, духовныя волненія и акты воли посредствомъ какого нибудь вещественнаго механизма, не имѣемъ ли мы и органовъ мысли и духовнаго волненія, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ имѣемъ органы ощущенія. Многіе отличные физіологи говорятъ на это утвердительно. Они утверждаютъ напр., что мысль, точно также какъ и ощущеніе, ёсть результатъ нервной дѣятельности; что какое нибудь состояніе нашей нервной системы, въ особенности той части ея какая называется мозгомъ, постоянно предшествуетъ извѣстному состоянію нашего сознанія и предполагается имъ. По этой теоріи, въ дѣйствительности ни одно состояніе духа не производится другимъ; но всѣ состоянія духа вызываются состояніями тѣла. Если кажется, что извѣстная мысль вызывается другою, посредствомъ ассоціаціи идей, то въ дѣйствительности мысль вызывается здѣсь не мыслію; ассоціація состояла не между двумя мыслями, а между двумя состояніями мозга или нервовъ, предшествовавшими мыслямъ; одно изъ этихъ состояній вызываетъ другое, и каждое, при своемъ обнаруженіи, сопровождается тѣмъ частнымъ состояніемъ сознанія, какое есть его послѣдствіе. По этой теоріи, однообразія преемства духовныхъ состояній будутъ только производныя, которыя вытекаютъ изъ законовъ преемства причиняющихъ ихъ состояній тѣла. Такимъ образомъ не было бы

никакихъ оригинальныхъ законовъ духа въ моемъ смыслѣ этого слова; и наука о духѣ была бы только вѣтвію, хотя и самою высшею и темною, физіологіи. Г. Контъ хочетъ, поэтому, предоставить познаніе нравственныхъ и умственныхъ феноменовъ исключительно физіологамъ, и не только отказываетъ психологіи, или философіи духа въ собственномъ смыслѣ. въ характерѣ науки, но ради химерической природы ея предмета и ея притязаній, даже ставитъ ее почти на одну ступень съ астрологіею.

«Послѣ того какъ все высказано, что можно сказать, остается однакожъ безспорнымъ, что между состояніями духа существуютъ однообразія послѣдовательности, и что они могутъ быть опредѣлены наблюденіемъ и опытомъ. Такимъ же образомъ, хотя весьма вѣроятно, что каждое духовное состояніе своимъ непосредственнымъ предыдущимъ и ближайшею причиною имѣетъ какое нибудь состояніе нервное, однакожъ это до сихъ поръ не доказано тѣмъ убѣдительнымъ образомъ, какъ можетъ быть доказано относительно ощущеній, и что хотя бы это и было даже несомнѣнно, каждый однакожъ долженъ согласиться, что мы абсолютно не знакомы съ отличительными признаками нервныхъ состояній. Мы не знаемъ, и до сихъ поръ не имѣемъ еще никакихъ средствъ узнать, въ какомъ отношеніи они отличаются другъ отъ друга; и единственный родъ и способъ изученія ихъ преемствъ или сосуществованія можетъ состоять только въ наблюденіи послѣдовательности или совмѣстности состояній духовныхъ, которыхъ они, по предположенію, суть производители и причины. Поэтому преемства состоящія между духовными явленіями, не могутъ быть выведены изъ физіологическихъ законовъ нашей нервной системы;

и всякаго дѣйствительнаго познанія надобно, по крайней мѣрѣ на долгое время, если не навсегда, — искать въ прямомъ изученіи духовныхъ преемствъ посредствомъ наблюденія и опыта. Такъ какъ, поэтому, порядокъ нашихъ духовныхъ явленій долженъ быть изучаемъ изъ самыхъ этихъ явленій и не можетъ быть выведенъ изъ законовъ явленій болѣе общихъ, то значитъ есть особенная и отдѣльная наука о духѣ.

«Правда, отношенія этой науки къ физіологіи нельзя упускать изъ виду, или оставлять въ пренебреженіи Отнюдь не должно забывать, что законы духа могутъ быть законами производными, вытекающими изъ законовъ животной жизни, и что, поэтому, ихъ истина можетъ зависѣть въ концѣ отъ физическихъ состояній; что вліяніе физіологическихъ состояній или физіологическихъ перемѣнъ на измѣненіе и прекращеніе духовныхъ преемствъ есть одна изъ важнѣйшихъ вѣтвей психологіи. Но опровергать вспомогательное средство психологическаго анализа, и основывать науку о духѣ на такихъ данныхъ, какъ представляемыя до сихъ поръ физіологіею, есть съ другой стороны, какъ мнѣ кажется, столь же великая ошибка въ принципѣ, какъ и весьма важное заблужденіе. *Какъ бы ни была несовершенна наука о духѣ, я однакожъ, не перестану утверждать, что она ушла значительно дальше, чѣмъ соотвѣтствующая ей часть физіологіи*, и отбросить первую ради послѣдней, мнѣ кажется, было бы нарушеніемъ прямыхъ правилъ индуктивной философіи, которое въ нѣкоторыхъ, весьма важныхъ вѣтвяхъ науки о человѣческой природѣ влечетъ, и должно влечь за собою ошибочныя заключенія.

«Однообразія послѣдовательности, послѣдніе, или да-

же и производные, законы, по которымъ духовныя состоянія слѣдуютъ другъ за другомъ, по которымъ одно состояніе причиняетъ другое, или по крайней мѣрѣ служитъ поводомъ къ его слѣдованію,—и образуютъ предметъ психологіи». *) Спрашивается далѣе: какіе же индуктивные пріемы рѣшенія свойственны этой, фундаментальной части философіи духа?

Если въ наукахъ о духѣ, занимающихся сложными явленіями частныхъ и соціальныхъ состояній, собственная метода есть выводъ, или дедуктивная: то въ психологіи господствуетъ метода индуктивная въ тѣсномъ смыслѣ. «Простые и элементарные законы духа»—составляющіе первый предметъ психологіи, — «опредѣляются», говоритъ Д. С. Милль, «обыкновенными методами изслѣдованія экспериментальнаго, и никакимъ другимъ способомъ опредѣлены быть не могутъ» **). Въ чемъ состоитъ психологическая экспериментація?

Къ рѣшенію этого вопроса мы уже подготовлены критическими изслѣдованіями. Метода индуктивная вообще есть въ извѣстномъ отношеніи аналитическая. Каждый фактъ начинающій существовать, имѣть свою причину, и эта причина должна находиться между фактами, какіе ему непосредственно предшествовали. Задача индуктивной методы—разложить сложное однообразіе послѣдовательности на простѣйшія однообразія, изъ которыхъ оно слагается, и каждой части широкаго предыдущаго указать ту часть слѣдствій, которая отъ нея зависитъ ***). Духовныя явленія, пока не прикоснулся къ нимъ духъ анализа, пред-

*) *D S. Mill:* Syst. der ded. u. ind. Log II Th. p. 456—469.

**) Ibid. p. 460.

*** Ibid. I Th. p 442.

ставляютъ, какъ выразился Броунъ, хаосъ, въ которомъ за какимъ нибудь хаотическимъ предшествующимъ идетъ какое нибудь хаотическое послѣдующее. Теперь, первый шагъ, раздѣляющій этотъ хаосъ, состоитъ, по ученію Милля, въ анализѣ чисто мысленномъ, который даетъ прозирать въ хаотическомъ предыдущемъ множество различныхъ предыдущихъ, и въ хаотическомъ послѣдующемъ множество различныхъ послѣдующихъ; это – важный методическій шагъ такъ-называемаго *наблюденія*. Умѣнье наблюдать есть рѣдкій талантъ. «Иной»—говоритъ Д. С. Милль—«просмотритъ половину, или по невнимательности, или потому что обращаетъ вниманіе не на надлежащій пунктъ; другой выдаетъ больше, чѣмъ видитъ, смѣшивая то что̀ видитъ, съ тѣмъ что̀ воображаетъ или выводитъ; иной замѣчаетъ всѣ обстоятельства извѣстнаго рода, но не опытный въ оцѣнкѣ ихъ важности, оставляетъ количество каждаго неопредѣленнымъ и неочерченнымъ; иной видитъ дѣйствительно все въ цѣлости, но вслѣдствіе того, что смѣшиваетъ вещи какія должны быть раздѣлены, и раздѣляетъ другія которыя лучше бы разсматривать въ соединеніи, дѣленіе его выходитъ такъ превратно, какъ бы вовсе не было испробовано никакого анализа или даже и того хуже» *). — Во всякомъ случаѣ, «единственная цѣль мысленнаго анализа состоитъ въ томъ, чтобы вести къ нужному дѣленію физическому, предпринимаемъ ли его сами. или же можемъ отыскивать въ природѣ; мы сдѣлали достаточно, если довели дѣленіе до того пункта, когда можемъ видѣть, какихъ намъ нужно наблюденій и опытовъ» **).

*) Ibid. p. 443.

**) *D. S. Mill*: Syst der. ded u. ind. Logik. I Th. p. 444.

«Какъ скоро различныя предыдущія и слѣдствія предположительно опредѣлены и отдѣлены другъ отъ друга, насколько этого требуетъ случай, мы должны изслѣдовать, какимъ образомъ первыя связаны съ послѣдними. Въ каждомъ случаѣ, какіе мы только наблюдаемъ, есть много предыдущихъ и много слѣдствій. Если бъ эти предыдущія отдѣлялись только въ мысли, или если бъ эти слѣдствія никогда нельзя было найти въ раздѣльности, то намъ было бы невозможно различить ихъ истинные законы, или каждой причинѣ указать свое дѣйствіе и каждому дѣйствію свою причину. Чтобъ осуществить это, мы должны встрѣтить нѣкоторыя предыдущія отдѣльно отъ остальныхъ, и наблюдать каковы ихъ слѣдствія; или должны встрѣтиться съ нѣсколькими отдѣльными слѣдствіями, и наблюдать что предшествовало имъ. Мы должны, слѣдуя правилу Бэкона, *измѣнять обстоятельства*.

«Чтобъ измѣнить обстоятельства, мы можемъ обратиться (по обыкновенному разграниченію) къ наблюденію или опыту: *отыскиваемъ* въ природѣ какой нибудь случай, отвѣчающій нашей цѣли, или же *производимъ* таковой сами, искуственною постановкою обстоятельствъ. Достоинство примѣра зависитъ отъ того, что такое онъ самъ по себѣ, а не отъ способа какимъ онъ полученъ; употребленіе его въ цѣляхъ индукціи опирается въ обоихъ случаяхъ на тѣхъ же началахъ, точно такъ какъ употребленіе денегъ одно и тоже, достаются ли они по наслѣдству, или пріобрѣтаются» *).

Такимъ образомъ психологическая экспериментація опирается на искуственномъ и находимомъ въ природѣ,

*) Ibid. p 445

измѣненіи обстоятельствъ изслѣдуемаго нами духовнаго явленія. На оба эти средства экспериментальнаго изслѣдованія въ философіи духа указывалъ, какъ мы видѣли, и Д. Стюартъ. Въ примѣръ искуственнаго измѣненія обстоятельствъ онъ приводилъ эксперименты Беркли, на которыхъ у послѣдняго основана теорія зрѣнія. Въ тоже время Д. Стюартъ замѣтилъ опредѣленно, что въ отношеніи къ духовнымъ явленіямъ «едва ли и можно вообразить какой нибудь экспериментъ, который бы не былъ уже испробованъ рукою природы»; и въ этомъ нельзя не признать своеобразнаго преимущества науки о духѣ, вознаграждающаго сравнительно малую доступность ея предметовъ искуственнымъ измѣненіямъ, — если принять во вниманіе, что значеніе этой самобытной экспериментаціи природы, по ея достоинству въ цѣляхъ изслѣдованія, совершенно равносильно опытамъ, производимымъ искуственно; или,—какъ выразился Д. Стюартъ,—что здѣсь «разница между обоими средствами рѣшенія остается только на словахъ». Вся сущность экспериментаціи выходитъ изъ отмѣны обстоятельствъ изслѣдуемаго случая. И такъ какъ явленія духа допускаютъ, при своей относительной сложности, безконечное разнообразіе всякаго рода сочетаній (относительно) простѣйшихъ или элементарныхъ состояній, то очевидно, что съ этимъ вмѣстѣ данъ просторъ, отъ дѣленія чисто мысленнаго переходить, и безъ помощи искуственнаго измѣненія обстоятельствъ, къ дѣленію физическому, какъ уже исполненному рукою природы.

Для опредѣленія, при такихъ измѣненныхъ обстоятельствахъ, связи предыдущихъ и послѣдующихъ, или причинъ и дѣйствій или слѣдствій, въ изслѣдуемомъ нами

случаѣ,—обработаны, по указанію Бэкона, слѣдующія четыре методы.

«Есть»—говоритъ Д. С. Милль—«двѣ простыя и наглядныя методы, чтобъ изъ обстоятельствъ предшествующихъ или послѣдующихъ извѣстному явленію природы, выдѣлить тѣ, которыя связаны съ нимъ неизмѣннымъ закономъ. Одна состоитъ въ томъ, что различные случаи, въ какихъ имѣетъ мѣсто явленіе природы, сравниваютъ другъ съ другомъ, другая въ томъ, что случаи, въ которыхъ имѣетъ мѣсто явленіе природы, сравниваютъ съ случаями, въ другихъ отношеніяхъ сходными, но въ которыхъ оно не имѣетъ мѣста. Эти двѣ методы можно назвать, сравнительно, *методою согласія* и *методою разности*.

«При объясненіи этихъ методъ, нужно помнить двоякій характеръ изслѣдованія законовъ явленій природы; именно, мы отыскиваемъ или причину къ данному дѣйствію, или дѣйствіе или свойство данной причины» *).

Первая метода опирается на слѣдующую аксіому. «Каждое обстоятельство, какое можно исключить безъ вреда для естественнаго явленія, или которое, не смотря на свое присутствіе, можетъ быть и отсутствующимъ,—не связано съ нимъ никакимъ причиннымъ отношеніемъ. Если такимъ образомъ случайныя обстоятельства удалены и остается только одно, то оно и есть искомая причина; если же остается болѣе чѣмъ одно, то они или суть причина, или содержатъ причину: mutatis mutandis, тоже самое относится и къ дѣйствію» **) Такъ какъ по этой методѣ сравниваются между собою случаи различные, для

*) Ibid. p. 453,

**) Ibid. p. 456.

отысканія въ нихъ согласнаго, то она и называется методою согласія. Въ приложеніи къ психологіи, руководительное начало ея будетъ слѣдующее·

Если два или болье случая изслъдуемаго духовнаго явленія имѣютъ общимъ только одно обстоятельство, то лишь это обстоятельство, въ которомъ всѣ случаи согласны, и есть причина (или дѣйствіе) даннаго духовнаго явленія.

Метода разности основана на слѣдующей аксіомѣ: «Всякое предыдущее, какого нельзя исключить безъ вреда для естественнаго явленія, и есть причина или условіе этого естественнаго явленія; всякое слѣдствіе, какое можетъ быть исключено отсутствіемъ одного изъ всѣхъ предыдущихъ, и есть дѣйствіе этого предыдущаго. Вмѣсто того чтобы сравнивать различные примѣры одного явленія другъ съ другомъ, для открытія въ нихъ согласнаго,—по этой методѣ, сравнивается случай, въ какомъ оно наступаетъ, съ случаемъ, въ какомъ оно не наступаетъ, чтобъ открыть въ чемъ они разнятся» *).

Руководительное начало методы разности, въ приложеніи къ предмету психологіи, будетъ слѣдующее:

Если случай, въ какомъ наступаетъ изслъдуемое духовное явленіе, и случай, въ какомъ оно не наступаетъ, имѣютъ общими всѣ обстоятельства за исключеніемъ одного, то обстоятельство, какимъ только и разнятся оба случая, есть дѣйствіе, или причина, или необходимая часть причины, этого духовнаго явленія.—

Обѣ эти методы имѣютъ между собою много сход-

*) Ibid p. 458.

ства, но во многихъ пунктахъ и различаются. Онѣ называются методами *элиминаціи*, изъятія, или исключенія. Метода согласія основана на слѣдующемъ: все что можетъ быть исключено, не связано съ явленіемъ духа никакимъ закономъ; основное положеніе методы разности: все что не можетъ быть исключено, связано съ духовнымъ явленіемъ закономъ. Метода разности есть попреимуществу метода искуственнаго опыта; къ методѣ согласія прибѣгается только тогда, когда искуственный опытъ не возможенъ. Изъ этого видно, что методѣ согласія предстоитъ широкая работа въ области духовныхъ явленій, гдѣ искуственные опыты чаще не возможны. Но эта метода далеко уступаетъ по своей силѣ методѣ разности, составляющей такое великое орудіе во многихъ физическихъ наукахъ, которыхъ предметы совершенно доступны искуственнымъ опытамъ. Недостаточность методы согласія зависитъ отъ того, что посредствомъ оной мы не получаемъ очевидности, что найденный нами пунктъ согласія всѣхъ случаевъ извѣстнаго духовнаго явленія и есть единственный пунктъ ихъ согласія; и такимъ образомъ остается еще вопросомъ, — найденное нами неизмѣнное предыдущее есть ли причина, или только неизмѣнно сопровождающее дѣйствіе неизвѣстной намъ причины. Поэтому для психологіи весьма важно замѣтить употребленіе методы согласія въ ея улучшенномъ видѣ, который у Милля называется *косвенною методою разности* или *соединенною методою согласія и разности*.

Руководительное начало ея слѣдующее.

Если два или болѣе случая, въ какихъ происходитъ духовное явленіе, имѣютъ какое нибудь общее обстоятельство, между тѣмъ какъ два или болѣе слу-

чая, въ какихъ они не происходятъ, не имѣютъ ничего общаго кромѣ отсутствія того обстоятельства,—то обстоятельство, которымъ только и разнятся оба ряда случаевъ, и есть дѣйствіе, или причина, или необходимая часть причины этого духовнаго явленія.

Третья метода называется *методою остатковъ*. «Начало ея въ высшей степени просто. Если отъ даннаго естественнаго явленія отвлечь всѣ части какія, по предшествующимъ наведеніямъ, могутъ быть отнесены къ извѣстнымъ причинамъ.—то остатокъ будетъ дѣйствіемъ тѣхъ предыдущихъ, какія до сихъ поръ упускались изъ виду, или дѣйствіе которыхъ было до сихъ поръ неизвѣстною величиною» *). Руководительное начало этой методы въ приложеніи къ предмету психологіи будетъ слѣдующее.

Отъ изслѣдуемаго духовнаго явленія отвлечемъ ту часть, какая, по прежнимъ наведеніямъ, признана дѣйствіемъ извѣстныхъ предыдущихъ; и остатокъ духовнаго явленія будетъ дѣйствіемъ остальныхъ предыдущихъ.

Четвертая метода употребляется въ особенности въ случаяхъ, когда изслѣдуются законы тѣхъ постоянныхъ причинъ или агентовъ, которыхъ природы нельзя исключить или изолировать. По этой методѣ, «всякая вещь, за видоизмѣненіями которой слѣдуютъ постоянно видоизмѣненія дѣйствія, и должна быть причиною этого дѣйствія, (или въ связи съ нею). **)

Руководительное начало ея въ психологіи будетъ слѣдующее:

---

*) Ibid. p. 465.

**) Ibid p 472.

Духовное явленіе, измѣняющееся, когда какимъ нибудь особеннымъ образомъ измѣняется другое духовное явленіе,—есть или причина, или дѣйствіе, этого духовнаго явленія, или связано съ нимъ какою нибудь причинною связью.

Эти четыре методы, говоритъ Д. С. Милль, «суть единственно возможные роды экспериментальнаго изслѣдованія,—прямого наведенія a posteriori, какъ отличнаго отъ вывода или дедукціи; по крайней мѣрѣ», продолжаетъ онъ, «я не знаю никакихъ другихъ, и даже не въ состояніи и вообразить таковыхъ». *) Такимъ образомъ эти четыре методы и составляютъ единственно возможное средство къ рѣшенію вопросовъ объ общихъ или элементарныхъ законахъ духа, которыми прежде всего занимается психологія.

«Какъ скоро такимъ путемъ», говоритъ Милль, «найдено извѣстное число элементарныхъ законовъ (духа), настоящею задачею науки будетъ изслѣдовать, какъ далеко эти законы могутъ быть прилагаемы къ объясненію дѣйствительныхъ явленій»: психологическія наведенія открываютъ поле для психологической дедукціи**).—Этимъ въ концѣ и исчерпываются всѣ операціи психологическихъ изысканій.

Такимъ образомъ, заключительными руководящими началами психологической методы, по указаніямъ Милля и его предшественниковъ, будутъ слѣдующія·

Изслѣдуя основныя однообразія преемства или законы духовныхъ явленій, психологія разлагаетъ сложные случаи послѣднихъ на ихъ элементарныя преды-

*) Ibid. p. 477.

**) Ibid II Th. p. 460.

дущія и послѣдующія путемъ простого наблюденія, и опредѣляетъ взаимную связь предыдущихъ и слѣдствій путемъ экспериментаціи, т. е. замѣчаніемъ ихъ отношеній при измѣненныхъ обстоятельствахъ.

Единственно возможныя методы психологической экспериментаціи и, слѣдовательно, единственно возможныя научныя методы открытія всѣхъ элементарныхъ законовъ человѣческаго духа, суть обыкновенныя методы экспериментальной физики,—метода согласія, метода разности, метода остатковъ и метода сопутствующихъ измѣненій.

ГЛАВА V.

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.

Классификація духовныхъ явленій. *Чувственность*. Мускульная энергія. Физическая сторона ощущеній Происхожденіе идей пространства, времени и матеріи – у Локка, Беркли, Рида, Д. Стюарта, Броуна, Бэна.—Аппетиты Инстинкты.

Теперь мы намѣрены представить нѣсколько широкихъ образчиковъ психологическаго анализа, исполненнаго учеными Англіи, по методамъ описаннымъ выше. Для ясности дѣла, мы представляемъ ихъ въ связи съ общею постановкою спеціальныхъ проблемъ психологическаго анализа, въ частныхъ отдѣлахъ его предмета, и съ нѣкоторыми общими результатами, добытыми имъ до настоящаго времени.

Въ этихъ цѣляхъ, мы должны, прежде всего, указать, въ общихъ чертахъ, тѣ группы духовныхъ явленій, съ которыми имѣлъ дѣло психологическій анализъ; другими словами, представить извѣстную классификацію ихъ.

Но правильная классификація духовныхъ явленій есть самая широкая задача психологическаго анализа; и легко предугадывать что, основанная на предварительныхъ анализахъ различныхъ мелкихъ группъ и семействъ духовныхъ явленій, она устанавливалась только постепенно.

Дѣйствительно, извѣстное однообразіе въ раздѣленіи духовныхъ явленій начало обнаруживаться только съ началомъ текущаго столѣтія. Кромѣ указанной трудности подробнаго анализа частныхъ группъ духовныхъ явленій, правильное дѣленіе ихъ замедлялось ихъ осложненіемъ съ феноменами физическими, или перемѣнами въ системѣ мозга и нервовъ. Изъ этихъ двухъ причинъ выходили и всѣ недостатки такого рода классификацій со временъ Локка.

Психологическій анализъ показалъ что, съ точки зрѣнія причинности духовныхъ явленій, всѣ они распадаются на три класа.—во-первыхъ, порядокъ духовныхъ явленій, зависящихъ отъ извѣстныхъ состояній нашихъ тѣлесныхъ органовъ, или то что̀ называютъ нашею чувственностію; во-вторыхъ, порядокъ духовныхъ явленій, причинность которыхъ, для нашего анализа, есть чисто духовная·— это, говоря языкомъ Локка, явленія рефлексіи, или рефлексивныя, которыя, въ послѣднемъ анализѣ, зависятъ отъ нашихъ ощущеній, или вообще нашей чувственности; въ-третьихъ, порядокъ духовныхъ явленій, отъ которыхъ непосредственно зависятъ извѣстныя состоянія или перемѣны въ нашихъ тѣлесныхъ органахъ, въ особенности въ системѣ мускульной. Если это дѣленіе духовныхъ феноменовъ даетъ вѣрныя руководительныя начала для психологическаго анализа, то, съ другой стороны, легко замѣтить, что въ немъ не дается еще никакихъ положительныхъ примѣтъ самыхъ духовныхъ явленій. Это дѣленіе методическое, а не систематическое. Удобство изложенія результатовъ психологическаго анализа можетъ заставить удержать нѣкоторыя черты подобнаго дѣленія, и это будетъ вполнѣ отвѣчать причинности духовныхъ явленій; но

при одномъ такомъ дѣленіи, мы остаемся, во всякомъ случаѣ, безъ положительнаго содержанія представленныхъ порядковъ. Обратимъ, напр , вниманіе на второй изъ нихъ, что это за явленія, по своему содержанію или по своимъ свойствамъ? Мы можемъ предварительно сказать что, въ результатѣ психологическаго анализа, это наши мысли и наши духовныя волненія, или душевныя движенія. Но въ слѣдъ за этимъ представляется другой вопросъ: какъ относятся эти феномены къ двумъ другимъ порядкамъ, т. е. нашей чувственности и нашей дѣятельности? Въ нашей чувственности, напр., есть ли какіе нибудь другіе элементы кромѣ умственнаго, чувствительнаго или страстнаго, и дѣятельнаго или произвольнаго? Тотъ же вопросъ можно сдѣлать и относительно нашей дѣятельности или произвольности, въ этомъ феноменѣ есть ли что нибудь другое кромѣ нашихъ мыслей, волненій и слѣдующихъ за ними, извѣстныхъ тѣлесныхъ состояній, различныхъ перемѣнъ въ нашей мускульной системѣ? Всѣ эти вопросы могли быть рѣшены только анализомъ нашей чувственности и нашей дѣятельности, и пока не было въ готовности этихъ анализовъ, пока самый классъ явленій рефлексивныхъ былъ далеко не изчерпанъ въ своихъ подробностяхъ, полная и правильная классификація духовныхъ явленій не могла состояться.

Но затрудненія этимъ не ограничиваются; мы можемъ опять предварительно отвѣтить, что анализы чувственности и дѣятельности привели къ убѣжденію, что въ элементахъ этихъ формъ духовнаго существованія, взятыхъ отдѣльно отъ предшествующихъ имъ или слѣдующихъ за ними тѣлесныхъ состояній, дѣйствительно не содержится ничего кромѣ мыслительности, и чувствительности или

страстности. Но спрашивается, можно ли ввести анализъ нашей чувственности и дѣятельности или произвольности въ двѣ главы объ умѣ и сердцѣ? Выше было подробно раскрыто, что изслѣдованіе духовныхъ явленій, причина которыхъ лежитъ въ состояніяхъ мозга и нервной системы, есть собственно предметъ физіологіи; но мы напрасно стали бы думать, что психологъ свободенъ отъ изслѣдованія нашей чувственности. Чувственность съ которою имѣетъ дѣло анализъ, есть далеко не то, чѣмъ надѣляетъ насъ природа въ различныхъ тѣлесныхъ возбужденіяхъ, полагающихъ основанія всѣмъ формамъ духовнаго существованія; это чувственность столько же естественная, первоначальная, сколько, и еще болѣе, вторичная, производная, пріобрѣтенная, воспитанная, изученная. Представить ту первоначальную, элементарную чувственность есть труднѣйшая, и до сихъ поръ еще не вполнѣ рѣшенная, задача экспериментальнаго изслѣдованія; отдѣленіе даннаго и пріобрѣтеннаго въ этой области духовнаго существованія можетъ быть сдѣлано только взаимными усиліями психологіи и физіологіи. Предполагая даже, что изслѣдованія такого рода увѣнчались бы наконецъ полными успѣхами, мы не видимъ однакожъ какимъ образомъ полное систематическое изложеніе духовныхъ феноменовъ можетъ обойтись безъ нашей чувственности, даже и въ томъ крайнемъ случаѣ, если бы оно было вынуждено здѣсь ограничиваться одними физіологическими леммами. Психологъ всегда долженъ знать, и представлять въ своей системѣ данное физіологическое, чтобъ имѣть точку отправленія для дальнѣйшихъ объясненій духовной жизни. По всѣмъ этимъ причинамъ, чувственность составляетъ неизбѣжный отдѣлъ психологіи;

и какъ вслѣдствіе смѣшанной и элементарной природы, такъ и неразработанности этого порядка духовныхъ явленій, должна, кажется, составлять неизбѣжно особую главу въ психологіи, отдѣльную отъ феноменовъ умственныхъ и чувствительныхъ.—Съ другой стороны, наша дѣятельность или произвольность, не представляя въ духовныхъ элементахъ никакого новаго содержанія, отличнаго отъ нашихъ мыслей и волненій, тѣмъ не менѣе, въ связи съ элементами физическими или различными перемѣнами въ тѣлѣ, представляется особаго рода причиннымъ отношеніемъ, которое не можетъ быть объяснено прямымъ анализомъ ума и чувствительности, если упустить изъ виду разработку того особеннаго положенія, какое свойственно этимъ феноменамъ въ порядкѣ нашей дѣятельности или произвольности. Эта особенность ихъ положенія, сопровождающаяся совершенно особенными послѣдствіями, возводитъ нашу дѣятельность или произвольность на степень новаго, третьяго основного элемента духовной жизни; и такимъ образомъ наша воля должна, повидимому, всегда составлять особый отдѣлъ духовныхъ явленій, изслѣдуемыхъ подлѣ ума и чувствительности.

Изложенныя нами затрудненія классификаціи духовныхъ явленій объясняютъ ту зыбкость въ этомъ пунктѣ психологіи, какую мы встрѣчаемъ у писателей въ школѣ Локка. Говоря о реформѣ энциклопедіи наукъ, совершенной Бэкономъ, мы замѣтили опредѣлившуюся тогда у англійскихъ писателей, склонность сближаться, въ своихъ классификаціяхъ, съ лучшими преданіями древней греческой науки; тоже самое мы встрѣчаемъ и въ настоящемъ случаѣ. Въ періодъ появленія твореній Локка, самую видную роль играла система Декарта, въ которой

собственнымъ аттрибутомъ души указано мышленіе; отсюда, изъ этого основного свойства, въ школѣ Декарта, старались вывесть всѣ остальныя духовныя явленія. Локкъ не представлялъ отдѣльной классификаціи всѣхъ духовныхъ явленій; онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ методу изслѣдованія этихъ явленій, и положилъ твердое начало ихъ методическому дѣленію на явленія чувственныя и рефлексивныя. Тѣмъ не менѣе, въ его аналитической таблицѣ, нельзя не замѣтить древняго греческаго дѣленія духовныхъ явленій на умъ и волю. Это дѣленіе было воспроизведено у Рида, въ его двухъ главныхъ отдѣлахъ духовныхъ силъ, умственныхъ, и практическихъ или дѣятельныхъ; при чемъ чувственность входила—отчасти въ способности умственныя, какъ напр. ощущенія пяти внѣшнихъ чувствъ, отчасти въ способности практическія, какъ напр. наши инстинкты. Подобнымъ же образомъ, и духовныя волненія распредѣлялись между этими двумя главными отдѣлами; эстетическія состоянія нашей чувствительности—относились къ уму, а благожелательныя и зложелательныя впечатлѣнія—къ силамъ дѣятельнымъ. Въ тоже время, въ шотландской школѣ, шла трудолюбивая разработка нашихъ нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій, въ связи съ нравственными и эстетическими сужденіями, которая все больше и больше выводила наружу значеніе нашихъ духовныхъ волненій, независимое отъ ума и воли и, во многихъ отношеніяхъ, опредѣляющее и умъ и волю. Броунъ былъ столько занятъ порядкомъ нашей чувствительности, что всѣ духовныя явленія, которыя Локкъ называетъ рефлексивными, сводилъ къ уму и духовнымъ волненіямъ,—разсматривая феноменъ нашей дѣятельности, или произволь-

ности, какъ часть нашихъ духовныхъ волненій подъ вліяніемъ нашихъ мыслей. Послѣдующіе писатели, не соглашаясь съ такою постановкою воли, тѣмъ не менѣе удерживаютъ духовныя волненія какъ особый порядокъ духовныхъ явленій; и сводятъ обыкновенно эти явленія къ тремъ основнымъ отдѣламъ,—мысли, волненію и произвольности. Такъ именно поступаютъ, напр., сэръ-Вильямъ Гамильтонъ и Бэли (Baley). Соглашаясь съ этимъ трехчастнымъ дѣленіемъ, какъ исчерпывающимъ вполнѣ всю область духовныхъ явленій, Бэнъ предпочитаетъ однакожъ, въ самомъ изложеніи ихъ, слѣдовать четверному дѣленію, дѣлая изъ нашей чувствешности особый отдѣлъ психологическихъ изслѣдованій. Это четверное дѣленіе психологическихъ матерій на чувственность, умъ, духовныя волненія и произвольностъ, — дѣленіе, естественность котораго для нашего времени представлена нами выше, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое удобное для нашей экземплификаціи психологическаго анализа въ Англіи. Мы начинаемъ съ *чувственности*.

Содержаніе этого отдѣла психологіи составилось не вдругъ. По основаніямъ, изложеннымъ прежде, онъ естественно долженъ заключать въ себѣ два элемента: указаніе первоначальныхъ духовныхъ явленій, которыя постоянно слѣдуютъ за извѣстными перемѣнами въ нашихъ тѣлесныхъ органахъ, или въ мозгѣ и нервахъ; и указаніе тѣхъ видоизмѣненій, какимъ эти явленія подвергаются въ силу дальнѣйшей обработки, и которыя такъ затрудняютъ открытіе ихъ первоначальнаго характера. И если потребность второго элемента чувствовалась всѣми аналитиками духа, со временъ Беркли, то объемъ перваго требованія, можетъ-быть по самой природѣ дѣла, откры-

вался только постепенно, въ связи съ успѣхами психологіи и физіологіи Долгое время наша чувственность занимала психологовъ только одною стороною своего содержанія, именно познавательною, изслѣдовались обыкновенно пять такъ-называемыхъ внѣшнихъ чувствъ, т. е. зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, какъ источники извѣстныхъ элементарныхъ идей. Ридъ и его школа обратили вниманіе на животные или чувственные проблески произвольности, такъ-называемые инстинкты, хотя изслѣдованіе этого предмета въ отдѣлѣ практическихъ способностей и препятствовало болѣе цѣльному взгляду на нашу чувственность, какой давался уже внѣшними ощущеніями, какъ источниками идей,—и инстинктами, какъ указаніями на чувственную дѣятельность. Броунъ ввелъ въ главу о чувственности элементъ страстный, именно ощущенія удовольствія и скорби, причина которыхъ лежитъ въ нашихъ органическихъ, или мозговыхъ и нервныхъ состояніяхъ,—и вмѣстѣ съ этимъ, такъ-называемые аппетиты, или тѣлесные позывы, требованія, какъ непосредственно связанныя съ тѣми ощущеніями. Кромѣ того, Броуну принадлежитъ честь указанія на совершенную разнородность ощущеній, какія обыкновенно сводились къ классу осязанія; онъ съ неопровержимою силою доказалъ, что ощущенія противодѣйствія принадлежатъ не чувству осязанія, или нашей кожѣ, а чувству мускульному или движенія; и что это чувство играетъ главную роль въ образованіи нѣкоторыхъ весьма важныхъ понятій. Точно также анализы Броуна подвинули къ отчетливому сознанію умственнаго значенія нашихъ ощущеній. Броунъ первый высказалъ съ особенною ясностію относительность или соотносительность всѣхъ актовъ на-

шего ума. При такомъ воззрѣніи на дѣло, не трудно было прійти къ убѣжденію, что наши ощущенія, разсматриваемыя съ точки зрѣнія умственныхъ явленій, или какъ источники идей, суть истинные факты жизни умственной,—анализъ, раздѣленіе или различеніе духовныхъ состояній; что такія духовныя впечатлѣнія, какъ красный или желтый цвѣтъ, звукъ и проч., не суть что нибудь совершенно предваряющее нашу умственную жизнь, а напротивъ, существуютъ какъ красный или желтый цвѣтъ, какъ звукъ и проч. только съ той минуты, когда звуки стали отдѣляться отъ цвѣтовъ, цвѣтъ красный отъ цвѣта желтаго, голубого и проч., однимъ словомъ, что никакихъ чувственныхъ качествъ, никакихъ ощущеній этихъ качествъ не существуетъ раньше различенія однихъ качествъ отъ другихъ, иначе сказать, что ощущенія суть, въ этомъ случаѣ, умственные акты различенія (однихъ духовныхъ состояній отъ другихъ), вполнѣ зависящаго отъ состояній мозга,—какъ это и подтверждается во всей силѣ физіологическими опытами.

Такимъ образомъ постепенно открылось, что наша чувственность не есть что нибудь отличное отъ нашего ума, чувствительности и нашей дѣятельности, а есть только основная, низшая форма тѣхъ же самыхъ феноменовъ мыслительности, страстности и произвольности,—получаемая отъ природы тѣлесной, какъ залогъ нашего высшаго духовнаго развитія.—Бэнъ, въ своемъ анализѣ чувственности, предваряя все изложеніе анатомическими и физіологическими замѣчаніями, изслѣдуетъ, во-первыхъ, дѣятельность мускульную, или движеніе, какъ лежащее въ основѣ операцій пяти внѣшнихъ чувствъ; во-вторыхъ, содержаніе этихъ внѣшнихъ чувствъ; въ-третьихъ, аппе-

титы и, въ-четвертыхъ, инстинкты,—преслѣдуя, въ своихъ анализахъ, основное дѣленіе духовныхъ явленій на умственныя, чувствительныя и дѣятельныя

Ученіе о чувственности, не смотря на взаимныя усилія физіологіи и психологіи, остается до сихъ поръ, какъ мы уже замѣтили, наименьше разработаннымъ, сравнительно съ другими отдѣлами психологіи Есть множество прекрасныхъ описаній мелкихъ однообразій въ этихъ явленіяхъ,—которыя позволяютъ ожидать въ будущемъ болѣе широкихъ выводовъ; но при настоящемъ положеніи этого отдѣла, все дѣло и ограничивается массою этихъ описаній не сведенныхъ почти ни къ какимъ, сколько нибудь широкимъ законамъ. Главные успѣхи этой части психологіи пока болѣе методическіе,—разъясненіе правильныхъ спеціальныхъ пріемовъ въ изслѣдованіи нашей чувственности, на которые, поэтому, мы и обратимъ преимущественное вниманіе

Мы уже замѣтили выше, что англійскіе психологи издавна обращали особенное вниманіе на чувство мускульное, т. е. чувство движенія или энергіи, открывающейся въ такъ-называемыхъ мускулахъ произвольныхъ, мы сказали также, что Броунъ открылъ извѣстное фундаментальное значеніе мускульныхъ чувствъ въ образованіи нѣкоторыхъ основныхъ идей. Бэнъ, одинъ изъ самыхъ новыхъ психологовъ Англіи, въ своемъ ученіи о чувственности, поставилъ мускульное движеніе какъ фундаментальный феноменъ нашей природы, предваряющій наши внѣшнія ощущенія,—слѣдовательно, какъ естественную точку отправленія въ ученіи о чувственности; и многочисленные разборы его сочиненія, туземные и иностранные, сопровождались полнымъ сочувствіемъ такой поста-

новкѣ дѣла. Мысль Бэна основана на многихъ психологическихъ и физіологическихъ данныхъ, которыя показываютъ, что мускульное движеніе зависитъ не отъ однихъ нашихъ ощущеній и волненій, и что оно есть первоначально самобытная энергія центральныхъ мозговыхъ массъ, тѣсно связанная съ процессомъ питанія и аналогическая нѣкоторымъ другимъ процессамъ, зависящимъ точно также отъ питанія, каковъ напр. процессъ электричества, въ послѣднемъ убѣждаютъ въ особенности извѣстные опыты Дюбуа-де-Реймона. Эта именно самобытная энергія обнаруживается и въ такъ-называемыхъ мускулахъ произвольныхъ,—въ аппаратѣ локомотивномъ, органахъ голоса, разнообразныхъ движеніяхъ человѣческаго лица. Такимъ образомъ въ этой энергіи заключается естественное начало бодрственной жизни, слѣдовательно чувственности и высшихъ операцій духа

Въ анализѣ чувствъ мускульныхъ, органическихъ, равно какъ и пяти внѣшнихъ чувствъ, установились слѣдующіе основные пріемы.

Изслѣдованіе физической стороны нашихъ внѣшнихъ ощущеній, или локализація духовныхъ явленій. Въ общемъ основаніи, всѣ духовныя явленія имѣютъ свое опредѣленное мѣсто въ нашемъ тѣлѣ. Въ предыдущихъ главахъ было показано ясно, что наше знаніе ограничено собственными состояніями нашего духа, что положительнаго научнаго выхода изъ этихъ внутреннихъ состояній не существуетъ, и что психологъ отдается общему убѣжденію человѣчества, разсматривая вещи протяженныя, какъ существующія въ этомъ качествѣ независимо отъ его духа, и помѣщая часть своихъ субъективныхъ состояній въ эти

протяженныя вещи, и ближайшимъ образомъ въ органы своего тѣла, — какъ независимое отъ духа протяженное внѣшнее существованіе. Анализъ общаго убѣжденія показываетъ, что содержаніе его составляется постепенно и что эта локализація духовныхъ явленій основана на различныхъ опытахъ духовной жизни, начинающихся съ первыхъ дней дѣтства. Только мало-по малу мы навыкаемъ указывать мѣсто въ нашихъ тѣлесныхъ органахъ нашимъ удовольствіямъ и страданіямъ, нашему уму, нашимъ волненіямъ и нашимъ порывамъ къ дѣятельности. Эта локализація дѣлается, однакожъ, столь твердою, что многіе не умѣютъ различать, въ явленіяхъ нашей жизни, элемента физическаго отъ духовнаго, и принимаютъ напр. тѣлесныя боли и удовольствія за физическія состоянія нашего тѣла; вообще, въ популярномъ сознаніи, тѣло стоитъ подлежащимъ, а чувственность сказуемымъ, въ описаніи явленій смѣшанной духовно-тѣлесной природы. Мы говоримъ обыкновенно голова болитъ, зубъ ноетъ, груди тяжело и т д.,—описывая наши чувственныя скорби и удовольствія. Это обстоятельство, повидимому, не мало содѣйствуетъ той иллюзіи, что даже ученые, особенно физики, стоящіе обыкновенно въ изслѣдованіи физіологическихъ явленій на почвѣ популярнаго сознанія, очень часто принимаютъ духовныя явленія за простыя сказуемыя или видоизмѣненія нашего тѣла. Спускаясь до извѣстной мѣры на популярную точку зрѣнія, т. е. принимая внѣшній міръ и тѣло какъ существующія независимо отъ состояній духа въ качествѣ протяженнаго, дѣлимаго, цвѣтного и проч., психологъ никогда не можетъ забыть, что внѣшніе предметы служатъ для него только простыми намѣстниками неизвѣстныхъ ему причинъ его чувствен-

ныхъ состояній, и что онъ не можетъ иначе обращаться съ ними, какъ изслѣдуя приписываемую имъ въ общемъ сознаніи, функцію внѣшнихъ причинъ нашихъ духовныхъ состояній, или внѣшнихъ, физическихъ послѣдствій этихъ состояній.

Такимъ образомъ, популярная локализація духовныхъ явленій сводится въ наукѣ къ двумъ предметамъ изслѣдованія къ вопросу о тѣлесныхъ событіяхъ всегда предшествующихъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, или о тѣлесномъ происхожденіи нашихъ внѣшнихъ ощущеній,— и къ вопросу о тѣлесныхъ событіяхъ безусловно слѣдующихъ за нашими ощущеніями, или о тѣлесномъ разливѣ, выраженіи, воплощеніи нашихъ чувственныхъ состояній.

Мы не можемъ входить въ подробныя физіологическія рѣшенія перваго вопроса, изъ которыхъ еще только немногія получили общее признаніе въ кругу специалистовъ. Достаточно замѣтить что, сравнительно съ состояніемъ этихъ знаній во времена древнія, мы ушли весьма далеко впередъ. Если древніе не могли съ точностью опредѣлить настоящій органъ духовныхъ явленій, и искали его большею частію въ процессѣ дыханія, питанія и кровообращенія, то въ наше время сдѣлалась самою популярною та важная истина, что тѣлесный источникъ духовныхъ состояній есть собственно система мозга и нервовъ. Мало того, въ новое время успѣли различить, съ большею или меньшею достовѣрностью, между функціею центральныхъ мозговыхъ массъ, и функціею развѣтвленій нервной системы, играющею роль простого проводника впечатлѣній между центральнымъ мозгомъ и нервною периферіею, (хотя сущность этой посреднической роли до сихъ поръ остается загадочною); различили, далѣе, ме-

жду самыми нервами, какъ проводниками ощущеній и движеній; поставили въ связь наши движенія мускульныя, зависящія отъ самобытной энергіи тѣла, съ дѣятельностію продолговатаго и спиннаго мозга, и мозжечка, наши чувственные начатки сознанія — съ дѣятельностью большихъ полушарій передняго мозга, и спеціальныя ощущенія, мускульныя, органическія, вкуса, обонянія, осязанія, слуха и зрѣнія,—со спеціальными нервами и ближайшими центрами ихъ

Что касается вопроса о разливѣ или выраженіи нашихъ духовныхъ состояній, то онъ далеко не получилъ такой же обработки, конечно, вслѣдствіе того, что физіологи, имѣющіе столько средствъ къ изслѣдованію причинъ духовныхъ явленій въ перемѣнахъ тѣла, лишены, въ кругѣ своего предмета, весьма важныхъ средствъ слѣдовать, для объясненія извѣстныхъ явленій, методѣ обратной Строго говоря, это задача психологовъ, въ рукахъ которыхъ первое звено этого рода предметовъ; но они встрѣчаютъ обратныя затрудненія.

Изслѣдованіе духовной стороны нашихъ ощущеній. Мы уже замѣтили, что правильное изслѣдованіе этого предмета замедлялось тѣмъ обстоятельствомъ, что психологи, въ описаніи нашихъ ощущеній, ограничивались обыкновенно ихъ элементомъ умственнымъ, или познавательнымъ, предполагая, что наши ощущенія составляютъ только низшій видъ умственныхъ фактовъ. Броунъ внесъ въ число ихъ первоначальныхъ элементовъ наши чувствительныя состоянія, наши тѣлесныя удовольствія и скорби, и состоянія нейтральныя или безразличныя. Онъ же, въ своихъ тонкихъ анализахъ, доказалъ ясно, что наши скорби и удовольствія, вытекающія изъ

этого источника, сопровождаются чувственными желаніями, или опредѣляютъ нашу волю, какъ дѣятельность зависящую отъ чисто духовныхъ причинъ, въ противоположность причинности въ мірѣ физическомъ и тѣлеснымъ энергіямъ, вытекающимъ непосредственно изъ состоянія мозга. Бэнъ, въ своемъ анализѣ нашихъ ощущеній, разсматриваетъ въ духовной сторонѣ этихъ явленій слѣдующія обстоятельства

Характеръ ощущеній какъ *чувствованій* (страстный).
Качество, т. е. удовольствіе, скорбь, и чувствованія нейтральныя или безразличныя.
Степень:
Въ отношеніи къ напряженію или остротѣ.
Въ отношеніи къ количеству, массѣ или объему
Специальныя черты.
Характеръ *произвольности* (желательный или дѣятельный).
Способъ вліянія на волю, или побужденія (мотивы) къ дѣйствію
Характеръ *умственный*.
Впечатлительность къ разницамъ.
Впечатлительность къ согласіямъ.
Степень сохраненія ощущеній, т. е. возвращеніе или воспроизведеніе ихъ въ идеи *).

Сдѣлаемъ нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній на эти три отдѣла изслѣдованій. Чтобы видѣть, въ частномъ примѣрѣ, страстный характеръ нашихъ ощущеній, обратимся напр. къ духовнымъ состояніямъ, сопровождающимъ дѣйствіе мускульное. «Наблюденіе показываетъ», говоритъ Бэнъ, «что это дѣйствіе бываетъ пріятно, безразлично, или непріятно,—согласно съ положеніемъ си-

*) *Bain*· The Senses and the Intellect. 2—d. edit. 1864. p 90.

стемы. Первый порывъ мускульной силы въ здоровомъ тѣлѣ, послѣ отдыха и насыщенія, въ высшей степени пріятенъ. Напряженность удовольствія постепенно переходитъ въ равнодушіе, и если упражненіе продолжено долѣе опредѣленнаго времени, слѣдуетъ скорбь. Въ обыкновенномъ ручномъ трудѣ, въ началѣ утра и послѣ стола, упражненіе можетъ доставлять извѣстную мѣру удовольствія; но въ продолженіи большей части рабочаго дня, чувство упражненія, по всей вѣроятности, чаще всего безразлично. Если, въ мускульномъ упражненіи, мы ограничиваемся только разряженіемъ излишней энергіи. то нѣтъ никакого сомнѣнія, что это составляетъ значительный источникъ удовольствія—для людей и, конечно, точно также для животныхъ. Этотъ фактъ обнаруживается въ любви къ упражненію ради самаго упражненія, или независимо отъ цѣлей производительнаго труда и поддержанія силы. Въ дѣятельныхъ забавахъ и увеселеніяхъ есть, конечно, дополнительные источники пріятнаго возбужденія; но утѣха простого тѣлеснаго упражненія должна быть одною изъ составныхъ долей такой смѣси» *). Страстный характеръ нашихъ ощущеній отыскивается, точно такимъ же образомъ, въ области чувствъ органическихъ,—органическаго состоянія мускульной и нервной ткани, кровообращенія, питанія, дыханія, чувствъ тепла и холода, пищеварительнаго канала и состояній электрическихъ;—въ области вкуса, обонянія, осязанія, слуха и зрѣнія.

Что касается степени пріятныхъ, непріятныхъ и безразличныхъ чувствованій, вытекающихъ изъ нашего тѣлеснаго состава, то ихъ интенсивность, — иначе напря-

*) Ibid p. 96

женность, сила, острота, — понятна безъ дальнѣйшихъ объясненій. Ихъ различія по объему, или массѣ, основаны на количествѣ или объемѣ тѣлесной массы,—напр. поверхности кожи, сѣтчатой плевы глаза и проч.,—которой состоянія сопровождаются особенною степенью чувства, какую мы представляемъ, (конечно по аналогіи), въ видѣ широты или объема. Эта послѣдняя степень чувства играетъ важную роль въ опредѣленіи факта чувственной впечатлительности къ разницамъ. — Специальными чертами указанныхъ чувствованій называются всякія особенности послѣднихъ

Желательнымъ или произвольнымъ характеромъ нашихъ ощущеній называется вытекающій изъ нихъ непосредственно вызовъ къ дѣйствію, или дѣйствія сопровождающія тѣ чувствованія. «Слѣдуетъ замѣтить, какъ общее правило», говоритъ Бэнъ, «что удовольствія сходятся въ своемъ физическомъ выраженіи или воплощеніи; и точно также, въ своемъ дѣйствіи на волю, ради своего продолженія, усиленія, или возобновленія. Подобнымъ же образомъ и страданія имѣютъ общія выраженія, и общее вліяніе въ вызовѣ дѣйствія, для ихъ удаленія, облегченія, или избѣжанія. Отсюда и вытекаетъ, что фактъ пріятнаго или скорбнаго состоянія естественно сопровождается этими двумя фактами» [1]). Движенія, какъ простое выраженіе или воплощеніе нашихъ чувствованій, и движенія, направляемыя волею въ указанныхъ цѣляхъ, обыкновенно переплетаются другъ съ другомъ. но «вообще, оба класса легко различить; и замѣчаніе этой разницы весьма важно для уразумѣнія нашего духовнаго

---

1) Ibid. p 90.

устройства» *). Желательныя отправленія чувствованій измѣряются какъ и самыя удовольствія и скорби «Какъ скоро два чувствованія побуждаютъ противоположно, чувствованіе, опредѣляющее поведеніе, называется, въ отношеніи къ произвольности, сильнѣйшимъ»).

Умственный характеръ нашихъ ощущеній, т. е. впечатлительность къ разности, согласію, и воспроизводимость ощущеній въ идеи, — «до извѣстнаго предѣла пропорціоналенъ *степени* чувства, или силѣ впечатлѣнія»). Въ отношеніи къ чувственной впечатлительности къ разницамъ, сдѣлано весьма много интересныхъ наблюденій въ области чувства мускульнаго и трехъ такъ-называемыхъ высшихъ чувствъ. Сюда, въ особенности, принадлежатъ искусные опыты нѣмецкаго физіолога Вебера, опредѣлившаго количественныя условія различной чувствительности къ разницамъ, въ области чувства мускульнаго, осязанія и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ группъ. Подчинить какимъ нибудь опредѣленнымъ законамъ умственную впечатлительность къ степенямъ напряженія или интенсивности нашихъ ощущеній, до сихъ поръ не удалось; замѣчательныя изысканія по этой части нѣмецкаго ученаго Фехнера пока не нашли общаго признанія въ кругу физіологовъ.

Пространство, время и матерія. Вмѣсто того чтобы поясняпть наши умственныя ощущенія какимъ нибудь незначущимъ примѣромъ, мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы представить, въ общихъ чертахъ, первый широкій образчикъ психологическаго анализа, въ изслѣ-

*) Ibid. p. 124
) Ibid.
) Ibid. p. 90

дованіи нашихъ перцепцій пространства, времени и вещества.

Средоточіе, около котораго вращались споры и изслѣдованія по этому предмету, составлялъ вопросъ о протяженіи или пространствѣ. Поводомъ къ этимъ спорамъ было, съ одной стороны, ученіе о протяженіи—Декарта, а съ другой, требованія аналитическоѣ методы, выставленныя Локкомъ. Декартъ принималъ понятіе о протяженіи или пространствѣ за одну изъ врожденныхъ идей нашего духа, и на этомъ основаніи доказывалъ существованіе тѣлеснаго міра. Локкъ, не допускавшій никакихъ врожденныхъ идей, выводилъ идею протяженія изъ нашихъ ощущеній,—подобно идеямъ жесткаго, твердаго. мягкаго и проч. Но положеніе, занятое Локкомъ въ этомъ вопросѣ, подавало поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. Въ отношеніи къ достоинству чувственныхъ идей, Локкъ удержалъ, въ цѣломъ, точку зрѣнія Гоббса, – именно, что эти идеи суть только наши чувственныя состоянія, и ими нимало не характеризуются какія нибудь качества существующія независимо отъ этихъ состояній нашего духа Но въ то же время онъ различалъ между качествами матеріи *первичныя* и *вторичныя*, и въ отношеніи къ нашему объективному, или предметному сознанію, отдавалъ преимущество первымъ. Само собою разумѣется, что это возбуждало вопросъ, въ чемъ же должно состоять такое преимущество первичныхъ качествъ матеріи, если они, сообразно съ общимъ духомъ локкова ученія, точно также мало знакомятъ насъ съ независимымъ существованіемъ предметнаго міра, какъ и вторичныя.

Какъ извѣстно, Беркли отвергъ существованіе тѣлеснаго міра; «существованіе тѣлъ»,—говоритъ онъ, въ

одномъ изъ своихъ сочиненій,—«внѣшнее для духа, имѣющаго ихъ перцепцію, невозможно и есть прямое противорѣчіе въ словахъ; и если бъ оно было и возможно и реально, *мы не могли бы никогда прійти къ его познанію*» *). Этотъ вызовъ реализму возбуждалъ, конечно, много возраженій, — при томъ не опредѣлившемся положеніи вопроса о матеріи, въ какомъ онъ находился во время Беркли,—но, въ своемъ послѣднемъ предложеніи, едва ли допускаетъ какое нибудь научное опроверженіе; и Юмъ охотно примкнулъ къ послѣднему воззрѣнію Беркли. — Глубокое основаніе отрицанія Беркли заключается въ томъ, что тотъ тѣлесный міръ, съ которымъ имѣетъ дѣло наука, есть только видоизмѣненіе нашего собственнаго сознанія. Теорія Беркли о несуществованіи внѣшнихъ для духа тѣлъ, связывалась ближайшимъ образомъ съ его теоріею зрѣнія. Выходя изъ общихъ началъ теоріи зрѣнія, Беркли утверждалъ, что протяженіе или пространство,—къ которому онъ сводилъ другія первичныя качества, въ области зрѣнія по крайней мѣрѣ, никакъ нельзя считать такимъ же подаркомъ нашей чувственности, какъ цвѣта; что, напротивъ, протяженіе, совершенно также какъ и разстояніе, есть позднѣйшее внушеніе духа, основанное на предварительныхъ опытахъ, или сочетаніи ощущеній зрительныхъ съ ощущеніями другихъ внѣшнихъ чувствъ «Быть-можетъ»,—говорилъ онъ, «внимательное изслѣдованіе показало бы, что даже и лица окрѣпшія съ рожденія въ навыкахъ *видѣть*, не остаются безвозвратно подъ властію предразсудка, заставляющаго думать, что то что̀ мы видимъ, существуетъ

*) Oeuvres de D Stewart. Tom II, p. 128.

на разстояніи отъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время всѣ занимавшіеся немного этимъ предметомъ, кажется, согласны, что *цвѣта*,—собственный и непосредственный предметъ зрѣнія, существуютъ только въ духѣ. Теперь, можно ли сказать, что идеи протяженія, фигуры и движенія, которыя мы имѣемъ въ области зрѣнія,—что всѣ эти качества мы въ правѣ разсматривать какъ внѣшнія для духа и отдѣльныя отъ него, хотя и не въ правѣ дѣлать того же относительно цвѣта? Чтобъ отвѣтить на это, я обращаюсь къ общему опыту видимое протяженіе какого нибудь предмета не представляется ли намъ въ такой же близости, какъ и цвѣтъ этого предмета, даже болѣе, не представляется ли, что оба эти явленія находятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Протяженіе, видимое нами, не бываетъ ли цвѣтнымъ, и можно ли здѣсь отдѣлить и отвлечь, какъ это мы дѣлаемъ въ мысли, цвѣтъ отъ протяженія?» *). Такимъ образомъ протяженіе, подобно цвѣтамъ, существуетъ только въ духѣ, и именно потому, что оно неотдѣлимо отъ цвѣта, которому никакъ нельзя приписать существованія внѣ духа; тѣмъ болѣе, что протяженіе или пространство есть позднѣйшее произведеніе духовной дѣятельности, стоящее гораздо дальше отъ предполагаемыхъ существующихъ тѣлъ, чѣмъ цвѣта.—Противъ Беркли и Юма вооружился Ридъ. Положеніе, занятое имъ въ этомъ спорѣ, весьма неопредѣленно. Д. Стюартъ, который въ этомъ отношеніи можетъ быть вполнѣ компетентнымъ судьею, утверждаетъ, что намѣреніе Рида было — «не установить существованіе матеріи, или, какъ это говорили съ большимъ добродушіемъ, положить конецъ всѣмъ

*) *Berkeley*: Theory of Vision. p 255 Oeuvres de D. Stewart. Tom II, p. 312.

спорамъ объ этомъ вопросѣ, далеко нефилософскимъ указаніемъ на убѣжденіе человѣческаго рода, а опровергнуть мнимое доказательство несуществованія матеріи, выводя наружу ничтожность и нелѣпость началъ, которыя это доказательство предполагаетъ безспорными». Возраженіе Рида опиралось, главнымъ образомъ, на его теоріи перцепціи, какъ операціи отличной отъ ощущенія и имѣющей непосредственное отношеніе ко внѣшнимъ предметамъ Ридъ соглашался, что въ ощущеніяхъ, дѣйствительно, не содержится ничего кромѣ собственныхъ состояній духа, не имѣющихъ никакого сходства съ внѣшними предметами, но онъ полагалъ, что въ нашихъ перцепціяхъ заключается непреодолимая увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи внѣшнихъ вещей и ихъ качествъ; ибо перцепція, по его ученію, и есть именно инстинктивное отнесеніе нашихъ ощущеній ко внѣшнимъ вещамъ. «Когда я обоняю розу», говорилъ онъ, «то въ этой операціи есть и ощущеніе, и перцепція. Чувствуемый мною пріятный запахъ, разсматриваемый самъ по себѣ, безъ отношенія къ какому нибудь внѣшнему предмету, есть просто ощущеніе. Онъ производитъ на духъ извѣстное впечатлѣніе; и это впечатлѣніе духа можетъ быть понято безъ мысли о розѣ, или другомъ какомъ нибудь предметѣ Это ощущеніе и можетъ быть только тѣмъ, чѣмъ оно ощущается. Въ ощущаемости состоитъ вся его сущность; и когда оно не ощущается, оно и не существуетъ. Между ощущеніемъ, и чувствомъ его, нѣтъ никакой разницы: тутъ вещь одна и та же. На этомъ-то основаніи мы замѣтили выше, что въ ощущеніи нѣтъ никакого предмета, отличнаго отъ того акта духа, посредствомъ котораго оно чувст-

вуется Тоже самое относится и ко всѣмъ другимъ ощущеніямъ

Перейдемъ теперь къ перцепціи, которую мы имѣемъ, обоняя розу. Перцепція имѣетъ всегда внѣшній предметъ, и предметъ моей перцепціи есть въ этомъ случаѣ качество розы, различаемое мною въ чувствѣ обоянія. Замѣчая, что пріятное ощущеніе происходитъ, когда роза находится близко, и прекращается, какъ скоро она отдалена, я, по самой природѣ своей, прихожу къ заключенію, что въ этой розѣ есть какое то качество, причиняющее это ощущеніе. Это качество въ розѣ есть предметъ перципируемый мною; и этотъ актъ моего духа, посредствомъ котораго я имѣю убѣжденіе и увѣренность въ этомъ качествѣ, есть то что я въ этомъ случаѣ называю перцепціею» *). Мы не будемъ вдаваться въ подробности этой теоріи Рида, такъ какъ она гораздо отчетливѣе поставлена ученикомъ его, Д. Стюартомъ. Замѣтимъ только, что усилія Рида, въ дѣйствительности, не достигали предположенной ими цѣли. Взглянувши на результаты этой теоріи, мы не можемъ не замѣтить что, въ существѣ, она не различается отъ теоріи Юма. Броунъ, подвергши подробному анализу теорію Рида, нашелъ, что «какъ скептикъ (Юмъ), такъ и православный философъ изъ школы Рида, приходятъ совершенно къ одному и тому же заключенію. Символъ каждаго слагается, въ этомъ пунктѣ, изъ двухъ предложеній, и совершенно однихъ и тѣхъ же; первое изъ нихъ то, что существованіе системы вещей, какое мы понимаемъ когда

*) *Reid*: On the Intellectual Powers. Essay II, c. 16. Brown: Philos. of the Hum Mind. p. 157.

говоримъ о внѣшнемъ мірѣ, не можетъ быть доказано никакимъ аргументомъ; второе, что вѣра въ него имѣетъ силу, которая выше силы аргумента и абсолютно непреодолима. Единственная разница между ними та, что утверждая тѣ же самыя два предложенія, скептикъ произноситъ первое громко, а предполагаемый антагонистъ быстро проходитъ его, и съ тономъ увѣренности останавливается на второмъ. Отрицаніе, въ первомъ случаѣ, и утвержденіе, во второмъ, есть тѣмъ не менѣе у обоихъ одно то же. Въ самомъ дѣлѣ, кто принимаетъ во вниманіе только тонъ, а не мнѣніе, тому можетъ показаться, что здѣсь есть дѣйствительное разногласіе во взглядахъ; но если оставить въ сторонѣ тонъ, какъ дѣло незначительное, и остановиться только на смыслѣ того, что̀ утверждается и отрицается обоими, то мы не будемъ въ состояніи открыть здѣсь ни малѣйшей разницы. Нѣтъ никакого аргумента, которымъ можно было бы доказать существованіе внѣшняго міра; для насъ абсолютно не возможно не вѣрить въ существованіе внѣшняго міра —эти два предложенія можно называть итогомъ ученія Рида, или Юма, по произволу; потому что, на дѣлѣ, это общее и одинаковое ученіе обоихъ» *).

Д Стюартъ удерживаетъ взглядъ Рида на значеніе перцепціи, но нѣсколько видоизмѣняетъ раздѣленіе основныхъ качествъ матеріи. Ридъ держался обыкновеннаго, послѣ Локка, дѣленія ихъ на качества вторичныя, каковы звукъ, цвѣтъ, запахъ, вкусъ, холодъ и теплота,—и первичныя, каковы протяженіе, дѣлимость, фигура, движеніе,

*) *Brown:* Philos. of the Hum. Mind Lect. XXVIII, p. 177.

плотность, жесткость, мягкость и жидкость) Д. Стюартъ замѣчаетъ противъ этого, что Ридъ много ослабилъ отчетливость своего возраженія противъ Беркли и Юма, оставляя безъ вниманія фундаментальную разницу между самыми первичными качествами, разницу, которую онъ однакожъ отчетливо сознавалъ, какъ показываетъ слѣдующее мѣсто изъ его сочиненія. «Хотя понятіе пространства», замѣчалъ Ридъ, «раскрывается въ духѣ, повидимому, только вслѣдствіе впечатлѣнія на наши чувства внѣшнихъ предметовъ, однакожъ, вступивши разъ, оно всегда господствуетъ надъ нашимъ воззрѣніемъ и нашимъ вѣрованіемъ, господствуетъ при отсутствіи предметовъ, которые произвели его въ насъ. Мы не видимъ нелѣпости, предполагать уничтоженіе тѣла; но мы нашли бы нелѣпымъ, предположить уничтоженіе пространства которое содержитъ его» [*]). Имѣя въ виду это обстоятельство, Д. Стюартъ представилъ трехчастное дѣленіе чувственныхъ качествъ. «Я не люблю», писалъ онъ, «пробовать нововведенія въ рѣчи; но я надѣюсь что, послѣ сдѣланныхъ замѣчаній, мнѣ позволено будетъ отличить протяженіе и фигуру особеннымъ названіемъ *математическихъ свойствъ матеріи* [**]), ограничивая выраженіе *первичныя качества* твердостью и мягкостью, шероховатостью и гладкостью, и другими свойствами той же природы. И вотъ какое различіе я хотѣлъ бы установить между качествами *первичными* и *вторичными*:

) *Reid:* On the intellect Powers Essay II, c. I. Brown: Phil. of the Hum Mind. p. 164

[*]) *D. Stewart:* Oeuvres Tom. II, p. 166.

[**]) «Я заимствую это выраженіе изъ нѣкоторыхъ элементарныхъ трактатовъ по физикѣ» Примѣч. Д Стюарта.

первыя заключаютъ необходимо понятіе протяженія, и слѣдовательно понятіе *внѣшности*, между тѣмъ какъ вторыя представляются намъ только какъ неизвѣстныя причины извѣстныхъ ощущеній, и когда въ *первый разъ духъ имѣетъ перцепцію ихъ*. не отличаются ни одною чертою отъ фактовъ самаго сознанія .

«Если эти замѣчанія справедливы, то они устанавливаютъ три важныхъ факта въ исторіи человѣческаго духа: во-первыхъ, что понятіе *математическихъ свойствъ* вещества предполагаетъ упражненіе нашихъ внѣшнихъ чувствъ, потому что раскрывается въ насъ посредствомъ тѣхъ самыхъ ощущеній, какими дается намъ и познаніе *первичныхъ качествъ*, во-вторыхъ, что это понятіе рѣшаетъ въ насъ непреодолимое убѣжденіе въ существованіи предметовъ, которые имъ представляются,—существованіи не только независимомъ, но и необходимомъ и вѣчномъ; между тѣмъ какъ относительно первичныхъ качествъ мы увѣрены, что хотя они существуютъ и независимо отъ духа, имѣющаго перцепцію ихъ, однакожъ не будетъ нелѣпымъ предположить, что они могли бы быть и уничтожены могуществомъ Творца, въ-третьихъ, что наше убѣжденіе въ необходимомъ существованіи протяженія или пространства не вытекаетъ ни изъ умозаключенія, ни изъ опыта; что оно не отдѣлимо отъ самой нашей идеи объ немъ и, слѣдовательно, должно занять мѣсто между невыводимыми и существенными законами человѣческой мысли.

«Тоже самое заключеніе прилагается, очевидно, и къ понятію *времени;* подобно понятію *пространства*, оно предполагаетъ упражненіе нашихъ чувствъ; но разъ пріобрѣтенное, непреодолимо представляетъ нашей мысли

свой предметъ, какъ существованіе независимое, и отъ человѣческаго духа, и отъ вещественной вселенной» *).

Эта теорія Д. Стюарта сводится опять, въ существѣ, къ тѣмъ же двумъ предложеніямъ, которыя, какъ замѣтилъ Броунъ, можно считать символомъ вѣры Юма, или Рида, безразлично Что наше убѣжденіе въ существованіи тѣлеснаго міра непреодолимо, это фактъ несомнѣнный и важный, но точно ли это убѣжденіе принадлежитъ къ числу явленій духа первоначальныхъ, или ни откуда невыводимыхъ, это осталось безъ доказательства, какъ у Рида, такъ и у Д. Стюарта. Гораздо интереснѣе, у послѣдняго, вопросъ о происхожденіи нашей идеи протяженія; постановка его могла служить переходнымъ звѣномъ къ знаменитымъ анализамъ Броуна. «Я прибавлю» — говоритъ онъ, въ концѣ своей теоріи перцепціи—«только одно замѣчаніе, что идея или понятіе *движенія* заключаетъ въ себѣ идеи *протяженія* и *времени*. Легко видѣть, что понятіе *времени* могло бы образоваться и безъ идеи *протяженія* или *движенія*, но не такъ легко рѣшить, идея ли *движенія* предшествуетъ идеи *протяженія*, или идея *протяженія* идеи *движенія*» **). Въ примѣчаніи къ своему трактату, Д. Стюартъ упоминаетъ о попыткѣ Смита объяснить происхожденіе идеи протяженія движеніемъ *руки*. Сомнѣваясь въ удовлетворительности подобнаго объясненія, онъ прибавляетъ: «Я въ то же время весьма расположенъ думать, что идея *протяженія* заключаетъ идею *движенія*; или, выражаясь яснѣе, что наши первыя понятія о протяженіи пріобрѣтаются усиліемъ руки движущейся на поверхности тѣлъ, и усиліемъ

*) *D. Stewart.* Oeuvres. Tom. II, p. 168—170.

**) Ibid. p. 173.

нашего тѣла движущагося отъ одного мѣста къ другому». Къ такой мысли склоняетъ его уже самое существованіе попытокъ подобнаго рода объясненій. «Одно замѣчаніе»— говоритъ онъ, въ концѣ всего—«я могу сдѣлать не сомнѣваясь, то именно, что если идея протяженія предполагаетъ идею движенія, то должна необходимо предполагать также и идею времени» *) Мы скоро увидимъ, что эта умная замѣтка вполнѣ оправдалась послѣдующими анализами.

Эти немногія черты спора, вызваннаго сочиненіями Беркли и Юма, разсматриваемыя сквозь увеличительное стекло современнаго положенія спорнаго вопроса, вызываютъ мысль, что особенное достоинство идеи протяженія, или пространства, приписываемое ей Ридомъ и его школою, выходило не изъ характера связаннаго съ нею убѣжденія, а единственно изъ недостатка болѣе глубокихъ анализовъ этой идеи, вмѣстѣ съ идеею матеріи. Отсюда вытекала вся эта туманность, облегавшая основаніе раздѣленія первичныхъ и вторичныхъ качествъ; и отсюда же—стремленіе замѣнить аналитическое основаніе этого раздѣленія соображеніями, посторонними самому предмету анализа. Весь неуспѣхъ объясненія заключался въ большомъ пробѣлѣ нужныхъ для этого фактическихъ данныхъ,—именно, въ совершенномъ незнаніи функціи мускульнаго чувства, которое смѣшивалось съ чувствомъ осязанія, и такимъ образомъ раздѣляло второстепенную роль послѣдняго, въ образованіи нашихъ понятій о веществѣ. Совершенная отдѣльность чувства мускульнаго отъ чувства осязанія, и господствующая роль его въ образованіи нашего понятія о внѣшнемъ мірѣ, или прост-

*) Ibid. p. 313.

ранствѣ и матеріи, была въ первый разъ, какъ мы неоднократно намекали, открыта Броуномъ.

Приступая къ анализу ощущеній какія приписывались обыкновенно чувству осязанія, Броунъ замѣчаетъ что, по выключеніи чувствъ органическихъ, каковы теплота, холодъ, уколъ, разрѣзъ и проч., всѣ ощущенія, приписываемыя чувству осязанія, сводятся, въ послѣднемъ анализѣ, къ двумъ основнымъ чувствамъ,—*сопротивленія* и *протяженія*. «Хотя начало познанія ихъ», говоритъ Броунъ, «приписывается вообще чувству осязанія, однакожъ я расположенъ думать, въ противность такому мнѣнію, что это отнесеніе сдѣлано въ обоихъ случаяхъ ошибочно;—что если бы мы имѣли только чувство осязанія, то не имѣли бы чувствительности къ сопротивленію и, сколько я понимаю, даже и къ протяженію,—и что если кажется, что разности протяженія и сопротивленія даются намъ непосредственно въ одномъ осязаніи, то это, зависитъ отъ того, что чисто оригинальное осязательное чувство сдѣлалось представителемъ ихъ,—точно также, и на томъ же самомъ основаніи, какъ намъ кажется, что разности разстоянія мы получаемъ непосредственно своимъ глазомъ». Броунъ не отрицаетъ, что есть особенныя ощущенія осязанія, что каждый физическій пунктъ нашего органа осязанія, существуя въ извѣстномъ состояніи, способенъ вводить въ духъ особенное чувство, хотя бы никакой другой физическій пунктъ этого органа не подвергался впечатлѣнію; — точно также какъ каждый физическій пунктъ сѣтчатой плевы глаза способенъ вводить въ духъ особенное впечатлѣніе зрѣнія, какъ скоро въ органъ этого чувства вводится хоть одинъ лучъ свѣта; —

но онъ утверждаетъ, что если многіе физическіе пункты органа осязанія подвергаются заразъ давленію отъ какой нибудь поверхности, то о сосѣдствѣ этихъ пунктовъ, и слѣдовательно о непрерывномъ протяженіи давящаго на нихъ предмета, мы узнаёмъ только изъ опыта. «Прежде чѣмъ» — говоритъ Броунъ — «мы настолько знакомы съ внѣшними вещами, что знаемъ даже, что имѣемъ какіе бы то ни было тѣлесные органы, — а такое состояніе абсолютнаго незнанія единственно и должно имѣть въ виду, разслѣдуя увѣдомленіе получаемое отъ внѣшнихъ чувствъ порознь,—пока о своемъ тѣлесномъ составѣ мы знаемъ столь же мало, какъ и объ этой матеріальной вселенной, о которой не знаемъ ровно ничего, мы не можемъ, по самымъ терминамъ такого предположенія, знать и то, что различные пункты нашего органа осязанія подвергаются, извѣстнымъ образомъ, впечатлѣнію,— что эти пункты смежны другъ съ другомъ, и что масса, производящая впечатлѣніе на эти смежные пункты, должна быть поэтому и сама составлена изъ пунктовъ точно также смежныхъ. Мы не знаемъ ничего о своихъ органахъ, не знаемъ ничего о какихъ нибудь внѣшнихъ массахъ,—и только извѣстное чувство возбуждается въ нашемъ духѣ, и это простое чувство, въ чемъ бы оно ни состояло, только и составляетъ прямое элементарное ощущеніе осязанія;—хотя это простое элементарное ощущеніе, подобно многимъ другимъ ощущеніямъ, и можетъ въ послѣдствіи слиться съ другими чувствами, такъ что станетъ показателемъ ихъ и даже будетъ имѣть видъ, что содержитъ ихъ въ себѣ, такъ какъ бы они сосуществовали первоначально и необходимо» *).

*) *Brown*: Philos. of the Hum. Mind. Lect. XXII, p. 134—135.

Опредѣливши, съ помощью тонкихъ анализовъ, оригинальное содержаніе нашихъ осязательныхъ ощущеній, Броунъ спрашиваетъ, могутъ ли эти ощущенія сообщать намъ познаніе сопротивленія и протяженія, а слѣдовательно и убѣжденіе въ существенныхъ качествахъ матеріи,—и отвѣчаетъ отрицательно. По его мнѣнію, чувство сопротивленія должно быть приписано не органу осязанія, а системѣ мускульной. «Когда я движу рукою», говоритъ онъ, «не встрѣчая сопротивленія, то сознаю извѣстное чувство; когда движеніе остановлено присутствіемъ внѣшняго тѣла, я сознаю другое чувство, которое, дѣйствительно, происходитъ отчасти просто отъ чувства осязанія, при движеніи стѣсненнаго члена, но состоитъ не въ одномъ этомъ стѣсненіи; потому что какъ скоро тоже самое стѣсненіе произведено силою постороннею, безъ всякаго съ моей стороны мускульнаго усилія, то мое общее чувство бываетъ весьма отлично Это-то чувство сопротивленія моему возрастающему усилію, (въ сочетаніи, быть можетъ, съ простымъ осязательнымъ чувствомъ), и образуетъ то, что мы называемъ чувствомъ плотности или твердости, и безъ него осязательное чувство было бы ни больше ни меньше какъ ощущеніе безразличное, или пріятное, или непріятное и скорбное, соотвѣтственно силѣ движенія въ этомъ частномъ случаѣ; точно также какъ матерія тепла, дѣйствуя, въ различное время, въ различныхъ степеняхъ на этотъ же самый органъ осязанія, и на различныя доли его поверхности, производитъ всѣ переходныя ощущенія, пріятныя, непріятныя, или безразличныя, отъ скорби при чрезвычайномъ холодѣ, до страданія отъ жара, и производитъ ихъ подобнымъ же образомъ, не внушая присутствія какого нибудь внѣш-

няго для насъ твердаго тѣла» *).—Точно также Броунъ приходитъ къ выводу, что простымъ чувствомъ осязанія мы отнюдь не получили бы и протяженія. Броунъ доказываетъ, что одинъ изъ основныхъ элементовъ понятія протяженія есть наше чувство преемства или время. «Чувство преемства, или время, заключающее необходимо и понятіе дѣлимости или рядъ частей, — что̀ существенно входитъ въ наше сложное понятіе о веществѣ,—и понятіе сопротивленія, соединенныя вмѣстѣ, и даютъ понятіе физическаго протяженія,—того что̀ имѣетъ части, и что̀ сопротивляется нашему усилію къ сжатію его». **)—Время, или чувство преемства, дается намъ преемствомъ нашихъ духовныхъ состояній какого бы то ни было рода. Но спрашивается: какимъ образомъ получается то чувство преемства, какимъ впервые зачинается дѣтское понятіе физическаго протяженія? Броунъ отвѣчаетъ, что первоначальная роль, въ образованіи такого преемства, принадлежитъ опять нашему чувству мускульному чувство мускульныхъ движеній, чувство преемства ихъ, и есть тотъ элементъ времени, который входитъ первоначально въ образованіе нашего понятія физическаго протяженія. Сгибаніе и разгибаніе какого нибудь члена, напр. руки, должно дать необходимо извѣстное преемство чувствъ, которое само по себѣ можетъ, или скорѣе, должно дать понятіе длины, различной по различію сгибанія или выпрямленія члена; частыя сокращенія мускуловъ, часто повторяемыя, становятся представителями различной длины, точно также какъ оттѣнки цвѣта становятся, въ концѣ, представителями разстоянія, — тамъ и здѣсь

*) Ibid. p. 138.

**) Ibid. Lect. XXIII, p 114.

дѣйствуетъ одно и тоже начало ассоціаціи. Это понятіе длины сочетавается и сливается потомъ съ ощущеніями осязательными, такъ что рядъ осязательныхъ ощущеній сопровождается необходимо чувствомъ физической длины. «Послѣ того»—говоритъ Броунъ — «какъ рядъ мускульныхъ чувствъ, при произвольномъ сгибаніи руки, сдѣлался такъ знакомъ, что антиципируется и ожидается въ цѣломъ, тотчасъ какъ началось движеніе,—если въ руку дитяти впервые положить шаръ или другой какой нибудь предметъ, то дитя почувствуетъ, что оно уже не въ состояніи исполнить привычнаго сокращенія мускуловъ; или—такъ какъ дитя не способно мечтать, что оно имѣетъ сокращающіеся мускулы—другими словами, почувствуетъ, что обычный рядъ ощущеній не сопровождаетъ желаніе его возобновленія; оно знаетъ, насколько не достаетъ привычнаго преемства, — и понятіе этой частной длины, которая ожидалась и прервана новымъ ощущеніемъ, и сочетавается такимъ образомъ съ частнымъ осязательнымъ чувствомъ, возбуждаемымъ давленіемъ шара. При частомъ повтореніи такого осязательнаго чувства, какъ сочетавшагося съ чувствомъ относящимся къ извѣстному прогрессу мускульнаго сокращенія, оба эти чувства сливаются наконецъ вмѣстѣ, — также какъ въ пріобрѣтенныхъ перцепціяхъ зрѣнія, и когда этотъ процессъ повторяется неоднократно на различныхъ тѣлахъ, то наконецъ становится невозможно отдѣлить простое осязательное чувство отъ чувства длины, какъ отдѣлить, въ зрѣніи, бѣлизну шара отъ его выпуклости, которой собственно глазомъ мы никогда не могли бы получить» [1]). Легко

[1]) Ibid p. 146.

сообразить, какимъ образомъ получаются затѣмъ и два другія измѣренія.

Если протяженіе получается, дѣйствительно, вслѣдствіе ассоціаціи чувства преемственнаго ряда движеній съ чувствами осязательными; если все это понятіе есть только комбинація нашихъ ощущеній, то откуда берется эта вѣра во внѣшнюю реальность, сопровождающая наши ощущенія осязанія? «Мнѣ кажется», говоритъ Броунъ, «что это зависитъ отъ чувства сопротивленія, происхожденіе котораго, какъ мускульнаго чувства, я объяснилъ прежде; обрывая, безъ всякой извѣстной причины разности, привычный рядъ, и сочеваваясь съ понятіемъ протяженія, а слѣдовательно и дѣлимости, пріобрѣтеннымъ прежде,—оно и даетъ элементы того сложнаго понятія, какое мы называемъ понятіемъ матеріи. Протяженіе, сопротивленіе:—сочетать эти простыя понятія въ чемъ нибудь отличномъ отъ насъ самихъ, и имѣть понятіе матеріи, значитъ совершенно одно и тоже» *).

Анализы Броуна послужили исходною точкою для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій мускульнаго чувства, сдѣланныхъ физіологами и психологами. Мускульное чувство стало разсматриваться отдѣльно отъ чувства осязанія; и всѣ разысканія подтвердили въ точности ту преобладающую роль въ образованіи нашихъ понятій времени, пространства и вещества, какая имъ указана Броуномъ. Мы остановимся на новѣйшемъ излагателѣ этого предмета, Бэнѣ.

Бэнъ показываетъ, что полное понятіе протяженія, или пространства, слагается изъ данныхъ—трехъ различ-

*) Ibid. Lect. XXIV, p. 150

ныхъ чувствъ,—чувства мускульнаго, осязанія и зрѣнія; но послѣднія два чувства участвуютъ въ произведеніи этого понятія только косвенно,—въ силу своей ассоціаціи съ чувствами мускульными. Бэнъ приходитъ къ этому предмету постепенно, подвергая подробному анализу наши мускульныя чувства, и именно ту функцію мускуловъ, которая высказывается не въ чувствахъ удовольствія или скорби, не въ произвольныхъ движеніяхъ, вытекающихъ изъ этихъ чувствъ, а въ чисто умственномъ сознаніи, въ различающей или умственной чувствительности мускуловъ. Эта функція нашей мускульной чувствительности происходитъ, въ первый разъ, въ сознаніи различныхъ *степеней* оной. «Мы имѣемъ» — говоритъ Бэнъ—«не только извѣстное чувство, когда высвобождаемъ мускульную силу, но и перемѣну чувства, какъ скоро повышаемъ или понижаемъ мѣру этой силы. Если держимъ въ рукѣ тяжесть въ четыре фунта, то сознаніе измѣняется, какъ скоро прибавляется новый фунтъ Такая перемѣна чувства есть различеніе, и составляетъ основаніе нашего ума; какъ удовольствіе или скорбь, оно не значитъ ничего, но какъ начало знанія, оно всего важнѣе» *). Виды мускульнаго дѣйствія, которые производятъ впечатлѣніе на духъ разницами своихъ степеней, предтавляются Бэномъ слѣдующимъ образомъ «Первый видъ», говоритъ онъ, «есть мѣра упражненія или высвобождаемой силы, которою измѣряется встрѣчающееся *сопротивленіе*. Это опытъ фундаментальный. Второй относится къ *продолженію* упражненія Это прилагается и къ ровному напряженію (dead strain), и къ движенію. Третій есть только видъ движенія; это *быстрота* му-

*) *A. Bain*: The Senses and the intellect. 2-d edit. 1864. p. 106.

скульнаго сокращенія, отвѣчающая, въ органѣ, скорости движенія» *). Чувство сопротивленія соотвѣтствуетъ нашему понятію тѣла, и есть наша мѣра силы, инерціи, тяжести, момента, или механическаго свойства вещества.

Въ отношеніи къ образованію нашихъ понятій времени и пространства, первое мѣсто принадлежитъ второму виду мускульнаго дѣйствія, т е чувству продолженія. Бэнъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ «Предположивши ровное напряженіе неизмѣняющейся мѣры, мы будемъ получать различныя впечатлѣнія соотвѣтственно его продолженію. Если дѣлать напряженіе, продолжающееся четверть минуты, и послѣ нѣкотораго промежутка возобновить его на полминуты, то бываетъ разница въ сознаніи этихъ двухъ усилій Продолженіе заключаетъ возрастающій расходъ силы однимъ и тѣмъ же способомъ, и мы раздѣльно сознаемъ такое возрастаніе. Мы знаемъ, далѣе, что это не тоже, что возрастаніе въ усиліи напряженія. Оба вида возрастанія не только различаются относительно степени, но и чувствуются какъ различные виды. Одинъ изъ нихъ есть наше чувство и мѣра сопротивленія или силы, другой стоитъ мѣрою времени. Всѣ впечатлѣнія производимыя на духъ, будутъ ли это впечатлѣнія мускульной энергіи, или впечатлѣнія чувствъ обыкновенныхъ,—чувствуются различно, соотвѣтственно тому какъ долго или коротко они продолжаются. Это также вѣрно и относительно высшихъ духовныхъ волненій. Продолженіе духовнаго состоянія должно быть различаемо нами съ самаго разсвѣта нашего сознанія, и отсюда наша оцѣнка времени есть одинъ изъ самыхъ раннихъ нашихъ умственныхъ навыковъ. Она свя-

*) Ibid.

зана съ каждымъ чувствомъ, какимъ мы владѣемъ, хотя мы и не всегда упражняемъ способность дѣлать это специальное сравненіе и, вслѣдствіе того, впадаемъ въ ошибки.

«Оцѣнка продолженія связана, такимъ образомъ, съ ровными сопротивленіями, но не исключительно Какъ скоро мы выставляемъ силу, причиняющую движеніе, напр при поднятіи съ земли тяжести или при ударѣ весломъ, мы сознаемъ разницу въ продолженіи движенія. Мы знаемъ также, что движемъ, а не просто сопротивляемся. Оба вида упражненія силы не смѣшиваются въ нашемъ сознаніи; мы удерживаемъ ихъ какъ виды различные и, при встрѣчѣ съ каждымъ, узнаёмъ его. Теперь, продолженіе движенія выражаетъ намъ больше, чѣмъ продолженіе ровнаго напряженія Это ходъ органа въ пространствѣ, и связывается поэтому съ мѣрою пространства или протяженія. Рядъ мускульнаго сокращенія, который есть тоже самое что рядъ или распространеніе движенія движимой части, оцѣнивается нами посредствомъ факта продолженія. Сознавая большее или меньшее продолженіе движенія, мы подготовлены къ оцѣнкѣ большаго или меньшаго объема проходимаго пространства. И хотя въ нашей перцепціи протяженнаго, мы должны съ ходомъ движенія сочетавать ощущенія другихъ чувствъ, однакожъ существенною частью этого познанія мы обязаны чувствамъ движенія. Процессомъ, о которомъ будетъ сказано послѣ, мы должны изучить разницу между сосуществующимъ и преемственнымъ, между пространствомъ и временемъ, и въ мускульномъ ходѣ, т. е продолженіи мускульнаго движенія, мы можемъ, такимъ образомъ, различать разницы протяженной матеріи или про-

странства. Эта чувствительность становится средствомъ снабжающимъ насъ, прежде всего, чувствомъ *линейнаго протяженія*, насколько оно измѣряется ходомъ оконечности, или другого органа, движимаго мускулами. Разница между шестью и осьмнадцатью дюймами представляется различными степенями сокращенія какой нибудь группы мускуловъ,—тѣми, напр., которые сгибаютъ руку, или, при хожденіи, тѣми, которые сгибаютъ или протягиваютъ нижнюю оконечность. Внутреннее впечатлѣніе, отвѣчающее внѣшнему факту шести дюймовъ въ длину, есть впечатлѣніе вытекающее изъ продолженнаго сокращенія мускула. Это—впечатлѣніе мускульнаго движенія, имѣющаго извѣстное продолженіе; чѣмъ больше длина, тѣмъ больше продолженіе.'

«Различеніе длины, въ одномъ какомъ нибудь направленіи, наглядно заключаетъ *протяженіе* и во всякомъ направленіи Будетъ ли то длина, широта, или высота, ощущеніе имѣетъ тотъ же самый характеръ. Отсюда поверхностныя и кубическія измѣренія, объемъ или величина плотнаго предмета, будутъ чувствоваться при посредствѣ той же основной чувствительности къ расходуемой мускульной силѣ. Но это будетъ понятнѣе, когда мы разсмотримъ мускульность въ сочетаніи съ чувствами осязанія и зрѣнія» *).

Оставляя въ сторонѣ превосходныя подробности, объясняющія значеніе мускульнаго чувства въ нашемъ вопросѣ, обратимся прямо къ указанной Бэномъ, комбинаціи мускульнаго чувства съ осязаніемъ. Осязаніе, разсматриваемое какъ источникъ нашихъ понятій вида, величины, направленія, разстояній и положенія внѣшнихъ

*) Ibid p. 111—112.

тѣлъ, не есть чувство простое, а слагается изъ чувства осязанія въ строгомъ смыслѣ, и чувства мускульнаго; и своимъ происхожденіемъ эти понятія обязаны собственно мускульной части, или движеніямъ осязающихъ органовъ. Чувство осязанія принимаетъ участіе только въ дальнѣйшей обработкѣ этихъ понятій, вытекающихъ собственно изъ чувства мускульнаго Такую услугу осязанія мускульному чувству Бэнъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. «Прежде всего», говоритъ онъ, «отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ мѣтъ, указывающихъ начало и окончаніе мускульнаго хода, вноситъ въ наше чувство простого движенія извѣстную неопредѣленность Чувство поставки силы, и чувство этой силы принимающей форму движенія, отличную отъ ровнаго напряженія, бываютъ при сущи во всѣхъ случаяхъ; но духъ болѣе чувствителенъ къ нимъ, какъ скоро какое нибудь опредѣленное впечатлѣніе помѣчаетъ, гдѣ мы начинаемъ и гдѣ прекращаемъ Чувство осязанія и доставляетъ такое именно впечатлѣніе и какъ бы вызываетъ на вниманіе. Предположимъ, что рука движется между двумя твердыми препятствіями, напр , отъ одной стѣнки ящика къ другой. Начнемъ съ того, что прикосновеніе къ одной стѣнкѣ ящика будетъ чувствоваться, больше или меньше, какъ ощущеніе осязанія, давленіе, — и сопротивленіе, обрывистый выходъ изъ этого состоянія становится мѣтою въ сознаніи, призываетъ ко вниманію, и духъ возбуждается къ чувству послѣдующаго движенія. Послѣ нѣкотораго времени, рука ударяется о другую стѣнку, и духъ снова возбуждается, и отличаетъ прекращеніе движенія. При такомъ опытѣ вполнѣ выводится наружу противоположность сопротивляющагося вещества и несопротивляющагося движенія.

въ немъ дается больше, чѣмъ контрастъ размаха оконечности съ ея невозмутимымъ покоемъ, что̀ собственно только и дается при всякомъ движеніи in vacuo.

«Далѣе, какъ скоро рука движется на какой нибудь поверхности, касаясь ея безъ перерыва, чувство продолженія движенія сопровождается чувствомъ продолженія осязательнаго ощущенія, что̀ дѣлаетъ сознаніе болѣе намѣченнымъ и острымъ, и такимъ образомъ даетъ намъ способъ оцѣнить точнѣе степень продолженія. Чувство субъекта (осязаніе въ собственномъ смыслѣ) прибавляется къ великой предметной чувствительности (расходуемой силы, какъ движенія), и дѣлаетъ впечатлѣніе этой чувствительности глубже, хотя и не въ состояніи занять ея мѣста, или составить чувство предметности. Своеобразное осязательное ощущеніе, причиняемое треніемъ, бываетъ такимъ образомъ средствомъ внушенія протяженія и его оцѣнки, хотя и не въ состояніи снабдить насъ этимъ понятіемъ.

«Затѣмъ, движеніе in vacuo кажется неспособно обозначить ту разницу между преемствомъ и сосуществованіемъ, временемъ и пространствомъ, какая должна быть получена, прежде чѣмъ мы можемъ сказать, что узна́емъ протяженіе. Продолженіе движенія есть фактъ нами сознаваемый; другими словами, мы сознаемъ особенный видъ высвобожденія энергіи измѣняющейся по степени, и замѣчаемъ, что одно движеніе отлично, въ этомъ отношеніи, отъ другого. Но если этимъ обозначается какое нибудь свойство *вещей*, то это было бы не пространство, а время. Въ дѣйствительности не извѣстно ни то ни другое, потому что они соотносительны, и вовсе неизвѣстны, пока не извѣстны вмѣстѣ.

«Теперь мы можемъ показать, какимъ образомъ воплощеніе нашихъ движеній въ ощущеніи, даетъ намъ способъ различать между этими двумя фактами или свойствами, такъ-называемымъ сосуществованіемъ и преемствомъ.

«Когда взявши въ руку что нибудь подвижное, будемъ двигать оное, то получимъ ощущеніе одного неизмѣннаго прикосновенія и давленія, и ощущеніе будетъ заключено въ движеніи. Это одинъ опытъ. Когда движемъ рукою по твердой поверхности, то имѣемъ съ чувствами движенія *преемство* чувствъ осязанія, если поверхность неоднообразна, то ощущенія осязанія будутъ постоянно мѣняться, такъ что мы не можемъ впасть ни въ какую ошибку относительно проходимаго нами ряда осязательныхъ впечатлѣній. Это другой опытъ, отличающійся отъ перваго не въ чувствѣ силы, а въ осязательномъ сопровожденіи. Эта разница имѣетъ однакожъ жизненную важность. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ движеніе предмета, и измѣреніе времени или продолженія, во второмъ—сосуществованіе въ пространствѣ. Сосуществованіе обнаруживается еще больше, какъ скоро мы дѣлаемъ движеніе обратное, и при этомъ получаемъ осязательный рядъ въ обратномъ видѣ. Сверхъ того, рядовой порядокъ не измѣняется отъ быстроты нашихъ собственныхъ движеній. Быстрая поступь руки заставляетъ этотъ рядъ итти живѣе; медленная, даетъ тотъ же самый рядъ медленнѣе. При этихъ опытахъ мы постепенно ознакомляемся съ широкимъ различіемъ между тожественными движеніями, производимыми при такихъ различныхъ обстоятельствахъ; и это различіе выражается въ рѣчи какъ преемство и сосуществованіе, время и пространство. Преемство есть фактъ простѣйшій; для этого довольно неизмѣннаго при-

косновенія сопровождаемаго движеніемъ. Но сосуществованіе фактъ весьма сложный. Главные пункты, заключающіеся въ немъ, теперь указаны:—рядъ прикосновеній, и обратный порядокъ этого ряда при обратномъ движеніи. Повтореніе ихъ при тѣхъ же умственныхъ послѣдствіяхъ, составляетъ наше понятіе пребыванія или твердости порядковъ, содержащихся въ предметномъ мірѣ, — вселенной какъ сосуществующей въ пространствѣ». *)

Изъ подобныхъ же опытовъ комбинаціи мускульныхъ впечатлѣній съ осязательными, опытовъ, постоянно усложняющихся, объясняется и происхожденіе нашихъ понятій плоскости или поверхности, плотности, разстоянія, направленія, положенія и формы, какъ свойствъ предметнаго міра. Но мы не будемъ останавливаться на этихъ анализахъ, результаты которыхъ легко угадываются изъ переданныхъ объясненій, и обратимся прямо къ сложнымъ ощущеніямъ зрѣнія, которыми дополняется очеркъ нашего понятія о пространствѣ. Бэнъ показываетъ, что здѣсь, точно также какъ и въ чувствѣ осязанія, мы встрѣчаемъ сочетаніе впечатлѣній зрительныхъ съ чувствами движенія, вытекающими изъ глазныхъ мускуловъ. И это сочетаніе есть необходимое основаніе зрительныхъ ощущеній предметнаго міра, внѣшности, движенія, формы, плотности и относительнаго положенія. «Одно изъ самыхъ раннихъ пріобрѣтеній», говоритъ онъ, «есть способность слѣдить зрѣніемъ за движущимся предметомъ. Предположимъ, что глазъ остановленъ сильнымъ свѣтомъ, напр. пламенемъ свѣчи; перенесеніе свѣчи повлечетъ за собою и глаза,—частію въ силу ихъ собственныхъ движеній, и частію поворотомъ

*) Ibid. p. 197—199.

головы. Послѣдствіемъ будетъ сложное ощущеніе свѣта и движенія,—совершенно также какъ ощущеніе тяжести давящей на руку, есть ощущеніе осязанія и движенія. Если свѣтъ движется направо, то для слѣдованія за нимъ потребуются правые мускулы, если же налѣво, то лѣвые и т. д., и такимъ образомъ мы получаемъ нѣкоторыя раздѣльныя сочетанія свѣта и мускульнаго впечатлѣнія, намѣчающія раздѣльность направленія, и никогда не смѣшивающія одного направленія съ другимъ» [1]). Глазъ нашъ, вмѣстѣ съ другими дѣятельными органами, способенъ различать большее или меньшее продолженіе движенія, что̀ можетъ служить косвеннымъ средствомъ оцѣнки протяженной величины и вообще протяженія, какъ скоро получено понятіе видимаго пространства, какъ противоположности преемству во времени Но сопротивленіе едва ли встрѣчается въ чувствѣ зрѣнія, изъ трехъ основныхъ ощущеній мускула,—сопротивленія, продолженія и скорости, мускуламъ глазнымъ принадлежатъ только два послѣднія. Отсюда, по замѣчанію Бэна, не смотря на все достоинство глаза, дающаго духу живописное поле внѣшняго міра, не возможно сказать, чтобъ онъ заключалъ основное сознаніе предметной вселенной.—Оцѣнка зрительнаго разстоянія основана на сочетаніи со впечатлѣніями свѣта мускульныхъ ощущеній, вытекающихъ въ фактѣ приноровленія глаза къ разстоянію, и именно, при измѣненіи положенія глазнаго шара, для разстояній близкихъ, и при измѣненіи въ направленіи обоихъ глазъ, или въ параллелизмѣ осей, для разстояній близкихъ и отдаленныхъ; то и другое приноровленіе производится мускулами, и раздѣльность мускульныхъ впечатлѣній, сочета-

[1]) Ibid. p. 246.

вающихся со впечатлѣніями зрительными, дѣлается основаніемъ отчетливаго различенія зрительныхъ разстояній. Эти замѣчанія достаточно подготовляютъ къ объясненію нашихъ зрительныхъ ощущеній формы и протяженія, или современнаго существованія въ пространствѣ.

Процессъ, посредствомъ котораго мы получаемъ зрительное пространство, напоминаетъ пріобрѣтеніе того же понятія въ области осязанія. «Когда мы слѣдимъ»—говоритъ Бэнъ—«за движущимся предметомъ, напр., ракетою, или птицею, и когда идемъ глазомъ вдоль изгиба радуги, то получается общій фактъ движенія, но замѣчательно различный по виду Эти разницы, до извѣстной степени параллельны разницамъ, описаннымъ въ главѣ объ осязаніи, которыми добывается познаніе предметовъ какъ сосуществующихъ. Прежде всего, слѣдя очертанія радуги, мы не нуждаемся въ какой нибудь одной поступи движенія, какъ въ слѣдованіи за птицею, или ракетою. Это одно могло бы дать живое чувство разницы между обоими явленіями. Далѣе, оптическое впечатлѣніе, въ примѣрѣ покойной формы, не есть одно неизмѣняющееся ощущеніе, а нѣкоторый рядъ ощущеній, которыя могутъ быть или той же самой природы, какъ радуга, или различной, какъ напр. когда мы скользимъ по облакамъ или сельскому виду. Въ-третьихъ, при обратномъ движеніи, мы можемъ встрѣтить тотъ же рядъ зрительныхъ ощущеній въ обратномъ порядкѣ; потому что во второмъ случаѣ предметъ окончательно уходитъ изъ виду. Въ-четвертыхъ, можемъ повторять это движеніе, и повторяя, получать тотъ же рядъ ощущеній въ томъ же порядкѣ. И это обстоятельство, вѣроятно болѣе всякаго другого, даетъ намъ, въ зрѣніи, то живое чувство разности

между предметами движущимися и уходящими, представляющими, такимъ образомъ, преемство, — и предметами совмѣстными или сосуществующими, чѣмъ означается пространство. Чѣмъ чаще мы испытываемъ это твердое стеченіе оптическихъ ощущеній, сопровождаемое опредѣленнымъ движеніемъ, тѣмъ глубже бываетъ черта между этимъ видомъ сосуществованія, и тѣми предметами, которые даютъ только одинъ случай къ наблюденію ихъ. Постоянное полученіе опредѣленнаго ряда ощущеній при одномъ опредѣленномъ движеніи, а также постоянная встрѣча обратнаго ряда при обратномъ движеніи, и образуютъ, въ концѣ, наше понятіе, предположеніе и ожиданіе протяженныхъ предметовъ въ видимомъ пространствѣ.

«Въ-пятыхъ, что касается зрѣнія, то особенная способность глаза обнимать однимъ взглядомъ широкій видъ, при чемъ подробно различается однакожъ только малая доля, можетъ помогать къ подкрѣпленію этой же разницы. Когда взглядъ идетъ по зрительному полю, то доли, перестающія занимать центръ глаза, не перестаютъ еще производить впечатлѣнія на сѣтчатую оболочку и имѣютъ мѣсто въ сознаніи, хотя и не замѣчаются такъ отчетливо. Это составляетъ дополнительное раздѣленіе между преходящимъ полетомъ метеора, и живописью звѣзднаго круга. Осязаніе обладаетъ этимъ средствомъ только въ весьма ограниченной степени. Когда опредѣленный рядъ преемственныхъ ощущеній чувствуется *заразъ*, то послѣднія внушаютъ намъ фактъ движенія, заключенный въ каждомъ ощущеніи протяженнаго.

«Такимъ же образомъ и наблюденіе жизни покойной (still life) есть сочетаніе движеній глаза съ оптическими впечатлѣніями, отвѣчающими различнымъ частямъ зри-

тельнаго поля. Точно также какъ и въ примѣрѣ движущихся вещей, горизонтальнымъ ходомъ мы получаемъ линію горизонтальную; круговымъ, пріобрѣтаемъ мускульное впечатлѣніе круга; неожиданною перемѣною направленія познаемъ уголъ: во всѣхъ этихъ примѣрахъ, на сѣтчатой оболочкѣ остается цѣлая фигура, между тѣмъ какъ глазъ слѣдитъ преемственныя части» *). Болѣе многочисленные и сложные ряды движеній даютъ зрительную поверхность и плотность. При сочетаніи впечатлѣнія измѣняющагося разстоянія — съ ходомъ глаза въ зрительномъ полѣ, мы получаемъ видимую живопись всѣхъ трехъ измѣреній пространства.

Аппетиты или тѣлесныя потребности.—Въ то время какъ господствовала теорія духовныхъ силъ какъ особенныхъ агентовъ, тѣлесныя потребности разсматривались обыкновенно въ главѣ о волѣ. Въ силу этого преданія, Ридъ и Д Стюартъ занимаются ими въ отдѣлѣ практическихъ явленій духа. Въ это время еще не чувствовалась потребность отдѣлить въ особую главу всѣ чувственные начатки духовной жизни; кромѣ того, недостаточный анализъ самыхъ аппетитовъ не подавалъ повода къ сближенію ихъ съ нашими внѣшними ощущеніями. Броунъ подвергъ разбору это явленіе, и нашелъ что, по своему основному элементу, оно должно быть отнесено къ отдѣлу нашихъ внѣшнихъ ощущеній. «Аппетиты», говоритъ онъ, «допускаютъ очевидно анализъ на два отдѣльныхъ элемента, — особеннаго рода скорбь, и послѣдующее желаніе (актъ воли) чего нибудь облегчающаго эту скорбь;—состоянія духа, изъ которыхъ одно непосредственно слѣдуетъ за другимъ, но которыя, сами

*) Ibid. p 251—252.

по себѣ, столько же различны, какъ и въ томъ случаѣ, когда такого преемства не существуетъ; точно такъ какъ удовольствіе доставляемое музыкою, отлично отъ простого желанія насладиться ею снова, или какъ страданіе отъ чрезвычайной теплоты въ жаркое время, отличается отъ послѣдующаго желанія прохлады. Скорбь, одинъ изъ элементовъ аппетита, есть внѣшнее впечатлѣніе духа, которое и должно быть причислено къ другимъ внѣшнимъ ощущеніямъ, послѣдующее желаніе, другой элементъ его, есть внутреннее впечатлѣніе духа, которое должно быть отнесено къ числу другихъ волненій желанія... Каковы бы ни были органическія состоянія причиняющія эти скорбныя чувства, элементарныя въ нашихъ тѣлесныхъ потребностяхъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторыя органическія впечатлѣнія предшествуютъ имъ точно такъ какъ извѣстное впечатлѣніе на внѣшній органъ предшествуетъ страданію отъ жара,—или скорбной временной слѣпотѣ, когда мы поражены чрезвычайно яркимъ свѣтомъ. И хотя, въ дѣлѣ аппетита, мы можемъ давать одно и то же имя и страданію, и желанію облегченія отъ страданія, или скорѣе, можемъ давать одно имя комбинаціи обоихъ чувствъ,—что отнюдь не удивительно, потому что эти чувства такъ непосредственно и универсально слѣдуютъ другъ за другомъ,—однакожъ эта ошибка или скорѣе, эта простая аббревіатура рѣчи не даетъ никакого основанія разсматривать самое элементарное страданіе, какъ отличное по своему роду отъ другихъ нашихъ страданій... Страданіе отъ котораго аппетитъ желаетъ облегченія, есть точно такое же ощущеніе, какъ и всякое другое внутреннее тѣлесное страданіе, какое мы только чувствуемъ,—состояніе или впечатлѣніе духа,

проистекающее непосредственно и исключительно изъ состоянія или впечатлѣнія тѣла, что̀ и составляетъ опредѣленіе ощущенія») Правильное возвращеніе или періодичность нашихъ аппетитовъ точно также не даетъ основанія отдѣлять ихъ отъ нашихъ ощущеній. «Что различные виды неудобства, составныя части нашихъ аппетитовъ, возвращаются черезъ промежутки времени, въ которыхъ есть нѣкоторая степень правильности, это не измѣняетъ ихъ природы... Духовныя состоянія которыя составляютъ чувствуемое безпокойство, возвращаются такими промежутками не отъ какого нибудь особеннаго обстоятельства въ самомъ духѣ, явленіями котораго мы исключительно и занимаемся, а потому что тѣло бываетъ только промежутками въ томъ состояніи, какое предваряетъ или вводитъ тѣ особенныя духовныя впечатлѣнія... Поэтому правильность возвращенія этого нервнаго состоянія есть явленіе, которое подлежитъ вниманію физіолога тѣла, а не физіолога духа, непосредственная обязанность котораго кончена, какъ скоро онъ извѣстное частное чувство духа можетъ отнести къ какому нибудь впечатлѣнію, какъ его неизмѣнному предыдущему» `*).

Броунъ опредѣлилъ безупречно составъ нашихъ аппетитовъ, и необходимость разсматривать ихъ въ общемъ отдѣлѣ чувственныхъ явленій, по характеру ихъ основнаго элемента, — чувства извѣстнаго безпокойства, неудобства, скорби, вытекающаго непосредственно изъ извѣстныхъ состояній нервной системы и вообще тѣла. Но для усиленія своего научнаго требованія, онъ не могъ достаточно воспользоваться другимъ элементомъ аппетита,

*) *Brown*· Philos. of the Hum. Mind Lect. XXVII, p. 107
**) Ibid.

желаніемъ, которое опъ всегда и всюду разсматриваетъ только какъ часть нашихъ духовныхъ волненій. Желаніе, какъ составная часть нашихъ аппетитовъ, стоитъ у него на второмъ планѣ, между тѣмъ какъ, въ фактѣ, тѣлесный позывъ выставляется, прежде всего, своею желательною стороною; потому-то эта сторона такъ долго и останавливала на себѣ исключительное вниманіе психологовъ. Но спрашивается, измѣняетъ ли это, высказанное Броуномъ, требованіе психологической методы? Нимало. Аппетитъ, позывъ мы должны разсматривать въ общей главѣ о чувственности, потому что должны опредѣлить всѣ начатки нашей произвольности, какъ феномена отличнаго отъ простой мускульной энергіи или рефлективныхъ движеній,—прежде чѣмъ приступимъ къ изученію нашей воли, какъ нравственной, отвѣтственной дѣятельности Наши аппетиты принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ элементарнымъ началамъ нашей произвольности и въ этомъ качествѣ и разсматриваются позднѣйшими психологами, а ихъ періодичность, или правильное возвращеніе, заставляетъ разсмотрѣть ихъ отдѣльно отъ той элементарной произвольности, которая наблюдается въ дѣятельности вызываемой удовольствіями и страданіями какія даются непосредственно упражненіями мускуловъ и органовъ чувствъ.

Въ числѣ нашихъ аппетитовъ, Бэнъ разсматриваетъ потребности сна, упражненія, отдыха, жажды, голода и пола. Мы не намѣрены вдаваться въ подробности этихъ описаній, и ограничимся одною общею замѣткою, которая можетъ пригодиться намъ въ послѣдствіи. «Всѣ наши аппетиты»—говоритъ Бэнъ—«подвержены порчѣ и извращенію, и могутъ давать ложныя показанія относи-

тельно того, въ чемъ нуждается наше тѣло. Точно также они доступны искуственному и безразсудному воспламенению, въ присутствіи вещей которыя возбуждаютъ и удовлетворяютъ ихъ Полагаютъ, — не знаю насколько вѣрно, — что у низшихъ животныхъ аппетитъ ошибается рѣдко; но у людей это самое обыкновенное заблужденіе. Мы способны томиться жаждою теплоты, въ то время какъ намъ полезнѣе прохлада; требуемъ пищи и питья, далеко болѣе чѣмъ сколько нужно; отдаемся возбужденіямъ къ дѣйствію, когда намъ потребенъ покой, или предаемся покою до разслабленія. Позывъ ко сну такъ ложенъ, что до сихъ поръ остается вопросомъ, насколько именно нуждается въ немъ наша система. Можетъ-быть сложныя и сталкивающіяся побужденія человѣческой конституціи и суть причина всей этой зыбкости и ошибокъ, заставляющихъ насъ необходимо обращаться къ опыту и наукѣ, и желанію высшему чѣмъ аппетитъ, — для руководства нашей бодрственной жизни» *).

Инстинкты. — Въ предыдущихъ отдѣленіяхъ анализа нашей чувствительности, мы имѣли дѣло съ элементарными духовными состояніями, какія предваряются непосредственно извѣстными впечатлѣніями нашего тѣлеснаго состава; при этомъ естественно было коснуться нѣкоторыхъ первоначальныхъ сочетаній нашихъ ощущеній характера умственнаго, — сочетаній, управляемыхъ высшими законами ума. Но наблюденіе психологовъ давно было остановлено нѣкоторыми фактами нашей чувствительности, которые повидимому свидѣтельствуютъ что, кромѣ элементарныхъ состояній, мы получаемъ, отъ нашей тѣ-

*) *Бэйн*: The Senses and the Intellect. p. 260.

лесной природы, и нѣкоторыя первоначальныя комбинаціи ихъ съ состояніями тѣла, комбинаціи, въ которыхъ предусмотрѣно раннее безпомощное положеніе живого существа среди окружающихъ предметовъ. Эти-то комбинаціи нашихъ ощущеній съ ихъ типическимъ выраженіемъ и дѣйствіями, и называются инстинктами. Рицъ и его школа изучали особенно тщательно всѣ подобныя, инстинктивныя, явленія нашего состава. Дальнѣйшіе успѣхи физіологіи и психологіи привели, однакожъ, къ убѣжденію, что такъ-называемыя инстинктивныя явленія не суть послѣднія или невыводимыя однообразія духовныхъ обнаруженій и дѣйствій; что они доступны дальнѣйшему анализу, т. е. основаны на явленіяхъ болѣе общаго характера. Само собою разумѣется, что какъ бы далеко мы ни простирались въ нашихъ анализахъ, всегда нужно будетъ остановиться на какихъ нибудь преемствахъ, или законахъ, первоначальныхъ; но было бы противно прямымъ требованіямъ здравой методы, оставлять анализъ нашихъ инстинктовъ, которые, безъ затрудненія, сводятся къ нѣкоторымъ общимъ началамъ нашей конституціи. Занимая нѣкоторую средину между элементарными явленіями духа, зависящими отъ тѣла, и между высокими комбинаціями духовныхъ явленій, обязанными внутренней причинности самыхъ духовныхъ состояній, – инстинкты составляютъ естественный переходъ къ ученію о нашей волѣ и дѣятельности, и проливаютъ свѣтъ на естественные начатки осложненія нашихъ духовныхъ состояній.

Въ главѣ объ инстинктахъ, Бэнъ разсматриваетъ слѣдующія естественныя комбинаціи нашихъ духовныхъ состояній, и комбинаціи чисто физическія, которыя однакожъ, такъ или иначе, служатъ порядкамъ духовнымъ:

«I. *Дѣйствія рефлективныя.* Эти дѣйствія»—говоритъ Бэнъ—«собственно не суть духовные элементы, но изслѣдованіе ихъ важно, и потому что они по контрасту объясняютъ духъ, и потому что въ нихъ содержатся нѣкоторыя полезныя отправленія какія, при другихъ обстоятельствахъ, даются волею или настоящею духовною дѣятельностью

«II. Первоначальные порядки *сочетанныхъ и согласныхъ дѣйствій.* Употребленіе локомотивныхъ членовъ, въ хожденіи, бѣганіи, плаваніи и пр., есть наиболѣе выдающійся примѣръ ихъ. Эти порядки, хотя и не суть духовные въ строгомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ служатъ пособіемъ нашимъ произвольнымъ операціямъ.

III. Связи существующія первоначально между *чувствомъ* и его духовными обнаруженіями.

«IV. Инстинктивный зародышъ *произвольности*).

Дѣйствія рефлективныя, или автоматическія, признаются отправленіями спиннаго и продолговатаго мозга и мозжечка, и связаны главнымъ образомъ съ пищевареніемъ и дыханіемъ. Нѣкоторая мѣра рефлективнаго дѣйствія обнаруживается также въ операціяхъ различныхъ внѣшнихъ чувствъ. «Возбужденіе какого нибудь органа чувствъ, кромѣ того что дѣлаетъ насъ сознательными и вызываетъ движенія, составляющія выраженіе чувства,—повидимому, вызываетъ еще особенное отвѣтное дѣйствіе въ томъ членѣ, гдѣ помѣщается этотъ органъ, или гдѣ прилагается стимулъ). Это начало *чувственно—рефлективныхъ* дѣйствій.

) *Bain* The Senses and the Intellect. p. 261.

**) Ibid. p. 263

Несомнѣнно, что воспитаніе стѣсняетъ первоначальное выраженіе чувства, частію вслѣдствіе произвольнаго подавленія его естественнаго разлива, частію вслѣдствіе сообщенія новыхъ и искуственныхъ формъ страстнаго обнаруженія. Отыскать этотъ первоначальный или инстинктивный механизмъ выраженія чувства, какъ напр. механизмъ смѣха и слезъ,—есть поэтому одна изъ задачъ ученія объ инстинктахъ. Физіологическія наблюденія показываютъ, что различныя состоянія чувства сопровождаются—частію движеніями, вслѣдствіе возбужденія мускуловъ лица, органовъ голоса, брюшной перегородки, играющей главную роль въ механизмѣ смѣха и рыданія,—и при сильномъ волненіи, всѣхъ вообще мускуловъ тѣла; частію перемѣнами органическими, вслѣдствіе вліянія на внутренности и железистые органы. Это сложное сліяніе физическихъ послѣдствій съ состояніями чувства, вообще объясняется изъ того начала, что *состоянія удовольствія связаны съ возвышеніемъ, и состоянія страданія съ пониженіемъ, нѣкоторыхъ или всѣхъ вообще жизненныхъ отправленій.*

Въ періодъ жизненной зрѣлости, извѣстныя чувства или волненія способны приводить въ движеніе различные дѣятельные органы; между состояніями страстными и состояніями дѣятельными существуетъ связь, достаточная для того чтобы составлять цѣпь причины и дѣйствія между тѣми и другими. Спрашивается однакожъ, есть ли эта цѣпь первоначальная, или пріобрѣтенная? Ридъ поддерживалъ первое; Бэнъ напротивъ защищаетъ второе. Бэнъ выходитъ изъ того положенія, что нервная энергія вытекаетъ единственно изъ нервныхъ центровъ, и представляетъ какъ бы самобытное и постоянное за-

ряженіе нервной системы, возбужденіе ощущеній и волненій рѣшаетъ только способъ и мѣсто разряженія, открывающагося въ произвольныхъ движеніяхъ Бэнъ доказываетъ, далѣе, что нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобъ эти движенія въ самомъ началѣ отвѣчали своей цѣли. но между разнообразными случайными движеніями должны отыскаться и такія, которыя дѣйствительно отвѣчаютъ цѣли, т. е. увеличиваютъ удовольствіе, или ослабляютъ скорбь. Эта случайная связь чувствъ и дѣйствій, какой нельзя назвать явленіемъ нашей произвольности въ собственномъ смыслѣ, и есть то первоначальное зерно, изъ котораго позднѣе, въ силу высшихъ законовъ духовной жизни (законовъ ассоціаціи), развивается наша произвольная дѣятельность въ строгомъ смыслѣ, какъ сочетаніе нашихъ чувствъ съ извѣстными дѣйствіями, предпочтительно передъ другими, или какъ воля. «Удовольствію», говоритъ Бэнъ, «сопутствуетъ возвышеніе жизненныхъ силъ, это возвышеніе распространяется, по временамъ только на функціи органическія, по временамъ на функціи дѣятельныя, или мускулы, не рѣдко и на всѣ части, особенно при утренней свѣжести жизни. Теперь, важный результатъ относительно воли есть возвышеніе *мускульное*. если мускульная система передъ этимъ покоилась, то получится порывъ энергіи; если же дѣйствовала, то дѣйствіе будетъ возрастающимъ. Но до сихъ поръ пока не дается какого нибудь направленія преимущественно передъ другимъ, нѣтъ предпочтенія, а слѣдовательно и настоящей произвольности.

«Предположимъ теперь, что движенія, вытекающія просто изъ физическаго избытка, случайно будутъ таковы, что увеличатъ минутное пріятное чувство; простой фактъ

такого увеличеннаго удовольствія будетъ заключать другой,—фактъ увеличенной энергіи системы и, слѣдовательно, тѣхъ самыхъ движеній, которыя находятся въ дѣлѣ. Такимъ путемъ удовольствіе будетъ поддерживать само себя, и мы получимъ нѣчто существенно подходящее къ произвольности»). Подобный же результатъ получится и въ условіяхъ противоположныхъ, т. е. страданія, — какъ скоро случайныя движенія окажутся облегчающими его. Предоставьте остальную обработку нашихъ дѣйствій закону ассоціаціи,— и такъ-называемыя дѣйствія инстинктивныя легко сведутся къ нѣкоторымъ первоначальнымъ фактамъ. и основнымъ законамъ духа.

) Ibid. p. 306

ГЛАВА VI.

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.

(Продолженіе.)

Анализъ ума Оригинальныя умственныя явленія. Идея. Законы ассоціаціи. Физіологическая теорія ассоціаціи. Психологическая обработка ассоціаціи—у Локка, Юма, Рида, Гертли, Кондильяка, Д. Стюарта, Броуна, Бэна. Законъ смежности. Законъ сходства. Законъ сложной ассоціаціи. Законъ творческой ассоціаціи

Обозрѣвая раскрытіе нашей чувственности, мы получили уже нѣкоторыя твердыя данныя, чтобы судить объ основныхъ свойствахъ нашего ума. Мы ознакомились съ чувственнымъ процессомъ различенія нашихъ внѣшнихъ впечатлѣній, связаннымъ съ разнообразными перемѣнами въ нашемъ тѣлѣ; и безъ большой трудности можемъ понять дополнительный процессъ чувственнаго отожествленія двухъ совмѣстныхъ, или преемственныхъ впечатлѣній. Эти факты не могутъ быть объяснены безъ нѣкоторой задержки различаемыхъ, или отожествляемыхъ состояній; въ нихъ «завита» — говоритъ Бэнъ — «извѣстная мѣра пребыванія впечатлѣнія прошлаго, при полной дѣйствительности настоящаго; безъ такого продолженія впечатлѣній сравненіе было бы невозможно, мы жили бы только одною настоящею мину-

тою» *). Такая задержка впечатлѣній, повидимому, достаточно дана въ томъ фактѣ, что каждое внѣшнее ощущеніе продолжается нѣкоторое количество времени, и послѣ того какъ внѣшній агентъ пересталъ дѣйствовать на нервную систему, — слѣдовательно, въ силу не прекратившихся вполнѣ нервныхъ раздраженій, вызванныхъ этимъ агентомъ. Въ этой чувственной задержкѣ впечатлѣній, по удаленіи внѣшнихъ возбудителей, дается указаніе на одно изъ основныхъ качествъ нашего ума,— способности удерживать или хранить прошлыя впечатлѣнія. Такимъ образомъ всѣ три основныя свойства умственной жизни духа наблюдаются нами, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ, еще въ нашей чувственности. Но въ дѣйствительности, наша умственная чувственность есть только весьма слабый проблескъ нашихъ умственныхъ силъ. Самое чувство разности,—качество ума, наиболѣе замѣчаемое въ нашихъ ощущеніяхъ, еще далеко отъ того богатаго раскрытія, какое получается имъ въ умственной жизни, основанной на внутренней причинности духовныхъ явленій. Что касается чувства сходства, то очевидно что, по самой природѣ своей, оно стоитъ, въ области нашей чувственности, въ условіяхъ наименѣе благопріятныхъ. Процессъ отожествленія, узнаванія, есть процессъ открытія сходства въ несходствѣ, согласія въ разности, и выступаетъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ эти обстоятельства противоположнѣе; а эта противоположность никакъ не можетъ быть значительна, при той опорѣ сравненія, какая дается простымъ остаткомъ нервнаго раздраженія и, вытекающаго отсюда, извѣстнаго продолженія ощущенія, по удаленіи внѣшняго агента. Высокія условія

*) *Bain*: The Senses and the Intellect. p. 107.

раскрытія чувства сходства даются только тѣмъ сбереженіемъ прошлыхъ впечатлѣній, для котораго не требуется ни внѣшняго агента, бывшаго прежде отдаленною причиною ихъ, ни остатка нервныхъ раздраженій, бывшихъ ихъ причиною непосредственною, — и которое называется воспроизведеніемъ ощущенія, и вообще всѣхъ прошлыхъ духовныхъ состояній, въ *идеи*. Этимъ воспроизведеніемъ въ идеи открывается, такимъ образомъ, рядъ духовныхъ явленій въ области ума, причины которыхъ суть чисто внутреннія, скрывающіяся въ самыхъ состояніяхъ духа;—открываются мыслительныя операціи, инициатива которыхъ принадлежитъ собственно самому духу. Отсюда, и опирающіяся на нихъ чувства разности и сходства между нашими идеями, равно какъ между идеями и ощущеніями, суть явленія чисто внутреннія, т. е. вытекающія изъ оригинальныхъ операцій нашего духа, или по меньшей мѣрѣ явленія смѣшаннаго характера, но притомъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ на сторонѣ внутренней причинности духовныхъ состояній.—Такимъ образомъ, умственное сознаніе, въ фактѣ воспроизведенія прошлыхъ состояній въ идеи, возвышается надъ сознаніемъ внѣшнимъ, какъ сознаніе внутреннее, какъ источникъ новыхъ идей—самостоятельныхъ или оригинальныхъ операцій нашего духа.

Воспроизведеніе въ идеи, и соединенное съ нимъ сознаніе, есть общее названіе всѣхъ высшихъ, или обязанныхъ внутренней причинности, умственныхъ явленій. Но что такое идея?—Извѣстно, что этотъ терминъ играетъ у Локка весьма широкую, но не довольно опредѣленную роль. Значеніе идеи, установившееся въ психологіи, въ первый разъ высказано раздѣльно Юмомъ. Токеръ (Tucker),

имѣя въ виду это значеніе, опредѣляетъ идею такимъ образомъ: «Идея», говоритъ онъ, «то же самое что̀ образъ..; но образъ, усвоенный общимъ употребленіемъ предметамъ зрѣнія, не удобно прилагать къ другимъ вещамъ, не внося сбивчивости; отсюда ученые ввели греческое слово *идея*, означающее образъ или видъ, — которому, по его особенности, можно было сообщить значеніе болѣе широкое. Потому что образъ звука или благости могъ бы враждовать съ нашимъ вкусомъ, но идея того и другого сходитъ легко, отсюда, идея то же самое въ отношеніи къ вещамъ вообще, что образъ въ отношеніи къ предметамъ зрѣнія». *) Въ этомъ смыслѣ, идея, и воспроизведеніе, возвращеніе, повтореніе, оживленіе, воспоминаніе и проч., прошлыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ впечатлѣній духа, есть въ существѣ одно и то же. Психологическій вопросъ объ идеяхъ сводился такимъ образомъ къ вопросу какъ далеко простирается начало воспроизведенія духовныхъ состояній. Мало по малу объяснилось, что воспроизведеніе охватываетъ не только нашу умственную жизнь, но и наши волненія и желанія. «Наши внутреннія радости, скорби», говоритъ Броунъ, «и все разнообразіе нашихъ волненій, способны въ извѣстной мѣрѣ оживать, и сливаться съ идеями, или другими чувствами, которыя пробудили ихъ, такимъ же точно образомъ какъ и наши понятія о вещахъ внѣшнихъ... Слабые и темные элементы прошлыхъ волненій, смѣшивающіеся съ какимъ нибудь настоящимъ чувствомъ, не легко различаются; но наши воспоминанія вещей внѣшнихъ ясны и опредѣленны, и легко нами узнаются какъ

*) *Blakey:* Hist. of the Philos of Mind. Vol. III. p. 250.

образы прошлаго». *) И въ этомъ-то обстоятельствѣ Броунъ видитъ причину, почему многіе психологи не обращали должнаго вниманія на чувства и желанія идеальныя, т. е. воспроизведенія нашей чувствительной и произвольной жизни.—Д. С. Милль объясняетъ значеніе идеи слѣдующимъ образомъ: «Если какими бы то ни было причинами однажды было возбуждено въ насъ какое нибудь состояніе сознанія, то низшая степень того же состоянія сознанія,—состояніе сходное съ первымъ, но менѣе интенсивное, можетъ быть произведено въ насъ и при отсутствіи той причины, какая первоначально возбудила его. Если мы однажды видѣли или осязали какой нибудь предметъ, то можемъ въ послѣдствіи мыслить объ немъ, хотя бы онъ и не находился въ кругѣ нашего зрѣнія и нашего осязанія. Если при какомъ нибудь событіи мы чувствовали скорбь или радость, то можемъ думать или вспоминать объ этой прошлой скорби и этой прошлой радости, хотя бы даже не произошло никакого новаго событія счастливаго или прискорбнаго свойства. Если поэтъ составилъ духовный образъ какого нибудь воображаемаго предмета, Замокъ беззаботности, Уну, или Гамлета, то онъ можетъ думать въ послѣдствіи объ идеальныхъ предметахъ своего творчества, не прибѣгая къ новому акту духовной комбинаціи. Употребляя Юма, этотъ законъ выражаютъ такъ: каждое духовное *впечатлѣніе* имѣетъ свою *идею*» **).

Явленіе воспроизведенія, или идеальнаго бытія, разъ возникшихъ духовныхъ состояній есть, безъ сомнѣнія,

---

*) *Brown*: Philos. of the Hum. Mind. Lect. XXXIV, p. 216

**) *D. S. Mill*· Syst. der ind. und ded. Log Theil. II p. 459.

одно изъ самыхъ широкихъ явленій духовнаго существованія; но слѣдуя строгимъ требованіямъ методы, такъ мастерски представленной самимъ Миллемъ, такое явленіе можно назвать закономъ, только имѣя въ виду обстоятельства до сихъ поръ еще не указанныя; потому что, взятое въ такомъ видѣ, оно не представляетъ намъ причинъ своего существованія; и слѣдовательно, остается явленіемъ, законы котораго подлежатъ еще вопросу. Законы воспроизведенія прошлыхъ впечатлѣній не ускользнули вполнѣ и отъ вниманія древнихъ; но обработка ихъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій, и результаты ея составляютъ самое важное и прочное завоеваніе человѣческаго ума въ области духовныхъ явленій. Слѣды ученія объ этихъ законахъ въ первый разъ встрѣчаются у Гоббса. Локкъ назвалъ ихъ законами *ассоціаціи*; Тэлоръ, законами *комбинаціи*; Броунъ, законами *внушенія*. Всѣ эти названія употребляются нынѣ какъ синонимическія; но въ языкѣ техническомъ чаще пользуются терминомъ Локка.

Замѣтимъ предварительно, что законы ассоціаціи, у Локка, какъ и у Гоббса, не имѣли всеобъемлющаго приложенія къ нашей идеальной жизни; въ смыслѣ общихъ законовъ нашихъ идей, или воспроизведенія прошлыхъ впечатлѣній, они были въ первый разъ признаны Юмомъ, какъ широкія однообразія преемства, касающіяся всѣхъ духовныхъ явленій, и опирающіяся на ихъ внутренней причинности. Это *психологическій* взглядъ на законы ассоціаціи. Разработку этого взгляда замедляла нѣкоторое время теорія Гертли, по которой воспроизведеніе есть духовный феноменъ, зависящій, подобно нашимъ внѣшнимъ ощущеніямъ, отъ особенныхъ состояній мозга.

Это *физіологическій* взглядъ на законы ассоціаціи. Мы обращаемся, прежде всего, къ теоріи Гертли

Теорія Гертли, въ полномъ ея составѣ и развитіи, образовалась подъ вліяніями весьма сложными,—особенно Локка, Ньютона, Юма и Гея. Но первые поводы къ подобной теоріи, по признанію самого Гертли и его ревностнѣйшихъ послѣдователей, Пристли и Бельшама, даны были въ «Principia» и «Оптикѣ» Ньютона. Извѣстно что, для объясненія связи физическихъ и духовныхъ явленій, существовала, съ давняго времени, теорія нѣкоторой нервной жидкости, проводимой отъ мозга къ оконечностямъ тѣла, и обратно, и служащей, такимъ образомъ, проводникомъ нашихъ внѣшнихъ ощущеній и произвольныхъ движеній; эта нервная жидкость носила различныя названія, и между прочимъ, столько извѣстное въ школѣ Декарта, имя «животныхъ духовъ». Ньютонъ, въ мимоходныхъ замѣткахъ, оставшихся въ указанныхъ сочиненіяхъ, представилъ новую, весьма широкую гипотезу для объясненія тѣхъ же явленій. Онъ предполагаетъ существованіе весьма тонкой эластической жидкости, — которую называетъ *эфиромъ*,—разлитой въ скважинахъ всѣхъ твердыхъ тѣлъ и пустыхъ пространствахъ. Дѣйствію этого эфира онъ приписываетъ явленія тяготѣнія и сцѣпленія, притяженія и отталкиванія электрическихъ тѣлъ, взаимныя вліянія тѣлъ и свѣта, явленія теплоты и, между прочимъ, животнаго ощущенія и движенія. Въ замѣчаніяхъ къ «Оптикѣ», онъ спрашиваетъ: различные цвѣта не слѣдуетъ ли объяснять различными видами сотрясенія эфира въ сѣтчатой плевѣ глаза,—распространяющагося въ волокнахъ зрительныхъ нервовъ и причиняющаго въ мозгѣ ощущеніе зрѣнія?—Этою теоріею Ньютона, поставленною

въ видѣ вопроса, Гертли воспользовался для объясненія не только внѣшнихъ ощущеній,—что̀, въ извѣстныхъ предѣлахъ, сдѣлалось почти безспорнымъ,—но и законовъ ассоціаціи. По мнѣнію Гертли, «въ плотной, но мягкой субстанціи, каковъ нашъ мозгъ, сотрясенія (вибраціи) какой нибудь части предрасполагаютъ послѣднюю къ сотрясеніямъ, наступающимъ позднѣе; такъ что, какъ скоро посредствомъ какого нибудь внѣшняго чувства или органа ощущенія, будетъ произведено на эту часть впечатлѣніе новое, то, въ силу того предрасположенія мозга,—къ увеличенію скорости возбужденія соразмѣрно повторенію,—это второе впечатлѣніе будетъ легко усвоено первымъ; далѣе утверждается, что если два или болѣе сотрясенія происходятъ въ мозгѣ въ одно и то же время, то они будутъ дѣйствовать другъ на друга и, до извѣстной степени, видоизмѣнять другъ друга; и когда, въ послѣдствіи, одно изъ нихъ обнаружится въ мозгѣ, то будетъ расположеннѣе дѣйствовать на то изъ предыдущихъ впечатлѣній, съ которымъ уже прежде состояло во временной связи.—Изъ этой-то предполагаемой любви или симпатіи и выводится (у Гертли) ассоціація идей»*).

Теорія Гертли встрѣтила многихъ приверженцевъ, но точно также и сильныхъ возражателей. Чтобы понять значеніе этихъ возраженій, необходимо имѣть въ виду два совершенно различныхъ вопроса, связанныхъ послѣдователями Гертли въ одну цѣльную теорію вибрацій, какъ начала ассоціаціи идей. Первый изъ этихъ вопросовъ относится къ зависимости нашихъ воспоминаній отъ состояній мозга и нервной системы. Послѣдователи Гертли были увѣрены, что рѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ

*) *Blakey*: Hist. of the Phil of Mind Vol. III. p. 279.

утвердительномъ, будетъ неизбѣжно признаніемъ права физіологической теоріи ассоціаціи. Поэтому Бельшамъ не могъ достаточно надивиться, что Ридъ, опровергавшій теорію Гертли и ей подобныя, въ то же время признавалъ зависимость памяти отъ мозга. «Любопытно видѣть,» писалъ онъ, «что д-ръ Ридъ, послѣ нѣсколькихъ возраженій противъ ходячихъ гипотезъ, принужденъ допустить, что многіе, рѣзко выдающіеся, факты ведутъ къ заключенію, что память зависитъ отъ особеннаго состоянія мозга». Такое смѣшеніе совершенно различныхъ вопросовъ было скоро обнаружено противниками физіологической теоріи Гертли. Отвѣчая на замѣтку Бельшама, Д. Стюартъ указываетъ, что Бельшамъ, признающій теорію Гертли простою гипотезою, не прибавляетъ ничего къ ея оправданію, и «довольствуется замѣчаніемъ, что противники этой гипотезы должны, по своимъ началамъ, отрицать *всякую зависимость* памяти отъ состоянія мозга. Что касается меня, продолжаетъ онъ, то я напрасно пытаюсь понять, какимъ образомъ можно обвинять д-ра Рида въ непослѣдовательности, когда онъ, послѣ своихъ возраженій противъ вульгарныхъ теорій, допускаетъ, что память подчинена особенному состоянію мозга. Я хотѣлъ бы знать, какой философъ, древній или новый, защищалъ когда нибудь, что нашей памяти нечего опасаться послѣдствій производимыхъ, въ этомъ органѣ, неумѣренностью, болѣзнью, старостью и всѣми случайностями, нарушающими механизмъ тѣла? Но философскимъ результатомъ этого признанія еще не будетъ того, что гипотеза Гертли, или Г. Бельшама, по этому самому справедлива»*).

*) *D. Stewart* Oeuvres. Tom. II. p. 11.

Противники теоріи Гертли, не только не скрывали отъ себя фактовъ зависимости воспроизведенія отъ состояній мозга и нервной системы, но и старались установить, на твердыхъ основаніяхъ, самый видъ этой зависимости. Различныя физіологическія и психологическія наблюденія привели къ убѣжденію, что воспроизведенію нашихъ ощущеній въ идеи предшествуютъ состоянія мозга и нервовъ частныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, аналогическія съ тѣми которыя предшествовали самымъ ощущеніямъ; что идеи внѣшнихъ вещей локализованы совершенно также, какъ и наши внѣшнія ощущенія; можно говорить объ идеяхъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и проч.,— точно также какъ мы говоримъ о зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ ощущеніяхъ. Этотъ взглядъ замѣчается и у Д. Стюарта, въ его ученіи о памяти и воображеніи, и встрѣчается у всѣхъ позднѣйшихъ психологовъ. Сэръ-Вильямъ Гамильтонъ оканчиваетъ изслѣдованіе воображенія слѣдующими замѣчаніями. — «Опытъ доказываетъ, что черепная доля какого нибудь внѣшняго органа чувства, не можетъ быть разрушена безъ извѣстной частной потери воображенія въ собственномъ смыслѣ. Напр., медики, наблюдавшіе надъ лицами потерявшими зрѣніе, неоднократно замѣчали, что они вмѣстѣ съ тѣмъ теряли и способность воспроизведенія образовъ видимыхъ предметовъ. Они не могли ни вызывать такихъ предметовъ въ воспоминаніи, ни мечтать объ нихъ. И въ такихъ случаяхъ найдено, что разстройству подвергается внѣшнее орудіе зрѣнія, глазъ, но оно простирается и на тѣ части мозга, которыя составляютъ внутреннее орудіе этого чувства, т. е. оптическіе нервы и зрительные бугры. Если послѣдній, настоящій органъ зрѣнія остается здо-

ровымъ, и разстроивается только глазъ, то воображеніе цвѣтовъ и формъ сохраняетъ ту же силу, какую оно имѣло и до поврежденія зрѣнія». «И не одни чувственныя ощущенія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—но и произвольныя движенія—копируются въ воображеніи и воображеніемъ такимъ же точно образомъ. Я могу, въ воображеніи, представить дѣйствіе рѣчи, игру мускуловъ лица, движеніе оконечностей; и дѣлая это я чувствую ясно, что возбуждаю нѣкоторое напряженіе въ тѣхъ же самыхъ нервахъ, посредствомъ которыхъ, актомъ воли, я могу рѣшить движеніе мускуловъ открытое и произвольное; даже больше, какъ скоро игра воображенія имѣетъ весьма большую живость, то внѣшнее движеніе, на дѣлѣ, бываетъ уже рѣшено»*). Такимъ же образомъ высказывается и Спенсеръ, въ своей теоріи памяти. «Вспоминать красный цвѣтъ,» говоритъ онъ, «значитъ имѣть, въ слабой степени, то психическое состояніе, какое производится даннымъ краснымъ цвѣтомъ; вспоминать движеніе только что сдѣланное рукою, значитъ чувствовать повтореніе, въ слабой формѣ, тѣхъ внутреннихъ состояній, которыя сопутствовали этому движенію, — начинающееся возбужденіе всѣхъ тѣхъ нервовъ, которыхъ возбужденіе болѣе сильное испытывалось въ продолженіи этого движенія»**). Изслѣдуя тотъ же вопросъ, Бэнъ приходитъ къ тому же заключенію, и формулируетъ его такимъ образомъ: «*возобновленное чувство даетъ занятіе тѣмъ же самымъ частямъ мозга, и такимъ же точно образомъ, какъ и*

---

*) *W. Hamilton*: Metaphysics. II 169, 274.

**) *H. Spenser*: Psychology, p. 359. Bain. The Sen. and the Intell. p. 631.

чувство оригинальное, — и никакимъ другимъ частямъ, никакимъ другимъ, доступнымъ опредѣленію, образомъ» *). Итакъ не подлежитъ никакому спору, что воспроизведеніе оригинальныхъ состояній духа есть фактъ сложный, или природы двойственной; что всякое воспроизведеніе такого рода предполагаетъ возобновленіе и тѣхъ физическихъ состояній, которыя непосредственно предшествовали извѣстному оригинальному чувству. Но не трудно замѣтить что, въ этомъ обстоятельствѣ, мы имѣемъ только дополнительное описаніе простого факта вопроизведенія, или идей, не подвинувшись ни на шагъ къ объясненію самыхъ законовъ воспроизведенія, или идеальнаго бытія нашихъ духовныхъ состояній; законы ассоціаціи, говоримъ мы, остаются загадкою не менѣе прежняго. Но психологическая и физіологическая теорія этихъ законовъ получаютъ, отъ этого обстоятельства, болѣе опредѣленную физіономію. По первой теоріи, причина воспроизведенія лежитъ въ нашихъ духовныхъ состояніяхъ, и фактъ необходимаго возобновленія извѣстныхъ физическихъ состояній, предшествующихъ возобновляемому чувству, есть обстоятельство производное, начало котораго лежитъ во внутренней причинности самыхъ духовныхъ состояній, напротивъ, по теоріи физіологической, возобновленіе физическихъ состояній имѣетъ свои причины исключительно въ этихъ самыхъ состояніяхъ, или особенныхъ свойствахъ мозга; и воспроизводимыя духовныя чувства суть обстоятельство производное, зависящее отъ оригинальныхъ законовъ мозга и нервной системы. Вотъ второй вопросъ физіологической теоріи Гертли,—вопросъ,

*) *Bain.* The Senses and the Intellect p. 344.

который собственно и имѣли въ виду всѣ критики этой теоріи, начиная съ Рида.

Чтобы понять истинныя побужденія, руководившія критиками Гертли, не надобно упускать изъ виду, что Гертли безусловно раздѣлялъ основное начало критики Локка, и утверждая господство физіологическихъ законовъ въ области духа, никогда не отрицалъ поставленной Локкомъ, глубокой разницы между явленіями духовными и явленіями вещественными; все отступленіе его отъ Локка заключалось въ томъ, что онъ признавалъ одну только внѣшнюю причинность духовныхъ явленій, иначе сказать, безусловную и исключительную зависимость каждаго духовнаго явленія отъ какого нибудь измѣненія въ тѣлѣ; слѣдовательно отрицалъ Локкову «рефлексію» «Относительно д-ра Гертли», говоритъ Блеки, «слѣдуетъ упомянуть, что послѣ изданія своего сочиненія, онъ былъ постоянно и чрезвычайно озабоченъ, чтобъ изъ его теоріи не вывели какихъ нибудь матеріалистическихъ заключеній касательно природы духа. Нематеріальность ея была въ его глазахъ священнымъ ученіемъ; и онъ надѣялся, что осторожная манера, съ какою онъ выставлялъ свои различныя положенія, оставитъ это ученіе неприкосновеннымъ. Матерія, училъ Гертли, не способна къ ощущенію; это было, какъ онъ доказывалъ, его фундаментальнымъ началомъ. Если есть какой нибудь другой агентъ, способный сообщать ощущеніе, то душа можетъ подвергаться его вліянію; но это ни сколько не трогаетъ его ученія о ея нематеріальности»*) Оцѣнивая, съ полнымъ безпристрастіемъ, физіологическую

*) *Blakey:* Hist. of the Philos. of Mind. Vol. III p. 296.

тенденцію Гертли, Броунъ точно также замѣчаетъ, что Гертли былъ, конечно, далекъ отъ матеріализма, хотя теорія его, отвлекая вниманіе его послѣдователей отъ изученія законовъ духовныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ этихъ самыхъ явленіяхъ, и сосредоточивая его исключительно на предполагаемыхъ сотрясеніяхъ мозговыхъ частичекъ, и могла приводить ихъ, въ концѣ, къ матеріализму *). Но эти позднѣйшія убѣжденія послѣдователей Гертли, какъ не имѣющія никакой логической связи съ его физіологическою теоріею, не входили, по этому самому, въ разсчетъ у его противниковъ. Вопросъ былъ только о томъ. объясняются ли законы воспроизведенія, или ассоціаціи, теоріею Гертли?

Подъ законами ассоціаціи разумѣются вообще извѣстныя однообразія въ оживленіи прошлыхъ впечатлѣній. Эти однообразія воспроизведенія подмѣчены были, какъ мы уже сказали, гораздо раньше Гертли, въ самомъ фактѣ преемства духовныхъ состояній. Простой фактъ послѣдовательности духовныхъ явленій былъ и будетъ, такимъ образомъ, вѣчною опорою всѣхъ научныхъ разъисканій относительно общихъ законовъ воспроизведенія,— какъ для психолога, такъ равно и для физіолога. Физіологъ никогда не можетъ оставить твердой почвы вывода, представляемой этимъ фактомъ; и Гертли вполнѣ признавалъ разумность этого логическаго требованія. Онъ только не хотѣлъ ограничиться простымъ изученіемъ этого факта, надѣясь, указываемыя въ немъ, однобразія преемства нашихъ идей свести къ болѣе глубокимъ физіологическимъ однообразіямъ, въ преемствѣ состояній мозга. Разсматри-

*) *Brown*: Philos. of the Hum. Mind. Lect. XLIII, p. 279.

вая его попытку, критики замѣтили, во-первыхъ, что его объясненіемъ не исчерпываются всѣ уже подмѣченныя однообразія преемства нашихъ идей. Гертли раздѣлялъ законы ассоціаціи на два рода. ассоціаціи *современнаго* (synchronous) и ассоціаціи *послѣдовательнаго* (successive); т. е. сводилъ законы воспроизведенія къ смежному существованію оригинальныхъ предметовъ въ пространствѣ и времени. Отъ вниманія критиковъ его теоріи не ускользнуло, что въ это раздѣленіе не вошли преемства идей, наиболѣе важныя въ умственной жизни, каковы воспроизведенія по сходству и контрасту. и Броунъ увѣренъ, что эти философскіе «романы», которые послѣдователи Гертли величаютъ «системами философіи ума», едва ли бы появились и на свѣтъ, если бы вниманіе этихъ писателей «останавливалось, не столько на грубыхъ внушеніяхъ смежности, сколько на утонченнѣйшихъ внушеніяхъ сходства, или контраста». *) Но и въ этомъ ограниченномъ объемѣ объясненія, теорія Гертли остается попыткою, которой нельзя приписать никакого научнаго достоинства. Все объясненіе Гертли сводится къ двумъ главнымъ предположеніямъ, --что воспроизведеніе идей основано на особенномъ, предшествующемъ самому воспроизведенію, процессѣ сочетанія нашихъ ощущеній (откуда собственно и вышелъ терминъ *ассоціація*):— и что этимъ процессомъ сочетанія связываются собственно не ощущенія или идеи, а тѣ состоянія мозга, которыя сопровождаются возвращеніемъ нашихъ ощущеній въ идеи, и которыя, по мнѣнію Гертли, состоятъ въ сотрясеніяхъ или дрожаніяхъ мельчайшихъ частичекъ моз-

*) *Brown*: Philos. of the Hum. Mind. Lect. XLIII, p. 278.

говаго вещества. Броунъ показалъ, что нѣтъ никакого разумнаго основанія, предполагать этотъ предварительный, таинственно связующій процессъ сочетанія;—никакой связи между явленіями, кромѣ связи простого преемства или безусловной и неизмѣнной послѣдовательности существовать не можетъ; связь предполагаемая теоріею Гертли, или не заключаетъ ровно никакого смысла, или же простой смыслъ причинности, уничтожающій всякое право на выводы, сдѣланные теоріею Гертли Поэтому Броунъ предпочиталъ термину ассоціаціи терминъ внушенія. «Я надѣюсь, что вы поймете теперь»—говорилъ Броунъ своимъ слушателямъ, въ концѣ своихъ анализовъ законовъ ассоціаціи—«тѣ основанія, которыя заставляютъ меня предпочесть термину *ассоціація* терминъ *внушеніе*, какъ болѣе точный общій терминъ для всѣхъ самобытныхъ преемствъ нашей мысли; потому что, поставляя самое внушеніе въ зависимость отъ предшествующей ему ассоціаціи или комбинаціи идей, мы не только должны были бы принять дѣйствительность процесса, о которомъ не имѣемъ ровно никакого сознанія, но, по невозможности такой предварительной комбинаціи, исключить многіе важнѣйшіе классы внушеній,—всякое внушеніе какое вытекаетъ изъ отношеній предметовъ наблюдаемыхъ въ первый разъ.

«Что внушенія наши не слѣдуютъ другъ за другомъ разрозненно и спутанно, это отнюдь не доказываетъ предварительной ассоціаціи духовныхъ явленій, а только общую конституціональную тенденцію духа—существовать преемственно въ состояніяхъ имѣющихъ извѣстныя взаимныя отношенія. Въ природѣ нашихъ оригинальныхъ ощущеній нѣтъ ничего что бы позволяло намъ предуга-

дать эту правильность и опредѣленность послѣдующихъ теченій нашей мысли. Мы изучаемъ ихъ единственно по опыту, и опытъ не показываетъ намъ, чтобы существовалъ такой промежуточный процессъ таинственнаго соединенія, какъ это предполагаютъ,—а показываетъ только что если духъ подлежитъ извѣстнаго рода впечатлѣнію, получая, такимъ образомъ, какое нибудь ощущеніе или понятіе, то онъ бываетъ послѣдовательно, и самъ собою, доступенъ и для впечатлѣній извѣстнаго другого рода, такъ что получаетъ другія относительныя понятія. Если ассоціація идей понимается такимъ образомъ, что не значитъ больше ничего кромѣ этого преемства идей, происходящаго безъ всякой внѣшней причины и не заключающаго никакого предварительнаго соединенія внушающихъ и внушаемыхъ идей, кратко, никакого вліянія предшествующаго тому, которое дѣйствуетъ въ моментъ самаго внушенія,—то этимъ терминомъ можно пользоваться безъ вреда. Но въ этомъ смыслѣ ассоціація есть, въ дѣйствительности, только другое слово для факта самаго внушенія» *).

Итакъ предварительная связь воспроизводимыхъ идей есть вообще ни на чемъ не основанное предположеніе; но такое предположеніе оказывается еще болѣе слабымъ, какъ скоро эта связь переносится изъ области духа въ область тѣла, и отыскивается въ предшествующемъ сочетаніи мозговыхъ состояній. Гертли предполагаетъ, что между современными сотрясеніями мозговыхъ частичекъ устанавливается извѣстная дружба или симпатія, въ силу которой, позднѣе, происхожденіе одного вле-

*) Ibid. Lect LX, p. 258.

четъ, само собою, происхожденіе и другого; но въ какихъ свойствахъ мозговыхъ сотрясеній залегаетъ эта дружба или симпатія, этого не можетъ открыть никакой анализъ какихъ бы то ни было физическихъ явленій. Согласимся, говоритъ Броунъ, что мозгъ «одаренъ тонкою упругостію, и слагается изъ нѣкоторыхъ струнъ, приноравленныхъ самымъ лучшимъ образомъ къ самымъ тонкимъ оттѣнкамъ сотрясеній; и пусть разницы въ простыхъ темпахъ вибрацій этихъ струнъ, достаточно объясняютъ все неизмѣримое разнообразіе ощущенія; тѣмъ не менѣе, вліяніе самой ассоціаціи, на которомъ столько опирался Гертли, останется совершенно необъясненнымъ. Можно, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что какія нибудь подобныя струны, отъ случайнаго современнаго импульса, сотрясаются вмѣстѣ; но даже и тогда, если бъ эта случайная встрѣча сотрясеній происходила тысячу разъ въ одну минуту, и тогда не получимъ никакого основанія, почему бы во второй струнѣ образовалась большая, противъ первоначальной, тенденція къ сотрясенію, безъ всякаго повторенія первоначальнаго импульса, въ силу одного сотрясенія первой.

«Все это, могутъ сказать, было бы вѣрно, если бы сотрясенія о которыхъ говорятъ метафизическіе физіологи, понимались въ своемъ обыкновенномъ физическомъ смыслѣ. Но если они употребляются не въ своемъ обыкновенномъ физическомъ смыслѣ, то что же такое желаютъ ими обозначить? и почему не указана съ точностью эта разница? Нѣтъ ничего проще значенія термина сотрясеніе—поперемѣнное приближеніе и удаленіе какого нибудь ряда частичекъ; и если не разумѣется этотъ особенный видъ движенія, то, конечно, весьма нелѣпо и

пользоваться этимъ терминомъ, когда можно усвоить или изобрѣсти другой, не рискуя впасть въ заблужденіе, — или по крайней мѣрѣ, пользоваться имъ, не установивши раздѣльно его значенія, какъ отличнаго отъ всѣхъ другихъ колебаній, о которыхъ мы привыкли говорить. Если онъ не разумѣется въ своемъ обыкновенномъ смыслѣ, и если нельзя указать ему никакого другого смысла, то гипотеза не выражающая ничего что бы можно было разумѣть, не имѣетъ даже и этой скудной славы — быть просто гипотезою. Тѣ же самыя явленія, съ неменьшею философскою аккуратностью, можно бы приписать и всякому другому фантастическому термину,—энтелехіи Аристотеля, или абракадабрѣ каббалистовъ». Броунъ заключаетъ свою критику теоріи Гертли замѣчаніемъ, что если тенденціи къ сотрясательному движенію понимать совершенно наперекоръ обыкновеннымъ физическимъ тенденціямъ, то явленія внушенія могли бы, конечно, имѣть какую нибудь аналогію съ явленіями сотрясенія: «но зная то», прибавляетъ онъ, «что знаемъ о музыкальныхъ струнахъ, мы не можемъ допустить, чтобъ ихъ явленія опирались, хотя бы и въ малѣйшей степени, на законахъ ассоціаціи, за исключеніемъ, правда, случая, когда они убѣждаютъ, что какъ бы скудно ни было наше положительное знаніе таинственнаго начала внушенія, по крайней мѣрѣ отрицательно мы можемъ имѣть совершеннѣйшее знаніе, что это не сотрясеніе и не размахъ»*).

Если сотрясенія мозговыхъ частичекъ замѣнить сотрясеніями или волненіями эфира, какъ это сдѣлано у Боне, то результатъ будетъ тотъ же самый; объясненіе

*) Ibid Lect XLIII, p. 280.

законовъ ассоціаціи не подвинется ни на шагъ. Тоже самое должно сказать и о животныхъ духахъ декартовой школы, или нервныхъ токахъ. Мы не упоминаемъ уже о попыткахъ френологіи, осужденныхъ безвозвратно успѣхами анатоміи. Такимъ образомъ всѣ физіологическія попытки къ объясненію законовъ ассоціаціи остались безуспѣшны и въ дѣйствительности, всѣ онѣ вышли изъ весьма легкой иллюзіи, внушаемой ассоціаціями смежности. Ассоціаціи этого рода легко приводятъ къ мысли о предсуществованіи какой-то таинственной связи между воспроизводимыми идеями, раньше самаго акта воспроизведенія, и такъ какъ не возможно указать никакой подобной связи въ фактѣ совмѣстныхъ и послѣдовательныхъ ощущеній, связанныхъ единственно съ предшествующими имъ состояніями тѣла, то легко прійти къ мысли, что эта связь лежитъ глубже нашихъ ощущеній, что она скрывается именно въ какихъ бы то ни было сочетаніяхъ мозга и нервной системы. «Главное обстоятельство», говоритъ Броунъ, «которое вѣроятно приводило къ убѣжденію въ какомъ то, предшествующемъ внушенію, дѣйствительномъ соединеніи или ассоціаціи идей, состояло, какъ я думаю, въ извѣстной важности порядка тѣхъ внушеній, отличительнымъ признакомъ которыхъ бываетъ смежность, и слѣдовательно, прежнее сосуществованіе или непосредственное преемство прямыхъ предметовъ мысли. Если бы не было такого порядка внушеній, и одно понятіе слѣдовало за другимъ только въ силу какихъ нибудь другихъ отношеній, какъ напр. сходства или контраста, то мы никогда не пришли бы къ мысли о какой нибудь ассоціаціи или другомъ предшествующемъ вліяніи, отличномъ отъ самаго внушенія. Но когда пред-

меты, замѣченные вмѣстѣ или въ непосредственномъ преемствѣ, воспроизводятся снова вмѣстѣ или въ непосредственномъ преемствѣ, какъ бы связанные какими то незримыми узами, то получается весьма естественная иллюзія, по которой и самое внушеніе, кажется, зависитъ отъ какой то подобной таинственной связи. Эта иллюзія весьма усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы именно къ этому отношенію прямой смежности предметовъ прибѣгаемъ во всѣхъ процессахъ мысли, какіе называются обыкновенно припоминаніями или произвольными воспоминаніями. Мы представляемъ себѣ все разнообразіе событій, случившихся въ то время, когда, какъ мы знаемъ, было встрѣчено нами тоже самое, теперь забытое событіе, и преслѣдуемъ весь этотъ рядъ, во всѣхъ подробностяхъ, какъ бы ожидая найти нѣкоторую цѣпь, способную передать въ наши руки ускользнувшее чувство, какое мы желаемъ отыскать. Вслѣдствіе такого процесса, желаемое внушеніе можетъ, наконецъ, получиться; и весьма естественно, что мы, поэтому, привыкаемъ смотрѣть на періодъ предшествующій внушенію—какъ на дѣйствительный источникъ самаго внушенія» *).

Такъ какъ поводъ къ физіологической теоріи законовъ ассоціаціи заключался, до сихъ поръ, единственно въ психической иллюзіи, опровергаемой точнымъ анализомъ умственныхъ явленій, то всякія возраженія противъ чисто психологической обработки этихъ законовъ, такъ счастливо начатой Юмомъ, исчезаютъ сами собою; и мы не имѣемъ права отвергать, какъ выражается Бэнъ, «способности возстановленія или оживленія, подъ фор-

*) *Brown.* Philos. of the Hum. Mind. Lect. XI, p. 259

мою идей, прошлыхъ или угасшихъ ощущеній и чувствъ всякаго рода, въ отсутствіе ихъ первоначальныхъ причинъ, и въ силу вліяній исключительно духовныхъ». *) Намъ остается теперь прослѣдить обработку законовъ ассоціаціи психологическую, т е. изслѣдованіе оригинальныхъ законовъ духа, управляющихъ духовными явленіями въ фактѣ ихъ существованія подъ формою идей,—что и составляетъ нашу высшую умственную жизнь.

«Со времени Бэкона», говоритъ, въ одномъ мѣстѣ, Д. Стюартъ, «почти всѣ знаменитѣйшіе теоретики старались создать себѣ славу, употребляя весь свой талантъ, чтобы какое нибудь широкое разнообразіе частныхъ явленій вывесть изъ какого нибудь общаго начала или закона, уже извѣстнаго философамъ» **). Въ этой, впрочемъ иронической, замѣткѣ высказана великая истина, характерная столько же для исторіи наукъ физическихъ, какъ и нравственныхъ. Въ исторіи философіи духа, со временъ Бэкона и Локка, основнымъ двигателемъ успѣховъ въ этой области знаній мы встрѣчаемъ именно стремленіе къ возможному упрощенію элементарныхъ явленій духа, сведенію всего разнообразія и богатства духовной жизни къ немногимъ общимъ началамъ, или законамъ, или способностямъ духа; и нигдѣ это стремленіе не сопровождалось такими блестящими успѣхами, какъ въ наукѣ объ умѣ.

Какъ мы упомянули выше, Локкъ ввелъ въ умственныя явленія—и ассоціацію идей; но придавалъ послѣдней значеніе весьма ограниченное. Подъ ассоціа-

*) *Bain:* The Senses and the Intellect. p. 327.

**) *D. Stewart:* Oeuvres. Tom. II. p. 21.

ціею, онъ разумѣлъ «связи идей образовавшіяся случайно, и такъ что идеи не имѣющія никакого естественнаго родства, соединяются, въ духѣ нѣкоторыхъ лицъ, столь тѣсно, что бываетъ весьма трудно отдѣлить ихъ. Какъ только представляется уму одна изъ нихъ, тотчасъ же является и другая, сочетавшаяся съ нею». Локкъ останавливался на этомъ фактѣ съ тою цѣлью, «чтобы лица, имѣющія дѣтей или занятыя ихъ воспитаніемъ, увидѣли, что внимательное наблюденіе и тщательное предупрежденіе такой неправильной связи идей въ юномъ духѣ есть вещь весьма достойная ихъ попеченій *). Понимая такимъ образомъ ассоціацію идей, Локкъ естественно долженъ былъ указать и другія основныя умственныя явленія; и онъ дѣйствительно указываетъ ихъ въ слѣдующихъ оригинальныхъ операціяхъ: различеніи, сравненіи или отожествленіи, осложненіи, и отвлеченіи. По мысли Локка, это — операціи дающія естественныя и правильныя связи или сочетанія идей.

Всматриваясь въ такое описаніе ассоціаціи идей, и высшихъ операцій ума, нельзя не замѣтить одного обстоятельства, видимо не благопріятствующаго этому дѣленію. Отличительною чертою ассоціаціи идей Локкъ ставитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что въ этомъ явленіи, одна идея, вызванная какимъ бы то ни было случаемъ, влечетъ за собою и другую, встрѣчавшуюся съ нею прежде: теперь спрашивается, подобная тенденція идей вызывать, при извѣстныхъ условіяхъ, другъ друга, ограничивается ли, какъ у Локка, одними только случайными и неправильными сочетаніями оныхъ, — или

*) *Locke:* Essay. B. II. Association of Ideas.

же господствуетъ и въ тѣхъ умственныхъ операціяхъ, какія у него возвышены надъ ассоціаціею? Если бы этотъ вопросъ слѣдовало рѣшить въ смыслѣ послѣднемъ, то, очевидно, мы уже не могли бы останавливаться на такихъ признакахъ сочетанія идей, какъ указываемыя Локкомъ,—случайность и неправильность, естественность и правильность, мы имѣли бы фактъ обнимающій всѣ возможныя сочетанія идей, и слѣдовательно, право искать общихъ условій или законовъ этого факта. Если бы, за тѣмъ, такую тенденцію впечатлѣній и идей, вызывать другія идеи, мы назвали ихъ ассоціаціею, то для насъ открылась бы, такимъ образомъ, потребность изслѣдованія законовъ ассоціаціи, какъ управляющихъ всѣмъ нашимъ идеальнымъ существованіемъ.

Такому предположенію широкаго обобщенія умственныхъ явленій, повидимому, не благопріятствуютъ сдѣдующія обстоятельства. Главное изъ нихъ состоитъ въ томъ при такомъ упрощеніи умственныхъ явленій, не потеряется ли указанная Локкомъ, разница между сочетаніями идей—случайными и неправильными, и естественными и правильными?—Далѣе; нѣтъ никакого сомнѣнія, что умственныя явленія находятся въ нѣкоторой зависимости отъ нашей воли. Но при господствующихъ всюду законахъ ассоціаціи возможно ли удержать этотъ безспорный признакъ нашей мысли?—Къ этому прибавляется выростающее изъ такого положенія ассоціаціи, важное недоразумѣніе относительно феноменовъ различенія, сравненія и проч. Ясно, что ассоціаціею идей, даже въ предполагаемомъ широкомъ смыслѣ. эти явленія отнюдь не исчерпываются; въ нихъ что-то остается, что̀ выходитъ изъ круга простого преемства идей. — Что же именно

остается? и въ какомъ отношеніи находится этотъ остатокъ къ простой ассоціаціи?

Такимъ образомъ, все положеніе дѣла, вызываемое ученіемъ Локка объ умственныхъ явленіяхъ, сводится къ слѣдующимъ вопросамъ. Ограниченная роль ассоціаціи у Локка оправдывается ли фактами умственной жизни? Обстоятельства, повидимому неблагопріятствующія обобщенію этой роли, составляютъ ли, однакожъ, дѣйствительное къ этому препятствіе?—Отвѣтъ на это мы имѣемъ въ теоріи ассоціаціи, представленной Юмомъ и разработанной послѣдующими писателями.

Въ своихъ анализахъ умственныхъ явленій, Юмъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Стремленіе дѣйствительныхъ духовныхъ впечатлѣній къ возстановленію или оживленію впечатлѣній прошлыхъ, въ формѣ идей, не ограничивается одними сочетаніями случайными и неправильными,—каковы ассоціаціи Локка,—а простирается и на всѣ основные факты умственной жизни, указанные въ локковой таблицѣ рефлексіи Ассоціаціи случайныя и неправильныя суть только ассоціаціи по закону *смежности* или *сопредѣльности*; а сочетанія идей естественныя и правильныя суть только ассоціаціи по закону *сходства* и *причинности*. Если кажется, что этими законами ассоціаціи еще не исчерпывается все содержаніе поименованныхъ Локкомъ, основныхъ феноменовъ умственной жизни, то этотъ остатокъ вполнѣ сводится къ чувствамъ взаимнаго отношенія нашихъ идей, — чувству ихъ разности, чувству равенства или сходства и проч. Что же касается обнаруженія, въ области идей, нашей произвольности, то этотъ фактъ—частнаго и косвеннаго вліянія на умственную жизнь—

нимало не измѣняетъ фундаментальнаго значенія законовъ ассоціаціи.

Такою постановкою дѣла, Юмъ обратилъ на законы ассоціаціи вниманіе всѣхъ психологовъ. Собственно ученіе его объ этомъ предметѣ представлено имъ сжато въ слѣдующихъ словахъ «Хотя самый фактъ», говоритъ онъ, «что различныя идеи сочетаваются вмѣстѣ, слишкомъ нагляденъ, чтобъ ускользнуть отъ замѣчанія, однакожъ я не нахожу, чтобы какой нибудь философъ сдѣлалъ попытку исчислить или привесть въ порядокъ всѣ начала этой ассоціаціи, между тѣмъ какъ самый предметъ, кажется, достоинъ любознательности. Мнѣ представляются только три начала сочетанія идей,—именно, сходство, смежность во времени или мѣстѣ, и причина или дѣйствіе.

«Что эти начала управляютъ сочетаніемъ идей, въ этомъ, я полагаю, много нельзя сомнѣваться. Какая нибудь картина естественно ведетъ наши мысли къ оригиналу. Замѣчаніе объ одномъ отдѣленіи какого нибудь зданія, естественно ведетъ къ распросу или разговору и относительно другихъ. И если мы представляемъ себѣ какую нибудь рану, то едва ли можемъ избѣжать мысли и о сопровождающей ее боли. Но чтобъ это исчисленіе было полно, и не было никакихъ другихъ началъ ассоціаціи, исключая поименованныхъ, на это трудно дать доказательства удовлетворительныя для читателя, и даже для самого себя» *).

Противъ ученія Юма сдѣлано было много возраженій, мы укажемъ только на нѣкоторыя, имѣвшія извѣстное значеніе въ исторіи нашего предмета.

*) *Hume:* Inquiry concerning the Human Understading. Sect. III.

Ридъ обратилъ вниманіе на отношеніе, въ ученіи Юма, умственныхъ чувствъ къ законамъ ассоціаціи. Онъ доказывалъ, что ученіе Юма заставляетъ предполагать, что всѣ наши судительные акты начинаются съ началомъ ассоціаціи идей; между тѣмъ какъ его (Рида) собственные анализы приводятъ къ убѣжденію, что такіе акты встрѣчаются еще раньше всякаго воспроизведенія; какъ напр. въ нашихъ внѣшнихъ ощущеніяхъ. И если Юмъ производилъ всѣ наши синтетическія сужденія изъ ассоціаціи идей, то Ридъ, напротивъ, полагалъ, что начало этихъ сужденій слѣдуетъ искать въ умственныхъ явленіяхъ предваряющихъ всякую ассоціацію.

Возраженіе Рида, въ этомъ общемъ видѣ, если и не отличается особенною мѣткостью, по крайней мѣрѣ выражаетъ точно положеніе дѣла Мы уже видѣли, что чувства разности и сходства наблюдаются еще въ актахъ нашихъ внѣшнихъ ощущеній; и можемъ прибавить къ этому, что они относятся столько же къ идеямъ, какъ и всѣмъ вообще оригинальнымъ впечатлѣніямъ духа Слѣдовательно, кругъ умственныхъ чувствъ идетъ дальше круга нашихъ идей; и выставить на видъ эту особенность нашихъ сужденій было дѣломъ, тѣмъ болѣе важнымъ, что ближайшіе изслѣдователи законовъ ассоціаціи, Гертли и Кондильякъ совсѣмъ упустили изъ вниманія наши умственныя чувства; и сужденія давались, у нихъ, безъ дальнѣйшаго, простымъ сложеніемъ и разложеніемъ идей, по законамъ ассоціаціи.

Д. Стюартъ возставалъ противъ названія феноменовъ различенія и сравненія чувствами; но не могъ избѣгнуть и самъ употребленія подобныхъ выраженій, въ описаніи нашего вкуса къ изящному, такта и совѣсти. Впрочемъ,

съ тѣхъ поръ какъ Броунъ подвергъ подробному анализу упомянутые факты, не нравившійся Д Стюарту терминъ получилъ полную осѣдлость въ психологической терминологіи Д. Стюартъ, первый въ школѣ Рида, сталъ употреблять терминъ ассоціаціи въ широкомъ смыслѣ, но заявляя при каждомъ случаѣ что, въ существѣ дѣла, онъ остается на точкѣ зрѣнія Локка.

Гораздо плодотворнѣе для обработки законовъ ассоціаціи были изслѣдованія Броуна.

Броунъ вполнѣ раздѣляетъ главные результаты анализовъ Юма; подобно ему, во всѣхъ операціяхъ нашего ума, онъ не встрѣтилъ ничего кромѣ ассоціаціи и умственныхъ чувствъ, и къ этимъ двумъ порядкамъ умственныхъ явленій онъ сводитъ всѣ наши умственныя способности. Всѣ умственныя явленія, говоритъ Броунъ, «я свелъ бы къ двумъ родовымъ способностямъ, которыя, какъ мнѣ кажется, вполнѣ обнимаютъ или исчерпываютъ явленія этого порядка. Весь порядокъ, какъ слагающійся изъ чувствъ, какія происходятъ непосредственно вслѣдствіе другихъ предшествующихъ чувствъ, технически можетъ быть названъ, въ отношеніи къ тѣмъ чувствамъ, какія вводятъ ихъ, *внушеніями;* но и между самыми внушаемыми чувствами есть одна рѣзкая разница. Если будемъ подвергать анализу теченія нашихъ мыслей, отдѣльно отъ волненій, которыя могутъ сосуществовать или смѣшиваться съ ними, и отъ ощущеній, какія случайно могутъ быть возбуждаемы внѣшними предметами, то найдемъ что они слагаются изъ двухъ, весьма не одинаковыхъ порядковъ чувствъ, изъ которыхъ одинъ составляется простыми понятіями или образами прошлаго, которые происходятъ одинъ за другимъ въ правильномъ, но

простомъ преемствѣ, не заключая необходимо какого нибудь чувства отношенія; между тѣмъ какъ чувства отношенія различныхъ предметовъ нашей мысли образуютъ другой порядокъ чувствъ, конечно столько же разнообразный, какъ и самыя чувствуемыя отношенія. Понятія и отношенія,—вотъ и все чѣмъ мы заняты въ нашемъ умѣ... Кратко сказать, есть въ духѣ способность ассоціаціи,—или, какъ я охотнѣе назвалъ бы, способность *простого внушенія*,—когда чувства существовавшія прежде, оживаютъ вслѣдствіе одного существованія другихъ чувствъ; и есть также способность чувствовать сходство, разность, пропорцію, или вообще отношенія, какъ скоро разсматриваемъ два или болѣе внѣшнихъ предмета, или же два или болѣе чувства самого духа,—способность, которую, въ отличіе отъ предыдущей, я назвалъ бы способностью *относительнаго внушенія*; изъ этихъ простыхъ и относительныхъ внушеній и слагаются всѣ умственныя теченія нашей мысли. Не любя новыхъ выраженій, когда можно пользоваться старымъ, не опасаясь недоразумѣнія,—я весьма охотно замѣнилъ бы выраженіе *относительное внушеніе* терминомъ *сравненіе*, болѣе обыкновеннымъ и выражающимъ почти тоже самое. Но сравненіе, кромѣ того что содержитъ чувство отношенія, заключаетъ еще, какъ мнѣ кажется, произвольное исканіе какого нибудь отношенія,—что далеко не необходимо для одного внутренняго внушенія или чувства самаго отношенія. Правда, меня поражаетъ сходство двухъ предметовъ, когда я тщательно сравниваю ихъ; но оно поражаетъ меня съ не меньшею силою и во многихъ другихъ случаяхъ, когда я не дѣлалъ предварительно ни малѣйшаго намѣреннаго сравненія...

«Терминъ *сужденіе*, въ своемъ строгомъ философскомъ смыслѣ, какъ простая перцепція отношенія, болѣе синонимиченъ съ выраженіемъ употребляемымъ мною, и могъ бы замѣнять его безъ вреда, если бы простонародное употребленіе этого термина, въ различныхъ широкихъ смыслахъ, не сообщило нѣкоторой неопредѣленности и его философскому употребленію.» *)

Въ этихъ опредѣленіяхъ и ограниченіяхъ обрисованъ довольно отчетливо основной взглядъ Броуна на наше дѣло. Мы позволимъ себѣ привести еще краткіе примѣры какими онъ поясняетъ ассоціацію, или внушеніе простое, и умственныя чувства «Наше ощущеніе или понятіе какого нибудь предмета, само по себѣ, и безъ всякой извѣстной причины, внѣшней для духа, возбуждаетъ понятіе какого нибудь другого предмета; напр. когда простой звукъ имени нашего друга внушаетъ намъ понятіе самого друга; въ такомъ случаѣ, слѣдующее за ощущеніемъ звука, понятіе нашего друга не заключаетъ въ себѣ ничего общаго съ возбуждающимъ его звукомъ, и есть то же самое состояніе духа, какое могло быть введено и различными другими предварительными обстоятельствами,—взглядомъ на кресло въ которомъ онъ сидѣлъ, книгою которую онъ читалъ намъ, ландшафтомъ который онъ рисовалъ. Это—внушеніе простое.» **)

Я вижу, напр., лошадь и овцу, въ одну и ту же минуту Разсматриваніе обоихъ сопровождается особеннымъ состояніемъ духа, составляющимъ чувство ихъ согласія въ однихъ отношеніяхъ, и несогласія въ какихъ нибудь другихъ. Имѣя въ мысли квадратъ гипотенузы прямоугольнаго

*) *Brown:* Philos. of the Human Mind. Lect. XXXIII, p. 214.

**) Ibid

тріугольника, и квадраты двухъ другихъ сторонъ, я чувствую отношеніе равенства. Я вижу драматическое представленіе; слушая холодныя, напыщенныя рѣчи, какія авторъ трагедіи, полновластно распоряжающійся воинами и любовниками своей собственной мечты, влагаетъ въ уста своего героя, въ самую патетическую для него минуту,— я мгновенно поражаюсь ихъ несоотвѣтствіемъ характеру и обстоятельствамъ. Всѣ умственныя преемства чувства, составляющія, въ этихъ случаяхъ, перцепцію отношенія, отличаются отъ результатовъ внушенія простого, такъ какъ необходимо заключаютъ въ себѣ взглядъ на два или болѣе, непосредственно предшествовавшихъ имъ, предмета или впечатлѣнія духа. Я могу думать о моемъ другѣ и при внушеніи простомъ; т. е. мой духъ можетъ существовать въ состояніи, составляющемъ понятіе моего друга,—безъ предварительнаго состоянія, составляющаго ощущеніе звука его имени; потому что понятіе его можетъ быть внушаемо различными предметами и воспоминаніями Но я не могу, въ случаяхъ внушенія относительнаго, мыслить о сходствѣ лошади и овцы, пропорціи квадратовъ сторонъ прямоугольнаго тріугольника, или недостаткѣ естественности въ выраженіяхъ драматическаго героя,—безъ тѣхъ предварительныхъ состояній духа, въ которыхъ состоятъ понятія лошади и овцы, сторонъ тріугольника, или рѣчи воина или любовника, и обстоятельствъ торжества, или надежды, или отчаянія, въ какихъ они представляются намъ фантазіею артиста». *) Таково внушеніе относительное.—Такъ какъ всѣ наши знанія основаны на внушеніяхъ послѣдняго порядка, то

*) Ibid. p 456

понятно, откуда выходитъ этотъ великій *законъ ограниченности* всѣхъ человѣческихъ знаній, составившій основное руководительное начало науки со времени Локка, и имѣвшій въ Броунѣ своего широкаго и нагляднаго истолкователя.

Точно также, Броунъ не оставилъ безъ разъясненія, и той черты произвольности, которая, повидимому, отличаетъ операціи ума, возвышенныя Локкомъ надъ простою ассоціаціею «Со способностями простого и относительнаго внушенія», говоритъ Броунъ, «въ которыхъ и заключается все, что только принадлежитъ къ классу умственныхъ состояній духа, — могутъ встрѣчаться различныя волненія, и въ особенности самое широкое изъ всѣхъ волненій, волненіе желанія, въ своихъ, тѣхъ или другихъ, разнообразныхъ формахъ Соотвѣтственно тому, встрѣчается или не встрѣчается съ ними это желаніе,—и самыя состоянія умственныя кажутся различными и, для тѣхъ кто не дѣлаетъ нужнаго анализа, становятся, поэтому, показателями различныхъ силъ. При простомъ внушеніи, образы вещей, лицъ, событій, проходятъ въ пестромъ и быстромъ преемствѣ; и различныя имена,—понятіе, ассоціація, память, какъ выражающія различныя силы, были усвоены одному лишь этому простому закону нашей умственной природы. Но когда мы желаемъ припомнить какой нибудь предметъ; т. е. получить то особенное впечатлѣніе, въ какомъ состоитъ понятіе какой нибудь частной вещи, или лица, или событія,—или когда желаемъ произвесть новую комбинацію образовъ, въ какой нибудь картинѣ фантазіи, то это сосуществованіе желанія съ теченіемъ простого внушенія, — которое, конечно, продолжаетъ слѣдовать

своимъ собственнымъ законамъ, совершенно также какъ и въ отсутствіе желанія, — кажется, дѣлаетъ и самое внушеніе различнымъ; и такое воспоминаніе, такое воображеніе или фантазія,—которыя, въ дѣйствительности, не больше какъ соединеніе внушаемыхъ понятій съ извѣстными частными продолжающимися желаніями,—суть для насъ какъ бы отдѣльныя дополнительныя силы духа; и въ такомъ именно качествѣ и стоятъ въ системахъ философовъ, не дѣлавшихъ этого весьма простого анализа, какой, мнѣ кажется, только и нуженъ для болѣе точной классификаціи.

«Такимъ же образомъ и внушенія другого порядка, составляющія наши понятія пропорціи, сходства, разности, и всѣхъ разнообразныхъ отношеній, могутъ происходить, какъ я уже замѣчалъ,—и безъ всякаго предварительнаго желанія преслѣдовать какія нибудь отношенія, и послѣ этого предварительнаго желанія. Когда чувства отношенія происходятъ, кажется, сами собою, то они не бываютъ, сами въ себѣ, отличны отъ чувствъ отношенія, какія происходятъ въ нашихъ сравненіяхъ или сужденіяхъ намѣренныхъ, въ самомъ длинномъ рядѣ умозаключеній. Въ дѣйствительности, они-то и бываютъ самыми важными элементами такихъ умозаключеній. Постоянное желаніе открыть что нибудь неизвѣстное, или установить, или опровергнуть, или объяснить какой нибудь пунктъ убѣжденія или догадки,—можетъ, конечно, сосуществовать съ продолжающимся рядомъ чувствуемыхъ отношеній; но оно не измѣняетъ природы закона, по которому эти сужденія, или относительныя внушенія, слѣдуютъ другъ за другомъ; здѣсь нельзя отыскать никакой новой силы, а только соединеніе извѣстныхъ умственныхъ состояній духа съ извѣст-

ными желаніями, — видъ комбинаціи, самъ по себѣ, не болѣе удивительный, какъ и всякое другое сложное состояніе духа». *)

Соотвѣтственно этому основному взгляду на умственныя явленія, Броунъ разсматриваетъ ихъ подробно въ двухъ различныхъ отдѣлахъ, начиная ассоціаціею, или внушеніемъ простымъ, и оканчивая умственными чувствами.

Разбирая законы ассоціаціи, поставленные Юмомъ, Броунъ приходитъ къ заключенію, что трехчастное дѣленіе Юма,—на сходство, смежность, и причинность,—не выдерживаетъ строгой критики, не вслѣдствіе особенной простоты, какъ этого ожидалъ Юмъ, а вслѣдствіе нѣкотораго избытка въ членахъ дѣленія, судя по началамъ его собственной теоріи. «Причинность», говоритъ Броунъ, «далеко не противоположная смежности, чтобы составлять отдѣльный классъ, есть, въ дѣйствительности, лишь самый утонченный, какой только можно указать, видъ смежности во времени и, для большей части случаевъ, также смежности и по мѣсту; потому что не есть смежность зависящая отъ случайныхъ обстоятельствъ и, слѣдовательно, доступная нарушенію, какъ скоро эти обстоятельства будутъ существовать уединенно,—но смежность, зависящая только отъ простого существованія двухъ предметовъ, какіе относятся другъ къ другу какъ причина и дѣйствіе, и потому твердая и ненарушимая». **)

Такимъ образомъ Броунъ пришелъ къ заключенію, что смежность въ пространствѣ и времени, и сходство,

*) Ibid.

**) Ibid. Lect. XXXV, p. 222.

суть два наиболѣе выдающихся закона ассоціаціи, къ какимъ сводится трехчастное дѣленіе Юма. Этого упрощеннаго дѣленія онъ держится, для ясности изложенія, и въ собственномъ описаніи законовъ ассоціаціи. Тѣмъ не менѣе, онъ высказываетъ и защищаетъ убѣжденіе, что эти два начала ассоціаціи можно бы свести только къ одному закону смежности. Подобную попытку мы уже встрѣтили у Гертли; и Броунъ лучше другихъ показалъ всю ея несостоятельность. Но по мнѣнію Броуна, то было только послѣдствіемъ физіологическаго взгляда Гертли на всѣ законы духовныхъ явленій, препятствовавшаго ему замѣтить существованіе нашихъ умственныхъ чувствъ, страстныхъ волненій, и желаній, — въ формѣ идей Въ этихъ элементахъ Броунъ думалъ найти связующіе члены, обращающіе ассоціаціи по сходству въ сложный видъ ассоціацій по смежности, но въ своихъ тонкихъ и любопытныхъ анализахъ этого предмета, онъ только разъяснилъ свойства сложныхъ ассоціацій, какъ напр. контраста, — но не достигъ предположенной имъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы не увеличивали число промежуточныхъ членовъ, вызываемыхъ по закону смежности, положеніе дѣла не измѣняется, и смежность не переходитъ въ сходство. - Впрочемъ и самъ Броунъ не отрицалъ что, въ рѣшеніи этого утонченнаго вопроса, легко поддаться иллюзіи *) — «Смежность и сходство», говоритъ Бэнъ, «выражаютъ два великія начала или силы умственнаго воспроизведенія; это совершенно отдѣльныя способности духа, измѣняющіяся, у различныхъ лицъ, по своей степени; потому что обыкновенно, то та, то

*) Ibid. Lect XX, p 255.

другая способность имѣетъ перевѣсъ. Первая управляетъ *пріобрѣтеніемъ*; вторая—*изобрѣтеніемъ*.» *)

Анализы Броуна составляли, въ цѣломъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ и прочныхъ успѣховъ. Воспроизведеніе, или ассоціація, или простое внушеніе, и умственныя чувства, чувство сходства и чувство разности, иначе внушеніе относительное, суть, дѣйствительно, основныя свойства нашего ума; иначе сказать, исчерпываютъ все богатство умственныхъ явленій. Возраженіе можетъ быть сдѣлано только противъ способа самаго изложенія этихъ свойствъ нашего ума. Броунъ раздѣляетъ его на два отдѣла, но не трудно примѣтить что, въ отдѣлѣ относительныхъ внушеній, слѣдующемъ за изложеніемъ законовъ ассоціаціи, Броунъ повторяется. Въ самомъ дѣлѣ, возможны ли сочетанія по смежности, не сопровождаемыя чувствами разности? или, возможны ли сочетанія по сходству, не сопровождаемыя чувствами сходства? Ясно, что изложеніе этихъ двухъ порядковъ умственныхъ явленій въ двухъ особыхъ главахъ, хотя и оправдывается анализомъ, тѣмъ не менѣе вредитъ цѣльному и живому взгляду на процессъ ассоціаціи, сопровождаемый умственными чувствами, — процессъ, который, въ обѣихъ своихъ составныхъ частяхъ, есть только цѣльный процессъ различенія и отожествленія. И такъ какъ чувства разности и сходства сопровождаютъ всюду и однообразно наши ассоціаціи или внушенія по смежности и сходству; то всего естественнѣе указать на это обстоятельство, въ замѣткѣ предваряющей изложеніе законовъ ассоціаціи. Такъ именно поступаетъ, напр.,

*) *Bain:* The Senses and the Intellect. p. 329.

Бэнъ, у котораго, вмѣстѣ съ этимъ, мы встрѣчаемъ и самое широкое и полное описаніе законовъ ассоціаціи, какое только было представлено, въ психологической литературѣ, со временъ Юма и Гертли.

Бэнъ представляетъ два основныхъ закона ассоціаціи,—законъ смежности и законъ сходства; и два закона дополнительныхъ,—законъ сложной, и законъ творческой или производительной ассоціаціи.

Законъ смежности. Бэнъ дѣлаетъ слѣдующую постановку этого вида духовнаго воспроизведенія

«*Дѣйствія, ощущенія, и состоянія чувствы, встрѣчающіяся вмѣстѣ или въ сплошномъ преемствѣ, стремятся (tend) и возникать вмѣстѣ, или связываются, такъ что когда въ послѣдствіи представляется духу одно изъ нихъ, то бываютъ готовы возстановиться въ идеи и другія*». *)

Это начало есть основаніе всей духовной связности, памяти, навыка, и вообще пріобрѣтенныхъ силъ. Есть много обстоятельствъ или условій, направляющихъ и видоизмѣняющихъ операцію этого начала, дѣлая связное возникновеніе болѣе или менѣе быстрымъ и твердымъ; Бэнъ указываетъ ихъ въ самомъ ходѣ изложенія. «По общему правилу», говоритъ онъ, «требуется повтореніе, для того чтобы какое нибудь теченіе или аггрегатъ образовъ, — какъ напр. преемственные виды публичнаго пути, — сдѣлать въ духѣ до такой степени связнымъ, чтобъ одинъ изъ нихъ внушалъ позднѣе и другіе. Точная степень нужнаго повторенія зависитъ отъ различныхъ

*) *Bain*: The Senses and the Intellect. 2-d edit. 1864. p. 332.

причинъ, и въ томъ числѣ, отъ качества индивидуальнаго духа». *)

Въ изложеніи этого закона, Бэнъ слѣдитъ самые первые начатки духовной связности, получаемые, въ силу этого умственнаго свойства, въ нашихъ движеніяхъ и ихъ чисто идеальномъ воспроизведеніи, въ ощущеніяхъ каждаго внѣшняго чувства порознь, и ихъ ассоціаціи другъ съ другомъ, съ движеніями и мускульными идеями,— которою и дается, въ концѣ, матеріальный міръ; въ ассоціаціяхъ духовныхъ волненій и воли. Такимъ образомъ онъ переходитъ постепенно — къ сложнымъ аггрегатамъ называемымъ предметами природы; къ широкимъ видамъ покойной жизни, и къ сложнымъ преемствамъ въ природѣ и человѣческихъ дѣйствіяхъ; къ пріобрѣтеніямъ механическимъ, вокальнымъ, къ пріобрѣтеніямъ въ наукѣ, практической жизни, въ изящномъ искуствѣ, исторіи и разсказахъ, и къ связности нашей прошлой жизни. Этотъ, широко задуманный планъ выполненъ съ самыми тонкими подробностями; и широкое господство закона смежности дѣлается прозрачнымъ, какъ кристаллъ. Мы представляемъ нѣсколько общихъ очерковъ этого анализа, блистательно заканчивающаго, для нашего времени, обработку законовъ ассоціаціи въ Англіи.

Въ изложеніи ассоціаціи движеній по закону смежности, Бэнъ начинаетъ съ того именно момента, на которомъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, останавливается естественное или инстинктивное развитіе нашихъ дѣйствій, полагающее начало нашей произвольности. Мы видѣли тамъ, что движенія возникаютъ первоначаль-

*) Ibid.

но вслѣдствіе самобытной нервной энергіи, открывающейся въ мускульныхъ сокращеніяхъ не отвѣчающихъ никакой цѣли; что вызываемыя такимъ упражненіемъ мускуловъ, ощущенія удовольствія и боли способны поддержать или прекратить эти движенія; и что въ силу этого вліянія ощущеній на ходъ движеній, послѣднія перестаютъ быть дѣятельными проявленіями одной лишь нервной энергіи, и возвышаются на степень дѣйствій вытекающихъ, въ концѣ, изъ причинъ чисто духовныхъ, — на степень чувственной или инстинктивной произвольности. Теперь, эти первоначальные опыты произвольныхъ движеній, въ различныхъ частяхъ мускульной системы, не проходятъ безвозвратно, и повтореніе ихъ не требуетъ прежняго расхода тѣлесныхъ и духовныхъ силъ. И такое новое обстоятельство вводится въ порядокъ нашихъ движеній умственнымъ закономъ смежности. Каждый членъ въ преемствѣ движеній, заключающихся въ этихъ опытахъ, вызываетъ, въ силу этого закона, свои послѣдующіе члены, и чѣмъ чаще повторяются эти опыты, тѣмъ скорѣе и тверже. Къ этимъ первоначальнымъ пріобрѣтеніямъ легко прибавляется всякое позднѣйшее пріобрѣтеніе разнообразныхъ механическихъ дѣйствій, и такимъ образомъ вырастаютъ разнообразные тѣлесные навыки. «Теченія дѣйствія», говоритъ Бэнъ, «пріобрѣтенныя такимъ образомъ, требуютъ самой малой мѣры духовнаго напряженія при ихъ исполненіи; гораздо больше, они могутъ слѣдовать и тогда, когда духъ бываетъ занятъ какими нибудь другими вещами»*).

Въ число условій управляющихъ ходомъ пріобрѣте-

*) Ibid. p. 338.

нія аггрегатовъ и теченій движенія,—условій изъ которыхъ многіе общи и всѣмъ другимъ родамъ пріобрѣтеній,—Бэнъ поставляетъ слѣдующія: предварительно пріобрѣтенное управленіе органами; естественную силу связности, специфическую для каждой конституціи и отличающую одну особу отъ другой; повтореніе или продолженіе, сосредоточеніе духа,—чѣмъ въ особенности отличается такъ-называемый темпераментъ нервный; тѣлесную силу и богатство самобытной дѣятельности нервной системы,—что̀ отличаетъ, въ особенности, такъ-называемый дѣятельный, или энергическій, темпераментъ.

Ассоціація дѣйствительныхъ движеній основана первоначально на томъ, что удовольствія и скорби, составляющія живое начало произвольныхъ дѣйствій, перестаютъ быть реальными впечатлѣніями, и отправляютъ свое значеніе движущаго начала—въ формѣ воспроизведеній или идей, присущихъ во всѣхъ пріобрѣтаемыхъ тѣлесныхъ навыкахъ, но съ теченіемъ времени, обыкновенно, все слабѣе различаемыхъ въ преемствахъ и аггрегатахъ движеній. Но этимъ не ограничивается область ассоціаціи движеній. Въ силу того же закона, и точно такимъ же образомъ мы можемъ воспроизводить ихъ и чисто духовнымъ образомъ,—оживлять ощущеніе движенія безъ самаго движенія, или въ формѣ идеи. Описывая выше общій характеръ нашихъ идей, мы уже видѣли, что такое идеальныя чувства движенія; они предполагаютъ всегда, идущее впереди, легкое воспроизведеніе тѣхъ же самыхъ мускульныхъ состояній, какія сопровождаются и дѣйствительными мускульными впечатлѣніями. Теперь, опытъ показываетъ, что мускульныя чувства движенія точно также сочетаваются между собою по закону смежности, какъ и

самыя движенія; т. е. одно изъ такихъ чувствъ можетъ вызывать и другія, извѣстнымъ образомъ встрѣчавшіяся съ нимъ; и это будетъ чисто духовнымъ или идеальнымъ повтореніемъ движенія,—напр танца, жестикуляціи, рѣчи и проч. По замѣчанію Бэна, если мы можемъ исполнять какое нибудь движеніе на дѣлѣ, то обыкновенно можемъ исполнять его и въ умѣ; хотя опытъ показываетъ, что совершенство перваго еще не предполагаетъ совершенства послѣдняго. Это можетъ быть даже и наоборотъ, смотря по преобладанію или дѣятельной, или умственной жизни. Такимъ образомъ связность движеній, и связность ихъ ощущеній, идутъ не совсѣмъ параллельно.

Съ воспроизведеніемъ мускульныхъ ощущеній по закону смежности, открывается перспектива оживленія прошлыхъ впечатлѣній въ формѣ чисто идеальной, постоянно впрочемъ усложняющагося разнообразными движеніями. Изложенное прежде указаніе на характеръ идей зрительныхъ, осязательныхъ, слуховыхъ и проч., по которому въ этихъ идеяхъ воспроизводится слабо тотъ же процессъ зрѣнія, осязанія и проч., — могутъ давать предчувствовать, какимъ образомъ Бэнъ, вслѣдъ за идеальными ощущеніями движеній, изслѣдуетъ ассоціацію ощущеній каждаго чувства порознь. Образчикомъ ассоціаціи одного внѣшняго чувства съ ощущеніями другихъ, равно какъ съ движеніями и мускульными чувствами, пусть останется для насъ изложенная въ предыдущей главѣ, ассоціація мускульныхъ ощущеній съ осязательными и зрительными, въ образованіи нашихъ перцепцій времени, пространства и матеріи. Мы остановимся только на одномъ важномъ вопросѣ, именно, о происхожденіи нашей увѣренности въ существованіи независимаго отъ насъ матеріальнаго міра.

Происхожденіе нашей увѣренности въ существованіи матеріальнаго міра. Объясняя происхожденіе нашихъ ощущеній, мы не можемъ не ссылаться на внѣшніе предметы; но подробные анализы самыхъ ощущеній показываютъ, что ссылаясь на эти предметы, мы ссылаемся только на комплексы нашихъ же ощущеній и идей. Для анализа простыхъ явленій, здѣсь нѣтъ никакого «порочнаго круга»; но какъ скоро указано было однажды, что, въ нашемъ понятіи о матеріи, мы не находимъ ровно ничего кромѣ ассоціаціи мускульныхъ чувствъ съ ощущеніями осязательными и зрительными, то естественно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ рождается въ нашемъ духѣ убѣжденіе въ существованіи матеріальнаго міра, какъ чего-то сторонняго для самого духа?—Замѣтимъ напередъ, что дѣло идетъ не о достоинствѣ вообще самаго убѣжденія, а единственно о психологическихъ поводахъ къ происхожденію его.—Броунъ впервые подвергнувшій коренному анализу наше понятіе о матеріи, точно также первый высказалъ мысль, что въ первоначальномъ образованіи этой увѣренности главную роль играютъ наши чувства мускульныя, и именно, ощущенія сопротивленія *). Къ тому же самому выводу приходитъ и Бэнъ.

Рѣшенію этого вопроса Бэнъ предпосылаетъ слѣдующія замѣчанія. «Никакое знаніе о мірѣ», говоритъ онъ, «невозможно безъ отношенія къ нашему духу. Знаніе означаетъ состояніе духа; понятіе о вещахъ матеріальныхъ есть вещь духовная. Мы не способны входить въ разборъ существованія независимаго матеріальнаго міра; самый этотъ

*) См. выше стр. 198—203; а также въ Philos. of the Hum. Mind Lect. XXIV, p. 150.

актъ былъ бы противорѣчіемъ Мы можемъ говорить только о мірѣ представляющемся нашему собственному духу. Вслѣдствіе иллюзіи рѣчи, мы воображаемъ, что способны созерцать міръ, невходящій въ наше собственноо духовное существованіе; но попытка къ этому сама себя изобличаетъ во лжи, потому что это созерцаніе есть только усиліе духа.

«Не взирая на то, мы привыкли раздѣлять актъ знанія, или познанія, на двѣ части,—нѣчто познающее, и нѣчто познаваемое. Въ ощущеніи мы имѣемъ—чувствующій духъ, и чувствуемую вещь, *sentiens* и *sensum*. Эта двоякая природа внѣшняго чувства и знанія должна имѣть какое нибудь объясненіе. Если нѣчто познающее, чувствующее, перцепирующее, называется духомъ, то что̀ такое будетъ то̀ другое нѣчто, познаваемое, чувствуемое, перцепируемое?» *).

Припомнимъ на минуту, что Ридъ и Д Стюартъ сильно настаивали на глубокой разницѣ между «аффекціями»—какъ они выражались—и «перцепціями;» т. е. между ощущеніемъ, безъ отношенія къ внѣшнему предмету,—напр. простымъ ощущеніемъ благовонія розы,—иначе субъективнымъ чувственнымъ сознаніемъ; и между отнесеніемъ этого ощущенія къ какому нибудь внѣшнему предмету, иначе объективнымъ чувственнымъ сознаніемъ. Броунъ замѣтилъ на это, что Ридъ, въ своихъ аффекціяхъ и перцепціяхъ, различаетъ только ощущеніе пяти внѣшнихъ чувствъ отъ чувствъ мускульныхъ, сочетавшихся съ этими ощущеніями по закону смежности, и что весь актъ отнесенія къ внѣшнему предмету есть ни больше

*) *Bain*· The Senses and the Intellect. p. 378.

ни меньше какъ внушенія идей протяженія и сопротивленія, обыкновенно вызываемыхъ такъ-называемыми у Рида аффекціями, т. е. ощущеніями пяти внѣшнихъ чувствъ, взятыми отдѣльно отъ чувствъ мускульныхъ *).

Точно такимъ же образомъ, основаніе нашего дѣленія чувственнаго сознанія на субъективное и объективное Бэнъ находитъ единственно въ контрастѣ нашихъ пассивныхъ ощущеній съ ощущеніями движенія и сопротивленія. «Если бы»—говоритъ онъ—«мы подлежали одному только ощущенію пассивному, каковы ощущенія теплоты, запаха, свѣта, отдѣльно отъ всякаго движенія какихъ бы то ни было дѣятельныхъ членовъ, то наше познаніе внѣшняго міра было бы чѣмъ нибудь весьма отличнымъ отъ того, что̀ мы испытываемъ нынѣ. Состояніе сознанія, на сколько можемъ вообразить это, походило бы, дѣйствительно, на сонъ...» **) Но въ ощущеніи мы не бываемъ никогда совершенно пассивны, и въ цѣломъ преобладаютъ скорѣе чувства движенія и сопротивленія. Въ доказательство этого, Бэнъ ссылается на первенствующую роль этихъ чувствъ во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ протяженія, объема, плотности и проч., какъ это мы видѣли въ предыдущей главѣ. Чувства движенія и сопротивленія и составляютъ, въ ощущеніи, наше сознаніе объективное, наше *non-ego*; между тѣмъ какъ наше пассивное ощущеніе, и наша жизнь въ идеяхъ, даютъ сознаніе субъективное, наше *ego*, или собственно духъ. «Совершенно вѣрно,» говоритъ Бэнъ, что сознаніе объективное, которое мы называемъ *внѣшностію*, есть только видъ насъ же самихъ, въ самомъ широкомъ смы-

*) *Brown:* Philos. of the Hum. Mind Lect. XXV, p. 157

**) *Bain:* The Senses and the Intellect p. 379.

слѣ этого слова, но не въ томъ обыкновенномъ, ограниченномъ смыслѣ «насъ самихъ» и «духа,» какъ мы говоримъ о субъектѣ, выключая при этомъ объектъ» *).

Вникая, далѣе, въ контрастъ между нашими идеями, которыя измѣняются, въ то время какъ мы остаемся неподвижны,—и ощущеніями, которыя измѣняются вслѣдствіе нашихъ произвольныхъ движеній,—мы поймемъ какимъ образомъ мы приходимъ къ жизненному разграниченію между этими двумя классами фактовъ; и зная то твердое сочетаніе ощущеній и движеній по закону смежности, найдемъ и то, какимъ образомъ мы начинаемъ умственно предварять различныя чувственныя явленія, слѣдующія за правильными рядами нашихъ бодрственныхъ, произвольныхъ дѣйствій. И это-то увѣренное ожиданіе извѣстныхъ чувственныхъ послѣдствій, открывающихся съ произвольными дѣйствіями, и составляетъ основаніе нашей увѣренности въ существованіи внѣшняго міра, какъ совершенно отличнаго отъ нашихъ идей, воспоминаній и мечтаній. «Убѣжденіе во внѣшней реальности,» говоритъ Бэнъ, «есть антиципація даннаго дѣйствія при какомъ нибудь данномъ предыдущемъ; какъ дѣйствія, такъ и причины, суть только наши собственныя различныя ощущенія и движенія.» **)

Въ числѣ обстоятельствъ усиливающихъ наше убѣжденіе въ существованіи независимаго внѣшняго міра, важное мѣсто занимаетъ контрастъ впечатлѣній нашего собственнаго тѣла съ перспективою открываемою произвольнымъ движеніемъ. Объемъ нашего собственнаго тѣла составляетъ для насъ ближайшій раздѣлъ между нами и

*) Ibid. p. 381.

**) Ibid. p. 383.

окружающимъ насъ міромъ. «Существуютъ ли»—говоритъ Бэнъ—«внѣшнія для нашего духа причины явленій, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что они внѣшни для нашихъ тѣлъ; потому что между міромъ, и тѣлеснымъ присутствіемъ каждаго, сравненіе возможно: но между міромъ и духомъ никакого сравненія не существуетъ, это вещи неоднородныя. Мы подверглись бы нелѣпости—обратить духъ въ субстанцію видимую другимъ духомъ, если бы стали говорить о нашей наблюдающей способности, какъ о вещи протяженной. Но міръ, лежащій кругомъ нашей собственной особы, мы можемъ понимать; это значитъ, что движеніе, пересѣкающее тѣло, должно быть многократно помножено, чтобы пересѣчь міръ, т. е. вывесть весь строй возможныхъ перемѣнъ ощущенія » *)

Другое обстоятельство, служащее тому же дѣлу, есть наша способность сообщенія съ другими существами. «Когда мы приходимъ къ сообщенію съ другими существами», говоритъ Бэнъ, «и знаками сообщенія убѣждаемся, что они проходятъ тотъ же самый опытъ, какъ и мы сами, то это возвышаетъ еще болѣе постоянство между нашими ощущеніями и соотвѣтственными дѣятельными энергіями. Мы увѣряемся, что въ тѣ минуты, когда какому нибудь частному ощущенію, напр. свѣта, не подлежимъ мы сами, ему подлежатъ другія лица. Это приводитъ насъ къ тому, что мы еще больше обобщаемъ ощущеніе, и образуемъ для себя *отвлеченіе* обнимающее весь нашъ опытъ, прошлый и настоящій, и весь опытъ другихъ; и это отвлеченіе есть самое бо́льшее, чего̀ духъ каждаго изъ насъ способенъ достигнуть

*) Ibid.

относительно внѣшняго или вещественнаго міра.» *) Возводить это отвлеченіе на степень независимаго отъ насъ существованія,—какъ это сдѣлалъ напр. Платонъ, въ своей теоріи «идей» или «формъ»,—съ точки зрѣнія правильной методы, было бы противно естественной исторіи нашего духа.

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшимъ элементарнымъ ассоціаціямъ по закону смежности.

Наши чувствованія, въ силу этого закона, вступаютъ въ связь съ элементами умственными. Удовольствія и скорби, получаемыя путемъ различныхъ внѣшнихъ чувствъ и мускульнаго упражненія, входятъ въ ассоціацію съ вещами побочными, причинами, или частыми сопровожденіями этихъ чувствъ. «Такимъ образомъ мы связываемъ удовольствія покоя съ удобнымъ кресломъ, софою, ложемъ; и удовольствіе ѣзды — съ конемъ и экипажемъ. Видъ пищи вызываетъ извѣстную долю удовольствія вкушенія. Представленные на картинѣ благовонные цвѣты имѣютъ силу оживлять тѣ удовольствія, какія получаются нами въ дѣйствительности при помощи обонянія»... **) Высшія духовныя волненія, съ помощью ассоціаціи, возвращаются въ идеи; и оживляемыя такимъ образомъ, близко подходятъ по своей силѣ къ дѣйствительному опыту. «Волненія нѣжности, самодовольства, раздражительности, страха и проч., вызываемыя неоднократно въ присутствіи какого нибудь предмета, входятъ съ этимъ предметомъ въ духовное товарищество, и оба члена такой четы способны, въ послѣдствіи, оживлять другъ друга; предметъ

*) Ibid. p. 394.

**) Ibid. p. 405.

вызываетъ волненіе, а волненіе возстановляетъ предметъ». *)

Описывая элементарныи ассоціаціи воли, или произвольнаго управленія членами, Бэнъ находитъ здѣсь слѣдующія вещи. «1) Силу продолженія, или прекращенія, настоящаго движенія, въ покорность настоящему чувству; — напр. когда дитя сосетъ, пока удовлетворяется аппетитъ, и перестаетъ, когда наступаетъ сытость... До сихъ поръ, говоритъ Бэнъ, воля есть инстинктъ. 2) Способность *начинанія* движенія, для возвышенія или ослабленія настоящаго чувства; какъ напр. когда дитя направляетъ свою голову и уста, чтобы взять грудь, и начинаетъ сосать.—Здѣсь возможны, говоритъ Бэнъ, нѣкоторыя элементы и движеній инстинктивныхъ, но въ цѣломъ они пріобрѣтаются при помощи ассоціаціи. 3) Исполненіе нѣкоторыхъ непосредственныхъ дѣйствій, въ цѣли собственнаго удовлетворенія; напр. когда вещи схватываются рукою для поднесенія къ роту... Эти непосредственныя дѣйствія суть очевидно слѣдствіе опыта, по крайней мѣрѣ у человѣка. 4) Способность *подражанія* или исполненія дѣйствій, при видѣ ихъ исполненія другими. Здѣсь у одной и той же особы устанавливается связь между явленіями зрительными, и движеніемъ соотвѣтственныхъ органовъ... 5) Способность движенія органовъ, просто по желанію видѣть ихъ въ движеніи; напр. когда я смотрю на свою руку, и хочу поднять ее. Здѣсь образуется сочетаніе между чувственною наружностью какого нибудь члена, или оставляемою ею идеею, и движеніемъ того же члена. 6) Мы можемъ дѣлать движенія, направляемыя простымъ названіемъ какой нибудь части

*) Ibid. p. 406.

тѣла; «голову вверхъ», «руки внизъ», и проч. Это ассоціація дальнѣйшая, образуемая между извѣстными именами, или звуками, и частнымъ классомъ движеній». *)

Отъ элементарныхъ сочетаній нашихъ движеній, ощущеній, волненій и дѣйствій, Бэнъ переходитъ къ твердымъ сочетаніямъ представляемымъ аггрегатами естественныхъ качествъ, или предметами природы; къ широкимъ естественнымъ и привычнымъ сочетаніямъ покойной жизни, и къ преемствамъ и перемѣнамъ въ природѣ и человѣческихъ дѣйствіяхъ.

«Одна изъ основныхъ формъ человѣческаго ума», говоритъ Бэнъ, «состоитъ въ томъ, что мы постоянно удерживаемъ внѣшній міръ, въ томъ видѣ какъ онъ поражаетъ наши внѣшнія чувства».**) Это—стойкія ассоціаціи естественныхъ качествъ, получаемыхъ при посредствѣ многихъ внѣшнихъ чувствъ. Такъ именно напечатлѣваются въ нашемъ умѣ различные минералы и растенія, которыя, въ умѣ натуралиста, переходятъ въ широкія ассоціаціи минеральнаго и растительнаго царства. Такъ напр., «озерный кремень рисуется въ глазѣ, какъ форма и цвѣтъ. Мы беремъ его въ руку, и получаемъ впечатлѣніе формы другимъ органомъ, и вмѣстѣ съ этимъ осязательное ощущеніе поверхности. Ударяемъ два кремня одинъ о другой, и получаемъ характеристическій звукъ.—Для сохраненія впечатлѣнія какого нибудь предмета этого рода необходима, продолжаетъ Бэнъ, ассоціація всѣхъ этихъ различныхъ ощущеній. Такая ассоціація, получившая зрѣлость и твердость, и есть наша идея,

*) Ibid. p. 414.

**) Ibid. p. 421,

нашъ умственный охватъ этого кремня». *) Такимъ же точно образомъ запечатлѣваются въ нашемъ умѣ и растенія. Высшую форму аггрегатовъ такого рода представляютъ вещи, со свойствами, не всегда наблюдаемыми глазомъ. Напр., «чаша, въ полномъ содержаніи, должна быть понимаема, какъ нѣчто заключающая, какъ служащая этой цѣли или употребленію. Съ постоянными чувственными качествами намъ нужно сочетать это другое качество,—пользы для извѣстной *цѣли*,—качество имѣющее спеціальный интересъ, способствующій къ удержанію въ умѣ и всего остального». **)

«Вещи находящіяся вокругъ насъ, и удерживающія твердыя мѣста и отношенія, связываются въ идеи, какъ онѣ бываютъ въ дѣйствительности; и духъ получаетъ, такимъ образомъ, фантасмагорическое изображеніе нашей привычной окружности. Домъ, въ которомъ мы живемъ,—съ его мебелью и удобствами, улица, городъ, или сельская сцена, ежедневно встрѣчаемая нами, — вслѣдствіе безпрерывнаго повторенія, связываются въ твердыя воспоминанія, и одна какая нибудь часть легко вызываетъ передъ нами и все остальное. Эти привычныя мѣста нашего пребыванія представляютъ примѣръ самой высокой степени изобразительной связности, какой только мы можемъ достигать вслѣдствіе безчисленныхъ повтореній впечатлѣнія, при сильномъ естественномъ интересѣ. Такимъ же образомъ мы сочетаваемъ лица съ ихъ жилищами, одеждами, занятіями и всѣми другими постоянными принадлежностями.» ***)

---

*) Ibidem

**) Ibid. 423.

***) Ibid. p 424

Первымъ условіемъ этого рода ассоціацій Бэнъ поставляетъ связность ощущеній цвѣта. «Для легкаго удержанія въ духѣ»—говоритъ онъ—«разнообразной картины окружающаго міра во всемъ ея богатствѣ, требуется, прежде всего, высокая связность цвѣта. Это сообщаетъ духу характеръ изобразительный, влеченіе къ конкретному въ природѣ, со всѣмъ окружающимъ его интересомъ.. Это одно изъ качествъ натуралиста; это также общее основаніе характера въ живописцѣ и поэтѣ!» *)

Между ассоціаціями искуственными мы отмѣтимъ, важныя въ наукѣ, искуственныя сочетанія, въ которыхъ наглядныя обнаруженія вещей вступаютъ въ связь съ обнаруженіями, добываемыми путемъ пробы и опыта. «Свойства какого нибудь минерала—полное понятіе какое можемъ пріобрѣсти о немъ—суть комбинаціи простого зрѣнія и осязанія его съ тѣми искуственными видами какіе даются царапаніемъ, изломомъ, паяльною трубкою, приложеніемъ какой нибудь кислоты, измѣреніемъ угловъ. Такимъ путемъ получается въ духѣ сложное впечатлѣніе и, при повтореніи, укрѣпляется въ немъ; позднѣе, одно изъ такихъ характеристическихъ свойствъ будетъ оживлять цѣлое понятіе этого минерала. Такимъ образомъ, въ химіи, каждая субстанція понимается, не просто какъ видится и осязается, а какъ наблюдается при дѣйствіи на нее другихъ субстанцій, перемѣнъ температуры и т. д.» **).

Въ числѣ широкихъ ассоціацій преемствъ, Бэнъ разсматриваетъ преемства круговыя или циклическія, идущія

*) Ibid p. 425.

**) Ibid. p. 427.

безъ нарушенія или перерыва,—какъ день и ночь, фазы мѣсяца, теченіе временъ года;—преемства *развитія*, составляющія наше знаніе исторіи живыхъ существъ,—и наконецъ, преемства *причины* и *дѣйствія*, (понимаемыя не въ смыслѣ научномъ),—простѣйшая ассоціація которыхъ дается въ случаяхъ, когда причинами бываютъ наши собственныя дѣйствія.

Въ указанныхъ ассоціаціяхъ по закону смежности, исчерпываются всѣ основные виды духовной связности, или способностей пріобрѣтаемыхъ въ силу этого великаго умственнаго начала.—Вслѣдъ за этимъ, Бэнъ переходитъ къ подробностямъ важнѣйшихъ отдѣловъ нашихъ умственныхъ пріобрѣтеній, каковы, именно, пріобрѣтенія механическія, вокальныя, научныя, практическія, историческія, равно какъ и связность нашего собственнаго существованія, или нашей прошлой жизни.

Законъ сходства. Онъ выражается такъ:

«*Дѣйствія, ощущенія, мысли, или волненія настоящія стремятся оживлять сходныя съ ними впечатлѣнія или состоянія прошлыя.*» *)

Смежность связываетъ вещи встрѣчающіяся вмѣстѣ, или представляющіяся *въ одно и тоже время*. Въ силу второго закона ассоціаціи, одна вещь вызываетъ другую, отдѣленную отъ нея по времени; напр. когда портретъ вызываетъ въ мысли оригиналъ.

Законъ сходства, и чувство согласія, есть только пополненіе закона смежности, и сознанія разности. Зная какую нибудь вещь, мы знаемъ ее по ея разностямъ и согласіямъ съ другими: оба элемента заключаются въ

*) *Bain*: The Senses and the Intellect. p. 463.

ствіе ассоціаціи сходства въ цѣпи преемства. Но какъ скоро тожество бываетъ несовершеннымъ или частнымъ, мы скорѣе сознаемъ существованіе этого возстановленія по началу сходства; потому что находимъ, что такое возстановленіе не всегда имѣетъ мѣсто, что оно весьма часто затрудняется сопровождающими обстоятельствами, и изслѣдованіе этихъ-то обстоятельствъ, этихъ препятствій оживленію прошлаго по закону сходства, и составляетъ у Бэна настоящее содержаніе изложенія закона сходства.

Для ясности изложенія, Бэнъ раздѣляетъ эти препятствія на два класса,—препятствія вытекающія изъ *слабости* настоящаго впечатлѣнія; и препятствія вытекающія изъ *отличій* или *разницъ*, окружающихъ настоящее впечатлѣніе. Общимъ условіемъ легкаго внушенія по закону сходства, Бэнъ полагаетъ твердое закрѣпленіе разнообразныхъ духовныхъ связей образуемыхъ по началу смежности. другія благопріятныя обстоятельства указываются въ самомъ ходѣ изложенія.

Обстоятельство слабости впечатлѣнія, затрудняющее процессъ отожествленія, Бэнъ преслѣдуетъ во всѣхъ классахъ нашихъ внѣшнихъ ощущеній,—органическихъ, обонятельныхъ, зрительныхъ и проч. Мы беремъ примѣръ ощущеній органическихъ. «Въ различныхъ ощущеніяхъ органической жизни,» говоритъ Бэнъ, «встрѣчаются примѣры труднаго возстановленія, вслѣдствіе слабости внушающаго ощущенія. Я могу испытывать извѣстное болѣзненное ощущеніе, котораго не могу описать или узнать, потому что оно выступаетъ слишкомъ слабо, чтобы воспроизвесть старое, привычное впечатлѣніе той же самой вещи. То можетъ быть разстройство желудка, или печени, или мозга, которое я испытывалъ прежде и о которомъ

имѣю твердое понятіе; но выступая слишкомъ незначительно, чтобы навести меня на старую колею, оно не напоминаетъ мнѣ ровно ничего; и я не могу сказать что это такое. Мало по малу оно усиливается въ чемъ нибудь и становится достаточно, чтобы возстановить нѣкоторое сходство свое съ прошлымъ; и такимъ образомъ я узнаю его. Если, съ одной стороны, чувство ограничивается какою нибудь органическою тканью, легко поражаемою и впечатлѣніемъ слабымъ; или если, съ другой стороны, общая способность сходства обладаетъ сравнительно большою силою. то и узнаваніе органическихъ страданій и удовольствій происходитъ быстро и легко; самое слабое обнаруженіе даетъ мнѣ тотчасъ знать, что такое дѣлается со мною. Эта тонкая органическая чувствительность можетъ быть отмѣчена какъ отличіе нѣкоторыхъ конституцій, дѣлающее особу чрезвычайно самосознательною, въ смыслѣ чувствительности ко всякой текущей перемѣнѣ органическаго состоянія;—рождающее ипохондрію и чередованіе страховъ и надеждъ относительно тѣлеснаго благосостоянія.» *)

Другой классъ препятствій отожествленію суть разницы или отмѣны,—когда сходство бываетъ прикрыто примѣсью элементовъ постороннихъ, или является среди несходства. Это самый широкій и интересный отдѣлъ объясненія закона сходства. Бэнъ держится здѣсь, въ общихъ чертахъ, того же самаго плана, какой мы встрѣтили въ изложеніи закона смежности; потому что процессъ отожествленія охватываетъ рѣшительно всѣ элементарныя состоянія духа, и ихъ связи образуемыя смежностію. Та-

*) Ibid p. 479

полномъ актѣ знанія, и кромѣ нихъ ничего болѣе не требуется. Наше знаніе о человѣкѣ есть сумма пунктовъ контраста и тожества между человѣкомъ и всѣми другими вещами. Чувствовать сходства значитъ узнавать или отожествлять —Законъ сходства, въ своихъ обнаруженіяхъ, входитъ глубоко въ операцію закона смежности, и постоянно подразумѣвался въ изложеніи послѣдняго. Основное условіе сочетаній по смежности есть, какъ мы видѣли, повтореніе; повтореніе постепенно закрѣпляетъ духовную связность, залегающую вслѣдствіе случайной встрѣчи впечатлѣній, и этотъ чисто физическій результатъ возвышаетъ, совмѣстно съ закономъ сходства, на степень оригинальнаго духовнаго пріобрѣтенія. Потому что повтореніе или вызовъ однихъ и тѣхъ же членовъ смежности есть прямая функція сходства, возстановляющаго первый изъ смежныхъ членовъ. Это обстоятельство опускалось, при изложеніи закона смежности, единственно ради ясности самаго изложенія, и можетъ быть вознаграждено однимъ простымъ замѣчаніемъ, что случай сходства, молчаливо принятый въ изложеніи закона смежности, есть самая простѣйшаи, и нетребующая никакого дальнѣйшаго объясненія, функція закона сходства, а именно, случай абсолютнаго тожества настоящаго и прошлаго. Изложеніе закона сходства имѣетъ въ виду возстановленіе прошлаго, служащее болѣе высокимъ цѣлямъ, чѣмъ простое закрѣпленіе смежной связи въ силу безусловнаго тожества. Въ случаѣ совершеннаго тожества между настоящимъ и прошлымъ впечатлѣніемъ, прошлое востановляется и сливается съ настоящимъ мгновенно и твердо; процессъ отожествленія происходитъ такъ быстро и безошибочно, что мы едва замѣчаемъ присут-

кимъ образомъ и здѣсь Бэнъ отправляется отъ нашихъ движеній и ощущеній, и переходитъ къ смежнымъ аггрегатамъ и феноменамъ преемства, заключая подробнымъ разборомъ сходныхъ ассоціацій въ наукѣ, практической жизни, изящной литературѣ и проч. Движенія и ощущенія представляютъ широкое поле для объясненія закона сходства. Мы остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ работы этого закона, избираемыхъ нами изъ круга членораздѣльнаго движенія, или рѣчи, и ощущеній вкуса и зрѣнія

«Въ многочисленныхъ и разнообразныхъ теченіяхъ члено-раздѣльнаго движенія, входящихъ въ наше воспитаніе по отношенію къ рѣчи, есть», говоритъ Бэнъ, «много примѣровъ возстановленія сходства среди несходства. . Мы легко вспоминаемъ давнія поговорки, собственной и чужой націи, и мѣста изъ прочитанныхъ сочиненій, лишь только заслышимъ переднія слова или тожественныя фразы,—хотя бы даже наши мысли текли въ совершенно иномъ руслѣ. Одно слово «phrenzy», патетически произнесенное, вызоветъ въ духѣ привычное мѣсто: «The poet's eye in fine phrenzy rolling;» въ такомъ случаѣ достаточно главнаго эпитета, чтобы возстановить цѣлое теченіе ассоціаціи. По внушенію обыкновенныхъ словъ, мы можемъ, такимъ образомъ, при самыхъ отдаленныхъ поводахъ, перескакивать отъ одного мѣста къ другому, въ безконечномъ преемствѣ воспоминаній. Характеръ духа будетъ опредѣлять господствующій характеръ оживляемыхъ реченій, у одного онъ будетъ поэтическій и цвѣтистый; у другого найдетъ предпочтеніе проза; у третьяго, эпиграмма и остроты; у четвертаго, сентенціи и благоразумныя изреченія. Изреченія и мѣста, запечатлѣвшіяся въ насъ въ

теченіи воспитанія, будутъ оживать при помощи обыкновенныхъ фразъ; и общая сила сходства въ духѣ, видоизмѣняемая, въ частности, качествомъ члено-раздѣльной чувствительности, будетъ опредѣлять обиліе этого класса оживленій,—другими словами, количество рѣчи текущей въ разговорѣ частнаго лица. Сила смежности связываетъ въ духѣ произносимыя вмѣстѣ слова; сила сходства выводитъ воспоминанія изъ различныхъ временъ, обстоятельствъ связей, и изъ нѣсколькихъ прежнихъ теченій образуетъ какое нибудь новое.» *)

Въ ощущеніяхъ вкуса мы имѣемъ образчикъ отожествленія ощущеній, дѣйствительно, различныхъ, но имѣющихъ что нибудь общее. «Возьмемъ въ примѣръ», говоритъ Бэнъ, «вкусы различныхъ винъ: всѣ эти вкусы различны, и если бы сходство работало только въ безусловномъ тожествѣ, то портвейнъ напоминалъ бы намъ только портвейнъ, бордо—только бордо, мадера мадеру, и т. д. Но мы находимъ во всѣхъ винахъ столько общаго вліянія, что одно изъ нихъ можетъ напоминать намъ и многія другія; отожествляя ихъ такимъ образомъ, мы отмѣчаемъ, въ то же время, и пункты разности. Это-то общее вліяніе, съ его внушающею силою, и руководило человѣчествомъ въ составленіи того, что называется классомъ, или родомъ, «виномъ,» обнимающимъ многоразличныя частности. Отожествленіе сходства среди несходства,—другими словами, общаго свойства, и есть сущность этой классификующей операціи... Этотъ классъ, «вино», отожествляемый въ силу общаго органическаго ощущенія и вкуса, вводится, далѣе, въ классъ болѣе широкій, когда становятся извѣстны спиртные напитки;»

*) Ibid. 470.

и такимъ образомъ подвигается впередъ классификація крѣпкихъ напитковъ вообще. «Отожествленіе такого рода происходило единственно вслѣдствіе ихъ общаго вліянія на человѣческую систему, а не вслѣдствіе различенія встрѣчающагося здѣсь общаго элемента, алкоголя... То было обобщеніе сходнаго внутренняго чувства, а не сходнаго внѣшняго предмета.» *)

Въ ощущеніяхъ зрѣнія мы имѣемъ безчисленные случаи отожествленія при отмѣнахъ. Мы отожествляемъ цвѣта, тѣни одного и того же цвѣта, сочетанія цвѣта съ разнообразными формами и объемами; отожествляемъ и обобщаемъ формы, среди всѣхъ возможныхъ разностей цвѣта и измѣреній,—математическія формы, алфавитные и другіе искуственные знаки и символы, художественныя формы, живописныя сцены природы и зрѣлищъ;—отожествляемъ зрительныя движенія,—математическія или правильныя, символическія или знаменательныя, и эстетическія; и проч. Всѣ эти случаи оживленія прошлыхъ впечатлѣній, и основанныхъ на немъ классификацій, понятны изъ предыдущаго.

Обратимся теперь къ смежнымъ аггрегатамъ, или предметамъ природы, и къ явленіямъ преемства.

Смежные аггрегаты, или предметы природы, образуются, какъ мы видѣли, въ силу ассоціаціи совмѣстныхъ ощущеній различныхъ внѣшнихъ чувствъ. «Какъ бы ни было велико разнообразіе или сплетеніе во впечатлѣніяхъ внѣшнихъ вещей, всегда остается мѣсто для открытія сходствъ среди отмѣнъ Иной предметъ дѣйствуетъ на четыре различныхъ чувства; ощущеніе одного бываетъ тожественно съ ощущеніемъ испытаннымъ прежде, но

*) Ibid p 479, 480

побочныя впечатлѣнія на три другихъ чувства бываютъ совершенно различны отъ побочныхъ впечатлѣній при другомъ случаѣ.» *) На этихъ частныхъ отожествленіяхъ предметовъ природы основана популярная классификація различныхъ группъ естественныхъ предметовъ,—горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ, обработанныхъ полей, озеръ, морей, городовъ, четвероногихъ, птицъ, рыбъ и проч. Успѣхи естественной исторіи состояли, отчасти въ расширеніи круга открываемыхъ предметовъ, отчасти въ переходѣ отъ тожествъ поверхностныхъ къ тожествамъ *глубокимъ*.—Процессъ отожествленія простирается и на предметы разсматриваемые какъ сложности ощущеній и ассоціаціи. Сюда принадлежатъ прежде всего всякіе предметы практической пользы. «Мы можемъ имѣть сходство формы, при различіи употребленія, и сходство употребленія, при различіи формы. Какой нибудь канатъ напоминаетъ другіе канаты и веревки, если мы смотримъ на наружность; но при взглядѣ на *употребленіе*, онъ можетъ напоминать желѣзную цѣпь, деревянную подпору, желѣзную перекладину, кожаную перевязку, или шоры. Вопреки различію въ наружности, мы приходимъ къ воспроизведенію того, что̀ отвѣчаетъ общей цѣли.» **)

Важнѣйшій классъ соединеній ощущеній и ассоціацій представляютъ минеральное, растительное и животное царства, разсматриваемыя глазомъ натуралиста. Каждый минералъ, растеніе, или животное, есть смѣсь чувственнаго настоящаго съ сочетавшимся отсутствующимъ,—качествами, замѣчаемыми только во время экспериментаціи; и всѣ научные классы образованы среди этого

*) Ibid. p. 499.

**) Ibid. p. 503.

развлекающаго вліянія столь разнообразныхъ чувственныхъ и экспериментальныхъ качествъ. Примѣръ такого рода отожествленій мы находимъ, въ зоологіи, въ такъ-называемыхъ гомологіяхъ. Первымъ внушеніемъ одной изъ такихъ гомологій мы обязаны Окену, въ его знаменитомъ отожествленіи головного черепа съ позвонками.— Бэнъ назидательно замѣчаетъ, что Окенъ обладалъ высокою естественною силою сходства; но эта сила, необуздываемая чуткостью къ разностямъ, привела его къ увѣренности въ простотѣ природы, не оправданной позднѣйшими наблюденіями, и ко множеству поверхностныхъ гомологій. «Убѣжденіе его въ этомъ пунктѣ,» говоритъ Бэнъ, «далеко не отвѣчало дѣйствительности, какъ это можемъ видѣть изъ его сочиненій; потому что изъ нѣсколькихъ сотенъ аналогій, изложенныхъ имъ въ его «Философіи природы», здравыхъ вѣроятно нѣтъ и двадцати. Умственная сила сходства была въ немъ безъ узды или контроля. Онъ никогда не дѣлалъ ни одного шага, чтобы доказать дѣйствительность предполагаемаго тожества; онъ предоставлялъ это другимъ. Случилось такъ, что въ отношеніи къ скелету онъ былъ правъ; но сходство костей головы и спиннаго хребта установилось только въ наши дни, т. е. спустя полстолѣтія послѣ открытія. Отожествляющій порывъ сходства, впервые соединяющій вещи, какія до тѣхъ поръ замѣчались только въ сочетаніяхъ совершенно различныхъ,— есть первый шагъ въ открытіи, и не болѣе какъ первый шагъ. За нимъ долженъ слѣдовать трудъ сравненія всѣхъ различныхъ вещей, которыхъ сходство завито въ этомъ отожествленіи; и только послѣ того какъ это изслѣдованіе сдѣлано вполнѣ обстоятельно и результатъ выходитъ удовлетворительный,

только тогда это открытіе дѣлается дѣйствительностью. Отсюда-то замѣчаніе, что «открываетъ тотъ, кто доказываетъ» Честь принадлежитъ, конечно, и первому внушенію какого нибудь открытія, если это внушеніе вызвало кого нибудь на трудъ его оправданія; но свѣтъ всегда долженъ смотрѣть на ту послѣднюю операцію, какъ на вѣнчающій подвигъ». *)

Законъ сходства работаетъ во всѣхъ различныхъ родахъ преемства, исчисленныхъ выше: циклическихъ или періодическихъ; преемствахъ развитія, причинъ и дѣйствій, и исторіи въ широкомъ смыслѣ. Отожествленія преемствъ распадаются на два класса,—*реальныя* и *поясннтельныя*. Первыя заключаютъ тожество въ дѣйствительномъ или внутреннемъ качествѣ послѣдовательности; вторыя, въ какомъ нибудь способѣ или видѣ его. Къ первому классу принадлежатъ научныя и практическія тожества; ко второму — тѣ которыя служатъ пособіемъ умственному пониманію, или художественному украшенію. Мы избираемъ, въ примѣръ, отожествленія человѣческихъ учрежденій, и преемствъ причинъ и дѣйствій, разсматриваемыхъ съ научной точки зрѣнія.

«Широкая сложность и, повидимому, безконечное разнообразіе человѣческихъ учрежденій», говоритъ Бэнъ— «упрощено такимъ путемъ до замѣчательной степени. Изъ хаоса тотчасъ возникаетъ порядокъ, какъ только сходство начинаетъ выдвигать изъ безпорядочной груды согласные элементы. Наши великіе писатели объ обществѣ, Аристотель, Вико, Монтескьё, Кондорсе, Юмъ, Милеръ, Джемсъ Милль, Токвилль, показали удивительный

*) Ibid. p. 511.

тактъ въ сравнительной анатоміи этого рода, со всѣми послѣдствіями умственнаго освѣщенія и расширенія, вытекающими изъ снесенія отдаленнаго тожества... Формы правленія, законодательства и юстиціи, виды индустріи, распредѣленіе богатства и раздѣленіе общественныхъ классовъ, учрежденія домашнія, религія, увеселенія и проч., отожествлены и раздѣлены на классы по своимъ согласіямъ, съ отмѣтою разницъ.» *)

Относительно отожествленія причинъ и дѣйствій, Бэнъ выражается такимъ образомъ. «Въ великой проблемѣ индуктивной науки», говоритъ онъ, «проблемѣ открытія дѣйствій всѣхъ причинъ, и причинъ всѣхъ дѣйствій.— сходится много умственныхъ операцій... Но значеніе сильнаго охвата отожествляющаго ума обнаруживается постоянно. Нѣкоторыя открытія сводятся къ этому исключительно; и никакая послѣдовательность открытій безъ этого происходить не можетъ. Такъ какъ въ дѣйствительности, снесеніе отдаленныхъ вещей въ силу притяженія тожества есть самая сущность *обобщенія*, то эта притягательная энергія и есть правая рука научнаго изслѣдователя. Величайшимъ примѣромъ этого, какой только содержится въ исторіи науки, служитъ открытіе всеобщаго тяготѣнія, или отожествленіе паденія тяжелыхъ тѣлъ на землю, съ притяженіемъ между солнцемъ и планетами; то былъ чистый ударъ сходства, подготовленный предварительнымъ разслѣдованіемъ обоихъ фактовъ порознь...» **)

Законъ сложной ассоціаціи Этотъ законъ не

*) Ibid. p. 519.

**) Ibid. p. 521.

составляетъ никакого новаго начала умственной жизни, а только выставляетъ на видъ послѣдствія работы началъ смежности и сходства при обстоятельствахъ сложныхъ, какія, для ясности изложенія, до сихъ поръ оставлялись въ сторонѣ.

Въ изложеніи законовъ смежности и сходства, мы брали одно какое нибудь настоящее впечатлѣніе и разсматривали, какія, при извѣстныхъ условіяхъ, должны быть послѣдствія этого впечатлѣнія, въ отношеніи къ умственному воспроизведенію. Но тотъ же вопросъ можетъ быть поставленъ и при условіяхъ болѣе сложныхъ, мы можемъ спросить: каковы будутъ послѣдствія умственнаго воспроизведенія, если мы имѣемъ въ настоящую минуту два или болѣе впечатлѣнія или состоянія духа, работающія по закону смежности или сходства въ одномъ и томъ же направленіи, или сходящіяся въ своихъ внушительныхъ стремленіяхъ? Опытъ показываетъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого сложнаго дѣйствія будетъ извѣстное облегченіе воспоминанію и изобрѣтенію; количество связныхъ членовъ можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ замѣнять качество связи или ассоціаціи. — Точно также замѣчено, что въ фактѣ дѣйствія законовъ смежности и сходства могутъ участвовать и наши волненія и желанія, обнаруживая свое присутствіе частнымъ видоизмѣненіемъ текущихъ ассоціацій. Общій законъ сложной ассоціаціи Бэнъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ:

«*Прошлыя дѣйствія, ощущенія, мысли, или волненія, вызываются легче, когда стоятъ въ ассоціаціи, по смежности или сходству, болѣе чѣмъ съ однимъ настоящимъ предметомъ или впечатлѣніемъ*» *).

*) *Bain.* The Senses and the Intellect p. 559

Случаи такой сложной ассоціаціи наблюдаются или между смежностями, или между сходствами, или между тѣми и другими вмѣстѣ. Мы представимъ примѣры всѣхъ этихъ видовъ, присоединяя къ нимъ поясненіе ассоціаціи подъ вліяніемъ волненій и воли.

Примѣры сложной ассоціаціи смежностей, встрѣчаются, въ большомъ размѣрѣ, какъ въ смежныхъ аггрегатахъ, такъ и въ смежныхъ преемствахъ. Простѣйшимъ образчикомъ въ первомъ родѣ Бэнъ представляетъ слѣдующій случай. «Мы можемъ предположить, что какая нибудь особа, нюхая какую нибудь жидкость, и отожествляя запахъ, какъ нѣчто извѣданное прежде, неспособна однакожъ припомнить причиняющій его матеріалъ. Связь между запахомъ и пахучею субстанціею слишкомъ слаба, чтобы воспроизвесть идею и имя субстанціи. Предположимъ дальше, что это лицо отвѣдаетъ ту жидкость, не чувствуя того запаха, и что въ этомъ вкусѣ оно признаетъ прежній вкусъ, не припоминая однакожъ вещи. Если бы, въ такихъ обстоятельствахъ, стеченіе двухъ настоящихъ ощущеній вкуса и обонянія вызвало въ памяти ту субстанцію, то мы имѣли бы настоящій примѣръ сложной ассоціаціи.» *) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такого рода ассоціаціи встрѣчаются во всѣхъ видахъ смежныхъ соединеній. Предметы природы или аггрегаты естественные, вещи практической пользы, предметы разсматриваемые глазомъ ученаго, представляютъ одинаково случаи такой сложной ассоціаціи. Вызовъ въ памяти мѣстностей, лицъ и проч., основанъ обыкновенно на этой кооперації впечатлѣній или идей.

*) Ibidem.

Примѣромъ сложной ассоціаціи преемствъ можетъ служить вызовъ названіями вещей, и вещами названій. «Забывши имя какого нибудь лица, или предмета, мы поставлены въ необходимость справиться съ положеніемъ и обстоятельствами въ которыхъ мы слышали это имя... Часто мы рѣшительно не способны возвратить ускользнувшій звукъ въ эту минуту; но спустя короткое время, взоръ нашъ пересѣкается какимъ нибудь обстоятельствомъ вспомогательнымъ, и оживленіе произведено.» *) Наши воспоминанія, мысли, понятія и мечты состоятъ обыкновенно изъ смѣси языка и идей; воспроизведеніе чисто вербальное помогаетъ идеальному, и наоборотъ.

Относительно сложной ассоціаціи сходствъ Бэнъ поставляетъ общимъ правиломъ, что возрастаніе сходства *экстенсивное*, т е. въ связяхъ внѣшнихъ, имѣетъ ту же самую силу болѣе надежнаго возстановленія прошлаго, какъ и возрастаніе *интенсивное*, т. е. увеличеніе сходствъ глубокихъ и реальныхъ.

Смѣшанную сложную ассоціацію можетъ пояснять слѣдующій примѣръ. «Если кто нибудь, въ описаніи бури, употребляетъ фразу «борьба стихій», то эта метафора внушается духу частію сходствомъ, а частію также и смежностію, такъ какъ это сравненіе уже употреблялось въ изображеніи бури. Лицо употребившее впервые эту фразу, пришло къ ней по сходству, тотъ кто употребилъ ее въ другой разъ, пользовался уже пособіемъ смежности; и послѣ частаго повторенія, связь смежности можетъ такъ окрѣпнуть, что наконецъ всецѣло преодолѣваетъ силу сходства. Такимъ-то путемъ многія вещи,

*) Ibid p 565.

бывшія первоначально порывами генія, становятся въ концѣ простымъ воспоминаніемъ смежности...» *) Къ тому же роду смѣшанной ассоціаціи относится обнаружи ваемая многими, гибкость въ усвоеніи великихъ и оригинальныхъ идей и комбинацій, прежде чѣмъ они сдѣлались, вслѣдствіе повторенія, общедоступны.—Другой примѣръ ассоціаціи этого рода замѣчается въ сравненіяхъ носящихъ мѣстный колоритъ, или основанныхъ на близости предмета съ которымъ устанавливается сравненіе; такимъ образомъ есть свои сравненія у моряковъ, и свои на материкѣ, въ городахъ и селахъ, долинахъ и горахъ; и проч.

Въ воспоминаніи прошлыхъ предметовъ, связавшихся въ духѣ съ извѣстнымъ волненіемъ, присутствіе послѣдняго помогаетъ вызову первыхъ. Когда духъ погруженъ въ какое нибудь особенное волненіе, напр. страхъ, гнѣвъ, нѣжность и проч.,—предметы связанные съ волненіемъ, легче вызываются чѣмъ другіе; отсюда въ лицахъ склонныхъ къ волненію, «большая часть чисто умственныхъ связей ассоціаціи постоянно усложняется и видоизмѣняется сочетаніями съ чувствомъ. Цѣлый потокъ мысли и воспоминанія запечатлѣвается такимъ образомъ производнымъ характеромъ волненія.» **) Нѣжная любовь окрашиваетъ въ свой цвѣтъ предметы воспоминаній и минутнаго вниманія; веселый темпераментъ имѣетъ свои собственныя воспоминанія, равно какъ и меланхолическій.

Вліяніе воли замѣчается во всѣхъ нашихъ произвольныхъ воспоминаніяхъ, вниманіяхъ, и направленіяхъ теченія идей. Это вліяніе не представляетъ особенныхъ

*) Ibid. p. 568.
**) Ibid. p. 571.

трудностей для объяснения, какъ скоро мы будемъ разсматривать его только какъ косвенное, какъ вліяніе на нервныя состоянія предшествующія непосредственно какъ нашимъ ощущеніямъ, такъ и идеямъ.

На этихъ сложныхъ ассоціаціяхъ, чистыхъ и смѣшанныхъ, основаны такія умственныя явленія, какъ выдѣленіе одного какого нибудь теченія мыслей изъ многихъ, навѣваемыхъ въ данную минуту, обращающееся, въ концѣ, въ умственныя склонности или привычки;— явленіе развлеченія или ассоціацій парализующихъ и затрудняющихъ другъ друга, и ассоціація контраста. Мы остановимся только на послѣдней

Ассоціація контраста есть явленіе весьма сложное. Основаніе его лежитъ въ коренномъ свойствѣ духа, различеніи, или законѣ относительности. Все извѣстное намъ, извѣстно только въ сочетаніи съ чѣмъ нибудь другимъ, своею противоположностью или отрицаніемъ; свѣтъ предполагаетъ тьму, теплота холодъ. Этотъ процессъ различенія мы застаемъ еще въ нашихъ ощущеніяхъ; поэтому, тамъ же лежитъ и первое зерно контраста Оно развивается, дальше, по началу смежныхъ и сходныхъ воспроизведеній, такъ какъ въ контрастирующихъ впечатлѣніяхъ или состояніяхъ духа встрѣчается и то и другое, смежность и сходство. Нѣкоторые изъ контрастовъ отличаются способностью вызывать особенныя духовныя волненія, — на чемъ, между прочимъ, основана такъ называемая страсть къ противорѣчіямъ. Лучшее употребленіе воспроизводительной силы контраста заключается въ поддержаніи единства и состоятельности въ нашихъ мнѣніяхъ или убѣжденіяхъ. Внутреннія противорѣчія не замѣчаемыя говорящимъ или пишущимъ лицомъ, объясня-

ются или слабостью силы отожествленія, или вліяніемъ текущихъ духовныхъ волненій, и во всякомъ случаѣ, слабою воспроизводительною силою контраста. Собственная тенденція ума—изгонять всякія противорѣчія изъ области духовной жизни; но сильныя волненія, при слабости умственныхъ силъ, даютъ просторъ самымъ пестрымъ противорѣчіямъ, бросающимся въ глаза наблюдателя людскихъ мнѣній и дѣйствій.

Законъ творческой ассоціаціи. Въ законахъ, излагаемыхъ до сихъ поръ, мы имѣли дѣло исключительно съ оживленіемъ или возстановленіемъ прежнихъ ощущеній, образовъ, волненій и теченій мысли, безъ всякаго спеціальнаго отношенія къ тѣмъ операціямъ, которыя извѣстны подъ именемъ воображенія, творчества, фантазіи, построенія, производительности. Настоящимъ закономъ пополняется этотъ пробѣлъ въ изложеніи законовъ ассоціаціи. Бэнъ выражаетъ его слѣдующимъ образомъ

«*Въ силу ассоціаціи духъ имѣетъ способность образовать комбинаціи, или агрегаты, отличные отъ всѣхъ представлявшихся ему въ теченіи опыта*» *)

Какъ бы ни отличались отъ данныхъ опыта результаты творческой ассоціаціи, тѣмъ не менѣе, умственныя силы работающія въ произведеніи, суть тѣ же самыя силы ассоціаціи, какія мы разсматривали и выше. Это опять только новый случай приложенія законовъ смежности и сходства, въ ассоціаціяхъ простыхъ и сложныхъ.— Бэнъ преслѣдуетъ нашу производительность, или творчество, во всѣхъ видахъ умственной жизни, — въ меха-

*) *Bain.* The Senses and the Intellect p. 585.

ническихъ и члено-раздѣльныхъ движеніяхъ, во всѣхъ родахъ внѣшнихъ ощущеній, въ области духовныхъ волненій, переходахъ отъ абстрактнаго къ конкретному, въ наукѣ, изобрѣтеніяхъ и приноравленіяхъ практическихъ, и въ области изящныхъ построеній. — Мы представимъ нѣсколько пояснительныхъ примѣровъ.

Возьмемъ классъ нашихъ ощущеній. Какъ скоро мы пріобрѣли чувствительность отвѣчающую одному какому нибудь сопротивленію или давленію, мы можемъ построить и ощущеніе какого нибудь другого, отличающееся отъ перваго по степени. Послѣ значительной практики, я обладаю въ своей рукѣ твердымъ впечатлѣніемъ, напр., вѣса одного фунта; и долженъ построить, понять, или вообразить, впечатлѣніе отвѣчающее двумъ фунтамъ. Для этой цѣли, я долженъ попытаться слить вмѣстѣ—понятіе одного фунта, и понятіе двойного, — ознакомившись напередъ съ тѣмъ и другимъ порознь;—(понятіе двойнаго я могъ бы получить въ фактахъ количествъ всякаго другого рода). —Держа пристально въ своемъ духѣ оба нужныхъ элемента я могу вызвать впечатлѣніе слагающееся изъ обоихъ, и весьма близко отвѣчающее дѣйствительному чувству двухъ фунтовъ.—Я никогда не испытывалъ удовольствія вызываемаго пріемами опія, но если испытывалъ извѣстное количество состояній, комбинація которыхъ приближается къ этому эффекту, и если эти состоянія мнѣ указаны, то я могу, при нѣкоторомъ усилии, вызвать и слить ихъ въ одно цѣлое, построяя такимъ образомъ требуемое чувство. — Мы слышали арію, сыгранную на какомъ нибудь инструментѣ, или пропѣтую какимъ нибудь голосомъ, и хотимъ повторить ту же игру, или пѣнье на другомъ инструментѣ, или другимъ голо-

сомъ. Если хорошо удерживаемъ въ духѣ эту арію, и тоны того другого инструмента, или голоса, то это перенесеніе, при извѣстной мѣрѣ усилія, можетъ быть исполнено. — Я вижу или припоминаю очеркъ дома, и могу удвоить или утроить его размѣры. Имѣя идею горы и идею золота, могу вызвать образъ золотой горы.

Чувствованія людей, которыхъ характеръ, положеніе, занятіе и проч. совершенно отличны отъ нашихъ собственныхъ,—мы вообще можемъ понимать только при помощи процесса построенія, работающаго надъ чувствами, которыми владѣемъ сами. Есть извѣстныя элементарныя волненія свойственныя всѣмъ людямъ, хотя обнаруживающіяся и не одинаково, вслѣдствіе первоначальныхъ особенностей въ характерѣ и внѣшнихъ обстоятельствахъ частныхъ лицъ. Этотъ-то запасъ знакомыхъ волненій и составляетъ матеріалъ для требуемыхъ построеній. Недостатокъ этихъ элементовъ не можетъ быть вознагражденъ никакимъ построеніемъ. Кто не чувствовалъ страха, гнѣва, красоты, религіознаго благоговѣнія, безкорыстнаго дѣйствія на пользу другихъ, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понять, вообразить или построить ихъ.

Изъ двухъ образованныхъ прежде идей, напр. города и мрамора, мы можемъ понять мраморный городъ. Это значитъ образовать изъ двухъ конкретныхъ, предсуществовавшихъ въ духѣ, какое нибудь новое конкретное. Но мы можемъ итти дальше, построить конкретное цѣлое изъ данныхъ абстрактныхъ свойствъ. Пусть напр. даны будутъ геометрическая форма пирамиды и цвѣтъ гранита; и мы поймемъ дѣйствительный предметъ, какъ онъ существуетъ въ природѣ. Всѣ вспомогательныя средства изученія географіи, естественной исторіи и проч.,

требуютъ этого построяющаго процесса. Описанія минералогіи, ботаники, зоологіи, состоятъ обыкновенно въ исчисленіи абстрактныхъ свойствъ, и требуется большое усиліе построяющаго пониманія, чтобъ изъ совокупности абстрактныхъ качествъ реализовать какой нибудь дѣйствительный видъ. Всѣ представленія, изображенія, выраженія, — въ живописи, скульптурѣ, моделяхъ, языкѣ,— требуютъ, для своего пониманія, постояннаго участія творчества.—Въ наукѣ и практической жизни, изобрѣтательность основана главнымъ образомъ на силѣ отожествленія; но и здѣсь, какъ напр. въ построеніяхъ математическихъ, въ приноравленіяхъ къ практическимъ требованіямъ данной минуты, наблюдается присутствіе творчества.

Всѣ предыдущія ассоціаціи принадлежатъ къ разряду творческихъ, но отличатюся отъ операцій собственно воображенія или фантазіи, т. е. процесса построенія подъ вліяніемъ различныхъ духовныхъ волненій Процессъ построенія связанъ здѣсь всего болѣе съ чувствомъ прекраснаго, великаго, живописнаго и проч., но не ограничивается ими. Волненія гнѣва, страха, чувства самолюбія обнаруживаютъ также свое присутствіе часто въ самыхъ странныхъ и уродливыхъ построеніяхъ Иллюзіи самодовольства, напыщенности, тщеславія, слишкомъ извѣстны по своимъ преувеличеннымъ внушеніямъ относительно личныхъ достоинствъ. Волненія эстетическія, чувства гармоніи, красоты, возвышенности, живописности, пафоса, юмора,—въ артистическомъ духѣ сочетаваются съ предметами, вызывающими эти чувства въ наблюдателѣ; и изъ матеріала, запасеннаго такимъ образомъ, и воспроизводимаго по ассоціаціи, художникъ и дѣлаетъ свои

построенія. Какъ скоро всѣ элементы, идущіе къ частному построенію, находятся на-лицо, то они размѣстятся сами собою. Трудъ состоитъ въ вызовѣ нужныхъ составныхъ частей, въ выборѣ однихъ и удаленіи другихъ, соотвѣтственно поставленной въ виду цѣли.

Такимъ образомъ оказывается, что единственный новый элементъ, отличающій творческую ассоціацію отъ предшествующихъ, есть усиліе нашей воли.

ГЛАВА VII.

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.

(Продолженіе.)

Анализъ духовныхъ волненій. Его основанія. Виды происхожденія духовныхъ волненій. Законы его. Классификація духовныхъ волненій. Эстетическое чувство—у Аддисона, Рида, Джеффри, Гетчесона, Дидро, Блера, Гогарта, Борка, Адама Смита, Рейнольдса, Пэна Найта, Стюарта, въ школѣ Гертли, у Броуна. Элисона, Бэна

Законы ассоціаціи раздѣляютъ все наше духовное существованіе на два великихъ отдѣла — оригинальныя впечатлѣнія или состоянія духа, и воспроизведенія ихъ или идеи. Человѣческій умъ, какъ порядокъ явленій идеальныхъ, есть фокусъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ лучи первоначальныхъ обнаруженій духа, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Къ числу воспроизводимыхъ состояній относятся, какъ мы видѣли, наши дѣйствія, наши ощущенія, духовныя волненія, и всѣ новыя сочетанія идей или оригинальныя мысли. Внѣшнія чувства, и образованіе различныхъ идеальныхъ комбинацій, были, въ общихъ чертахъ, разсмотрѣны нами въ двухъ предшествующихъ главахъ; не тронуты остаются только духовныя волненія и воля.

Если, обозрѣвая изслѣдованіе законовъ ассоціаціи, мы имѣли нужду остановиться и на попыткахъ физіологическаго анализа этого предмета то въ отношеніи къ духовнымъ волненіямъ и волѣ, мы стоимъ, въ настоящій разъ, въ болѣе выгодномъ положеніи, потребность психологическаго анализа этихъ порядковъ духовныхъ явленій теперь нагляднѣе.

Мы видѣли, что духовныя волненія способны, по законамъ ассоціаціи, къ возстановленію или оживленію въ идеи и ко всѣмъ вытекающимъ изъ этого факта, послѣдствіямъ для ихъ позднѣйшаго происхожденія и повторенія, въ ряду другихъ оригинальныхъ впечатлѣній и идей. Вслѣдствіе этого, они подлежали бы психологическому анализу даже и тогда, если бы первоначально были происхожденія чисто физіологическаго, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ это прилагается къ нашимъ внѣшнимъ ощущеніямъ; и именно точно такъ, какъ этому анализу подлежатъ наши сложныя перцепціи внѣшнихъ вещей, — каковы напр. время, пространство и матерія. На чисто физической основѣ духовныхъ волненій, мы имѣли бы, въ такомъ случаѣ, переустройство ихъ по законамъ ассоціаціи, подлежащее психологическому анализу, какъ и самые законы.

Но спрашивается, точно ли духовныя волненія суть происхожденія физіологическаго, какъ это утверждала напр. школа Гертли?

Въ этомъ отношеніи, вопросъ сводится, въ существѣ, къ тому же самому, что̀ было уже сказано по поводу законовъ ассоціаціи. Теорія Гертли остается во всякомъ случаѣ единственною, съ которою здѣсь приходится считаться Но на этотъ разъ въ ней нѣтъ ничего

новаго, кромѣ того что относится къ самой ассоціаціи. Потому что, по теоріи Гертли, всѣ духовныя волненія суть только различныя осложненія ощущеній и идей, происходящія единственно по закону смежности. Такъ какъ, по ученію Гертли, законы ассоціаціи суть явленія физіологическія, то и всѣ послѣдствія ихъ для нашихъ духовныхъ волненій суть также происхожденія физіологическаго. Но послѣ всего что было сказано объ этомъ ученіи въ предыдущей главѣ, не имѣемъ ли мы право сказать уже наоборотъ такъ какъ физіологическая природа ассоціаціи, въ теоріи Гертли, есть только странная и ничѣмъ серіозно неоправданная гипотеза, то и всѣ послѣдствія выведенныя изъ ней для нашихъ духовныхъ волненій, точно также лишены всякаго научнаго достоинства и не составляютъ возраженія противъ психологической обработки этого предмета?

Нѣтъ никакого спора, что сводя всѣ духовныя волненія къ различнымъ осложненіямъ ощущеній и идей, Гертли и его школа оказали наукѣ великую услугу, и анализы ихъ, преслѣдовавшіе эту задачу, заслужили всеобщее уваженіе. Но также несомнѣнно и то, что эти самые анализы послужили во вредъ привязанной къ нимъ физіологической гипотезѣ. Въ самомъ дѣлѣ, пока духовныя волненія разсматривались какъ какія то единства, ни откуда невыводимыя, ни на что неразлагающіяся, путемъ психологическаго анализа,—характеръ ихъ близко подходилъ къ нашимъ внѣшнимъ ощущеніямъ, — духовнымъ явленіямъ простѣйшаго, элементарнаго свойства, имѣющимъ свое начало въ предшествующихъ имъ физическихъ перемѣнахъ. Но какъ скоро однажды было доказано, что всѣ духовныя волненія суть факты вторичные,

производные, сложные, то этимъ самымъ дѣло поставлено на настоящую незыблемую психологическую почву. Ибо что же другое, какъ не эту вторичность, производность, сложность, мы разумѣемъ, когда говоримъ о внутренней причинности духовныхъ явленій, противопоставляя ее зависимости физіологической? Вмѣстѣ съ этимъ наука о волненіяхъ имѣетъ все, чего только требуетъ природа психологическаго анализа,—имѣетъ внутреннихъ производителей или антецедентовъ этихъ явленій, и право работать въ собственной сферѣ экспериментаціи, предоставляя физіологіи изобрѣтать новыя гипотезы, — въ полной увѣренности, что исходною точкою послѣднихъ будутъ опять данныя психологическаго анализа, которыя, поэтому остались бы ихъ ближайшею опорою даже и тогда, еслибъ онѣ изъ ожидаемыхъ гипотезъ перешли въ твердо поставленныя научныя положенія.

«Духовныя волненія», говоритъ Бэнъ,*) «сравнительно съ ощущеніями, суть чувства вторичныя, производныя, или сложныя. Волненіе удивленія, внушаемое напр. человѣкомъ гигантскаго роста, есть результатъ сравненія настоящаго зрительнаго впечатлѣнія, съ воспо-

*) Въ общихъ очеркахъ, которыми мы окружаемъ образчики анализовъ психологическихъ матерій, равно какъ и въ случаяхъ подробнаго развитія разъ установившихся теорій, мы держимся *Бэна*, какъ психолога, за которымъ въ наше время остается послѣднее слово въ кругу основныхъ вопросовъ о духѣ, и котораго аналитическое изложеніе духовныхъ явленій, представленное имъ въ цитуемыхъ нами сочиненіяхъ *The senses and the Intellect* и *The Emotions and the Will*, Д. С. Милль,—этотъ наиболѣе компетентный судья въ дѣлѣ индуктивной методы, въ замѣткѣ къ новому изданію своей «Логики»,—призналъ «основаннымъ на надлежащей индукціи и самымъ полнымъ, какое только до сихъ поръ появлялось». *Mill* Syst. der Logik. II Th. p 460.

минаемыми впечатлѣніями обыкновенныхъ мущинъ и женщинъ.

«Стеченіе ощущеній и идей, заключающееся въ духовномъ волненіи, можетъ принимать различные виды Простѣйшій случай дается *множествомъ* ощущеній, въ одномъ и томъ же внѣшнемъ чувствѣ, или въ различныхъ, при взаимной гармоніи, или при взаимномъ конфликтѣ, таковы удовольствія склада или гармоніи, въ одномъ случаѣ, и страданія разлада или развлеченія въ другомъ. Во многихъ случаяхъ, гармонія, или разладъ, бываетъ между чѣмъ нибудь настоящимъ, и напоминаемымъ имъ прошлымъ; такъ именно въ удивленіи, чувствѣ противорѣчія, и въ открытіяхъ отожествленія.—Второй видъ есть *перенесеніе* чувствъ на вещи, которыя сами по себѣ не возбуждаютъ ихъ,—какъ въ примѣрахъ возвышеннаго и прекраснаго по ассоціаціи. Третій видъ, весьма широкій въ своей операціи, есть соединеніе нѣкотораго количества отдѣльныхъ чувствъ въ одинъ аггрегатъ или цѣлое, какъ, именно, въ волненіи нѣжности, половой любви, гнѣва, и нравственномъ чувствѣ, слiяніе элементовъ бываетъ въ этихъ случаяхъ таково, что они кажутся простыми чувствами, пока анализъ не докажетъ ихъ сложности. Чувство собственности есть замѣчательный примѣръ аггрегаціи чувствъ, въ формѣ наслажденія деньгами, оно бываетъ опять переноснымъ или производнымъ.» *) — Спрашивается теперь, какіе законы управляютъ этимъ образованіемъ нашихъ духовныхъ волненій?

Мы уже видѣли, что законы ассоціаціи работаютъ и въ сферѣ духовныхъ волненій. Это привело нѣкоторыхъ

*) *Bain*· The Emotions and the Will 2—d edit. 1865 p. 35.

писателей, въ томъ числѣ Гертли и Джемса Милля (отца знаменитаго Д. С. Милля), къ предположенію, что при данныхъ ощущеніяхъ и идеяхъ, все образованіе нашихъ духовныхъ волненій можетъ быть объяснено по законамъ ассоціаціи (по смежности) Д С. Милль, оцѣнивая относящіеся сюда труды такихъ писателей, съ точки зрѣнія строгой индукціи, нашелъ, что они далеко не удовлетворяютъ даже требованіямъ простѣйшей методы согласія, между тѣмъ какъ метода разностей, которая одна могла бы оправдать такую теорію, не была вовсе испробована этими писателями въ настоящемъ случаѣ. *) Критическія замѣчанія Д. С Милля, и его совѣты обратиться къ прямому анализу самаго факта, неизбѣжному даже и въ томъ случаѣ, если бы теорія Гертли или Джемса Милля оправдалась на дѣлѣ,—не остались безъ послѣдствій. Слѣдуя этимъ указаніемъ, Бэнъ оправдалъ возраженія, сдѣланныя съ различныхъ сторонъ предположенію Гертли, — доказавши, что, «въ прибавленіе къ связующему свойству *ассоціаціи по смежности*, встрѣчею различныхъ чувствъ завѣдуютъ еще два другія великія начала: *законъ гармоніи* и *конфликта*, и *законъ относительности*». **)

Бэнъ представляетъ слѣдующую классификацію нашихъ духовныхъ волненій.

«I. Мы начнемъ», говоритъ онъ, «*закономъ гармоніи и конфликта*. Начало, по которому гармонія связана съ удовольствіемъ, а конфликтъ съ страданіемъ, есть вѣроятно отрасль закона самосохраненія.

«II Есть нѣкоторыя волненія зависящія существен-

*) *Mill:* Syst. d. ind. und ded. Logik. Uebertr. von Schiel. II Th. p. 461—463.

**) *A. Bain:* The Emotions and the Will. p. 36.

но отъ *закона относительности*. Таковы именно *новость*, *удивленіе*, и чувство *свободы*. Всѣ эти волненія суть чисто относительныя къ извѣстнымъ другимъ предшествующимъ состояніямъ, *новость* и *удивленіе* предполагаютъ обыкновенное, или общее; *свобода* заключаетъ предшествующее *стѣсненіе* Волненіе *силы* опирается также на какое нибудь прикосновенное состояніе *безсилія*.

«III Волненіе *страха* есть одно изъ широко развѣтвленныхъ вліяній на человѣческую жизнь. Отвращеніе отъ страданія, заключающееся въ природѣ нашей воли, вмѣсто того чтобы производить всегда простой эффектъ внушенія дѣйствій, облегчающихъ страданіе, нерѣдко возбуждаетъ судорожное трепетаніе всей системы, сопровождающееся новымъ состояніемъ страданія, и другими важными послѣдствіями. Этотъ спеціальный исходъ свойственъ нѣкоторымъ страданіямъ по преимуществу; и всѣ чувствующія бытія подлежатъ этому условію, хотя и далеко не въ одинаковой степени. По общему правилу, впечатлительность къ страху есть слабость и бѣдствіе; и обозрѣніе средствъ къ избѣжанію или укрощенію онаго, имѣетъ большую практическую важность.

«IV. Широкая группа чувствъ называемыхъ *нѣжными* составляетъ хорошо выдающійся порядокъ или genus волненія. Такъ какъ они обнаруживаются преимущественно въ отношеніи къ существамъ живымъ, то первое проявленіе ихъ въ дитяти наступаетъ съ узнаваніемъ личности. Какъ скоро однажды началось ихъ свободное теченіе, начинаютъ формироваться человѣческія привязанности; и значительная доля удовольствій жизни вытекаетъ изъ этого основного источника.

«Если писателямъ о человѣческомъ духѣ позволи-

тельно обращаться спеціально къ чувствамъ *половыхъ отношеній*, то они нашли бы приличное мѣсто впереди слѣдующаго порядка.

«V. Когда человѣкъ узнаётъ, или воображаетъ, въ самомъ себѣ качества какія вызываютъ удивленіе, любовь, уваженіе, почтеніе, когда замѣчаются другими, то онъ поражается особеннымъ родомъ волненія, слывущаго подъ именами *самодовольства*, самолюбія, самоуваженія. Я расположенъ думать, что это только спеціальная отрасль или вѣтвь нѣжной чувствительности.

«Дальнѣйшій страстный эффектъ производится когда мы бываемъ предметомъ удивленія или почтенія со стороны ближнихъ, — что̀ обыкновенно называется *одобреніемъ*, похвалою, славою, добрымъ мнѣніемъ и проч.

«VI Расширяющее волненіе высшей *силы* есть весьма выпуклое и широко развѣтвляющееся чувство нашей конституціи, заключающее, какъ свое соотносительное, подавляющее волненіе *безсилія*, мелочности и ничтожности.

«VII. Волненіе *гнѣва* есть замѣтная принадлежность человѣческой природы, спеціальнымъ признакомъ которой служитъ удовольствіе, вытекающее изъ *злоумышленнаго* дѣйствія и чувства.

«VIII. При *дѣйствіи* бываютъ особенные раздѣльные виды чувства, которые должны быть упомянуты, какъ широко помогающіе интересу жизни. Кромѣ удовольствія и страданія *упражненія*, и удовлетворенія при достиженіи *цѣли*, съ убійственною противоположностію *промаха*,—въ самомъ положеніи *преслѣдованія цѣли* есть особенное состояніе духа, само по себѣ столь пріятное, что для проявленія его введены занятія поддѣльныя..

«IX. Упражненіе *ума* даетъ происхожденіе особен-

нымъ видамъ волненій, интересныхъ для изученія. Рутинныя операціи, поддерживаемыя простою смежностію, не заключаютъ никакого чувства; чѣмъ совершеннѣе умственные навыки, тѣмъ меньше сочетавается съ ними сознанія. Опытный счетоводъ приближается къ счетной машинѣ. Но въ операціи закона *сходства*, когда возникаютъ новыя отожествленія, волненіе пріятнаго удивленія сопровождаетъ каждый проблескъ. Отсюда, если рутина безсознательна, то оригинальность глубоко возбудительна. Часть удовольствія отъ произведеній генія вытекаетъ изъ этого эффекта, и мы должны видѣть въ немъ одну изъ наградъ умственнаго труда.

«Сюда же слѣдуетъ причислить весьма характеристическое страданіе, производимое *несостоятельностію мыслей*, впечатлительность къ которой весьма неодинакова въ различныхъ темпераментахъ. Естественная любовь къ *истинѣ* всего болѣе поддерживается желаніемъ избѣжанія противорѣчій.

«X. Всѣ предыдущіе классы имѣютъ нѣкоторое единство и раздѣльность, по своему происхожденію въ человѣческой конституціи. Ближайшій классъ, въ философскихъ изслѣдованіяхъ, весьма обыкновенно разсматривался также какъ единство. Я разумѣю волненія *изящныхъ искуствъ*, называемыя просто *красотою* или *прекраснымъ*. Есть, безъ сомнѣнія, значительныя особенности въ томъ чувствѣ, какое человѣчество согласно обозначаетъ выраженіемъ «чувство красоты», и общность его характера едва ли содержитъ что нибудь больше кромѣ извѣстной пріятности чувства; если взять произведенія изящнаго искуства, и подвергнуть изслѣдованію источники доставляемаго имъ наслажденія, то найдемъ

весьма большое разнообразіе видовъ, не взирая на родовое сходство, которое ставитъ ихъ въ одинъ классъ. Много простыхъ ощущеній, и много чувствъ, принадлежащихъ къ отдѣламъ уже исчисленнымъ, выступаетъ въ артистическихъ композиціяхъ.

«XI. *Чувство нравственное* человѣка, подобно чувству красоты, разсматривалось также, почти всѣми, какъ единое и недѣлимое. Но—изслѣдуемъ ли мы пути этого чувства въ человѣческой природѣ, или наблюдаемъ поле обнимаемыхъ имъ внѣшнихъ предметовъ, — я увѣренъ, что различимъ здѣсь работу вліяній различнаго рода. Родовая особенность очерчивающая нравственное чувство есть фактъ называемый *нравственною обязанностію*, или *долгомъ*, точная природа котораго предлежитъ опредѣленію. Чувства содержащіяся въ правомъ и неправомъ, не только способны дѣйствовать на волю, подобно многимъ другимъ чувствамъ, но и обнаруживаютъ преобладающую силу въ случаѣ конфликта; и если такого превосходства этого стимула воли не существуетъ въ индивидуальномъ духѣ, мы помогаемъ этому недостатку внѣшними стимулами, именно санкціями, или *наказаніями*, общества.» *)

Легко примѣтить, что въ этихъ одиннадцати порядкахъ нашихъ духовныхъ волненій, не помѣщены особымъ порядкомъ наши *удовольствія* и *страданія*, принадлежащія къ отдѣлу духовныхъ волненій. Основаніе этому, говоритъ Бэнъ, заключается въ томъ, «что эта разница обнимаетъ всѣ вообще чувства духа,—ощущенія и волненія; она входитъ въ виды и частности каждаго класса.

*) Ibid p. 36—39

И удовольствія и страданія содержатся въ каждомъ изъ одиннадцати семействъ сейчасъ перечисленныхъ, совершенно также, какъ въ естественныхъ порядкахъ растеній каждый можетъ содержать и пищу и отраву, и пріятный ароматъ и удушливыя испаренія.» *)

Что касается самаго анализа перечисленныхъ чувствъ, то Бэнъ, въ общихъ чертахъ, держится той же самой схемы, какая представлена въ главѣ о чувственности, въ анализѣ нашихъ внѣшнихъ ощущеній. Такимъ образомъ, *происхожденіе* нашихъ духовныхъ волненій, и ихъ *развитіе*, воплощеніе или физическое выраженіе; ихъ *качество*, т. е. удовольствіе, страданіе или безразличіе; *степень*, въ обоихъ видахъ, интенсивности и объема, и *особенности*, отличающія состоянія равносильныя по качеству и степени;—ихъ *вліяніе на волю* и дѣятельность; *возвращеніе въ идеи* и идеальную живучесть; и нѣкоторыя *смѣшанныя* черты, въ одно и то же время характера страстнаго, умственнаго и дѣятельнаго; — вотъ общіе пункты анализа нашихъ волненій.—Къ этому слѣдуетъ прибавить, что подъ общимъ, родовымъ названіемъ каждой исчисленной группы соединено обыкновенно нѣсколько родственныхъ видовъ. Такимъ образомъ, напр., къ широкой группѣ чувствъ нѣжныхъ принадлежатъ тѣснѣйшіе порядки—чувствъ семейныхъ, благожелательныхъ, и грусти. Эти различные виды разбираются по ихъ сходствамъ и разностямъ, и по обнаруженіямъ въ людяхъ и животныхъ, полахъ, возрастахъ и темпераментахъ. Въ концѣ всего разсматривается нравственная и соціальная роль нашихъ духовныхъ волненій, и ихъ употребленіе въ изящныхъ искуствахъ.

*) Ibid p. 39.

Вслѣдствіе своей вторичности, производности и сложности, духовныя волненія представляютъ одну изъ самыхъ трудныхъ и любопытныхъ задачъ психологическаго анализа; и успѣхи его въ этотъ отдѣлѣ, наблюдаемые въ англійской психологической литературѣ, внушаютъ истинное удивленіе къ могуществу психологической экспериментаціи. Въ образчикъ широкаго анализа духовныхъ волненій, мы представляемъ, въ общихъ чертахъ, историческую разработку одного изъ самыхъ сложныхъ духовныхъ волненій,—именно, чувства эстетическаго.

Эстетическое чувство. Чувство красоты, чувство эстетическое, изящный вкусъ и проч.,—всѣ эти термины употребляются въ обыкновенной рѣчи какъ синонимическіе. Аналитики изящнаго издавна замѣтили,что подъ этими выраженіями кроются два факта духовной жизни, по природѣ своей совершенно различныхъ, т. е. относящихся къ двумъ различнымъ отдѣламъ духовныхъ явленій, хотя въ то же время тѣсно связанныхъ въ своемъ обнаруженіи. Это именно, во-первыхъ, извѣстное страстное состояніе духа, извѣстное волненіе, стоящее въ ряду другихъ духовныхъ волненій; и во-вторыхъ, актъ умственный, называемый обыкновенно мнѣніемъ, сужденіемъ, оцѣнкою и проч., — который принадлежитъ къ числу умственныхъ состояній. Испытывая первое состояніе, эстетическое волненіе, мы приходимъ ко второму, оцѣнкѣ возбуждающихъ его предметовъ; и это-то непосредственное преемство двухъ состояній и дѣлаетъ ихъ слитными въ популярномъ сознаніи. Состояніе умственное, которое въ наукѣ называется собственно изящнымъ *вкусомъ*, очевидно, не принадлежитъ къ классу явленій, за-

нимающихъ теперь наше вниманіе; и мы укажемъ только кратко на относящіеся къ его анализу историческіе факты, чтобы лучше уяснить положеніе самаго эстетическаго волненія. — Отдѣленіе, въ нашихъ эстетическихъ чувствахъ, элемента умственнаго, или мысли, отъ элемента страстнаго, или волненій, поставляется обыкновенно въ заслугу Аддисону; и отчетливо выражено у всѣхъ лучшихъ послѣдующихъ писателей о прекрасномъ и возвышенномъ. Оно встрѣчается напр. у Рида, Джеффри, Д Стюарта, особенно останавливало вниманіе Броуна, и получило въ рукахъ Бэна широкую обработку. У Рида и Стюарта, оба элемента трактуются въ отдѣлѣ ума; но другіе писатели, въ томъ числѣ Броунъ, Бэнъ, эстетическій вкусъ разсматриваютъ въ отдѣлѣ ума, а эстетическія волненія—въ отдѣлѣ духовныхъ волненій. Выраженія Броуна по этому поводу, отличаются полною обстоятельностію и раздѣльностью. Говоря о составѣ эстетическихъ чувствъ, Броунъ замѣчаетъ, «что здѣсь всего важнѣе различать два важныхъ элемента,—самое волненіе, какъ бы оно ни происходило, и какъ бы ни было сложно; и чувство отношенія — извѣстныхъ формъ, звуковъ, цвѣтовъ, понятій, или различныхъ комбинацій ихъ, къ этому волненію, какъ ихъ послѣдствію». *) «Чувствовать волненіе возбуждаемое прекраснымъ, или возвышеннымъ, или смѣшнымъ предметомъ, есть одно состояніе духа; знать склонность различныхъ средствъ, возбуждать эти волненія, — и различать отчетливо, что̀ стремится производить ихъ, и что̀ не имѣетъ этой тенденціи,—есть другое состояніе или отправленіе духа, которое, правда,

*) *Brown* Philos. of the Hum. Mind. Lect. XI, p 333.

нуждается, но отнюдь не содержится, во впечатлительности къ пріятному волненію». *) Вкусъ, какъ функція различающая средства возбужденія эстетическихъ волненій, есть та же самая способность духа, какая работаетъ и въ механикѣ, и въ химіи, и въ политикѣ, и называется сужденіемъ, разумомъ и проч. Какъ знаніе эстетическихъ средствъ и цѣлей, вкусъ есть наука, но тѣ волненія, какія возбуждаются прекрасными предметами, точно также не наука, какъ чувства безопасности или патріотизма, недовольства или честолюбія. **) Бэнъ нашелъ, что эта функція вкуса занимаетъ мѣсто въ ряду главныхъ художественныхъ сочетаній по закону смежности; и слагается постепенно изъ частныхъ замѣчаній художественныхъ эффектовъ. ***)

Обратимся теперь къ собственному предмету нашего анализа, эстетическому волненію. Анализъ эстетическаго волненія долгое время стоялъ на ложной дорогѣ. Писатели объ изящномъ обыкновенно предполагали, что чувство красоты есть чувство простое. Въ силу этого предположенія, Гетчесонъ, основатель шотландской школы, въ своей теоріи эстетическаго волненія, назначилъ ему особенный духовный органъ, *sense of beauty* (терминъ, давно потерявшій свой первоначальный смыслъ),—аналогическій органамъ внѣшнихъ ощущеній. — Какъ чувство простое, эстетическое волненіе требовало и возбуждающаго его предмета точно также простого, — какого нибудь единаго качества, присущаго всѣмъ вещамъ называющимся прекрасными; это требованіе совершенно от-

*) Ibid. Lect. XIX, p. 393.

**) Ibid. Lect. XI, p. 333.

***) *Bain:* The Senses and the Intellect. 2—d ed. p. 452.

вѣчало не ослабѣвшей склонности, видѣть въ общихъ терминахъ выраженіе общей предметной сущности. Поэтому всѣ усилія аналитиковъ изящнаго устремлены были на изысканіе этого единаго качества, украшающаго въ нашихъ глазахъ прекрасные предметы Въ теоріяхъ Дидро, Блера, Гогарта, Борка, Адама Смита, Рейнольдса, Пэна-Найта и другихъ писателей, представлено много замысловатыхъ на этотъ предметъ указаній; красота отожествлялась, то съ *перцепціею отношеній*, то съ *симметріею формъ*, то съ *волнующимися линіями*, то съ *мягкостію*, то съ *умѣренностію размѣровъ*, то съ другими чувственными и нравственными качествами, или комбинаціею ихъ. Такая разница, и даже путаница, въ показаніяхъ требуемаго качества должна была наконецъ убѣдить, что преслѣдуемая цѣль есть вещь недостижимая, или точнѣе сказать, несуществующая; что прекрасные предметы остаются прекрасными, не имѣя между собою ровно никакихъ общихъ признаковъ, кромѣ того что мы находимъ ихъ прекрасными. Такой общій приговоръ этимъ теоріямъ и сдѣланъ Стюартомъ, въ его изслѣдованіи о прекрасномъ. «Слово *Beauty* (красота)», говоритъ онъ, «и какъ я думаю, и соотвѣтствующій ему терминъ во всѣхъ другихъ языкахъ, употребляется съ большимъ разнообразіемъ значеній, которыя, при поверхностномъ взглядѣ, повидимому, имѣютъ весьма мало взаимной связи, и между которыми не легко отыскать и малѣйшей тѣни общаго или совпадающаго смысла...

«Любимою темою философовъ было долгое время изысканіе общаго качества, или качествъ, дающихъ извѣстной вещи право называться *прекрасною;* но успѣхъ ихъ умозрѣній былъ такъ незначителенъ, что едва ли и

позволяетъ что нибудь вывесть, кромѣ невозможности задачи, которую они преслѣдовали.

«Умозрѣнія, подавшія поводъ къ этимъ замѣчаніямъ вышли очевидно изъ того предразсудка, доставшагося новымъ временамъ отъ вѣковъ схоластики, — что если какое нибудь слово допускаетъ разнообразныя значенія, то эти различныя значенія должны быть всѣ — *species* одного и того же *genus;* и слѣдовательно должны заключать какую нибудь субстанціальную идею, общую каждой частности, къ которой прилагается родовой терминъ...

«Сократъ, прямое здравомысліе котораго, повидимому, давало, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, удивительную стойкость его уму, противъ метафизическихъ тонкостей, сбивавшихъ его преемниковъ,—очевидно, понималъ вполнѣ справедливость предшествующихъ замѣчаній,—если только можно положиться на разсказъ Ксенофонта, передающаго разговоръ Сократа съ Аристиппомъ о добромъ и прекрасномъ. Аристиппъ, разсказывается здѣсь, спросилъ Сократа· «Знаетъ ли онъ что нибудь доброе». «Вы спрашиваете», отвѣчалъ Сократъ, «знаю ли я что нибудь *доброе* на случай *лихорадки*, или противъ воспаленія *глазъ*, или какъ предохранительную мѣру противъ *голода?*»

«Отнюдь нѣтъ», возразилъ тотъ.

— «Если же», продолжалъ Сократъ, «вы спрашиваете меня о *добрѣ*, что̀ *не добро ни на что*, то такого я не знаю, и не желаю знать».

Аристиппъ продолжалъ спрашивать его. «Знаете ли вы по крайней мѣрѣ»—говорилъ онъ—«что нибудь прекрасное»?

— «И весьма многое», отвѣчалъ Сократъ.

«Походятъ ли всѣ эти вещи одна на другую»?

— «Далеко нѣтъ, Аристиппъ; есть между ними весьма значительная разница».

«Но какимъ образомъ»—говорилъ Аристиппъ—«*красота* можетъ отличаться отъ *красоты*»?...*).

Послѣдній вопросъ Аристиппа указывалъ на дѣйствительную трудность раздѣлять воззрѣніе Сократа, съ точки зрѣнія, ставшей знаменитою подъ именемъ метафизической, или схоластической. Если представлять красоту какъ нѣкоторую общую сущность («реальную идею») прекрасныхъ вещей, то не понятно, откуда въ этой сущности, предполагаемой общею или однообразною, возьмутся разности или отмѣны, характеризующія все частное. Но выступая изъ метафизическаго тумана «общихъ сущностей», на открытый воздухъ частныхъ фактовъ, мы встрѣтимъ скорѣе затрудненіе обратное. То фактъ, что разности между прекрасными предметами существуютъ; существуютъ, до невозможности отыскать въ нихъ какое бы то ни было общее всѣмъ свойство или качество Отсюда естественно вытекалъ бы вопросъ, какимъ же образомъ мы соединяемъ ихъ, не смотря на эти коренныя разницы, въ одинъ классъ прекрасныхъ предметовъ,—если бы въ этомъ вопросѣ не было уже и скрытнаго отвѣта. Что мы соединяемъ ихъ въ одинъ классъ, или, какъ было сказано прежде, находимъ ихъ прекрасными,—это только и есть ихъ единственный общій признакъ, своимъ существованіемъ достаточно оправдывающій его возможность, не взирая на отсутствіе всякаго другого общаго признака.

---

*) *Stewart.* On the Beautiful Part I. Chap. I. *Bain:* The Emotions and the Will. p. 213.

Потому что это значитъ, что все сходство прекрасныхъ предметовъ, въ отношеніи къ пункту красоты, заключается не въ нихъ самихъ, а въ нашемъ духѣ, на который они дѣйствуютъ,—въ томъ сходномъ потрясеніи, или впечатлѣніи, какимъ они поражаютъ насъ, не взирая на свои разности. Короче сказать, единственный признакъ дающій прекраснымъ предметамъ право называться прекрасными, есть именно то духовное волненіе, какое мы называемъ эстетическимъ, или чувствомъ красоты Только съ началомъ этого эстетическаго впечатлѣнія или духовнаго волненія, и начинается впервые существованіе прекраснаго; точно такъ, какъ съ началомъ нашихъ ощущеній зрѣнія открывается впервые область цвѣтовъ. Красота, и чувство или волненіе красоты, выражаютъ такимъ образомъ совершенно одну и ту же вещь; красота существуетъ только въ духѣ, и внѣ созерцающаго духа не существуетъ никакой красоты, какъ не существуетъ никакихъ цвѣтовъ. Предметы становятся въ нашихъ глазахъ прекрасны только тогда, когда съ ними сочетается, на нихъ переносится, въ нихъ разливается или воплощается наше собственное волненіе; предметы украшаемъ мы сами, своими собственными чувствами, какія они возбуждаютъ въ насъ; и дѣлаемъ это въ силу того же закона, по какому облекаемъ ихъ и въ цвѣта, или краски,—по общему закону сочетаній *смѣжности*. Это тожество красоты и волненія красоты, и эта естественная иллюзія пребыванія красоты не въ созерцающемъ духѣ, а въ созерцаемыхъ предметахъ, подвергнуты Броуномъ самому широкому анализу, какіе только встрѣчаются въ его «Философіи духа». «Красота,» говоритъ онъ, въ концѣ этого анализа, «не есть что нибудь существу-

ющее въ предметахъ, независимо отъ наблюдающаго ихъ духа, — и поэтому нѣчто стойкое, какъ и предметы, въ которыхъ она ложно предполагается существующею. Это — волненіе нашего духа и, подобно другимъ волненіямъ, измѣняется, по различію его стремленій при различныхъ обстоятельствахъ» *) Красота, независимая отъ нашихъ духовныхъ волненій, «есть не та, какую мы чувствуемъ, а какую лишь тщетно стараемся понять. Внѣшняя красота чувствуемая нами, заключаетъ только наше собственное удовольствіе отраженное и разлитое на внѣшнемъ предметѣ» **). — «Совершенно вѣрно, что если бы предложили вопросъ, — точно также какъ и по поводу простого зрѣнія, — не считаемъ ли мы волненія красоты состояніемъ или впечатлѣніемъ матеріи, — мы не усомнились бы ни на минуту утверждать, что это — состояніе духа и безусловно не способно существовать въ какой нибудь чисто матеріальной субстанціи. Все это мы сказали бы съ увѣренностью, какъ и то, что цвѣтъ есть впечатлѣніе духа, и единственно лишь впечатлѣніе духа. И однакожъ, какъ и въ примѣрѣ цвѣта, временный разливъ нашего собственнаго чувства на внѣшнемъ предметѣ происходилъ бы попрежнему. Красота прочувствованная и обдумываемая будетъ только въ нашемъ духѣ; красота захватываемая нами въ минуту чувства, будетъ удовольствіемъ, повидимому, волнующимся на внѣшнемъ предметѣ, который, поэтому, мы и называемъ прекраснымъ, — какъ называемъ извѣстные предметы красными или зелеными» ***). Разница между выраженіями *цвѣтъ* и *ощуще-*

*) *Brown*: Philos. of the Hum. Mind. Lect. LIV, p 354.

**) Ibid. p. 353.

***) Ibid Lect LIII, p 351.

ніе цвѣта, *красота* и *волненіе красоты*, ограничивается такимъ образомъ одними словами. «Когда мы говоримъ просто о цвѣтѣ или красотѣ, мы говоримъ что̀ чувствуемъ, не обращая вниманія на что нибудь другое, болѣе чѣмъ на самое чувство. Когда говоримъ объ ощущеніи цвѣта и волненіи красоты, то говоримъ объ этихъ чувствахъ въ отношеніи къ духу, и хотя цвѣтъ, какъ онъ чувствуется, естественно долженъ быть и ощущеніемъ цвѣта, и красота, какъ она чувствуется, вмѣстѣ и чувствомъ красоты однакожъ намъ кажется неодинаковымъ утверждать, что мы сочетаваемъ съ внѣшними вещами, въ зрѣніи, наши ощущенія цвѣта, или сочетаваемъ съ внѣшними вещами наши волненія красоты,—и сказать просто, что мы сочетаваемъ съ ними цвѣтъ и красоту. Мы сочетаваемъ ихъ, не зная, что сочетаваемъ; слѣдовательно, не думая, что одно есть ощущеніе, а другое волненіе, и что то и другое только впечатлѣнія духа. Думать объ нихъ какъ объ ощущеніи и волненіи, значило бы имѣть уже философское сужденіе, отдѣляющее ихъ отъ предмета, а не простое минутное чувство, которое сочетаваетъ ихъ съ нимъ»*).

Итакъ, какія бы недоразумѣнія ни тяготѣли еще надъ занимающимъ насъ предметомъ, одно стало безспорно, послѣ того какъ объяснилось истинное отношеніе красоты къ эстетическому волненію, — что, отселѣ, всѣ вопросы о красотѣ, весь анализъ изящнаго, сводятся къ анализу нашего эстетическаго волненія. Въ дѣйствительности, вмѣстѣ съ этимъ разрѣшаются и всѣ недоумѣнія, мучившія дотолѣ аналитиковъ изящнаго. Вопросъ какимъ

*) Ibid Lect LIV, p 354.

образомъ красота можетъ отличаться отъ красоты, переведенный на болѣе точный языкъ, не представляетъ никакихъ трудностей для рѣшенія. Ибо говоритъ только о разности нашихъ собственныхъ чувствъ, нашихъ волненій, соединенныхъ по сходству въ одинъ классъ эстетическаго волненія, или чувства красоты. Классъ, общее, не прежде частнаго, и есть только чувство сходства частныхъ случаевъ или частныхъ вещей; классъ красоты есть дѣло ума, позднѣйшее обобщеніе частныхъ эстетическихъ волненій, которымъ чувствуемое сходство не препятствуетъ оставаться съ ихъ частными разницами,—не мѣшаетъ «красотѣ отличаться отъ красоты». Даже болѣе, сходство красоты выходитъ изъ собственной сферы эстетическаго волненія, какъ умственное чувство; красоты существуютъ только частныя, различныя, безъ всякой единой или общей красоты. А это и есть то самое, къ чему привели, другимъ путемъ, и долговременныя исканія общей красоты или единаго качества, украшающаго въ нашихъ глазахъ всѣ прекрасные предметы. Кратко сказать, красота есть родовое названіе многихъ частныхъ видовъ,—есть чувство чрезвычайно сложное, а не какое нибудь простое, какъ это молчаливо предполагалось всѣми искателями единой, простой, общей красоты. И эта-то сложность эстетическаго волненія и составляетъ исходный пунктъ его психологическаго анализа. «Намъ нужно изслѣдовать», говоритъ Броунъ, не «природу какой-то твердой сущности, которую можно назвать красотою, τὸ καλόν, а природу преходящихъ чувствъ, возбуждаемыхъ предметами, которые могутъ разниться между собою во всемъ, исключая того, что возбуждаютъ въ извѣстной мѣрѣ сходныя волненія. То что̀ мы называемъ волненіемъ кра-

соты, не есть единое чувство нашего духа, а множество чувствъ имѣющихъ между собою извѣстное сходство; точно такъ, какъ зелень, краснота, синева, обозначаются всѣ общимъ именемъ *цвѣтъ* Единой красоты не существуетъ точно также, какъ не существуетъ единаго цвѣта, или единой формы. Но есть разныя красоты, т. е. различныя пріятныя волненія, имѣющія общее сходство, вслѣдствіе чего мы и соединяемъ ихъ въ одинъ классъ» *)

Все изслѣдованіе эстетическаго волненія должно, по этому, состоять въ указаніи составныхъ элементовъ этого сложнаго волненія, и ихъ сочетанія или комбинацій, дающихъ тѣ различные, частные виды красоты. По общему свойству духовныхъ волненій. мы должны открыть простѣйшихъ агентовъ или производителей сложныхъ эстетическихъ эффектовъ; и съ этимъ вмѣстѣ будетъ исчерпана вся масса вопросовъ о красотѣ, все содержаніе ея психологическаго анализа. Точно также, по общему правилу образованія духовныхъ волненій, непосредственными возбудителями, причинами, или антецедентами чувства красоты могутъ быть лишь наши собственныя ощущенія и идеи, если только не самыя волненія, принадлежащія къ другимъ порядкамъ. При этомъ можетъ оставаться одно недоразумѣніе. Какъ бы ни была частна природа эстетическихъ чувствъ, во всякомъ случаѣ, они составляютъ отдѣльный классъ, по какому бы то ни было чувствуемому сходству ихъ: какимъ же образомъ агенты или предыдущія этихъ волненій, не имѣя между собою никакого общаго сходства, могутъ производить нѣкоторое сходное впечатлѣніе?—Но это затрудненіе давно рѣшено индуктивною логикою,—ученіемъ о множествѣ причинъ, способныхъ

*) Ibid. Lect. LVII, p. 378.

производить сходные результаты.—На этотъ пунктъ нашего анализа обращено вниманіе, между прочимъ, у Бэна. «Бо́льшая часть изслѣдователей (эстетическаго чувства)», говоритъ онъ, «работали подъ обманчивымъ вліяніемъ одного недоразумѣнія, которое дѣлало самое изслѣдованіе ничтожнымъ въ отношеніи къ аналитическимъ результатамъ; они выходили изъ предположенія, что должна быть отыскана одна какая нибудь вещь, входящая, какъ общая составная доля, въ цѣлый классъ вещей называемыхъ прекрасными. Между тѣмъ, исключая самого чувства, которое, какъ можно предполагать изъ употребленія одного и того же всюду обозначающаго его имени, имѣетъ нѣкоторый однообразный характеръ, — нѣтъ ни единой вещи общей всѣмъ предметамъ красоты. Если бы была подобная вещь, то въ теченіи двухъ тысячелѣтій она стала бы извѣстна. Исканіе одной подобной общей принадлежности было совершеннымъ промахомъ, какъ и многія другія, выходящія изъ того же самаго непонятаго побужденія, — найти широкое единство въ причинахъ всѣхъ естественныхъ явленій. Въ настоящее время мы пришли къ признанію, въ изъясненіи вещей, правъ ученія «о множествѣ причинъ;» и примѣры этого множества столько же многочисленны, какъ и обыкновенны. Движеніе можетъ быть произведено весьма разнообразными агентами или первыми движителями,—животною силою, вѣтромъ, водою, паромъ, порохомъ, электричествомъ и проч. Тоже самое прилагается и къ теплотѣ. Агенты называемые добрыми или полезными (злыми или вредными) для живыхъ существъ, безчисленны и не имѣютъ никакого другого общаго свойства. Даже такое ограниченное послѣдствіе, какъ возбужденіе нервовъ, производится

чрезвычайно широкимъ разнообразіемъ агентовъ, физическихъ и духовныхъ; и однакожъ самое послѣдствіе бываетъ во всѣхъ случаяхъ весьма сходно. Имѣя передъ собою такіе примѣры, мы не будемъ удивляться, что теоретики оказались неспособны найти какое нибудь единое и исключительное свойство, присущее всѣмъ вещамъ производящимъ то общее впечатлѣніе, что̀ называется прекраснымъ». *)

Вслѣдствіе установившагося правильнаго понятія о красотѣ, задача анализа эстетическихъ чувствъ весьма уяснилась; но исполненію ея предстояло еще много трудностей. Исканіе прекраснаго въ себѣ, т. е. независимо отъ духа испытывающаго эстетическія волненія, или какъ чего-то постоянно пребывающаго въ предметахъ называемыхъ прекрасными,—значительно ослабѣло, съ тѣхъ поръ какъ были открыты законы ассоціаціи. Гертли, и за нимъ многіе другіе аналитики духа, надѣялись вывесть всѣ духовныя явленія изъ внѣшнихъ ощущеній и идей, съ помощью одного великаго начала ассоціаціи. Стремленіе это породило совершенно противоположный взглядъ на красоту, или эстетическія чувства. Прежде думали, что прекрасное живетъ въ самыхъ предметахъ; теперь стали отрицать и то, чтобы предметы называемые прекрасными, могли производить впечатлѣніе красоты, сами по себѣ, безъ всякихъ предшествующихъ обстоятельствъ въ жизни наблюдателя. Предметы, — учили эти новые теоретики,—по своей природѣ, не способны вызывать ни чувства красоты, ни чувства ему противоположнаго; и если они вызываютъ ихъ, то причина этого скрывается въ

*) *Bain:* The Emotions and the Will. p. 213.

какихъ нибудь предшествующихъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствахъ, сливающихся съ ними по закону ассоціаціи; только вслѣдствіе этого они становятся, на взглядъ наблюдателя, прекрасными или безобразными. По этой теоріи, производителями эстетическихъ чувствъ будутъ всегда чувства идеальныя, воспоминанія или воспроизведенія прежнихъ ощущеній и волненій. Въ такихъ общихъ чертахъ, т. е въ такомъ выводѣ всей красоты изъ одного ума или ассоціаціи, отнюдь не заключается какого-нибудь безразличія предметовъ, въ отношеніи къ прекрасному и безобразному. Могутъ быть и обстоятельства ассоціаціи, способныя сдѣлать предметы, на взглядъ всякаго наблюдателя равно прекрасными или равно безобразными. Но нѣкоторые послѣдователи этой теоріи пошли гораздо дальше и утверждали, что эстетическія чувства зависятъ отъ ассоціацій совершенно случайныхъ Въ доказательство такого мнѣнія, приводился тотъ неоспоримый фактъ, что понятія о красотѣ разнообразятся до безконечности, — по возрастамъ, поламъ, частной опытности, странамъ, націямъ и историческимъ эпохамъ. Одна такъ-называемая мода, эта флюктуація эстетическаго чувства, по которой прекрасные предметы, черезъ нѣсколько лѣтъ, часто мѣсяцевъ и недѣль, становятся для насъ безобразными, — способна говорить много въ пользу такого предположенія.

Обстоятельства подтверждающія указанную нами теорію такъ наглядны, что вопросъ о красотѣ прямой, первоначальной, или независимой ни отъ какихъ ассоціацій, казался нѣкоторое время недоступнымъ окончательному рѣшенію, и Броунъ ограничился, въ этомъ случаѣ, однимъ сравненіемъ вѣроятностей. Онъ заявилъ съ перваго

раза, что, въ изслѣдованіи такого рода онъ не имѣетъ въ виду «тѣхъ высшихъ утѣхъ, какія доставляются красотою въ ея наипривлекательнѣйшихъ формахъ; потому что», говоритъ онъ, «хоть можетъ быть и ложно, что всякое удовольствіе красоты получается изъ случайныхъ обстоятельствъ, — по крайней мѣрѣ несомнѣнно вѣрно, что самыя цѣнныя удовольствія этого класса вытекаютъ изъ обстоятельствъ, какими привыкло украшать предметы наше воображеніе. Разумный вопросъ будетъ не о томъ, относятся ли къ этому источнику главнѣйшія изъ волненій, называемыхъ волненіями красоты,—а единственно о томъ, настоитъ ли необходимость относить къ нему и всякое волненіе этого класса, всякаго вида и степени».*)

Обращаясь, за тѣмъ, къ пріятнымъ волненіямъ, производимымъ въ насъ цвѣтами, звуками, формами и проч., Броунъ приходитъ къ заключенію, что эти эстетическія чувства бываютъ во всѣхъ случаяхъ послѣдствіемъ ассоціацій. Мы наблюдаемъ ихъ и въ дѣтяхъ, въ томъ возрастѣ жизни, когда предметы впервые представляются вниманію, и всякое участіе ассоціаціи въ испытующемъ взглядѣ естественно отсутствуетъ. «Блестящіе цвѣта, во всемъ своемъ пестромъ разнообразіи, утѣшающемъ дитя и дикаря, конечно не тоже, что̀ доставляетъ наибольше удовольствія нашей утонченной чувствительности; тѣмъ не менѣе и дитяти, и дикарю они даютъ извѣстное удовольствіе,—удовольствіе, какое можетъ-быть продолжали бы чувствовать мы сами, если бы наша любовь къ простой пестротѣ цвѣтовъ не уступала наслажденію, какое въ послѣдствіи мы получаемъ отъ другихъ причинъ, не

*) *Broun*: Philos. of the Hum. Mind. Lect. LV. p. 362.

совмѣстимыхъ съ этимъ простымъ удовольствіемъ». *) Броунъ повторяетъ, что его изслѣдованіе имѣетъ въ виду одну оцѣнку вѣроятностей; и однакожъ, говоритъ онъ, «насколько мы можемъ прослѣдить волненіе красоты въ зрѣніи, — нѣкоторое оригинальное волненіе этого рода, повидимому, чувствуется въ цвѣтахъ, и ихъ различныхъ расположеніяхъ; и если отъ зрѣнія перейдемъ къ другому внѣшнему чувству, какое приближается къ нему, въ качествѣ источника чувствъ, составляющихъ наши волненія красоты,—то найдемъ другую вѣтвь ощущеній, которыя, повидимому, точно также благопріятствуютъ предположенію нѣкоторой оригинальной красоты... Классъ на который я намекаю, суть наши ощущенія звука, они, какъ мнѣ кажется, въ особенности пригодны для нашего объясненія; потому что, по моему мнѣнію, показываютъ заразъ — и вліяніе тенденцій оригинальныхъ, и вліяніе видоизмѣняющей силы случайныхъ обстоятельствъ. Мы находимъ, что у различныхъ народовъ преобладаютъ различные роды музыки; въ разнообразіи народныхъ мелодій мы узнаемъ, такимъ образомъ, силу обстоятельствъ видоизмѣняющихъ оригинальныя чувства. Но этой видоизмѣняющей силѣ есть предѣлы; потому что, какъ бы ни былъ различенъ частный духъ народныхъ мелодій, мы находимъ, что у всѣхъ народовъ только извѣстныя преемства звуковъ считаются пріятными,—тѣ именно, какія допускаютъ извѣстныя математическія пропорціи въ количествѣ своихъ вибрацій. Такимъ образомъ не всякій рядъ звуковъ способенъ возбуждать волненіе красоты, но только извѣстные ряды, какъ бы они ни были разно-

*) Ibidem.

образны. Универсальность этого закона красоты въ одномъ изъ нашихъ чувствъ, — по которому удовольствіе получается просто отъ распорядка или преемствъ звуковъ, даетъ основаніе думать, что по меньшей мѣрѣ не вся красота совершенно случайна, — и внушаетъ аналогіи, которыя, конечно, не какъ доказательства, а какъ простыя аналогіи,—можно распространить и на другія внѣшнія чувства...» *) «Писатели», говоритъ Броунъ, въ другомъ мѣстѣ, «которые хотѣли бы свести наши волненія красоты къ исключительному вліянію ассоціаціи, и пытаются оправдать свою теорію ссылаясь на силу встрѣчающихся ассоціацій,—дѣлаютъ, кажется, слишкомъ поспѣшное заключеніе. Доказывая большое вліяніе другихъ началъ, они еще не доказываютъ, чтобы не существовало вліянія оригинальной красоты. Чей глазъ,—какъ бы мало ни упражнялся онъ въ различеніи формъ и какъ бы ни чувствовалъ первоначально,—по крайней мѣрѣ въ зрѣломъ состояніи духа, не чувствуетъ красоты круга или эллипсиса, разсматриваемыхъ просто какъ фигуры, безъ отношенія къ какой нибудь частной цѣли? И хотя легко отыскать примѣры, когда этимъ формамъ мы предпочитаемъ какія нибудь фигуры угловатыя, въ виду полезнаго употребленія, какому онѣ, сами по себѣ менѣе пріятныя, могутъ служить,—этимъ однакожъ не доказывается, чтобы кривая линія не чувствовалась сама по себѣ болѣе красивою; а единственно лишь то, что она не чувствуется такою, какъ скоро пріятное волненіе, какое оно возбуждаетъ сама по себѣ, преодолѣвается чувствомъ скорбнымъ, вытекающимъ изъ ея видимой

*) Ibid. p. 363.

непригодности, сравнительно съ другою болѣе пригодною фигурою.» *).

Эти и другія соображенія привели Броуна къ слѣдующему заключенію «Тяжесть доказательства,» говоритъ онъ, «падаетъ не на защитниковъ оригинальной красоты, а на тѣхъ которые отрицаютъ ее, и хотя наше изслѣдованіе имѣетъ въ виду не то что̀ можно утверждать съ достовѣрностію, а что̀ можно считать болѣе или менѣе вѣроятнымъ, — тѣмъ не менѣе, эти немногія замѣчанія могутъ достаточно показывать, что вѣроятности больше на сторонѣ того мнѣнія, что для нашего духа не всѣ предметы первоначально безразличны въ отношеніи къ красотѣ и безобразію, или, говоря точнѣе, не способны возбуждать ни того ни другого изъ этихъ волненій; а что, напротивъ, хотя случайныя обстоятельства и могутъ производить то или другое, когда, безъ этихъ случайностей, не произошло бы ни того ни другого,—иначе могутъ разнообразно видоизмѣнять и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ извращать тенденціи оригинальныя, — тѣмъ не менѣе въ нашемъ духѣ такія оригинальныя тенденціи существуютъ, — тенденціи чувствовать волненія красоты, помимо всякой ассоціаціи, при созерцаніи извѣстныхъ предметовъ, и волненія имъ противуположныя, при созерцаніи нѣкоторыхъ другихъ предметовъ.» **).

Послѣ положительныхъ указаній въ пользу защищаемаго мнѣнія, Броунъ обращается къ представленнымъ возраженіямъ, которыя сводятся къ слѣдующему. Предметы безразличныя въ отношеніи къ красотѣ и безобразію вслѣдствіе случайныхъ внушеній, становятся пре-

*) Ibid. Lect. LVI, p. 368.

**) Ibid. p 364.

красными или безобразными; и наоборотъ, предметы возбуждавшіе прежде чувства красоты или безобразія, вслѣдствіе того же обстоятельства, теряютъ свою дѣйствительность въ этомъ направленіи. Но самое сильное возраженіе представляется въ наглядной флюктуаціи эстетическаго вкуса, предполагающей соотвѣтственную флюктуацію и эстетическихъ волненій. На эти возраженія Броунъ отвѣчаетъ, что тѣ же самыя обстоятельства замѣчаются и въ исторіи другихъ волненій, у которыхъ однакожъ не оспориваютъ оригинальности, даже и тѣ которые отрицаютъ оригинальныя эстетическія чувства.

Разсматривая анализы Броуна, чувствуешь всю силу его замѣчаній, противъ претензій на выводъ эстетическаго волненія исключительно изъ нашихъ ассоціацій, или изъ причинъ чисто идеальныхъ, воспроизведенія какихъ нибудь прежнихъ, пріятныхъ или непріятныхъ, ощущеній и волненій; и только удивляешься, почему эти замѣчанія лишены, тѣмъ не менѣе, силы доказательства, и остаются одною сравнительно высшею вѣроятностью,— какъ это предполагалъ и самъ Броунъ. Только послѣдующіе успѣхи объясняютъ обыкновенно предшествующіе недостатки; такъ и въ нашемъ случаѣ. Броунъ лишилъ свои анализы доказательности, вслѣдствіе слишкомъ широкой, слабо очерченной постановки тѣхъ условій красоты или эстетическаго волненія, при которыхъ оно производится своими разнообразными причинами. Въ чемъ, по мнѣнію Броуна, заключаются эти условія,—онъ объяснилъ въ самомъ началѣ своихъ анализовъ красоты; языкъ относящихся сюда мѣстъ стоитъ пока на почвѣ выраженій отчасти популярныхъ, но послѣ всего что намъ уже извѣстно изъ его дальнѣйшихъ разысканій, не можетъ

вводить въ ошибку «Когда мы говоримъ» — такъ начинаетъ Броунъ — «о волненіи возбуждаемомъ красотою, то говоримъ конечно о волненіи пріятномъ; потому что всѣ писатели, употребляя это названіе, сходятся единственно въ пунктѣ пріятности этого волненія, и только въ этомъ смыслѣ оно употребляется и въ народѣ, въ его обычной фразеологіи. Такимъ образомъ, извѣстное удовольствіе можно отмѣтить прежде всего, какъ одно изъ существенныхъ обстоятельствъ этого волненія.

«Другое обстоятельство, которое можетъ быть не такъ наглядно, но которое я считаю не меньшимъ условіемъ красоты, при зрѣломъ состояніи духа, въ какомъ она только и можетъ подлежать нашему изслѣдованію,— состоитъ въ томъ, что чувствуемое удовольствіе мы переносимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, на возбудившій его предметъ, какого бы рода онъ ни былъ, и воплощаемъ въ послѣднемъ, сочетавая свое чувство съ самымъ понятіемъ о немъ, какъ прекрасномъ; — очень похоже на то, какъ внѣшнія формы мы одѣваемъ въ цвѣта, которые существуютъ однакожъ только какъ чувства нашего собственнаго духа». «Эти два обстоятельства, пріятная природа самаго волненія и отожествленіе его съ возбудившимъ предметомъ, существенно необходимы для него въ тѣхъ лѣтахъ, въ какихъ оно только и можетъ быть предметомъ размышленія; и суть, какъ я полагаю, единственныя обстоятельства, существенныя для него при всѣхъ его разницахъ, и какимъ бы путемъ оно ни производилось»*).

Никакого не можетъ быть спора, что оба эти признака принадлежатъ дѣйствительно всѣмъ нашимъ эсте-

*) *Brown:* Philos. of the Hum. Mind. p. 350 351.

тическимъ волненіямъ. Но чтобы въ этомъ были исчерпаны всѣ главныя своеобразныя условія красоты, этого отнюдь не видно въ броуновыхъ показаніяхъ; даже болѣе, не смотря на универсальный характеръ обоихъ обстоятельствъ, въ нихъ еще и не содержится дѣйствительныхъ спеціальныхъ условій красоты. Прежде всего, обстоятельство второе слишкомъ обще для этой цѣли. Не показалъ ли самъ Броунъ, что этотъ фактъ встрѣчается отнюдь не исключительно въ области изящнаго, даже болѣе, не доказалъ ли онъ, что это стремленіе чувства, воплощаться въ возбуждающихъ его предметахъ, свойственно также самымъ разнообразнымъ ощущеніямъ и волненіямъ, и есть простое послѣдствіе общаго закона смежности? Ясно, что эта черта еще не опредѣляетъ спеціальныхъ условій красоты. Что же касается перваго обстоятельства, то это только общій фактъ, для котораго именно и требуется найти соотвѣтственныя условія происхожденія, при всѣхъ видахъ его элементарныхъ производителей.—Такимъ образомъ, оставаясь, въ существѣ, съ однимъ общимъ условіемъ красоты, вытекающимъ изъ закона ассоціацій по смежности, могъ ли Броунъ бороться болѣе сильно, чѣмъ какъ это сдѣлано имъ, противъ теоріи красоты выводящей ее всецѣло изъ того же самаго источника, т. е. ассоціаціи?

Итакъ вопросъ о спеціальныхъ условіяхъ красоты остается пока открытымъ; и можетъ быть выраженъ такъ: при какихъ именно условіяхъ, какіе бы то ни было производители или антецеденты эстетическаго чувства, реальные или идеальные, пріятнаго или непріятнаго качества,—могутъ давать то своеобразное пріятное волненіе, которое называется красотою, или чувствомъ красоты?

Рѣшить этотъ вопросъ можно только съ помощію анализа эффектовъ, безспорно эстетическихъ, разлагая ихъ на составные элементы, и видоизмѣняя обстоятельства положенія послѣднихъ, такъ чтобъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ они обнаруживаютъ эстетическое вліяніе и въ какихъ нѣтъ. Гдѣ же отыскиваются безспорные эстетическіе эффекты? — Единственно, въ изящномъ искуствѣ. Во всякомъ другомъ случаѣ можно сомнѣваться, точно ли чувство удовольствія, испытываемое нами въ присутствіи какихъ нибудь предметовъ, есть эстетическаго рода; здѣсь напротивъ, въ безчисленныхъ примѣрахъ, оцѣненныхъ всѣмъ образованнымъ міромъ, не можетъ быть и тѣни подобнаго сомнѣнія. Далѣе, красота естественная не находится достаточно въ нашихъ рукахъ, и менѣе доступна психологической экспериментаціи по методѣ разностей; напротивъ, красота изящныхъ искуствъ представляетъ для этого самыя тонкія благопріятныя условія. Поэтому, въ теоріи эстетическаго волненія, единственно надежный способъ достигнуть опредѣленія условій красоты, и всей суммы ея производителей, состоитъ въ томъ, чтобъ эстетическое волненіе изучать какъ впечатлѣніе *художественное*. Такъ именно поступаетъ Бэнъ; и результаты полученные имъ для рѣшенія вопроса объ идеальныхъ и реальныхъ факторахъ красоты, отличаются всею научною доказательностью.

«Подъ эстетическими волненіями», говоритъ Бэнъ, «я разумѣю группу чувствъ принятыхъ въ различныя изящныя искуства, и составляющихъ классъ удовольствій, кое-гдѣ очерченный не строго, но во многихъ отношеніяхъ отличный отъ другихъ удовольствій. Во всѣ времена существовало убѣжденіе, что между прекраснымъ и

полезнымъ, между искуствомъ и ремесломъ, есть нѣкоторый контрастъ; и мы охотно изслѣдуемъ въ чемъ состоитъ подмѣченная разница. Удовольствія пищи и питья и другія наслажденія называемыя чувственными, исключены изъ настоящаго класса, и даже противопоставляются ему, на основаніяхъ, изъ которыхъ главныя не трудно указать. Во-первыхъ, по самому складу нашей конституціи эти тѣлесныя функціи, хотя между прочимъ доставляютъ и удовольствіе, въ существѣ однакожъ служатъ къ поддержанію нашего существованія и, какъ направленныя прежде всего къ этой спеціальной цѣли, естественно не могутъ входить въ составъ однихъ лишь удовольствій. Далѣе, они связаны съ произведеніемъ противнаго и отталкивающаго, — что вредитъ ихъ чистотѣ, какъ источниковъ удовольствія. И въ-третьихъ, по самой природѣ своей, они ограничены въ своемъ вліяніи только одною особою; потому что общественность стола есть элементъ прибавочный. Два лица не могутъ наслаждаться однимъ и тѣмъ же кусочкомъ хлѣба, или однимъ и тѣмъ же глоткомъ развеселяющаго напитка. Такимъ образомъ, всякій видъ удовольствія, подлежащій одному или болѣе изъ этихъ трехъ условій, можетъ принадлежать, въ высокой степени, къ классу пользъ и къ цѣлямъ ремесла, но не входитъ въ порядокъ о которомъ теперь разсуждается. Далѣе устройство предосторожностей противъ страданія, болѣзни и смерти, — наши одежды, дома, валы, плотины, проводники свѣта, лѣкарства и хирургическія орудія, не имѣя въ существѣ ничего пріятнаго, переходятъ въ классъ полезнаго. Такимъ же образомъ, тѣлесное и умственное образованіе, само по себѣ, не есть что нибудь пріятное; часто совершенно наоборотъ. Имущество лишается нуж-

наго качества вслѣдствіе третьяго условія; такъ какъ оно, даже въ видѣ денегъ, ограничено однимъ только собственникомъ. Тоже должно сказать о силѣ и достоинствѣ, наслажденіе которыми, за исключеніемъ одного случая, который мы теперь и отмѣчаемъ *), не можетъ быть дѣлимо или распространяемо на другихъ. Всякая вещь, настолько ограниченная въ кругѣ своего дѣйствія, что составляетъ принадлежность личную, и даетъ поводъ къ ревности и зависти, — не можетъ быть удовольствіемъ, какое имѣетъ въ виду творецъ изящныхъ искуствъ. Здѣсь существуютъ предметы, которые могутъ доставлять наслажденія какъ свою первоначальную цѣль, которые не имѣютъ никакихъ непріятныхъ или отталкивающихъ сопровожденій, и наслажденіе которыми не можетъ быть ограничено однимъ духомъ; всѣ эти условія наглядно возвышаютъ порядокъ такихъ предметовъ въ лѣстницѣ нашихъ наслажденій. Хотя они и не такъ сильны, какъ тѣ другія вліянія замкнутаго класса,—но ихъ широкій разливъ дѣлаетъ ихъ драгоцѣнными, подобно открытому воздуху и свѣту небесъ» **).

Такимъ образомъ, условія красоты или эстетическаго волненія лежатъ въ трехъ главныхъ свойствахъ эстетическихъ агентовъ; и не трудно замѣтить, что всѣ три свойства заключаютъ требованія, прежде всего, отрицательныя. Предметы возбуждающіе эстетическое волненіе, или производители его, не направляются ни къ какóй другой цѣли, кромѣ простаго наслажденія;—иначе сказать,

*) «Народная сила можетъ быть чувствуема коллективно, и это коллективное чувство приближается къ одному изъ эстетическихъ чувствъ. Тоже относится къ гордости фамильной или сословной». *Прим. Бэна.*

**) *Bain*: The Emotions and the Will. p. 210.

не служатъ мотивомъ къ какому нибудь опредѣленному, полезному дѣйствію, звеномъ въ ассоціаціяхъ воли. — контрастъ *полезнаго*, *дѣлового*, и *прекраснаго*, *эстетическаго*. Они не должны, далѣе, имѣть обстановки внушающей что нибудь противное, отталкивающее,—иначе, принадлежатъ къ классу вліяній *избранныхъ*, *облагороженныхъ*, *утонченныхъ*. Наконецъ, они не должны быть ограниченнаго, замкнутаго характера,—или, по природѣ своей, бываютъ *открыты* для общаго пользованія, *общедоступны*, *свободны*. Какъ бы ни смотрѣли мы, съ перваго раза, на эти условія красоты или эстетическихъ чувствъ,—во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать двухъ обстоятельствъ. во-первыхъ, по своему отрицательному характеру, они совершенно отвѣчаютъ найденной сложности эстетическихъ эффектовъ, или разнообразію эстетическихъ агентовъ, во-вторыхъ, ни одного изъ этихъ условій нельзя отбросить, не разрушая художественной красоты, и наоборотъ,—какъ увидимъ скоро,—надобно только выполнить эти условія, чтобы предметы не обнаруживавшіе эстетическаго вліянія, получили тотчасъ такой характеръ. А это самое строгое доказательство того, что въ указанныхъ свойствахъ страстныхъ стимуловъ лежатъ спеціальныя условія красоты, или эстетическаго волненія.

Это оправдывается, прежде всего, на нашихъ внѣшнихъ ощущеніяхъ. Чувства мускульныя, ощущенія обоянія, осязанія, точно также какъ и вкуса, не выполняютъ требуемыхъ условій и, въ дѣйствительности, не принадлежатъ къ области изящнаго искуства; еще болѣе это прилагается къ ощущеніямъ органическимъ. Но въ этихъ условіяхъ стоятъ ощущенія слуха и зрѣнія, по своей природѣ, незамкнутыя, богатыя пріятнымъ каче-

ствомъ, не вызывающимъ никакого опредѣленнаго или полезнаго дѣйствія,—и въ тоже время значительно свободныя отъ свойствъ отталкивающихъ. Эти ощущенія играютъ огромную роль въ художественныхъ композиціяхъ, даже просто въ своемъ элементарномъ видѣ, или помимо всякихъ художественныхъ комбинацій. «Всѣ пріятныя разности звуковъ», говоритъ Бэнъ, «могутъ входить въ художественныя композиціи, напр. въ музыкѣ. Нѣкоторые звуки имѣютъ пріятность своимъ отличительнымъ качествомъ; иные громки и сильны, что, въ извѣстныхъ предѣлахъ, бываетъ также пріятнымъ свойствомъ. Пріятность массивныхъ звуковъ легче отступаетъ отъ условій. Высота звука есть основаніе музыкальной гармоніи. Усиленіе и ослабленіе звуковъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Всѣ эти качества участвуютъ въ произведеніи удовольствія вполнѣ художественнаго рода, и не достаетъ только дополнительнаго обстоятельства гармоніи.

«Чувство зрѣнія снабжаетъ разнообразными удовольствіями, изъ которыхъ каждое достойно стать долею эстетическаго круга наслажденій. Имъ не вредитъ ни одно изъ невыгодныхъ условій, изложенныхъ выше, и они обладаютъ въ высокой степени свойствомъ продолжаться въ формѣ идеи, что̀ рекомендуетъ ихъ еще болѣе для той же цѣли. Простой свѣтъ, цвѣтъ и блескъ суть три оптическихъ источника удовольствія. Комбинація оптическаго съ мускульнымъ даетъ удовольствія зрѣлища подвижного, формы и очерка, включая сюда особенный эффектъ кривой линіи, которая, не взирая на свою элементарную простоту, занимаетъ высокое положеніе въ ряду источниковъ эстетической прелести. Есть, притомъ, ощу-

щеніе великаго объема, отвѣчающее массивному въ звукѣ, и лежащее въ основѣ того что̀ мы называемъ возвышеннымъ. Предметы способные давать одно изъ этихъ впечатлѣній въ значительной мѣрѣ суть важныя средства къ возбужденію человѣческаго интереса. Лучезарность солнца, богатые оттѣнки цвѣта, блестящая и сверкающая поверхность, цѣнятся даже и тогда, когда стоятъ одиноко, и производятъ еще болѣе эффекта, когда соединяются гармонически рукою колориста.» *)

Итакъ, вопросъ о томъ, есть ли прямые, или независимые отъ всякой ассоціаціи, производители эстетическаго чувства, рѣшается совершенно удовлетворительно. Сюда принадлежитъ, прежде всего, огромный запасъ наслажденій доставляемыхъ зрѣніемъ и слухомъ, т. е. простыми звуковыми и зрительными качествами, независимо отъ всякихъ волненій и отъ ассоціаціи. Но какъ показываютъ факты, въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, благопріятствующихъ красотѣ, могутъ стоять и многія элементарныя волненія; какъ напр. пріятныя волненія гармоніи, новости, разнообразія, удивленія, и именно, какъ дѣйствительныя впечатлѣнія, производимыя по законамъ гармоніи и относительности, а не какія нибудь воспроизведенія по законамъ ассоціаціи. Вотъ второй безспорный порядокъ прямыхъ, или реальныхъ, производителей красоты, работающихъ независимо отъ всякой ассоціаціи. **).

До сихъ поръ мы занимались прямыми эстетическими дѣятелями, или источниками прекраснаго помимо всякой ассоціаціи. Но легко замѣтить, что въ нихъ далеко не

*) Ibid. p. 216.

**) Ibid. p. 220.

исчерпываются всѣ виды удовольствій, доставляемыхъ намъ прекрасными предметами; можно сказать больше, въ нихъ мы не находимъ наилучшей доли нашихъ эстетическихъ наслажденій,—«утѣхъ,» какъ выразился Броунъ, «доставляемыхъ красотою въ ея наиболѣе привлекательнѣйшихъ формахъ.»—Источникъ этихъ удовольствій есть умъ, или ассоціація. Производители ихъ не суть уже прямыя или реальныя ощущенія или волненія, а только воспроизведенія ихъ, или наши идеи. Въ отдѣлѣ ума, мы неоднократно указывали большую разницу между ощущеніями или волненіями, какъ дѣйствительными впечатлѣніями, происходящими по своимъ спеціальнымъ законамъ,—и какъ воспроизведеніями, происходящими по законамъ ассоціаціи. Чувства воспроизведенныя, подобно всѣмъ другимъ воспроизведеніямъ, будутъ только идеальныя, или идеи. Во всякомъ сложномъ произведеніи изящнаго искуства, въ общемъ составѣ художественнаго впечатлѣнія, всегда отыскиваются, кромѣ вышеизложенныхъ прямыхъ или реальныхъ, эти косвенные, получаемые по законамъ ассоціаціи, или идеальные производители. Послѣдніе обыкновенно составляютъ наиболѣе цѣнные элементы художественнаго эффекта, кажутся какъ бы душею его, и по извѣстному закону, душею изящнаго произведенія.

Такой рѣзкій контрастъ между идеальнымъ и реальнымъ въ художественномъ эффектѣ, повидимому, способствовалъ всего болѣе успѣху теоріи, противъ которой направлялось изслѣдованіе оригинальной красоты,—теоріи, сводившей происхожденіе эстетическаго волненія къ одной ассоціаціи, и сдѣлавшейся знаменитою подъ именемъ теоріи Элисона (Alison), блестяще изложенной послѣднимъ въ «Опытахъ о природѣ и началахъ вкуса»

Послѣ всего сказаннаго, отзывъ Бэна объ этой теоріи не покажется пристрастнымъ; мы приводимъ его больше для того чтобы, въ богатыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ Элисона, указать наглядныя доказательства безспорной силы ассоціаціи, въ произведеніи изящнаго. «Ученіе Элисона,» говоритъ Бэнъ, «объясняетъ удовлетворительно сильные эффекты, производимые на нашъ духъ ощущеніями и предметами, которые, сами по себѣ, безразличны, или совершенно не отвѣчаютъ этимъ эффектамъ... Возьмемъ въ примѣръ звуки: «всѣ звуки», «говоритъ Г. «Элисонъ, «бываютъ вообще возвышенны, какъ скоро со- «четаваются съ идеями великой силы или могущества; «шумъ потока. раскаты водопада, вой бури, взрывъ по- «роха, удары волнъ и проч.» Весьма многіе изъ этихъ звуковъ поразительны, однакожъ, и сами по себѣ, вслѣдствіе своей силы и объема; и эффектъ производимый ими на духъ не вполнѣ зависитъ отъ ассоціаціи. Слѣдующее мѣсто лучше объясняетъ предположеніе. «Что звуки или крики нѣкоторыхъ животныхъ возвышенны, это «извѣстно каждому;—рыканье льва, ревъ медвѣдя, вой «волковь, крикъ орла и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ «мы имѣемъ звуки животныхъ замѣчательныхъ по своей «крѣпости, и страшныхъ по своей лютости.» Подобнымъ образомъ авторъ представляетъ случаи ассоціаціи и въ чувствахъ красоты; какъ напр· «Блеянье ягненка бы- «ваетъ прекрасно въ ясный весенній день, — мычанье «коровы — въ отдаленіи, лѣтомъ, среди сцены пасту- «шескаго ландштафта. Крикъ козы среди скалъ чрезвы- «чайно прекрасенъ, какъ выраженіе дикости и независи- «мости. Жужжанье жука прекрасно въ ясное лѣтнее «утро, такъ какъ, кажется, подходитъ къ тишинѣ и по-

«кою этого пріятнаго времени года. Щебетанье ласточки «прекрасно утромъ и, кажется, выражаетъ веселость «этого времени.»—Подобное же объясненіе можно получить относительно цвѣтовъ и зрительныхъ явленій. Сильное волненіе, возбуждаемое ударомъ грома, можетъ быть вызвано нечаяннымъ блескомъ стекла,—эффектомъ, который, самъ по себѣ, весьма посредственъ, но способенъ напомнить великія черты того явленія, и такимъ образомъ дать волненіе возвышенности. Слѣды бури, наблюдаемые въ разгромѣ и крушеніи, оживляютъ чувство какое возбуждается высокою степенью ея неистовства. Рѣчь описывающая такія явленія, употребляемая искусно, можетъ производить эти волненія чисто въ силу ассоціаціи.

«Элисонъ распространяетъ объясненіе своего ученія на формы и движенія, точно также какъ на звуки и цвѣта; и даетъ на все это примѣры въ большомъ изобиліи. Я увѣренъ, что онъ слишкомъ часто выставлялъ эффекты прямые, какъ эффекты ассоціаціи, но тѣмъ не менѣе онъ поставилъ выше всякаго спора, что начало ассоціаціи работаетъ широко, сообщая *безразличнымъ* предметамъ способность вызывать волненіе въ духѣ наблюдателя» [1]).

Примѣры приводимые Элисономъ, даютъ намъ возможность выдѣлить, изъ настоящаго вопроса объ ассоціаціи, часть эстетическихъ эффектовъ, о которыхъ было говорено выше. Мы нашли между прямыми или реальными эстетическими чувствами нѣкоторыя волненія; какъ напр гармоніи, разнообразія и проч. Эти чувства могутъ

[1]) *Bain* The Senses and the Intellect. 2-d. edit. p. 408.

быть произведены столько же комбинаціею нашихъ ощущеній, какъ напр тоновъ, цвѣтовъ, формъ и проч., какъ и комбинаціею идей, образовъ, или идей и ощущеній вмѣстѣ. Жужжанье жука, въ примѣрѣ Элисона, есть образчикъ комбинаціи послѣдняго рода. И здѣсь прямой эффектъ гармоническихъ образовъ принятъ Элисономъ за косвенный эффектъ ощущеній и волненій, испытанныхъ прежде, и работающихъ, для художественнаго впечатлѣнія, въ формѣ воспроизведенія или идеи. Говоря объ ассоціаціи, какъ источникѣ красоты, мы имѣемъ въ виду только это послѣднее, косвенное, или идеальное, украшеніе предметовъ.

Предметы, съ какими намъ приходится встрѣчаться, постоянно вызываютъ въ насъ прежнія ощущенія и волненія, по законамъ смежности и сходства. Но изъ этого огромнаго ряда воспроизведеній, только малая доля становится чувствами съ характеромъ эстетическимъ. Спрашивается: какими же обстоятельствами условливается этотъ характеръ чувствъ, оживляемыхъ ассоціаціею, — эта не оригинальная, прямая, а вторичная, косвенная, красота?

Элисонъ объясняетъ это двоякимъ образомъ. По его предположенію, прямыхъ эстетическихъ чувствъ не существуетъ; но существуетъ множество прямыхъ, или непосредственныхъ, пріятныхъ ощущеній и волненій. Эти пріятныя ощущенія и волненія, вызываемыя предметами въ силу ассоціаціи, и становятся чувствами эстетическими *).

Такое объясненіе вполнѣ удовлетворяетъ пріятному

*) *Blakey:* History of the Philos of Mind. Vol III. p. 431.

качеству эстетическихъ волненій, но не можетъ отдѣлить ихъ отъ пріятныхъ воспроизведеній не имѣющихъ эстетическаго характера, каковы напр. пріятныя предвкушенія ожидаемыхъ удовольствій

Впрочемъ, самъ Элисонъ выводитъ косвенную красоту, получаемую въ силу ассоціаціи, — не столько изъ прежней пріятности воспроизводимыхъ ощущеній и волненій, сколько изъ длиннаго, гармоническаго теченія воспроизводящихъ образовъ. *) Но здѣсь уже въ принципѣ высказана та невѣрность, какая замѣчена во многихъ представленныхъ имъ примѣрахъ,—именно, принятіе прямого чувства гармоніи за косвенное внушеніе ассоціаціи.

Работу ассоціаціи дающую намъ эстетическія впечатлѣнія, Броунъ представляетъ подъ тремя видами: какъ перенесеніе пріятныхъ ощущеній и волненій, по началу смежности и сходства, какъ внушеніе постепенно образующагося общаго эстетическаго чувства, которымъ мы измѣряемъ различныя степени художественнаго наслажденія, и наконецъ, какъ разлитіе или воплощеніе внушаемыхъ чувствъ во внушающемъ ихъ предметѣ.

Первое обстоятельство Броунъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. «Всякое удовольствіе обладающее большою живостію, сочетавшись случайно съ какимъ нибудь частнымъ предметомъ, можетъ быть вызвано, путемъ ассоціаціи, тѣмъ же самымъ предметомъ,—такъ что, въ послѣдствіи, въ связи съ этимъ сочетавшимся чувствомъ, онъ кажется намъ пріятнѣе, чѣмъ первоначально, — и можетъ быть возбуждаемо, точно также, и съ этимъ же эффектомъ, и предметомъ ему подобнымъ, или съ нимъ

*) *Brown* Phil. of the Hum. Mind p. 370.

сходнымъ, который, поэтому, даже при первомъ на него взглядѣ, можетъ казаться обладающимъ нѣкоторою оригинальною прелестью, чего конечно онъ не имѣлъ бы безъ этого быстраго и незамѣтнаго внушенія. Нѣкоторую долю красоты пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, всякій предметъ, похожій на тотъ, который намъ служилъ источникомъ какого нибудь прямого удовольствія; и съ этою слабою степенью пріятнаго волненія могутъ, подобнымъ же образомъ, сочетаваться и другія удовольствія, вытекающія, быть-можетъ, изъ источниковъ совершенно случайныхъ, и дѣлающія это состояніе духа болѣе сложнымъ; но какъ единое чувство или состояніе духа, послѣднее тѣмъ не менѣе можетъ быть вызываемо тѣмъ же или сходными предметами, какъ и то, менѣе сложное волненіе, какое ему предшествовало въ первой стадіи... Это-то непосредственное состояніе сложнаго волненія, какъ бы постепенно и медленно оно ни формировалось, по моему мнѣнію, и внушается намъ, когда предметы кажутся намъ прекрасными. . Такимъ образомъ, ландшафтъ представляющій сходство со сценою нашей ранней молодости, или съ какою нибудь другою, свидѣтельницею нашего особеннаго счастія, — будетъ намъ казаться прекраснѣе, чѣмъ другимъ, которые не дѣлили съ нами этого источника прибавочнаго украшенія. Черты лица дорогой намъ особы разливаютъ прелесть на чертахъ сходныхъ, которыя въ другомъ случаѣ не обратили бы на себя и нашего минутнаго взгляда...» *) Броунъ полагаетъ, что въ этомъ источникѣ красоты и кроется, главнымъ образомъ, начало всѣхъ разностей и кажущихся аномалій въ эстетическихъ чувствахъ.

*) Ibidem

Присматриваясь ближе къ этому объясненію, мы найдемъ, что оно, дѣйствительно, не идетъ дальше разностей и аномалій эстетическаго чувства; да и послѣднія охватываются имъ, конечно, не вполнѣ. Живыя удовольствія—одинъ изъ главныхъ источниковъ нѣжныхъ чувствъ. Эти чувства подчиняются, какъ и другія, всѣмъ законамъ ассоціаціи; они могутъ случайно связываться съ предметами, въ силу своей смежности съ предметами и всѣми обстоятельствами нашихъ удовольствій, подавшихъ поводъ къ нѣжности; они могутъ возрастать, осложняться изъ различныхъ другихъ источниковъ, и могутъ переноситься на предметы, сходные съ предметами нашей нѣжности. Но характеръ ихъ отъ этого не мѣняется; они остаются, въ существѣ, нѣжными чувствами, — чувствами любви, дружбы, привязанности и проч. Эти чувства имѣютъ несомнѣнную долю вліянія на наши эстетическія волненія и, въ большей части случаевъ, могутъ объяснить упомянутыя разницы и аномаліи; но они не составляютъ настоящихъ производителей косвеннаго эстетическаго впечатлѣнія, – не объясняютъ какимъ образомъ ассоціація можетъ быть источникомъ эстетическаго волненія, одинаково для всѣхъ и каждаго.

Броунъ совершенно соглашается, что въ его объясненіи пока не дано начала извѣстной общности эстетическаго чувства, какъ оно высказывается въ кругу образованныхъ людей; и вотъ что переводитъ его къ другому способу объясненія. Броунъ указываетъ, что мы постепенно пріобрѣтаемъ нѣкоторыя общія понятія о красотѣ, отъ которыхъ и зависитъ извѣстная общность нашихъ измѣреній красоты,—нѣкоторое сходство въ опредѣленіи степени эстетическаго эффекта. Эти положе-

нія, сами по себѣ, безспорно вѣрны, но составляютъ очевидное уклоненіе отъ вопроса они рѣшаютъ вопросъ объ умѣ, эстетическомъ вкусѣ или сужденіяхъ, но отнюдь не объ эстетическихъ волненіяхъ. Общія эстетическія понятія или оцѣнки зависятъ отъ сходныхъ, или близко подходящихъ, эстетическихъ впечатлѣній на массу образованныхъ наблюдателей изящнаго, но вопросъ, въ чемъ же заключаются одинаковыя для всѣхъ условія косвенной или идеальной красоты,—остается попрежнему неразрѣшеннымъ.

Припомнимъ условія красоты представленныя Бэномъ; точно ли они обнаруживаютъ приписываемый имъ характеръ и въ дѣлѣ косвеннаго произведенія эстетическихъ эффектовъ?

Мы видѣли, что эти условія эстетическаго выполняются тогда, когда возбудители испытываемаго удовольствія не имѣютъ въ виду никакой посторонней цѣли, никакихъ отталкивающихъ или противныхъ сопровожденій, и наконецъ, не ограничиваются однимъ лицомъ, или общедоступны Мы нашли, далѣе, что нѣкоторыя ощущенія и волненія, по самой природѣ своей, способны, безъ дальнѣйшаго, стоять въ этихъ условіяхъ и, дѣйствительно, входятъ въ составъ художественнаго эффекта, какъ прямые эстетическіе производители. Намъ предстоитъ теперь провѣрить эти условія обратнымъ путемъ; т. е. поставить въ оныхъ ощущенія и волненія, по природѣ, лишенныя эстетическаго вліянія, и получить въ нихъ художественные элементы, единственно вслѣдствіе выполненія этихъ условій. Эти-то измѣненныя обстоятельства и даетъ намъ ассоціація, когда бываетъ источникомъ красоты.

Пріятныя ощущенія цвѣтовъ, формъ и тоновъ стоятъ какъ сказано, по природѣ, въ условіяхъ эстетическихъ, и входятъ въ составъ художественнаго впечатлѣнія; но этого свойства лишены ощущенія всѣхъ другихъ внѣшнихъ чувствъ,—мускульныя, органическія, вкуса, обонянія, осязанія. Извѣстно, однакожъ, что эти ощущенія, подобно другимъ, могутъ существовать и въ качествѣ идей, или удовольствій идеальныхъ, вслѣдствіе ихъ воспроизведенія или оживленія по законамъ ассоціаціи. Теперь, факты показываютъ, что если это воспроизведеніе ставитъ ихъ именно въ упомянутыхъ условіяхъ, они становятся, точно также, источникомъ эстетическаго волненія или красоты. «Такимъ образомъ, когда мускульное упражненіе, покой, или утомленіе, просто только внушаются духу,—какъ напр. когда мы смотримъ на гимнастическія движенія, танцы, катанье на конькахъ и проч.,—они становятся источниками утонченнѣйшаго интереса. Сбрасывая совершенно свою эгоистическую природу, они дѣлаются одинаково доступны какому угодно числу лицъ, т. е. получаютъ характеръ свободы, столь существенный въ искуствѣ. Такимъ же путемъ возвышаются и ощущенія органической жизни. Пока они ограничены нашимъ дѣйствительнымъ, даже припоминаемымъ или предпринимаемымъ опытомъ, они исключены изъ области изящнаго; но разсматриваемыя въ томъ видѣ когда они не составляютъ собственности одного лица, они бываютъ матеріаломъ годнымъ для художника. Такимъ образомъ участіе какое мы принимаемъ въ питаніи и поддержаніи животной жизни, бываетъ интересомъ и неисключительнаго свойства. Обстоятельства внушающія свободный и свѣжій воздухъ, давая духу идею пріятнаго дыханія, бываютъ,

конечно, не безкорыстны, и тѣмъ не менѣе, достаточно облагорожены для кисти художника. Въ самомъ дѣлѣ, живописцу предстоитъ одинъ изъ лучшихъ успѣховъ, въ изображеніи сценъ и обстоятельствъ, сильно оживляющихъ это чувство, при взглядѣ на его картину. Дѣйствительное наслажденіе теплотою или холодомъ бываетъ такъ-сказать чувственнымъ, но вызовъ тѣхъ же эффектовъ въ духѣ наблюдателей путемъ ассоціаціи, напр. цвѣтомъ, свѣтомъ и тѣнью, бываетъ утонченнымъ и художественнымъ. Принятіе нами пищи, и наши собственныя состоянія голода, принадлежатъ къ числу интересовъ низшаго разряда, хотя лично для насъ и могутъ быть опытами самыми чувствительными; но созерцаніе Санчо Пансы, лишающагося обѣда по предписанію медика, принадлежитъ къ возвышенной сферѣ интереса неисключительнаго. Безкорыстная симпатія, давая этимъ чисто чувственнымъ элементамъ идеальное существованіе, преобразуетъ ихъ характеръ, и нѣтъ лица которое бы не поддалось удовольствію, какое они способны давать въ этомъ видѣ... Пріятные запахи, въ живописномъ намекѣ, входятъ также въ изслѣдуемую нами область. Благовонная грудь Андромахи, и Афродиты, находитъ мѣсто въ поэзіи Гомера. Умственное внушеніе работаетъ особенно живо, давая эстетическій характеръ ощущеніямъ осязанія. Теплое, нѣжно мягкое прикосновеніе можетъ быть воспроизведено идеально, по изображеніямъ даннымъ глазу, — напр. въ живописи,—и такимъ образомъ становится удовольствіемъ эстетическимъ»*).

Тоже самое утончающее и облагороживающее вліяніе

*) *Bain*: The Emotions and the Will p. 218.

ассоціаціи обнаруживается по отношенію къ тѣмъ волненіямъ, которыя въ своемъ первоначальномъ видѣ лишены эстетическаго характера. «Чувство нѣжное въ особенности доступно артистическому употребленію, вслѣдствіе широкаго мѣста какое оно занимаетъ въ духѣ большинства, а равно качества и количества доставляемаго имъ удовольствія. Отъ артиста требуется только одна вещь, сообщить ему такое существованіе въ идеи, чтобъ удалить изъ картины аттрибутъ монополіи. Любовь отца, или матери, къ своему собственному дитяти исключительна; между тѣмъ какъ интересъ въ Лаокоонѣ неисключительный и эстетическій. Всѣ различные предметы нѣжнаго волненія, неодушевленные и одушевленные, употребляются безъ стѣсненія въ настоящемъ классѣ композицій, и на дѣлѣ нерѣдко разсматриваются, какъ синонимическіе съ прекраснымъ. Деликатный и нѣжный цвѣтокъ, зависимость дѣтства, покровительство спльнаго, и чувство рыцарства, суть источники неувядающаго человѣческаго интереса. Волненіе гнѣвное, въ нѣкоторыхъ своихъ фазахъ, точно также пригодный предметъ. Когда мы одобряемъ поводъ къ вспышкѣ гнѣва, намъ бываетъ пріятно сопровождать его собственными чувствами, и обнаруженія гнѣва могутъ быть поставлены въ такихъ условіяхъ, въ эпосѣ, съ сильнымъ эффектомъ. Волненіе страха можно обратить въ наслажденіе эстетическое, хотя, само въ себѣ, оно представляетъ прискорбное и разслабляющее обнаруженіе человѣческой природы... Простая идея или созерцаніе высшаго величія есть источникъ наслажденія. Упражненіе силы дѣйствительной есть удовольствіе замкнутое, но сила идеальная свободна и открыта»*). Такимъ же

*) Ibid p. 220.

образомъ вводятся въ художественныя композиціи волненія эгоизма, свободы, преслѣдованія цѣлей и проч

Таковы дѣйствія ассоціаціи по отношенію къ ощущеніямъ и волненіямъ, по природѣ своей не имѣющимъ эстетическаго характера. Надобно ли прибавлять, что вліянію ассоціаціи подчиняются и тѣ ощущенія и волненія, которыя составляютъ классъ нашихъ прямыхъ эстетическихъ чувствъ, и что это вліяніе утончаетъ еще болѣе ихъ эстетическій характеръ? Такимъ образомъ, «предметы слуха и зрѣнія, способные, по самой природѣ своей, составлять свободныя и общія удовольствія, могутъ быть еще болѣе возвышены и утончены; какъ, напр., когда артистъ слова представляетъ духу картины красотъ природы» [1].

Въ найденныхъ, прямыхъ и косвенныхъ, эстетическихъ чувствахъ мы имѣемъ передъ собою всѣ простѣйшіе элементы красоты или художественныхъ эффектовъ.

Обращаясь къ различнымъ классамъ эстетическихъ элементовъ, мы видимъ, что, не смотря на общія условія своего эстетическаго характера, они также отличаются другъ отъ друга, какъ ощущенія отличаются отъ волненій, и потомъ, тѣ и другія отличаются отъ ума. Опредѣлить ясно и подробно, какія изъ элементарныхъ состояній, чувственныхъ, умственныхъ и страстныхъ—насколько и когда, способны входить въ художественныя композиціи,—все это отчетливо можно сдѣлать только на мѣстѣ самаго изслѣдованія нашей чувственности, ума, и различныхъ частныхъ группъ духовныхъ волненій. Такъ именно поступалъ Бэнъ; мѣста, приведенныя нами по поводу пря-

[1] Ibid. p. 219.

мыхъ и косвенныхъ эстетическихъ чувствъ, суть у него только общій и бѣглый перечень результатовъ найденныхъ прежде. Собственный предметъ его изслѣдованія эстетическихъ элементовъ составляютъ употребительнѣйшія комбинаціи художественныхъ элементовъ. Мы ограничимся простымъ указаніемъ на способъ этого изслѣдованія, который считаемъ однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній долгаго историческаго анализа эстетическихъ чувствъ.

Простѣйшія комбинаціи эстетическихъ элементовъ, наиболѣе употребительныя въ изящныхъ искусствахъ, суть, въ области слуха, особенныя сочетанія тоновъ, называемыя гармоніею и мелодіею звуковъ, темпъ, эмфазисъ, кадансъ, къ которымъ, въ цѣлыхъ музыкальныхъ пьесахъ, присоединяется подражаніе выраженіямъ страстныхъ волненій, называемое andante, majestoso и проч. Къ этимъ простѣйшимъ комбинаціямъ присоединяется, въ сферѣ рѣчи, особенный пріятный эффектъ легкаго произношенія.

Въ области зрѣнія мы находимъ эстетическія сочетанія свѣтотѣни, гармонію цвѣтовъ, и ихъ соединеніе съ блескомъ, красоту сложныхъ движеній, формъ и очерковъ, соразмѣрность частей, твердую и легкую поддержку тяжести и проч. Въ цѣльныхъ произведеніяхъ живописи, скульптуры, архитектуры и декоративнаго искуства, прибавляется къ всему этому подражаніе зрительнымъ предметамъ, внушающимъ пріятныя волненія.

Въ области полезнаго встрѣчаются эстетическіе эффекты простого механическаго дѣйствія, точно также порядка и опрятности.

Къ числу простѣйшихъ комбинацій эстетическихъ элементовъ относятся также впечатлѣнія возвышеннаго и смѣшного

Всѣ указанные эстетическіе эффекты, такъ хорошо знакомые любителямъ изящныхъ искуствъ, объясняются частію прямымъ возбужденіемъ извѣстныхъ пріятныхъ чувствъ, въ особенности гармоніи и разнообразія, частію косвенными внушеніями различныхъ пріятныхъ ощущеній и волненій. Каждая подобная комбинація есть особенная тема для психологическаго анализа, и въ такомъ именно видѣ и обработывается у Бэна. Такимъ образомъ, напр., музыкальный эмфазисъ, какъ чередованіе тихихъ и громкихъ звуковъ,—независимо отъ внушенія различныхъ волненій, какое имъ дается обыкновенно въ музыкальныхъ пьесахъ, есть самъ по себѣ эффектъ пріятный, объясняющійся чувствомъ разнообразія, не вредящаго гармоніи.—Впечатлѣнія производимыя цѣлыми музыкальными пьесами, равно какъ и цѣльными произведеніями другихъ изящныхъ искуствъ, бываютъ суммою всѣхъ простыхъ эстетическихъ элементовъ въ ихъ простѣйшихъ комбинаціяхъ.

Простѣйшія начала эстетики, полученныя вслѣдствіе анализа изящныхъ искуствъ, Бэнъ объясняетъ общепризнаннымъ изящнымъ въ естественныхъ предметахъ минеральнаго, растительнаго и животнаго царства.

ГЛАВА VIII.

УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА

(Продолженіе)

Анализъ воли. Фактъ воли. Основные законы воли — у Локка, Гетчесона, Рида, Броуна, Гертли, Пристли, Д. Стюарта, Джемса Милля, Бэна Возрастаніе воли. Сложнѣйшіе феномены воли. Свобода и необходимость

Послѣдній порядокъ духовныхъ явленій, на которомъ до сихъ поръ мы не останавливали спеціальнаго вниманія, есть наша воля. Какъ было замѣчено въ предыдущей главѣ, возраженія противъ психологическаго анализа воли были совершенно одни и тѣ же, что и противъ анализа волненій: — увѣренность въ происхожденіи воли исключительно по закону ассоціаціи, и физіологическая теорія самой ассоціаціи. Поэтому все сказанное по поводу духовныхъ волненій, прилагается одинаково и къ факту воли; и мы считаемъ излишнимъ, входить въ новый разборъ этихъ возраженій. Достаточно замѣтить, что подъ волею мы разумѣемъ именно ту сферу дѣйствій, которая, по своимъ характеристическимъ признакамъ, ясно отдѣляется отъ всякихъ чисто физическихъ движеній, напр. рефлективныхъ и ихъ простѣйшихъ комбинацій;

что это отличіе составляется безспорными антецедентами такихъ дѣйствій, принадлежащими къ кругу явленій чисто духовныхъ, и слѣдовательно подлежащими психологическому анализу. Это оправдано даже въ отношеніи къ дѣйствіямъ такъ-называемымъ инстинктивнымъ, представляющимъ, по своей элементарности, первое зерно для нашей воли; и еще рельефнѣе выступаетъ во всѣхъ проявленіяхъ воли, возвышающихся надъ инстинктами —Такимъ образомъ, права психологическаго анализа въ кругѣ явленій воли не могутъ быть уничтожены никакою физіологическою теоріею.

Замѣтимъ предварительно, что наука о волѣ, по простотѣ своей обработки, всего болѣе приближается къ наукѣ объ умѣ; весь отдѣлъ явленій составляющихъ наши произвольныя дѣйствія, сводится къ двумъ, или тремъ, основнымъ законамъ, съ которыми, въ общихъ чертахъ, мы уже встрѣчались въ отдѣлахъ чувственности, ума, и волненій.

Вопросъ о волѣ былъ сведенъ къ своему истинному смыслу впервые Локкомъ, по поводу столько волновавшихъ въ его время ученый міръ, споровъ о нравственной свободѣ человѣка. Объ этихъ спорахъ и ихъ судьбѣ мы упомянемъ въ концѣ настоящей главы; теперь же ограничимся простою постановкою факта воли, какъ предмета психологическаго анализа.—Ограничивая права науки однимъ кругомъ духовныхъ и физическихъ явленій, Локкъ, какъ мы видѣли, призналъ несостоятельною старую теорію духовныхъ силъ, какъ нѣкоторыхъ духовныхъ агентовъ, скрытыхъ за явленіями, — и терминами *способность*, *сила*, обозначилъ просто самыя явленія и ихъ взаимныя отношенія. Это было раскрыто имъ именно

по вопросу о нашей волѣ. Наша воля не можетъ означать ничего другого, кромѣ особаго класса духовныхъ явленій, отличнаго и отъ ума, и отъ чувствъ Припомнивши это, мы не ошибемся въ мысли Локка, описывающаго фактъ нашей воли въ слѣдующихъ словахъ «По моему мнѣнію», говоритъ онъ, «дѣло очевидное, что мы находимъ въ себѣ силу, начинать и не начинать, продолжать или оканчивать, весьма многія дѣйствія нашего духа. и весьма многія движенія нашего тѣла. — и это просто вслѣдствіе какой нибудь мысли или выбора нашего духа, который рѣшаетъ и, такъ-сказать, повелѣваетъ, чтобы то или другое частное дѣйствіе было исполнено. Эта принадлежащая нашему духу, способность располагать такимъ образомъ присутствіемъ или отсутствіемъ какой нибудь частной идеи, или предпочитать движеніе какой нибудь части тѣла, покою этой же самой части, или наоборотъ,—и есть то, что мы называемъ *волею*. А дѣйствительное употребленіе, какое мы дѣлаемъ изъ этой способности, производя или прекращая то или другое дѣйствіе, есть то, что называютъ актомъ воли (volition) Прекращеніе или произведеніе дѣйствія, вслѣдствіе такого распоряженія души, называется *произвольнымъ*, а всякое дѣйствіе, совершенное безъ онаго, называется *непроизвольнымъ*»*).

Фактъ произвольныхъ дѣйствій очерченъ здѣсь довольно отчетливо. Но такъ какъ терминами *способность*, *сила*, означены у Локка лишь только общія условія, какія должны быть найдены во взаимныхъ отношеніяхъ самыхъ духовныхъ явленій, то возникаетъ вопросъ. въ чемъ со-

*) *Locke* Essay concern. the Hum Underst. Book. II Chap. XXI, § 5.

стоятъ общія условія нашихъ произвольныхъ дѣйствій? Иначе сказать, какими законами управляется этотъ классъ духовныхъ явленій въ своемъ происхожденіи и образованіи?

Издавна было замѣчено, что наши произвольныя дѣйствія первоначально мотивируются нашими удовольствіями и страданіями. Примѣръ такого мнѣнія мы встрѣчаемъ и у Локка. Можно отрицать всеобъемлющее значеніе этого объясняющаго начала, но сомнѣваться въ его важной роли невозможно, фактъ этотъ слишкомъ обыкновенный и наглядный. —Обвиненія, высказанныя неразъ противъ этого начала нашихъ произвольныхъ дѣйствій, вытекали главнымъ образомъ изъ недоразумѣній. Что́ хотѣли сказать лучшіе писатели о волѣ, провозглашая господство этого начала? Единственно только то, что чувства нейтральныя, т. е. такія, которыхъ нельзя назвать ни удовольствіями, ни страданіями, каковы напр. нѣкоторые виды удивленія,—не способны мотивировать нашихъ дѣйствій; что, далѣе, состоянія умственныя, принадлежащія къ тому же нейтральному классу, сами по себѣ не обладаютъ, также, способностью побуждать насъ къ дѣйствіямъ; и если, тѣмъ не менѣе, мы замѣчаемъ у нихъ эту способность, въ зрѣломъ состояніи нашей воли, то причину этого надобно искать въ какомъ нибудь другомъ законѣ воли, работающемъ въ видоизмѣненіи ея первоначальныхъ мотивовъ. — Въ такой постановкѣ дѣла нѣтъ ничего внушающаго опасенія. Припомнимъ, что удовольствія и неудовольствія суть лишь два общія названія для цѣлаго класса нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній и волненій;—что они не составляютъ особой группы, въ ряду найденныхъ группъ нашихъ

чувствованій, и употребляются единственно для выраженія такого или другого качества ихъ;—что въ рядъ удовольствій и страданій входятъ, такимъ образомъ, всѣ существующія высшія и благороднѣйшія человѣческія чувствованія,—любовь, дружба, симпатія, раскаяніе и проч. А такимъ образомъ, весь смыслъ этого начала, въ существѣ, сводится къ тому, что человѣкъ, въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ, первоначально руководствуется не умомъ, а сердцемъ. Въ такомъ именно смыслѣ представляется это дѣло и у Локка. Локкъ поставляетъ наши дѣйствія въ тѣсную связь съ чувствуемымъ благомъ или зломъ,—что̀, у него, равносильно пріятнымъ и непріятнымъ чувствамъ. Въ чемъ же состоитъ, по его понятію, нравственное благо и нравственное зло? Въ чувствахъ гармоніи и конфликта нашихъ дѣйствій съ закономъ божественнымъ, закономъ гражданскимъ, и закономъ общественнаго мнѣнія, или репутаціи *). А это именно наши чувства нравственныя; и поступки, внушаемые ими, конечно не ниже поведенія, предписываемаго какими нибудь умственными соображеніями.

Но хотя операція нашихъ чувствъ въ нашихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ вообще весьма наглядна, тѣмъ не менѣе научная постановка этого начала сопряжена съ большими трудностями. Спрашивается: въ чемъ состоитъ эта роль нашихъ чувствъ въ качествѣ мотивовъ? Суть ли произвольныя дѣйствія ихъ послѣдствіе *прямое*, непосредственное, такъ что этимъ преемствомъ обоихъ фактовъ исчерпываются вполнѣ такъ-называемые акты воли;—или же только *косвенное*, въ силу котораго наши чув-

*) Ibid. Chap. XXVIII, § 5.

ства ограничиваются простымъ возбужденіемъ состояній духа, отъ нихъ отличныхъ, и составляющихъ настоящія причины или антецеденты произвольныхъ дѣйствій?

Гетчесонъ, старѣйшій между шотландскими моралистами, высказалъ послѣднее мнѣніе; и оно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, поддерживалось цѣлымъ рядомъ писателей о волѣ. По его теоріи, пріятныя и непріятныя чувства, вызываемыя дѣйствительными, или предусматриваемыми причинами, тотчасъ вводятъ за собою новыя явленія духа, именно, желанія или отвращенія, въ которыхъ и состоятъ «первоначальныя движенія воли», и которыя сопровождаются опредѣленными дѣйствіями. *)

Ридъ вбросилъ между чувствами и дѣйствіями два новыхъ члена, именно, хотѣнія или акты воли (volitions), какъ рѣшимость дѣйствія или бездѣйствія, слѣдующую за желаніями, — и «дѣятельную силу», обнаруживающуюся въ нашихъ усиліяхъ, отличную и отъ актовъ воли, и отъ производимыхъ дѣйствій. **)

Нельзя не замѣтить весьма важныхъ недостатковъ въ этой сложной теоріи Рида. Отожествленіе воли съ рѣшимостію выключаетъ изъ области произвольныхъ дѣйствій широкій классъ поступковъ, совершаемыхъ безъ предварительнаго колебанія, — и далѣе, оставляетъ волю безъ всякаго положительнаго содержанія, такъ какъ состояніе рѣшимости есть только прекращеніе конфликта различныхъ мотивовъ. Что касается «дѣятельной силы» Рида, то она внушена отчасти нашимъ мускульнымъ усиліемъ,—фактомъ выходящимъ изъ области духовныхъ явленій, и имѣющимъ весьма второстепенный интересъ

*) *Cousin:* Philos Écoss 1857. p 40—41.

**) Ibid. pp. 446, 440, 441, 448.

въ анализѣ цѣлаго состава нашихъ произвольныхъ дѣйствій, — частію же упомянутымъ въ одной изъ главъ о психологической методѣ, противорѣчіемъ Рида ученію Юма о причинности. Поэтому, не удивительно, что Броунъ, представившій впервые ученіе Юма объ этой матеріи въ его истинномъ свѣтѣ, отвергъ «дѣятельную силу» Рида, и акты воли снова отожествилъ съ желаніями, какъ это было у Гетчесона

Не смотря на видимое сходство, теорія Броуна существенно отступаетъ отъ теоріи Гетчесона. Броунъ первый раскрылъ подробно, что простая причинная связь, т. е. извѣстное преемство нашихъ чувствъ и различныхъ, вызываемыхъ ими, перемѣнъ въ нашемъ тѣлѣ, равно какъ и въ направленіи мыслей или теченіи нашихъ идей,—совершенно достаточна для того, чтобы составить наше произвольное управленіе тѣломъ и умомъ; а въ этомъ управленіи обыкновенно и полагались наши произвольныя дѣйствія, какъ это мы видимъ у Локка, Рида и др. Такимъ образомъ, средній членъ между чувствами и дѣйствіями, поставленный Гетчесономъ, уничтоженъ Броуномъ; и въ цѣломъ своемъ сочиненіи о духѣ, Броунъ ограничился только изложеніемъ нашихъ ощущеній, ума и волненій, объясняя различныя обнаруженія нашей произвольности въ этихъ трехъ отдѣлахъ психологіи.

Кажущееся тожество ученія Броуна съ ученіемъ Гетчесона вышло изъ того, что Броунъ приписалъ дѣятельную роль только одному классу духовныхъ волненій, именно, нашимъ желаніямъ и нашимъ страхамъ, которыя онъ понималъ, какъ волненія проспективныя, т. е. вызываемыя предусматриваніемъ удовольствія или страда-

ній. При этомъ онъ, впрочемъ, допускалъ желанія, вытекающія непосредственно изъ нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, и играющія туже самую роль въ нашихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ.

Если общее начало теоріи Броуна не внушаетъ никакихъ возраженій, то подробности ея, съ перваго же взгляда, представляются нетвердыми. Контрастъ между желаніями и страхами оказывается далеко неполнымъ; страхъ есть просто духовное волненіе, и хотя онъ можетъ дѣйствительно вызывать нѣкоторыя дѣйствія (не всегда, впрочемъ, признаваемыя нами произвольными, о которыхъ собственно идетъ рѣчь),—не видно, однакожъ, основанія, почему бы страхъ стоялъ ближе къ нашимъ дѣйствіямъ, чѣмъ напр. гнѣвъ, любовь, симпатія и проч. Что же касается желанія, то оно не можетъ быть противоположностью ни страха, ни отвращенія, потому что въ немъ гораздо больше, чѣмъ простое духовное волненіе, хотя и весьма мало, чтобы исчерпать всѣ акты нашей воли Желаніе есть только задержанное какими нибудь препятствіями,—разстояніемъ, временемъ, конфликтомъ мотивовъ, и другими обстоятельствами,—исполненіе, т. е. актъ воли производный, и опять, подобно рѣшимости, не дающій никакого положительнаго понятія объ актахъ воли первоначальныхъ.—Поэтому, какъ нѣтъ никакой нужды создавать спеціальныя элементарныя волненія, въ качествѣ всегдашнихъ посредниковъ между другими чувствами и произвольными дѣйствіями; такъ всего менѣе подобная роль можетъ принадлежать нашимъ желаніямъ. А съ этимъ вмѣстѣ уничтожается и всякая тѣнь косвенной роли нашихъ чувствъ въ нашихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ.

Поэтому-то Бэнъ, какъ это мы уже видѣли въ главѣ о чувственности, принялъ наши произвольныя дѣйствія, какъ прямое послѣдствіе нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ, разумѣя послѣднія въ томъ смыслѣ, какой былъ указанъ намъ выше. — Начало это (отрасль указанной въ главѣ о чувственности, общей функціи чувствъ, или *закона самосохраненія*) выражается имъ такъ *чувства пріятныя стремятся къ продолженію и усиленію, а чувства непріятныя, къ ослабленію и прекращенію, вызывающихъ ихъ движеній или дѣйствій* Подъ чувствами разумѣются какъ ощущенія, такъ и волненія. Въ главѣ о чувственности, мы представили изъ Бэна образчики работы въ этихъ цѣляхъ нашихъ ощущеній, объясняющіе дѣйствія, которыя долгое время считались непроизводными и называются инстинктивными.

Въ области нашихъ произвольныхъ дѣйствій, вмѣстѣ съ глубокою функціею нашихъ чувствъ, всегда замѣчалась широкая роль нашего ума. Умственное вліяніе на волю, въ общихъ чертахъ, признавалось безпрекословно всѣми писателями о волѣ; и мнѣнія ихъ, какъ мы уже замѣтили, расходились только относительно предѣловъ или значенія этого вліянія, сравнительно съ другимъ началомъ нашей произвольности,—именно, дѣятельною функціею нашихъ чувствъ.

Вообще признавалось, что всякое произвольное дѣйствіе предполагаетъ извѣстную цѣль, и что если простѣйшія цѣли первоначально достигаются путемъ инстинктивнымъ, то цѣли болѣе сложныя, а въ пору зрѣлости воли, даже и тѣ простѣйшія, бываютъ послѣдствіемъ извѣстной опытности, т. е. знанія, ума;—что зрѣлыя обнаруженія воли, какія мы разумѣемъ подъ именемъ характера,

стоятъ въ зависимости отъ извѣстной умственной зрѣлости, и что рядомъ съ мотивами дѣйствій, данными въ нашихъ чувствахъ, мы наблюдаемъ широкій классъ произвольныхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ простыхъ соображеній или какихъ нибудь идей. Спрашивается. къ какому закону сводится вся эта роль ума въ области воли?

Обратимъ вниманіе на послѣдній изъ указанныхъ фактовъ. Писатели, много изслѣдовавшіе дѣятельную функцію нашихъ чувствъ, приходили къ убѣжденію, что это начало лежитъ въ основѣ всего раскрытія нашей воли, и что идеи, или нейтральныя состоянія, обнаруживающія ту же функцію, не обладаютъ ею первоначально, а заимствуютъ отъ нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній и волненій. Само собою разумѣется, что такое мнѣніе можетъ быть оправдано только непосредственнымъ анализомъ принадлежащихъ сюда явленій, который могъ бы открыть законъ такого перехода дѣятельной функціи, отъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ на наши идеи, или же оправдать указаніе на такой законъ, полученное въ анализѣ явленій сходныхъ съ настоящимъ.

Между тѣмъ, подобные случаи переноса или заимствованія какой нибудь функціи, весьма обыкновенны въ области нашего духовнаго существованія; и примѣры этому мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ анализѣ эстетическихъ чувствъ. Они совершаются именно по закону смежности Такимъ образомъ, тотъ же законъ смежности можетъ объяснить и фактъ дѣятельной роли нашихъ идей, если только можно поставить внѣ всякаго спора два обстоятельства. — первое, что простѣйшіе, элементарные акты воли, дѣйствительно, подвергаются вліянію закона смежности, т. е. чувства и дѣйствія, связанныя въ силу

дѣятельной функціи первыхъ, становятся. въ послѣдствіи, связію по ассоціаціи; второе, что идеи, или предметы, мотивирующія волю независимо отъ присутствія пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ, дѣйствительно, состояли прежде членами въ этихъ ассоціаціяхъ чувствъ и дѣйствій.

Первое обстоятельство было общепризнано со времени Локка, Юма и Гертли; въ немъ именно и лежитъ объясненіе двухъ другихъ фактовъ умственнаго вліянія на волю. Образованіе характера давно было сведено къ различнымъ практическимъ навыкамъ, и навыки совершенно удовлетворительно объяснены закономъ смежности, въ трудахъ Гертли, Пристли, Д. Стюарта, Броуна и другихъ. Мало того, самое преемство цѣлей и дѣйствій, насколько этимъ выражается вліяніе ума, есть ничто иное, какъ именно первый проблескъ тѣхъ практическихъ навыковъ;—работа закона смежности, слѣдующая за первоначальными актами воли. Такимъ образомъ, ассоціація чувствъ и дѣйствій по закону смежности стоитъ внѣ всякаго спора. Остается только оправдать второе изъ указанныхъ обстоятельствъ, для того чтобы къ закону смежности свести весь объемъ умственнаго вліянія на нашу волю. Обстоятельство это было съ жаромъ преслѣдуемо всѣми широкими излагателями законовъ ассоціаціи, — между которыми слѣдуетъ замѣтить въ особенности Гертли и Джемса Милля Въ главѣ объ умѣ, мы представили изъ Бэна общій видъ элементарныхъ ассоціацій воли; анализы этого писателя вполнѣ подтверждаютъ положительное мнѣніе объ этомъ Гертли и Джемса Милля — Такимъ образомъ, на ряду съ дѣятельною функціею нашихъ чувствъ поставленъ законъ смежности, какъ другое широкое начало нашихъ произвольныхъ дѣйствій.

Дѣятельная функція нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ, въ которой Бэнъ видитъ только одну изъ широкихъ отраслей закона самосохраненія, — и законъ смежности, взятые вмѣстѣ, вполнѣ объясняютъ — какъ продолженіе, прекращеніе, такъ равно и общее теченіе или преемство нашихъ произвольныхъ дѣйствій. Въ послѣднемъ мы различаемъ и частныя произвольныя начинанія, отнесенныя Локкомъ, какъ мы видѣли выше, къ числу основныхъ фактовъ нашей воли. Но легко замѣтить, что это—начинанія уже сформировавшейся воли; между тѣмъ какъ извѣстныя начинанія требуются и для того, чтобы дать мѣсто работѣ закона самосохраненія и закона смежности, полагающей первое зерно нашей воли. Законъ смежности занятъ только воспроизведеніемъ, законъ самосохраненія, въ дѣятельной функціи пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ, занятъ единственно продолженіемъ и усиленіемъ, и ослабленіемъ и прекращеніемъ вызывающихъ ихъ движеній или дѣйствій. Необходимо, такимъ образомъ, чтобы первоначальнымъ актамъ воли предшествовали нѣкоторыя движенія или дѣйствія не зависящія отъ нашей воли, не имѣющія въ виду никакой цѣли, или совершенно случайныя, вытекающія изъ условій чисто физіологическихъ Такія условія Бэнъ нашелъ въ самобытной энергіи мозга, лежащей, какъ мы уже видѣли, въ основѣ всѣхъ нашихъ элементарныхъ ощущеній Случайность всѣхъ начальныхъ движеній или дѣйствій предоставляетъ широкую работу закону самохраненія, въ выборѣ или выдѣленіи движеній или дѣйствій отвѣчающихъ цѣли; и фактомъ этого выдѣленія, обнаруживающимся въ поддержаніи и усиленіи однихъ, и ослабленіи и прекращеніи другихъ, и полагается инстинктивное зерно нашей воли,

созрѣвающее подъ вліяніемъ указаннаго закона нашего ума.

Совмѣстная операція, въ раскрытіи нашей воли, трехъ опредѣлившихся условій,—*мускульной энергіи*, *закона самосохраненія*, и *закона смежности*,—всего обстоятельнѣе изложена, опять, у Бэна. Изслѣдуя этотъ предметъ, Бэнъ сначала объясняетъ постепенное возрастаніе нашей воли, начинающееся дѣятельною функціею различныхъ частныхъ классовъ нашихъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній и волненій, и оканчивающееся общимъ управленіемъ органами тѣла, заключающимъ самыя сложныя послѣдствія основныхъ условій произвольныхъ дѣйствій; полученные такимъ образомъ элементарные факты воли прилагаетъ къ объясненію нашего управленія чувствами и мыслями, и затѣмъ переходитъ къ изложенію наиболѣе выдающихся сложныхъ феноменовъ воли,—конфликта мотивовъ, желанія, нравственныхъ навыковъ и проч.

Изслѣдуя первые проблески воли, въ связи съ нашими ощущеніями, Бэнъ старается всюду отчетливо показать, какія движенія или дѣйствія можно признать чисто рефлективными или зависящими единственно отъ самобытной энергіи мозга, въ какихъ замѣчается впервые несомнѣнная работа пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, полагающая инстинктивное зерно воли; и въ какихъ обнаруживается извѣстная зрѣлость воли, достигаемая путемъ ассоціаціи. Онъ разсматриваетъ дѣятельную функцію чувствъ мускульныхъ, ощущеній органической жизни, вкуса, обонянія, осязанія, слуха и зрѣнія. Чтобы ввести въ духъ его изслѣдованій, мы представимъ нѣсколько примѣровъ этого рода, изъ области чувствъ мускульныхъ, органическихъ, осязанія и зрѣнія

Начнемъ съ упражненія мускуловъ. «Здѣсь мы имѣемъ»—говоритъ Бэнъ — «удовольствія упражненія, при свѣжемъ состояніи мускуловъ, и страданія утомленія. Операція ихъ на волю замѣчательно проста.

«Такимъ образомъ въ отношеніи къ упражненію. Какъ скоро начаты самобытныя движенія мускуловъ, то слѣдуетъ нѣкоторое пріятное чувство, сопровождаемое возвышеніемъ жизненности, или стимуляціею превышающею ту, какая давалась простымъ разряженіемъ самобытной энергіи. Законъ сохраненія дѣйствуетъ здѣсь въ своей первоначальной простотѣ; раньше всякаго воспитанія, онъ внушаетъ тотъ ходъ, какому слѣдуетъ и воспитанная воля. Связь между дѣйствіемъ и чувствомъ, въ цѣли возвышенія удовольствія упражненія, есть точно та же, какая должна существовать и первоначально, удовольствіе вытекаетъ изъ движенія, и отвѣчаетъ поддержаніемъ и усиленіемъ его. Удовольствіе питаетъ, такимъ образомъ, само себя.

«Тотъ же простой характеръ принадлежитъ и операціи страданій утомленія. Безъ мѣшкотной пробы, и тягостнаго пріобрѣтенія, нужныхъ въ большей части случаевъ, это страданіе приноситъ само себѣ и врачеваніе, подъ вліяніемъ самосохраненія Причина зла есть расходъ мускульной силы; ея уменьшеніе есть лѣкарство, и оно дается непосредственно этимъ самымъ страданіемъ. Каждое чувствующее существо, испытывая скорбное утомленіе, само собою приходитъ въ покой, если только нѣтъ налицо никакой препятствующей силы»*).

Въ примѣръ функціи органическихъ ощущеній, мы

*) *Bain.* The Emotions and the Will 2-d ed. 1865. p. 365.

избираемъ тѣ острыя боли, какія бываютъ послѣдствіемъ поврежденія и болѣзни мускульной и другихъ тканей. Острыя боли представляютъ, повидимому, уклоненіе отъ собственной функціи страданія. потому что возбуждаютъ дѣятельныя усилія. Бэнъ держится того мнѣнія, что это исключеніе изъ общаго правила есть только кажущееся; потому что возвышеніе жизненности, замѣчаемое въ примѣрѣ острой боли, вытекаетъ собственно не изъ страданія, а изъ облегченія страданія. Настоящее изслѣдованіе даетъ ему случай оправдать это мнѣніе примѣромъ острыхъ болей поименованнаго класса «Въ началѣ жизни», говоритъ онъ, «не существуетъ никакой спеціальной связи, между какимъ бы то ни было родомъ физическаго страданія, и дѣйствіями разсчитанными для облегченія его; есть только общая тенденція къ пониженію жизненности въ цѣломъ, умѣряемая судорожными вспышками нервнаго раздраженія. Всѣ спеціальныя лѣкарства должны быть получены обыкновенною процедурою воспитанія воли. Въ поясненіе этого, предположимъ какую нибудь рану на какой нибудь внѣшней части тѣла,—напр., отъ острія или обвара: спазмодическое возбужденіе сопровождающее эту боль (частію рефлективное, и частію зависящее отъ чувства), будетъ вести къ движеніямъ, которыя могутъ удалить затронутый членъ отъ вреднаго прикосновенія, но могутъ также послужить и къ успленію послѣдняго. Такія движенія, будутъ ли они послѣдствіемъ стимула рефлективнаго, или возбужденія нашей чувствительности, я не нахожу вполнѣ охранительными; въ иномъ случаѣ они и могутъ быть такими, въ другомъ нѣтъ. Я полагаю, что происхожденіе охранительнаго акта воли въ вышеупомянутомъ случаѣ, будетъ представлено типически, если

предположимъ, что извѣстная окопечность подвергается страданію вслѣдствіе близости къ раскаленному тѣлу, и въ случайномъ теченіи самобытныхъ движеній, устраняется отъ него какимъ нибудь *изолированнымъ импульсомъ* *). Чувство облегченія будетъ тогда работать для продолженія и усиленія этого импульса. Пусть подобная встрѣча должна повториться Мы все еще должны были бы ожидать случайностей начала настоящаго оттягиванія члена, и могли бы долгое время ожидать напрасно, но какъ скоро оно случилось, принося съ собою тоже чувство облегченія, тотчасъ начнетъ формироваться связь ассоціаціи, которая будетъ крѣпнуть съ каждою послѣдующею встрѣчею. Подобною процедурою мы и научаемся, наконецъ, устранять въ точности каждый членъ тѣла отъ болѣзненныхъ прикосновеній. Простой рефлективный стимулъ могъ дѣйствовать ошибочно, воля воспитанная дѣйствуетъ съ такою же энергіею, и съ нужною точностью»**).

Между ощущеніями осязанія, работающими въ тѣхъ же видахъ, останавливаютъ вниманіе тѣ скорбныя чувства, которыя входятъ въ важный отдѣлъ воспитанія при

---

*) Бэнъ считаетъ необходимостію предположеніе изолированныхъ импульсовъ, выходящихъ изъ мозговыхъ центровъ въ различныя доли мускульной системы, и обнаруживающихся въ частныхъ мускульныхъ движеніяхъ, предшествующихъ собственной функціи чувствъ. Основаніе этого мнѣнія, которое не трудно оправдать и физіологически, дано для Бэна въ природѣ самой функціи нашихъ чувствъ, предполагающей впереди себя физіологическую инициативу движенія. Если бы дѣятельная операція мозга ограничивалась однимъ общимъ возбужденіемъ всей мускульной системы, то откуда взялись бы тѣ частныя движенія, которыхъ усиленіе или ослабленіе, вытекающее изъ нашихъ чувствъ, и полагаетъ первые инстинктивные начатки нашей произвольности?

**) Ibid. p. 317.

посредствѣ бичеванія и другихъ подобныхъ мѣръ На функціи этихъ чувствъ и возрастающей ассоціаціи ихъ съ дѣйствіями основана, между прочимъ, дрессировка молодыхъ животныхъ. Послѣднее обстоятельство даетъ случай оцѣнить время, потребное для того, чтобы довести до совершенства связь ассоціаціи, между ощущеніями страданія, и облегчающимъ его движеніемъ. «Воспитанный конь»—говоритъ Бэнъ—«ускоряетъ свой шагъ, въ слѣдъ за прикосновеніемъ хлыста или шпоры; и замедляетъ его, какъ скоро натягиваются удила. Послѣ долгаго страданія, животное сочетаваетъ въ своемъ духѣ извѣстное движеніе съ паузою своихъ мукъ; это первый шагъ. Въ другой урокъ повторяется почти тотъ же ходъ различныхъ усилій, желанное дѣйствіе, наконецъ, выступаетъ и сопровождается, какъ и въ первомъ случаѣ, облегченіемъ страданія Повтореніе этого совпаденія производитъ мало по-малу смежную связность, и каждый день все меньше усилій и ошибокъ предшествуетъ вѣрному импульсу. Наконецъ, послѣ нѣкотораго продолженія времени и повторенія, которое въ каждомъ случаѣ можно съ точностію замѣчать, — оба элемента сочетаваются такъ твердо, что желаемый шагъ появляется тотчасъ за ощущеніемъ боли. И такимъ образомъ одинъ изъ видовъ воспитанія животнаго доводится до совершенства *)». Всякое уклоненіе отъ установляемой такимъ образомъ связи ощущенія и движенія, вызываетъ возвращеніе къ первоначальнымъ мѣрамъ воспитанія; и это не прекращается вполнѣ до самой смерти животнаго.

Операція пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній зрѣ-

*) Ibid p. 330.

нія, весьма наглядная даже въ періодъ полной зрѣлости воли, даетъ поводъ отмѣтить начало произвольнаго наблюденія, или вниманія.—«Удовольствіе и страданіе зрѣнія вступаютъ рано въ связь со специфическими движеніями. Когда передъ глазами бываетъ пріятный свѣтъ, то, при движеніи его въ сторону, чувствуется нѣкоторое лишеніе Это удовольствіе можетъ быть, однакожъ, поддержано извѣстными весьма легкими движеніями, какія каждое дитя совершаетъ вѣроятно неоднократно въ теченіи каждаго дня, такъ какъ они принадлежатъ къ главнымъ исходамъ самобытной дѣятельности. Вращеніе головы совершается, повидимому, также естественно, какъ и всякое другое движеніе, какое только можно указать, и случайная встрѣча его съ уклоненіемъ свѣта въ сторону положитъ начало связи между обоими обстоятельствами, съ обыкновенными послѣдствіями Всякій можетъ замѣтить, что въ продолженіи первыхъ недѣль дѣтства, особенно выдается эта способность слѣдить за движущимся предметомъ...» Изъ подобныхъ случайностей совпаденія «выростаетъ твердое сочетаніе различныхъ движеній глазъ и головы съ направленіями движущихся предметовъ, дающихъ чувства удовольствія; въ тоже время, причиняемое какимъ нибудь зрѣлищемъ ощущеніе страданія прекращаетъ всѣ подобныя движенія, и благопріятствуетъ ихъ теченію противоположному. Здѣсь мы имѣемъ начало произвольнаго наблюденія или *вниманія*. Дальнѣйшимъ шагомъ служитъ успѣшное исполненіе приноравленія къ разстоянію...» Въ силу этой фундаментальной связи, нашъ взглядъ удерживается всякимъ пріятнымъ зрительнымъ ощущеніемъ, — будутъ ли это простое освѣщеніе, яркій цвѣтъ, блескъ, форма, движеніе, или эстетическая ком-

бинація. «Даже въ зрѣлой жизни, мы находимъ примѣры этого эффекта въ его первоначальномъ видѣ; т. е. сильный свѣтъ, пріятное зрѣлище, останавливаютъ глазъ, вслѣдствіе своего прямого вліянія, или безъ всякаго вмѣшательства желанія, намѣренія и сознательнаго употребленія силы,—что мы разсматриваемъ вообще какъ существенныя части воли».. *).

Приведенные примѣры достаточно объясняютъ дѣятельную работу пріятныхъ и непріятныхъ *ощущеній*, завершаемую операціею закона смежности.—Операція различныхъ духовныхъ *волненій* ничѣмъ существенно не отличается отъ функціи внѣшнихъ ощущеній. По тому же самому началу самосохраненія они закладываютъ различные акты воли, созрѣвающіе подъ вліяніемъ ума Нѣкоторыя волненія сочетаваются весьма рано съ соотвѣтственными движеніями или дѣйствіями, таковы, именно, страданія принужденія и удовольствія свободы; таковы чувства нѣжныя, самодовольство, гордость, сила, гнѣвъ.

Теперь намъ предстоитъ размотрѣть тотъ, еще болѣе широкій классъ случаевъ, отличающихъ силу воли въ періодъ ея зрѣлости,—когда функція нашихъ ощущеній и волненій становится менѣе открытою, вслѣдствіе усложняющагося вліянія ассоціаціи,—обстоятельство, которое многихъ писателей о волѣ долго вводило въ обманъ относительно прямой и первичной роли нашихъ чувствъ въ нашихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ. Это, именно, тѣ произвольныя дѣйствія, какія вызываются случайными обстоятельствами *сопровождавшими* первоначальные акты воли, и получившими силу дѣятельнаго влія-

*) Ibid p. 331—333.

нія отъ ассоціаціи съ различными чувствами, которыя входили въ составъ тѣхъ первоначальныхъ актовъ. Бэнъ находитъ, что это видоизмѣненіе нашей первоначальной произвольности есть собственно характеристика дѣйствій зрѣлыхъ; но нѣчто въ этомъ родѣ начинаетъ обнаруживаться еще въ самомъ раннемъ періодѣ дѣтства. «Когда, при ощущеніи страданія или удовольствія, вниманіе останавливается на какомъ нибудь сопровождающемъ его предметѣ, то этотъ предметъ, если ощущеніе сильно, сочетавается съ нимъ въ духѣ, и пріобрѣтаетъ тотъ же самый родъ вліянія. Сочетаніе между обжогомъ и свѣтомъ пламени можетъ напечатлѣться въ духѣ дитяти, или молодого животнаго, въ очень раннюю пору, такъ что большая близость пламени вызываетъ дѣятельность, совершенно также какъ и настоящее страданіе. Дитя сочетаваетъ пріятное состояніе теплоты—съ огнемъ, своею одеждою, банею или другими побочными обстоятельствами, и движенія устанавливаются въ направленіи къ этимъ различнымъ предметамъ.—Видъ груди дѣлается образомъ, твердо сопровождающимъ чувство питанія, и обыкновенныя средства формируютъ узелъ воли между нимъ и движеніями приближающими его... И не только видъ груди, но и лицо и фигура матери, и различныя дѣйствія, какія она исполняетъ давая сосать, бываютъ у младенца долею такой ассоціаціи... Простой порядокъ по которому ощущеніе само вызываетъ непосредственно и то движеніе, какое поддерживаетъ или прекращаетъ его, — уступаетъ здѣсь мѣсто сложности;.. но дѣйствующее начало остается то же самое. . Это, такъ-сказать, поддѣльное, искуственное, производное, сочетанное удовольствіе, заключающее полную способность стимуляціи воли. Безчисленныя удо-

вольствія этого рода входятъ въ жизнь взрослаго творенія, — какъ человѣка, такъ и животнаго; преслѣдованіе цѣли бываетъ также горячо, и энергія воли также тверда, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда какое нибудь оригинальное ощущеніе воспламеняетъ движеніе прямымъ усиленіемъ или уменьшеніемъ послѣдняго Движеніе руки дитяти къ роту поддерживается тою же внутреннею силою, какая поддерживаетъ и процессъ сосанія или жеванія, при непосредственномъ чувствѣ удовольствія») Такимъ именно образомъ, въ періодъ полнаго раскрытія способности воли, цѣли ближайшія становятся часто средствами для цѣлей отдаленныхъ, — какими, въ концѣ, остаются тѣ же простыя функціи нашихъ чувствъ,—и преслѣдованіе одной поддерживается импульсомъ, вытекающимъ изъ другой

До сихъ поръ разсматривались простѣйшіе акты воли,—первоначальные и производные. Наибольшія трудности въ раскрытіи воли встрѣчаютея именно въ пору ея элементарнаго образованія; нѣсколько твердыхъ пріобрѣтеній тотчасъ становятся точкою опоры для успѣховъ дальнѣйшихъ и дѣло подвигается впередъ ускореннымъ шагомъ, пока не выработается полное управленіе каждымъ произвольнымъ органомъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ дальнѣйшихъ успѣховъ воли служитъ употребленіе движенія или дѣйствія, установившагося въ какомъ нибудь элементарномъ сочетаніи, для другихъ назначеній,—или *перенесеніе* готоваго дѣйствія въ новыя связи. Всякій узелъ завязанный между дѣйствіемъ и чувствомъ, даетъ поводъ первому выступать чаще; и если оно случайно отвѣтитъ бо-

) Ibid p. 335—337.

лѣе нежели одной первоначальной цѣли, то полагается тотчасъ основа для новыхъ связей его съ другими чувствами. «Движенія головы и туловища, первоначально чисто самобытныя, даютъ пріятные эффекты теплоты и проч., и весьма рано сочетаваются съ этими ощущеніями, такъ что по вызову послѣднихъ тотчасъ и выступаютъ. При этихъ случаяхъ открываются какіе нибудь другіе эффекты, сопровождающіе ихъ,—какъ напр. доступъ къ свѣту; и вотъ они подпадаютъ новому вліянію, которое, со временемъ, распоряжается ими точно также, какъ распоряжалось первое». *) Каждый дѣятельный органъ расширяетъ такимъ образомъ свои связи съ состояніями страданія или удовольствія, и становится орудіемъ воли, соотвѣтственно количеству такихъ пріобрѣтеній. «Примѣры такого подчиненія (произвольныхъ органовъ) каждому отдѣльному чувству, могутъ быть настолько увеличены, чтобъ отвѣчать всякой цѣли животнаго существованія; и воспитаніе воли будетъ, такимъ образомъ, практически закончено». **) Но, въ частности, у людей власть воли такъ-сказать обобщается, въ силу пріобрѣтеній, которыя отличны отъ изложенныхъ, и помогаютъ спеціальнымъ недостаткамъ ихъ системы. Составные элементы этого общаго контроля суть слѣдующіе: управленіе посредствомъ слова или рѣчи, подражаніе, и способность дѣйствія просто въ силу того, что мы хотимъ извѣстнаго дѣйствія.

Команда посредствомъ *слова* прилагается и къ управленію животными, точно также какъ и людьми. Это уже далеко отъ дисциплины бича и другихъ подобныхъ мѣръ,

*) Ibid. p. 339.

**) Ibid. p. 340.

и однакожъ такая дисциплина служитъ и здѣсь исходнымъ пунктомъ. «Грубые, отрывистые и оглушающіе звуки человѣческаго голоса, кажется, непріятны для слуха дрессируемаго животнаго, и, поэтому, служатъ той же цѣли, какъ и страданія кожи. Но употребленіе бича даетъ намъ возможность ввести въ ассоціацію съ желаемыми дѣйствіями звуки, сами по себѣ, совершенно безразличные; животное скоро пріучается сочетавать каждое реченіе съ имѣющимся въ виду движеніемъ, побуждаемое къ послѣднему сопутствующимъ приложеніемъ острой боли. Такимъ образомъ, конь ступаетъ впередъ или останавливается, беретъ направо или налѣво, ускоряетъ или замедляетъ свой шагъ, по дѣйствію командующей рѣчи наѣздника. Какъ скоро словарь такого рода уже внушенъ уроками страданія, процессъ ассоціаціи даетъ простому звуку всю силу причиняемой боли». *)—Весьма широкое количество подобныхъ сочетаній формируется у людей. Ранніе примѣры такого рода обученія обнаруживаютъ всѣ особенности начинающей воли. Если мы имѣемъ нужду сочетать въ духѣ младенца какое нибудь движеніе съ какимъ нибудь звукомъ, то должны ожидать случая, когда это движеніе представится само собою, и затѣмъ стараться, намѣреннымъ способомъ, вызвать его продолженіе. «Для дѣтей, тоны и жесты, сопровождающіе первыя попытки дѣйствовать на нихъ словами, суть то же самое, что хлыстъ для молодаго коня; они останавливаютъ случайно выступающія дѣйствія, и ободряютъ всякое движеніе, которое влечетъ за собою прекращеніе страданія». **) Какъ скоро дитя начало сочетавать отчетливо, съ извѣст-

*) Ibid p 341.

**) Ibid. p. 342.

ными звуками, вызываемыя ими дѣйствія, то закрѣпленіе этихъ сочетаній по закону ассоціаціи не заставитъ себя ожидать. Такимъ именно образомъ младенца нѣсколькихъ мѣсяцевъ обучаютъ нѣкоторымъ простымъ дѣйствіямъ по командѣ,—открывать и закрывать ротъ, стоять прямо и т. д. Такое подчиненіе различныхъ членовъ тѣла словесному управленію вырабатывается постепенно, длиннымъ рядомъ усилій и повтореній, исчезающихъ изъ виду, когда мы имѣемъ дѣло съ взрослыми людьми; но обученіе солдатъ и другіе случаи приводятъ на память первоначальную школу этихъ дѣйствій по командѣ.

Дальнѣйшій успѣхъ воли получается въ пріобрѣтаемой способности *подражанія*. Бэнъ подвергнулъ эту способность широкому анализу еще въ отдѣлѣ ума, по поводу закона смежности, и въ отдѣлѣ духовныхъ волненій, на ряду съ симпатіею; на эти анализы онъ дѣлаетъ ссылку, и ограничивается общимъ пересмотромъ уже полученныхъ результатовъ, сообразно требованіямъ изложенія въ настоящемъ мѣстѣ. «Подражаніе» — говоритъ Бэнъ — «состоитъ въ установленіи какого нибудь узла связи, между наружностью представляемою движеніемъ, какъ оно исполняется другимъ лицомъ, — и импульсомъ къ движенію того же органа, въ насъ самихъ. Это именно относится къ дѣйствію оконечностей, туловища, головы, рота, глазъ и складокъ лица; что касается вокальнаго подражанія, то здѣсь бываетъ связь между какимъ нибудь звукомъ въ слухѣ, и импульсомъ направленнымъ къ механизму рѣчи». Начинанія подражательной способности представляютъ всего нагляднѣе общій процессъ образованія воли. «Если дѣлать наблюденіе надъ первыми попытками говорить, то найдемъ, что онѣ слѣдуютъ неиз-

мѣнно тому ходу, который столько разъ былъ описанъ выше. Впереди идетъ самобытное членораздѣльное движеніе, но звукъ, однажды произнесенный, производитъ впечатлѣніе на слухъ, если оно пріятно, то вокальный стимулъ легко будетъ поддержанъ. Нѣсколько повтореній даютъ образоваться связной ассоціаціи между этими двумя элементами; такъ что порядокъ можетъ быть наконецъ и обратнымъ, и слышанный звукъ вызываетъ произношеніе. Такой именно порядокъ дѣла и продолжался бы, если бы дитя было предоставлено самому себѣ, но для ускоренія пріобрѣтенія, обыкновенно употребляется процессъ понудительный. Метода описанная выше, пріучающая подчиняться вокальному управленію, употребляется и для вызова подражанія». *) По тѣмъ же самымъ началамъ происходитъ обученіе пѣнью и подражаніе видимымъ движеніямъ.

Еще высшій успѣхъ, въ отдѣлѣ общаго управленія составляетъ способность дѣйствія просто потому, что мы *хотимъ* чтобъ извѣстный органъ двигался опредѣленнымъ образомъ; какъ напр., когда я хочу поднять свою руку, встать, открыть ротъ и т. д. «Этотъ случай», говоритъ Бэнъ, «достигаетъ вершины произвольнаго управленія, и однакожъ можетъ быть названъ только новою ступенью предыдущаго успѣха. Вмѣсто дѣйствительнаго видимаго движенія, мы имѣемъ здѣсь руководящимъ антецедентомъ движеніе мысленное, или въ идеи. Теперь ассоціація переходитъ на образуемыя нами идеальныя понятія нашихъ различныхъ дѣйствій, и связываетъ ихъ съ самыми дѣйствіями. Все что здѣсь требуется, это—опредѣленный мотивъ, вызывающій дѣйствіе, какое нибудь удовольствіе

*) Ibid p. 344.

или страданіе, близкое или отдаленное, существенно нужно для всякаго произвольнаго усилія, или для всякаго перехода отъ покоя къ движенію, и отъ одного движенія къ другому.. На столѣ, передъ собою, я вижу стаканъ наполненный жидкостью, младенецъ, мучимый жаждою, не смогъ бы сдѣлать движенія, чтобы поднести его къ роту. Но въ волѣ зрѣлой заложена связь между извѣданнымъ разстояніемъ и направленіемъ стакана—и движеніемъ руки до этого пункта, и подъ стимуломъ страданія, или ожидаемаго удовольствія, движеніе исполнено Духъ нашъ широко наполненъ ассоціаціями этого рода, связующими всякія мысленныя движенія или положенія всѣхъ органовъ, съ точнымъ импульсомъ къ ихъ ощуществленію, какъ скоро настоящій рычагъ воли находится на-лицо». *) Такой видъ произвольныхъ дѣйствій, имѣющихъ своимъ антецедентомъ идеи движеній или дѣйствій, есть отличительная черта воли въ періодъ ея зрѣлости, и вслѣдствіе этого-то обстоятельства, мы обыкновенно считаемъ его типическою формою этой способности. Бэнъ входитъ въ большія подробности этого вліянія нашихъ воспоминаній, или предвкушеній, мотивирующихъ нашу волю, въ формѣ идей различныхъ дѣйствій, и связанныхъ съ ними перемѣнъ въ окружающемъ насъ мірѣ.—Замѣтимъ, при этомъ, какъ медленно и постепенно прямая функція чувствъ переходитъ на предметы, звуки, идеи, которые были совершенно безразличны, и не могли, сами по себѣ, вызывать нашихъ дѣйствій, до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣли такой силы путемъ производныхъ актовъ воли, расширяющихъ такимъ обра-

*) Ibid. p. 351

зомъ объемъ элементарныхъ средствъ и цѣлей, — и способами общаго управленія, которые сейчасъ изложены.

Постепенное подчиненіе органовъ—цѣлямъ вводнымъ, рѣчи, подражанію и понятіямъ движеній и перемѣнъ, производимыхъ во внѣшнихъ вещахъ, довершаетъ воспитаніе воли, мы способны ко всякому дѣлу, — или, по край ней мѣрѣ, не остается (въ извѣстныхъ предѣлахъ) ничего такого, къ чему мы не могли бы сдѣлаться способны, при наставленіи и направленіи, со стороны другихъ. — Прежде чѣмъ перейти къ другимъ вопросамъ, Бэнъ останавливается на двухъ приложеніяхъ сформировавшейся такимъ образомъ способности воли, которыя раздвигаютъ ея предѣлы, гораздо дальше ея оригинальной сферы. Это, во-первыхъ, управленіе собственными волненіями и, во вторыхъ, распоряженіе теченіемъ собственныхъ мыслей.

Фактъ безспорный, что мы можемъ, различными путями, ограничивать и регулировать теченіе нашихъ *чувствъ*. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, мы можемъ задержать разливающуюся стимуляцію мускуловъ, и сохранить наружный покой, когда внутри горитъ огонь. Это самый простой и прямой способъ вліянія воли на состояніи духовнаго волненія; страстное выраженіе, распространяющееся въ мускулахъ, парализуется токомъ противоположнымъ, идущимъ къ тѣмъ же мускуламъ Здѣсь вступаютъ въ борьбу двѣ однородныя силы, и результатъ опредѣляется простымъ преобладаніемъ одной надъ другою. Но эта операція воли становится менѣе ясною, когда вліяніе ея простирается на выраженіе волненій въ мускулахъ непроизвольныхъ, — сердца, пищеварительнаго ка-

нала и проч. Возникаетъ вопросъ простирается ли прямымъ образомъ сила нашей воли за черту произвольныхъ мускуловъ,—или ея вліяніе есть, въ этомъ случаѣ, только косвенное, при помощи тѣхъ же произвольныхъ мускуловъ? «Показаніе фактовъ говоритъ въ пользу послѣдняго взгляда,—того именно, что нашъ прямой контроль ограниченъ только мускулами произвольными Косвенно можно обнаруживать и другія вліянія; но, кажется, можно достаточно доказать, что, во всѣхъ такихъ случаяхъ, медіумомъ операціи служатъ именно эти мускулы» *). Различныя органическія функціи такъ тѣсно связаны съ мускульными движеніями, что мы, часто, можемъ возбуждать или останавливать первыя, при помощи послѣднихъ. Такимъ именно образомъ отдѣленіе слезъ находится подъ вліяніемъ воли. «Непроизвольное дѣйствіе рыданія, которымъ сценическій актеръ можетъ распоряжаться безъ всякаго соотвѣтственнаго волненія, можетъ быть вынуждено произвольными движеніями надлежащихъ частей, хотя нѣкоторыя изъ этихъ движеній и принадлежатъ мускуламъ непроизвольнымъ.» **) Но тамъ, гдѣ между органическимъ процессомъ и произвольными мускулами, или вовсе не существуетъ связи, или эта связь весьма отдаленна,—какъ напр. въ дѣйствіи сердца, отдѣленіи желудочномъ и проч., тамъ отсутствуетъ и вліяніе воли. «Румянецъ нельзя произвольно ни вызвать, ни задержать.» ***)

Такимъ образомъ, что касается нашего произвольнаго управленія состояніями волненій, то здѣсь одно наглядно исполнимо, именно, задержка той части обна-

*) *Bain* The Emotions and the Will p. 361.

**) Ibid. p. 362.

***) Ibid m.

руженія чувства, или его разлива въ тѣлѣ, которая слагается изъ движеній мускуловъ произвольныхъ. Такъ подчиняются нашей волѣ—игра мускуловъ лица, восклицанія, жесты и проч. При этомъ представляется интересный вопросъ какъ далеко простирается такое вліяніе воли на духовныя волненія? Различныя наблюденія показываютъ, что, при слабыхъ или умѣренныхъ волненіяхъ, задержка внѣшнихъ страстныхъ движеній, задерживаетъ и самое внутреннее выраженіе чувства въ нашемъ тѣлѣ, и такимъ образомъ прекращаетъ въ концѣ самое духовное волненіе. Бэнъ объясняетъ послѣднее обстоятельство изъ факта воспроизведенія, и разлива духовныхъ волненій. Въ главѣ объ умѣ, мы видѣли, что психологическое ученіе объ ассоціаціи не отвергаетъ, что каждое воспроизведеніе, совершающееся по законамъ ума, сохраняетъ мѣсто первоначальнаго ощущенія;—т. е. вызовъ каждой идеи, по законамъ ассоціаціи, обнаруживается возбужденіемъ тѣхъ же физическихъ состояній, какія предшествовали и оригинальному впечатлѣнію. Подобное же предваряющее физическое условіе обнаруживается, въ отношеніи къ духовнымъ волненіямъ, въ обстоятельствѣ разлива. Разливъ или выраженіе духовнаго волненія въ перемѣнахъ тѣлесныхъ не остается безъ вліянія на самое разливающееся состояніе духа; напротивъ, въ своихъ позднѣе выдающихся стадіяхъ возрастанія, оно зависитъ обратно, отъ вызванныхъ имъ физическихъ перемѣнъ. Эта зависимость переходитъ и въ фактъ воспроизведенія духовныхъ волненій. Такимъ образомъ, какъ поврежденіе нѣкоторыхъ частей органовъ внѣшнихъ чувствъ влечетъ за собою соотвѣтственную потерю и самыхъ идей; такъ точно прекращеніе физическихъ перемѣнъ, входя-

щихъ въ составъ разлива страстныхъ состояній, должно подѣйствовать и на самыя состоянія. Физическій разливъ духовныхъ волненій бываетъ внутренній и наружный. Какъ скоро задержка страстныхъ наружныхъ движеній прекращаетъ и волну внутреннюю, которая въ нихъ искала исхода, то съ этимъ вмѣстѣ должно прекратиться и самое чувство. Въ то же время, присутствіе физическихъ условій въ фактѣ воспроизведенія волненій можетъ объяснять случай обратный,—тотъ именно, когда, вызывая произвольно страстное выраженіе, безъ соотвѣтствующаго состоянія волненія, мы оканчиваемъ тѣмъ, что начинаемъ чувствовать самое волненіе; напр., вызывая насильственно веселое выраженіе, можемъ въ концѣ развеселиться Здѣсь къ физическому условію можетъ приходить и работа ассоціаціи.

Образованіе воли въ этомъ отдѣлѣ управленія чувствами продолжаетъ совершаться по тѣмъ же началамъ; произвольная задержка неумѣренныхъ волненій, каковы гнѣвъ, страхъ и проч., — какъ и произвольный вызовъ различныхъ чувствъ, требуютъ какого нибудь достаточнаго мотива; и самообладаніе этого рода возрастаетъ по тому же закону ассоціаціи. — Обыкновенное состояніе страстнаго выраженія занимаетъ средину между естественнымъ разливомъ чувства и произвольною задержкою его. Позволительная степень различныхъ обнаруженій страданія и удовольствія,—печали, гнѣва, страха, самоуваженія и проч., управляется мотивами дѣйствующими посредствомъ произвольныхъ органовъ Поэтому, дѣйствительное обнаруженіе чувства у взрослыхъ людей живущихъ въ обществѣ, нельзя считать мѣркою потрясающихъ свойствъ даннаго случая, и страстности темперамента.

Произвольное распоряженіе потокомъ *мыслей* или идей есть такой же безспорный фактъ, какъ и управленіе чувствами. «Занятый преслѣдованіемъ какой нибудь цѣли, я нахожу возможнымъ, не давать хода мыслямъ, не относящимся къ дѣлу, хотя бы онѣ и навѣвались потокомъ ассоціацій; моя сила не ограничена въ этомъ отношеніи, точно также, какъ и способность самообладанія въ подавленіи чувства; но въ извѣстной мѣрѣ я владѣю ею, — больше, можетъ-быть, чѣмъ одни, и меньше, чѣмъ другіе. Я обращаюсь, по какому нибудь частному поводу, къ книгѣ, и смотрю на оглавленіе или указатель; это манитъ меня на разнообразныя дороги умственнаго воспроизведенія, но я отъ всѣхъ отказываюсь и всѣ устраняю, исключая одной, отвѣчающей моему намѣренію или временной цѣли»*). Бэнъ находитъ, что это вліяніе воли на мысли, не взирая на всю свою естественность и рѣшительность, есть только косвенное. «Все что можетъ дѣлать воля, состоитъ въ одной фиксаціи вниманія Точно также, какъ, при надлежащемъ мотивѣ, можемъ наблюдать какой нибудь одинъ пунктъ, въ открытой передъ нами сценѣ, пренебрегая всякимъ другимъ; выдѣлять одинъ какой нибудь звукъ, оставаясь глухи къ общему гаму, заняться оцѣнкою одного изъ многихъ запаховъ; или имѣть въ виду давленіе на одну какую нибудь часть тѣла, пренебрегая остальнымъ; такъ точно, и во вниманіи идеальномъ, можемъ твердо держать въ своемъ взглядѣ какую нибудь одну идею, въ то время какъ другія возникаютъ и исчезаютъ, безъ всякаго съ нашей стороны вниманія къ нимъ»**). Говоря выше о началѣ

*) Ibid. p. 472.

**) Ibid 373.

произвольнаго вниманія или наблюденія въ области зрѣнія, мы видѣли, что эта операція воли совершается по общимъ началамъ дѣятельной функціи чувствъ и смежности. Рядъ зрительныхъ ощущеній начинается независимо отъ нашей воли, и притомъ, какъ мы знаемъ, эти ощущенія заключаютъ въ своемъ составѣ весьма значительный мускульный элементъ. По началу сохраненія, пріятность такихъ ощущеній должна отзываться продолженіемъ ихъ; и это совершается вслѣдствіе вліянія пріятнаго чувства на располагающія продолжительностью этихъ ощущеній мускульныя движенія. Таковъ и вообще процессъ произвольнаго вниманія въ области ощущеній. И если, теперь, мы припомнимъ еще разъ, что идеи суть только основанныя на законахъ ума, воспроизведенія оригинальныхъ впечатлѣній,—напр. ощущеній,—въ ихъ полномъ духовно-физическомъ составѣ и, слѣдовательно, со входящимъ въ нихъ элементомъ мускульнымъ, то поймемъ какимъ образомъ, даже въ сферѣ нашихъ мыслей, мы способны, при надлежащихъ мотивахъ, фиксировать свое вниманіе, при помощи обыкновеннаго орудія всѣхъ произвольныхъ дѣйствій,—произвольныхъ мускуловъ нашихъ органовъ чувствъ. «Это не значитъ», говоритъ Бэнъ, «чтобы мы имѣли какое нибудь право сказать напередъ, что воля должна работать здѣсь непремѣнно при изложенныхъ сейчасъ условіяхъ; но такъ какъ это фактъ, то мы и разсматриваемъ эту работу, какъ тожественную, по природѣ, съ силою произвольнаго вниманія направленнаго къ находящейся на-лицо дѣйствительности»*)

Управленіе собственными мыслями, эта умственная сосредоточенность, образуется не рано, и не у многихъ

*) Ibid. p 374.

достигаетъ совершенной зрѣлости Вмѣстѣ съ господствомъ надъ собственными чувствами, оно составляетъ самый лучшій показатель зрѣлости воли.—Бэнъ останавливается на двухъ частныхъ случаяхъ произвольнаго управленія мыслями, изъ которыхъ первый открывается въ творческой ассоціаціи, второй въ управленіи чувствами посредствомъ господства надъ мыслями. Какъ было сказано въ главѣ объ умѣ,—единственный дополнительный фактъ, отличающій законъ производительной или творческой ассоціаціи, есть упражненіе воли, движимой какою нибудь цѣлью. «Когда Уаттъ изобрѣталъ для парохода свое «параллельное движеніе», его умъ и наблюденіе шли, въ своей работѣ, по всѣмъ направленіямъ, въ ожиданіи возникновенія какой нибудь приличной комбинаціи; точное пониманіе того, что нужно сдѣлать, было постояннымъ пробнымъ камнемъ всякаго случайнаго соображенія; и всѣ послѣдовательныя внушенія были задерживаемы или устраняемы, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ этой пробной мѣркѣ, или расходились съ нею. Притягиваніе и отталкиваніе этого рода были чистыми актами воли; они были продолженіемъ той же самой энергіи, которая, въ дѣтствѣ, удерживала его уста у груди матери, когда онъ чувствовалъ неутоленный голодъ, и отдаляла ихъ, когда послѣдній былъ удовлетворенъ. Во всѣхъ этихъ новыхъ построеніяхъ, будутъ ли то механическія, словесныя, научныя, практическія, или эстетическія,—начинанія духа бываютъ непремѣнно случайны; только цѣль представляется ясно взгляду, и съ нею вмѣстѣ слѣдуетъ замѣчаніе годности всякаго проходящаго внушенія. Энергія воли поддерживаетъ вниманіе, или дѣятельное исканіе, и какъ только въ духѣ возни-

каетъ что нибудь отвѣчающее цѣли,—набрасывается на то, какъ дикій звѣрь на свою добычу»*).

Вслѣдствіе того, что наши различныя волненія возникаютъ по какимъ нибудь опредѣленнымъ поводамъ, или причинамъ, мы можемъ, въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, распоряжаться первыми, обращая вниманіе на послѣднія. Такимъ образомъ, «мы способны привесть себя въ настроеніе любви, направляя вниманіе и теченіе идей на дружбу и любовь, испытанныя въ прошломъ; подобнымъ же импульсомъ воли, выдѣляя изъ потока умственнаго воспроизведенія перечень нанесенныхъ намъ обидъ, успѣваемъ воспламенить въ себѣ порывъ негодованія. Такимъ же образомъ, останавливаясь на перечнѣ своихъ добрыхъ дѣлъ и качествъ, можемъ вызвать чувство самодовольства. Можемъ помогать, точно также, и прекращенію охватившаго насъ чувства, отвращая вниманіе отъ возбуждающей причины,—и еще успѣшнѣе, давая мыслямъ ходъ противоположный; напр., когда смягчаемъ порывъ скорби, занимая свой духъ разсматриваніемъ благопріятной стороны собственнаго положенія». **) Указанное здѣсь обстоятельство напоминаетъ другое, противоположное, когда наши чувства сами управляютъ нашими мыслями,—какъ это наблюдается, напр., въ состояніяхъ страха, гнѣва и отчасти любви. Бэнъ пристально разсматриваетъ свойства и послѣдствія такого господства волненій надъ мыслями, и приходитъ къ заключенію, что это вліяніе чувствъ, по крайней мѣрѣ въ его особенно рѣзкомъ видѣ, не принадлежитъ къ области во-

*) Ibid. p. 376—377.

**) Ibid p. 378.

ли, т. е не слѣдуетъ указаннымъ основнымъ началамъ нашихъ произвольныхъ дѣйствій.

Съ послѣдними двумя видами нашей произвольной дѣятельности, мы получаемъ полную конструкцію воли, въ ея собственной области, и въ предѣлахъ другихъ способностей духа. Вмѣстѣ съ этимъ, мы уже встрѣтились со всѣми видами *мотивовъ* нашей воли, и точно также побужденій невольныхъ. Послѣднія даны въ самостоятельной энергіи нашего тѣла и въ такъ-называемыхъ *упорныхъ* или *неотступныхъ идеяхъ* (ideae fixae). Собственные мотивы воли суть пріятныя и непріятныя чувства, дѣйствительныя и идеальныя, первоначальныя и производныя, одинокія и сочетанныя. Всѣ эти мотивы произвольной дѣятельности подвергнуты у Бэна спеціальнымъ анализамъ. Мы ограничимся только однимъ замѣчаніемъ, что всѣ наши мотивы или цѣли сводятся, въ концѣ, къ существующимъ группамъ нашихъ ощущеній и духовныхъ волненій, указаннымъ въ предыдущихъ главахъ; выраженія *удовольствіе* и *страданіе*, въ цѣломъ изложеніи образованія воли, служили только удобною замѣною прямой ссылки на эти дѣйствительныя группы.

Весь предшествующій анализъ воли давалъ подразумѣвать, что если будетъ данъ привычный мотивъ произвольнаго дѣйствія, то послѣднее не заставитъ себя ожидать. На дѣлѣ, однакожъ, случается иначе; есть много препятствій для такого исхода, и они заключаются, прежде всего, въ *конфликтѣ* различныхъ мотивовъ воли, между собою, и съ побужденіями невольными.

Общія послѣдствія встрѣчи различныхъ мотивовъ Бэнъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. «Когда два состо-

янія чувства сходятся вмѣстѣ, и бываютъ одной и той же природы, мы получаемъ простую сумму; —напр., когда стеченіе двухъ удовольствій увеличиваетъ состояніе удовольствія. Когда съ удовольствіемъ встрѣчается страданіе, то одно изъ нихъ, какъ показываютъ факты, можетъ нейтрализовать другое. Пріятный смакъ, въ видѣ какого нибудь пріятнаго вкуса, успокоиваетъ раздраженный духъ дитяти; и въ продолженіи цѣлой жизни мы пользуемся пріятнымъ, чтобъ изгладить непріятности. Въ этомъ конфликтѣ двухъ чувствъ, одно теряетъ, а другое уменьшаетъ, свою дѣйственность; первое называется слабѣйшимъ, второе сильнѣйшимъ. Когда прелесть ландшафта дѣлаетъ кого нибудь нечувствительнымъ къ голоду и утомленію, то пріятная часть сознанія считается сильнѣе непріятной; если какой нибудь интересный романъ не былъ въ состояніи успокоить тѣхъ же самыхъ тревогъ, то мы говоримъ, что ландшрфтъ давалъ больше наслажденія, чѣмъ романъ;—ясный и обыкновенный способъ оцѣнки сравнительнаго вліянія предметовъ удовольствія».. *) Бэнъ излагаетъ эти обстоятельства встрѣчи различныхъ чувствъ, оставляя на время въ сторонѣ ихъ значеніе какъ мотивовъ; и поводъ къ этому данъ въ самыхъ свойствахъ факта. «Многія страданія прекращаются наслажденіями и отнюдь не переходятъ въ стимулы воли. Мы употребляемъ попеременно тотъ и другой способъ облегченія, смотря по обстоятельствамъ. Много зависитъ здѣсь отъ особенностей конституціи; иные, обладая большимъ избыткомъ энергіи воли, управляются съ своими страданіями, съ помощію дѣятельныхъ мѣръ удаленія и предосторожности; другіе, болѣе безпечные и развитые попрему-

*) Ibid. p. 465.

ществу со стороны страстныхъ выраженій, стараются преодолѣть бѣдствіе, прибѣгая къ источникамъ наслажденія и изливаясь въ разнообразномъ выраженіи скорби. Въ контрастѣ этихъ двухъ характеровъ нельзя ошибиться». *)

Въ подробномъ изложеніи конфликта мотивовъ, Бэнъ объясняетъ конфликтъ побужденій воли съ импульсами вытекающими изъ физическихъ условій нервной и мускульной системы, конфликтъ самыхъ произвольныхъ актовъ, и борьбу воли съ упорными или неотступными мыслями.— Борьба воли съ чисто физическими побужденіями къ дѣйствію есть фактъ ежедневнаго наблюденія. «Послѣ каждаго ночного отдыха и послѣ насыщенія, дѣятельные органы заряжаются силою готовою вспыхнуть во всякомъ направленіи .. Этотъ элементъ нашей дѣятельности часто входитъ въ коллизію съ собственными импульсами воли, получаемыми изъ удовольствій и страданій. Разряженію излишней дѣятельности противодѣйствуютъ мотивы заставляющіе оставаться въ покоѣ и заключеніи. Такой конфликтъ мы видимъ, когда сильный мальчикъ имѣетъ ушибъ, или рану, которыя причиняютъ ему страданіе, какъ скоро онъ отваживается пускаться въ игры своихъ товарищей». **) Подобный взрывъ физической силы можетъ происходить, не только отъ покоя и питанія, но и отъ различныхъ возбуждающихъ причинъ; таковы всѣ заразительные примѣры, наблюдаемые въ частности въ обстоятельствахъ страха Такіе порывы физической силы весьма часто случаются некстати, и нейтрализація ихъ требуетъ соразмѣрнаго противодѣйствія, въ формѣ какого

*) Ibidem.

**) Ibid. p. 405.

нибудь возбужденія воли,—т е. страданія или удовольствія, достаточнаго для ихъ задержанія. Конфликтъ съ физическими состояніями открывается, обыкновенно, и въ пору истощенія мускульной системы. «Ассоціаціи, установившіяся въ ходѣ возрастанія воли, могутъ вызвать дѣйствіе, когда оно никакъ не могло бы возникнуть безъ этого условія; конь, который истратилъ весь излишекъ своей силы, и предпочелъ бы состояніе отдыха, — подъ вліяніемъ острой боли, можетъ дать нѣкоторое прибавочное усиліе; это—стадія конфликта, тяжесть которой постепенно возрастаетъ, до тѣхъ поръ пока животное не упадетъ». *)

Обратимся, теперь, къ столкновенію актовъ воли между собою, когда, именно, два удовольствія, или два страданія, или удовольствіе и страданіе, возбуждаютъ исполнительную часть въ направленіяхъ противоположныхъ. Примѣры такого конфликта столь же многочисленны, какъ и разнообразныя встрѣчи человѣческихъ чувствъ. «Въ каждомъ частномъ пунктѣ или области нашей чувствительности, можетъ возникнуть какая нибудь оппозиція, и поле столкновенія можетъ быть расширено до безконечности, встрѣчею впечатлѣній на различныя части нашего чувствительнаго состава. Мускульныя чувства могутъ дѣлиться сами на себя; группа органическая способна къ многочисленнымъ спорамъ; вкусы или запахи могутъ сталкиваться другъ съ другомъ; такимъ же образомъ и прикосновенія, звуки, или ощущенія зрѣнія. При одномъ и томъ же волненіи,—нѣжномъ, гнѣвномъ, эгоистическомъ, эстетическомъ и проч., могутъ встрѣчаться

*) Ibid. p. 407.

предметы увлекающіе систему на противоположныя дороги. Волненія, побуждающія насъ къ долгу и благоразумію, подлежатъ, какъ извѣстно, враждебнымъ нападеніямъ, другъ отъ друга, и отъ остальныхъ чувствъ; потому что у насъ есть противоположныя обязанности, совершенно также, какъ и противоположныя привязанности, или вкусы». *) Приведемъ простѣйшіе примѣры такого конфликта, изъ столкновенія двухъ дѣйствительныхъ состояній, дѣйствительнаго и идеальнаго, и двухъ идеальныхъ,—встрѣчающихся въ одно и тоже время и внушающихъ несовмѣстимыя дѣйствія. Примѣръ перваго конфликта предлагаютъ ощущенія органическія. «Удовольствія и страданія холода и тепла особенно склонны итти наперекоръ другимъ органическимъ интересамъ. Въ теплой комнатѣ мы подвергаемся стѣсненію отъ спертаго и жаркаго воздуха. За дверями, въ зимній день, бываетъ наоборотъ. Легкія и нервы освѣжаются, въ то время какъ мы можемъ страдать отъ холода. Послѣдствіе показываетъ, какой изъ этихъ противорѣчащихъ импульсовъ сильнѣе; потому что,—предполагая невмѣшательство всякаго третьяго ощущенія, или мотива,—одинъ изъ нихъ возьметъ верхъ и, такимъ образомъ, окажется сильнѣйшимъ. Если я остаюсь за дверями, претерпѣвая зимнюю стужу, это значитъ, что пріятное освѣженіе посредствомъ легкихъ есть больше чѣмъ противовѣсъ страданіямъ отъ холода. Другое лицо, дѣйствующее различно при тѣхъ же обстоятельствахъ, должно имѣть и различную конституцію; такой опытъ рѣшаетъ фактъ характера, относительно сравнительной чувствительности къ этимъ вліяніямъ». **)

*) Ibidem.

**) Ibid. p. 408.

Бэнъ замѣчаетъ, что сравненіе стимуляціи воли посредствомъ удовольствія или страданія, при случаяхъ *различныхъ*,—можетъ повести къ ошибочному заключенію, вслѣдствіе измѣняющагося состоянія дѣятельныхъ органовъ. «Если какая нибудь вещь возбуждаетъ нашу дѣятельность утромъ, между тѣмъ какъ другая не вызываетъ никакого усилія вечеромъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы чувство было и внутренне сильнѣе. Бываютъ времена, когда часть исполнительная особенно подготовлена къ стимуляціи; и наоборотъ. Мы должны, поэтому, дѣлать опыты, по возможности, при однихъ и тѣхъ же духовныхъ и тѣлесныхъ условіяхъ, и повторять ихъ до тѣхъ поръ, пока не получимъ средняго вывода при всѣхъ условіяхъ. Это послѣднее, въ приложеніи къ нашему случаю, составляетъ правильную методу, и знакомитъ насъ съ характерами частныхъ людей и животныхъ. Замѣчая преобладающее вліяніе какого нибудь удовольствія,—каковы тѣлесное упражненіе, пища, теплота, музыка, общество, самодовольство, сила, или знаніе,—при обстоятельствахъ столько различныхъ, чтобы выдѣлить всѣ разности общей или конституціональной дѣятельности,—мы рѣшаемъ, что то или другое изъ этихъ удовольствій занимаетъ высшее мѣсто въ скалѣ чувствительности субъекта» *)

Примѣры столкновенія мотивовъ идеальныхъ съ мотивами дѣйствительными, даютъ область конфликта, еще болѣе широкую, чѣмъ предыдущая. «Весь длинный перечень удовольствій и страданій представляетъ вещи остающіяся, болѣе или менѣе продолжительно, въ памяти и,

*) Ibid. p. 410.

попрежнему, вызывающія произвольные акты, къ осуществленію, или предотвращенію предусматриваемой дѣйствительности. При этомъ можетъ быть на-лицо и противоположный стимулъ дѣйствительнаго чувства, и такимъ образомъ появляется соперничество между цѣлями идеальными, и цѣлію дѣйствительною. Испытывая удовольствіе какой нибудь возбудительной игры, или охоты, я вспоминаю страданія чрезвычайнаго мускульнаго утомленія; получается враждебная встрѣча мотивовъ. Если удовольствіе охоты будетъ очень сильно, то возметъ верхъ, если страданіе, припоминаемое изъ прежнихъ случаевъ, было очень остро, и память объ немъ, въ эту минуту, такъ свѣжа и жива, что оно представляется моему взгляду, почти со всею своею дѣйствительною силою,—то, вѣроятно, оно и преодолѣетъ, и я покину настоящее удовольствіе». Этотъ примѣръ достаточно показываетъ, какую важную роль играютъ здѣсь силы ума, или воспроизведеніе прежнихъ удовольствій и страданій; счастливая борьба чувствъ идеальныхъ съ дѣйствительными зависитъ отъ точности воспроизведенія, приближающей идеальныя чувства къ ихъ оригинальному состоянію въ качествѣ ощущеній и волненій. Но что чувствовалось сильно какъ дѣйствительное ощущеніе или волненіе, не чувствуется также сильно какъ простая антиципація. Чувственныя страданія обладаютъ сравнительно меньшею способностью оставаться въ свѣжей памяти; и это обыкновенно ведетъ къ повторенію неумѣренныхъ чувственныхъ наслажденій. Вѣрное воспроизведеніе прежнихъ удовольствій и страданій основано на общихъ условіяхъ успѣшной работы закона смежности, между которыми слѣдуетъ припомнить извѣстную мѣру естественной силы смежной

ассоціаціи, и надлежащее повтореніе уроковъ опыта. «Лицомъ строго воспитаннымъ въ этомъ отношеніи, будетъ тотъ, кто во всякое время носитъ съ собою точную оцѣнку удовольствій, или страданій, испытанныхъ отъ всѣхъ предметовъ, какіе когда нибудь на него дѣйствовали,— и, при встрѣчѣ враждебнаго мотива, можетъ оказать ему такое же сопротивленіе, какъ бы находился еще подъ вліяніемъ дѣйствительнаго впечатлѣнія. Это одно изъ преимуществъ какія даются возрастомъ»*).

Два противоположныхъ мотива могутъ быть оба идеальными; – какъ напр. когда предвкушаемыя удовольствія соединяются съ предчувствіемъ послѣдующихъ страданій. Исходъ борьбы зависитъ, во-первыхъ, отъ сравнительной силы противоположныхъ чувствъ въ минуты нашихъ прежнихъ опытовъ, и во вторыхъ, отъ вѣрнаго тѣхъ и другихъ воспроизведенія. «Если память удержала удовольствіе во всемъ блескѣ оригинала, между тѣмъ какъ страданіе, съ своею отвращающею силою, едва только припоминается, то мы, конечно, уступимъ подстреканіямъ со стороны удовольствія,—хотя бы страданіе и было достаточно сильно, чтобы взять верхъ въ конфликтѣ дѣйствительномъ»**).

Мотивы упорныхъ или неотвязчивыхъ мыслей, по самой природѣ своей, идутъ, обыкновенно, наперекоръ естественнымъ мотивамъ воли. «Пылъ энтузіазма къ какому нибудь дѣлу удаляетъ изъ виду трудности и послѣдствія. Страстная любовь между лицами имѣетъ тоже самое ослѣпляющее свойство. Мотивъ могущій бороться съ такими импульсами, долженъ быть вооруженъ трой-

*) Ibid. p. 412.

**) Ibid. p. 416.

ною силою; прежде всего, заключающееся въ немъ добро или зло должно быть глубоко поражающимъ, сила ума, возстановляющая это въ идеи, должна быть высокаго порядка; и въ то же время необходима закрѣпляющая сила частаго повторенія, или свѣжесть какого нибудь недавняго опыта»*).

До сихъ поръ мы разсматривали встрѣчу мотивовъ, просто какъ встрѣчу пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ, то усиливающихъ, то ослабляющихъ, или нейтрализующихъ другъ друга Задержка и направленіе дѣйствія служили только простымъ показателемъ взаимной поддержки или же борьбы и сравнительной силы встрѣчающихся мотивовъ. Если обратимъ вниманіе собственно на операцію воли, при этой встрѣчѣ мотивирующихъ силъ, то, кромѣ общихъ и, безъ дальнѣйшаго, понятныхъ послѣдствій такой встрѣчи найдемъ особенное явленіе воли, составные элементы котораго до сихъ поръ вполнѣ не обозначились. Оно называется *обдумываніемъ* или *колебаніемъ*. «Здѣсь, прежде всего, бываетъ въ дѣлѣ по крайней мѣрѣ пара противоположныхъ чувствъ, изъ которыхъ ни одно не имѣетъ столько силы, чтобы взять верхъ надъ другимъ. Можно предположить случай, представленный въ безсмертномъ примѣрѣ Беридана,—что два враждебныхъ мотива будутъ въ такомъ равновѣсіи, что не выдетъ никакого дѣйствія. . Какое нибудь удовольствіе можетъ встрѣтить свою противоположность, до такой степени равносильную, что мы останемся въ покоѣ. Это называется быть въ нерѣшимости, и есть весьма обыкновенный случай. Но въ минуты праздности, или пріоста-

*) Ibid p. 419

новки дѣйствія, потокъ мысли приноситъ какой нибудь новый мотивъ, бросающій свою тяжесть въ одну изъ вѣсовыхъ чашъ, и вотъ является перевѣсъ. Первое положеніе встрѣчи даетъ равенство, вторичныя мысли устанавливаютъ превосходство; или, если бы первый видъ представлялъ большое неравенство, ведущее къ непосредственному рѣшенію, то послѣдующія соображенія могутъ вести къ равенству и пріостановкѣ, — если только дѣйствіе не начато тотчасъ же» Эти общія черты состоянія колебанія или обдумыванія объясняются просто изъ стеченія и осложненія мотивирующихъ силъ. Но во всякомъ, хорошо сложившемся лицѣ, оно управляется и особенными импульсами воли. «Заслышавши какой нибудь вопросъ, я тотчасъ даю рѣшеніе, отъ котораго послѣ отступаюсь, если имѣю время продолжить соображеніе. Зная все это изъ собственнаго опыта, мы замѣчаемъ какъ опасно давать ходъ результату перваго столкновенія противоположныхъ силъ; и это пониманіе плохихъ послѣдствій бываетъ стимуломъ воли, подобно всякому другому страданію.. Предусмотрѣніе вѣроятнаго зла отъ осуществленія поспѣшнаго рѣшенія останавливаетъ дѣйствіе, хотя бы значительный перевѣсъ другихъ побужденій говорилъ въ пользу какого нибудь его исхода. Такимъ образомъ вводится третій элементъ, достаточно сильный, во многихъ случаяхъ, чтобы нейтрализовать преобладаніе сильнѣйшей изъ двухъ противоположностей Операція этого третьяго элемента даетъ просторъ идеальной борьбѣ всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ мотивовъ. «Мы становимся, такимъ образомъ, все меньше и меньше рабами изолированныхъ или частныхъ побужденій, или, употребляя обыкновенное выраженіе, занимаемъ высшее положеніе

дѣятелей свободныхъ» *) Со введеніемъ процесса обдумыванія, и задержки приговора, наше рѣшеніе становится ближе ко всѣмъ нашимъ интересамъ или счастію въ цѣломъ

Бэнъ объясняетъ процессъ обдумыванія слѣдующимъ примѣромъ. «Положимъ, что къ намъ нечаянно обращена просьба о пособіи, — со стороны друга, знакомаго, или другого кого пользующагося нашею симпатіею и уваженіемъ Мы поставлены здѣсь между пожертвованіемъ заключающимъ наше собственное страданіе и лишеніе, и импульсомъ вытекающимъ изъ нашего нѣжнаго чувства къ другому. Мгновенное рѣшеніе покажетъ, какое чувство было сильнѣе въ первую минуту представившагося случая. Опытъ однакожъ научилъ насъ, что эти мгновенныя рѣшенія могутъ приводить къ прискорбнымъ послѣдствіямъ; и, не подвергая риску собственныхъ интересовъ, мы останавливаемся на нѣкоторое время, давая ходъ другимъ соображеніямъ, внушаемымъ этимъ случаемъ Мы разсматриваемъ со всѣхъ сторонъ заслуги и поведеніе особы, о которой идетъ дѣло. Испрашиваемое пособіе можетъ быть истрачено напрасно, не принеся существеннаго блага; и это составляетъ мотивирующую силу противъ просьбы. Можетъ-быть, мы сами получали частыя благодѣянія изъ рукъ этого лица, такая мысль, возникая въ духѣ, усиливаетъ импульсъ въ другую сторону. Далѣе, то чего отъ насъ желаютъ, можетъ привести къ важному уменьшенію нашихъ собственныхъ средствъ и затронуть, такимъ образомъ, нашу независимость, или исполненіе другихъ обязанностей; уваженія, конечно, весьма сильныя, и въ этомъ видѣ чувствуются,

*) Ibid. p 419—421

когда духъ вынужденъ на нихъ остановиться Потомъ является какой нибудь фактъ, нейтрализующій одинъ изъ предшествующихъ, и уменьшающій объемъ противоположной стороны. Каждое новое внушеніе стремится усилить или ослабить ту или другую сторону. Въ иную минуту мотивъ представляется весьма сильнымъ, но затѣмъ открывается обстоятельство, которое ослабляетъ на-половину его настойчивость. Хорошо дисциплинированная, въ актѣ обдумыванія, воля сопротивляется, тѣмъ временемъ, подстреканію сильнѣйшей стороны, пока не представится больше ничего новаго; дѣло тѣмъ и заключается, и сдерживающая сила, внушаемая антиципаціею зла отъ поспѣшности приговора, перестаетъ дѣйствовать, предоставляя волѣ слѣдовать сторонѣ, какая пріобрѣла сильнѣйшую сумму мотивовъ.» *)

Процессъ обдумыванія помогаетъ счастливому исходу дѣйствій во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Страхъ плохихъ послѣдствій можетъ быть преувеличенъ, и вытекающее отсюда замедленіе дѣйствія можетъ обратиться ко вреду дѣятеля; но получаемый съ тѣмъ вмѣстѣ новый опытъ страданія дѣлается стимуломъ, ограничивающимъ излишнюю власть сдерживающей силы. Точная оцѣнка времени, потребнаго для размышленія въ каждомъ затруднительномъ случаѣ дѣйствія, и отвѣчающее такой оцѣнкѣ продолженіе самаго размышленія, есть одно изъ совершеннѣйшихъ сочетаній ума и воли.

Естественному ходу обдумыванія можно пособлять различными искуственными средствами, предотвращающими минутное увлеченіе такими мотивами, которыхъ сила бы-

*) Ibid. p 421

ваетъ преувеличена, вслѣдствіе сравнительной новости ихъ въ порядкѣ размышленія, или другихъ случайностей. Бэнъ приводитъ, между прочимъ, замѣчательную методу одного изъ великихъ практическихъ геніевъ, Франклина' изложенную имъ въ письмѣ къ Пристли, подъ названіемъ *нравственной алгебры*. Содержаніе письма слѣдующее. «Въ такомъ важномъ для васъ дѣлѣ, по какому вы спрашиваете моего мнѣнія, я не могу, по недостатку достаточныхъ посылокъ, посовѣтовать вамъ на *что* рѣшиться: но, если угодно, скажу вамъ—*какъ*. Когда встрѣчаются такіе трудные случаи, трудны они бываютъ главнымъ образомъ потому, что, при обдумываніи ихъ, не всѣ основанія *pro* и *contra* представляются заразъ нашему духу; въ одно время бываетъ на-лицо одинъ порядокъ ихъ, въ другое другой, между тѣмъ какъ первый выходитъ уже изъ виду. Отсюда это поочередное преобладаніе различныхъ цѣлей или склоненій, и эта смущающая насъ неизвѣстность.

«Чтобы выйти изъ такого положенія, я поступаю такъ — раздѣляю чертою листъ бумаги на два столбца, надписывая надъ однимъ *pro*, и надъ другимъ *contra*; потомъ, въ продолженіи трехъ или четырехъ дней размышленія, излагаю, подъ этими оголовками, краткіе намеки на различные мотивы, какіе встрѣчались мнѣ въ разное время, *pro* и *contra* извѣстной мѣры. Поставивши ихъ такимъ образомъ вмѣстѣ, подъ одинъ взглядъ, я стараюсь оцѣнить ихъ сравнительный вѣсъ; и если нахожу два мотива (по одному, съ каждой стороны), какіе мнѣ кажутся равными, то оба вычеркиваю Если нахожу, что какое нибудь основаніе *pro*, равно какимъ нибудь *двумъ contra*, то вычеркиваю всѣ *три*. Если по

лагаю, что какія нибудь два основанія *contra* равны какимъ нибудь тремъ *pro*, то вычеркиваю всѣ *пять*. Поступая такимъ оразомъ, я открываю гдѣ бываетъ равновѣсіе; и если, спустя день или два дальнѣйшаго размышленія, не встрѣтится вновь ничего важнаго, ни въ ту, ни въ другую сторону, —то и принимаю соотвѣтственное рѣшеніе. И хотя вѣсъ основаній не можетъ быть оцѣненъ съ точностью алгебраическихъ количествъ, тѣмъ не менѣе, когда каждое изъ нихъ разбирается такимъ образомъ порознь и сравнительно, и передо мною лежитъ цѣлое,—я увѣренъ, что въ состояніи разсудить лучше, и менѣе подлежу ошибочному шагу; и дѣйствительно, этого рода уравненіе, которое можно бы назвать *алгеброю нравственности* или *благоразумія*, принесло мнѣ великія выгоды» *)

Рѣшенія къ которымъ мы приходимъ въ концѣ колебанія или обдумыванія, обозначаютъ, что тотъ или другой изъ двухъ, первоначально столкнувшихся мотивовъ, подкрѣпленный новыми, открывшимися въ теченіи самаго обдумыванія, — взялъ верхъ; и; пріостановка дѣйствія, выходившая изъ указанныхъ выше побужденій, кончилась. Мотиву, взявшему верхъ, ничего болѣе и не требуется, чтобы вызываемое имъ дѣйствіе произошло дѣйствительно. Но если обдумываніе относилось къ какому нибудь дѣйствію будущему; т. е. когда въ актъ обдумыванія входила постоянно идея будущаго времени обдумываемаго дѣйствія: то эта идея бываетъ, съ своей стороны, вводною цѣлью или мотивомъ, сдерживающимъ дѣйствія до истеченія предположеннаго времени. Рѣшеніе не исполненное вслѣдствіе этого условія, мы называемъ *ръшимо-*

*) Ibid. p. 424

стію. Указанная вводная цѣль вноситъ съ собою предварительный актъ воли, имѣющій мѣсто между рѣшеніемъ и исполненіемъ, и состоящій въ ожиданіи, или подготовленіи, минуты и обстоятельствъ предпринятаго рѣшенія. Жизнь человѣка обыкновенно наполнена различными рѣшимостями, и если заключающіеся въ нихъ мотивы дѣйствія или поведенія въ частныхъ случаяхъ жизни, взяли верхъ надъ другими только вслѣдствіе неполной обдуманности, или съ теченіемъ времени ослабѣли, то они не только не переходятъ въ дѣло, но и совершенно исчезаютъ. Вотъ почему мы не находимъ такъ часто своей прежней рѣшимости, въ минуту наступившаго дѣйствія.

Желаніемъ называется такая фаза въ актѣ воли, когда есть на-лицо какой нибудь мотивъ, но недостаетъ средствъ къ соотвѣтственному дѣйствію. «Обитатель маленькой темной комнаты представляетъ себѣ удовольствіе свѣта и широкаго горизонта; неудовлетворяющее идеальное удовольствіе вызываетъ дѣйствіе употребляемое для полученія дѣйствительности; — онъ поднимается и выходитъ. Предположимъ, теперь, что тоже идеальное удовольствіе посѣтило духъ узника. Не имѣя возможности осуществить вызовъ, онъ остается при одномъ подстреканіи со стороны этого мотива; и такое состояніе называется влеченіемъ, стремленіемъ, аппетитомъ, желаніемъ. Если бы каждый мотивъ тотчасъ сопровождался дѣйствіемъ, то желаніе не имѣло бы мѣста». *) Состояніе желанія заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, отсутствіе чего нибудь, или недостатокъ, низшій уровень счастія, во-вторыхъ, идею какого нибудь удовольствія, вмѣстѣ съ мыслію, что эта идеальная форма гораздо ниже дѣйствительнаго со-

*) Ibid. p. 439.

стоянія,—что̀ побуждаетъ волю къ достиженію дѣйствительности, и, въ третьихъ, какое нибудь препятствіе на дорогѣ къ дѣйствію, что̀ ведетъ къ конфликту, и дѣлаетъ желаніе болѣе или менѣе скорбнымъ настроеніемъ духа. Состояніе желанія обнаруживается во всѣхъ продолжительныхъ работахъ, или въ преслѣдованіи отдаленныхъ цѣлей, и въ этомъ случаѣ исчезаетъ вполнѣ только тогда, когда удовлетвореніе находится уже подъ рукою, или когда цѣль достигнута Но желаніе возникаетъ и тогда, когда удовлетвореніе недостижимо;—когда, напр., страданія тщетно вызываютъ облегчающія дѣйствія; когда дѣйствительныя удовольствія ускользаютъ, прежде чѣмъ мы насытились ими; и когда мы понимаемъ, что идеальныя удовольствія не осуществимы. Подобныя желанія разрѣшаются или подавленіемъ самой подстрекающей идеи, — что̀ сопровождается наступающимъ состояніемъ спокойствія или довольства; или же дѣйствіемъ идеальнымъ, которое тогда слѣдуетъ всѣмъ фазамъ дѣйствительнаго произвольнаго дѣйствія. Идеальнымъ построеніямъ внушаемыхъ, но недостижимыхъ дѣйствій, особенно благопріятствуютъ чувства нѣжныя, самодовольства, почести и силы.

Разсматривая борьбу мотивовъ, и счастливый исходъ колебанія, не трудно замѣтить, какихъ великихъ усилій воли стоили бы тѣ рѣшенія и дѣйствія, которыя согласуются вполнѣ съ нашимъ счастіемъ въ цѣломъ и съ интересами другихъ, и отмѣчаются именемъ благоразумія и долга,—если бы, во всѣхъ случаяхъ конфликта, намъ пришлось испытывать снова всю тяжесть первыхъ удачныхъ опытовъ. Но законъ смежности вноситъ свою операцію и въ самую борьбу мотивовъ, и дѣлаетъ то, что

побѣда, стоившая, въ началѣ, большого труда, становится въ послѣдствіи самымъ легкимъ дѣломъ; такъ что, наконецъ, и самое присутствіе борьбы едва замѣчается. Такой успѣхъ воли, въ актахъ благоразумія и долга, называется *нравственными навыками*.

Начало смежной связности, и благопріятныя обстоятельства, помогающія его функціи, были показаны въ главѣ объ умѣ. «Особенность нравственныхъ навыковъ, отличающая ихъ отъ пріобрѣтеній умственныхъ, есть присутствіе двухъ враждебныхъ силъ, изъ которыхъ одна, постепенно усиливаясь, должна взять верхъ надъ другою. Въ такомъ положеніи вещей, прежде всего нужно, если можно, отнюдь не проигрывать боя. Каждый выигрышъ стороны неправой губитъ послѣдствіе многихъ побѣдъ стороны правой. Поэтому, одна изъ существенныхъ предосторожностей заключается въ томъ, чтобы двѣ борющіяся силы поставить въ такое положеніе, въ которомъ одна изъ нихъ могла бы имѣть рядъ непрерывныхъ успѣховъ, до тѣхъ поръ, пока, отъ повторенія, она не укрѣпится настолько, чтобы сопротивляться противной сторонѣ при всякихъ обстоятельствахъ. Теоретически, это самый лучшій путь нравственнаго прогресса; но онъ не всегда осуществимъ на практикѣ». *)

Всѣ пріятныя чувства стремятся продолжать, усиливать и, въ послѣдствіи, вызывать поддерживающія ихъ дѣйствія; всѣ чувства непріятныя поступаютъ наоборотъ. Это основной законъ самосохраненія. Но нѣтъ такого ощущенія и волненія, котораго вліяніе не могло бы итти далѣе надлежащаго, или наперекоръ другимъ интересамъ,

*) Ibid. p. 453.

настоящимъ или будущимъ, и живое, сильное изображеніе такихъ интересовъ одинаково нужно, и для укрощенія излишняго пыла удовольствій, и для ограниченія уклончивости страданій Это относится одинаково ко всѣмъ мотивамъ нашей дѣятельности, произвольнымъ и непроизвольнымъ, чѣмъ бы они не стремились заправлять,— собственною ли сферою воли, или ходомъ чувствъ, или теченіемъ нашихъ идей. Навыкъ регулярно вставать въ раннюю пору, воздержность, внимательность, всегда готовый отпоръ излишней вспыльчивости чувствъ свободы, страха, нѣжности, силы, гнѣва, — благоразумная сдержанность излишней подвижности, желаній, — сосредоточенность и способность отрѣшаться отъ неумѣстныхъ мыслей, и проч .—вотъ частные примѣры нравственныхъ навыковъ, въ которыхъ контроль воли успѣваетъ подчинить натискъ частныхъ мотивовъ общей гармоніи духовныхъ интересовъ, и которыми Бэнъ поясняетъ общій ходъ возрастанія этихъ навыковъ.

Возьмемъ примѣръ воздержности. «Сильный порывъ начинающейся воли, вызванный страданіями отъ излишествъ удовольствія, доставляемаго здоровымъ тѣлеснымъ составомъ, вводитъ, самъ по себѣ, акты самоограниченія, и каждое лицо здѣсь умѣряется можно-сказать простою силою воли Если опыты строгаго самоотреченія будутъ рѣдки и случайны, то ничего больше и не получится;— не будетъ мѣста возрастанію, облегчающему дѣло воли, по мѣрѣ теченія жизни. Но какъ скоро актъ воли становится настолько силенъ, что, въ продолженіи нѣкотораго періода времени, при всѣхъ случаяхъ пользуется успѣхомъ, то способность связности прибавляетъ вспомогательную силу, замѣняющую необходимость глубокаго

рѣшенія. Только въ этомъ и будетъ состоять *навыкъ* воздержности» *).

Большая часть нравственныхъ навыковъ должна быть заложена въ духѣ еще юномъ. Трудности, какія здѣсь приходится преодолѣвать, суть слѣдующія.—сила враждебнаго мотива, несоотвѣтствіе начинанія, случайныя отступленія, и отсутствіе въ духѣ всякой сильной склонности къ тому виду самообладанія, какой долженъ быть достигнутъ «Что касается пріучающихъ вліяній, то самое сильное между ними есть, безъ всякаго сомнѣнія, внѣшнее принужденіе, подлѣ него, мы можемъ поставить примѣръ, нравственное увѣщаніе, и другіе способы дѣйствія на насъ со стороны другихъ, безъ абсолютнаго принужденія. Наконецъ, собственные акты воли нашего духа, опредѣляемые удовольствіями и страданіями нашего собственнаго опыта, и мотивами въ которыхъ другіе не принимаютъ никакого участія,—въ большомъ числѣ случаевъ должны дѣйствовать исключительно. Когда опередившія насъ лица внушаютъ намъ, въ руководство, правила, выведенныя ими изъ собственной опытности, мы охотнѣе ввѣряемъ свое будущее ихъ мудрости, чѣмъ собственному выбору; и это составляетъ необходимую характеристику юности».**)

Здѣсь мы и оканчиваемъ наше краткое обозрѣніе широкаго анализа воли. Чтобы пополнить историческія данныя, относящіяся къ этому отдѣлу психологіи, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу знаменитаго спора о *свободѣ* и *необходимости*.

*) Ibid. p. 460.

**) Ibid. p. 459

Замѣтимъ, прежде всего, что этотъ споръ возникъ изъ смѣси различныхъ теорій, которыя первоначально не имѣли между собою никакой связи, и были послѣдствіемъ нравственныхъ и религіозно-мистическихъ соображеній, а не какого нибудь психологическаго анализа воли. Въ самыхъ терминахъ этого спора осталось свидѣтельство историческихъ поводовъ его возникновенія Свобода и необходимость употреблялись, въ нашемъ спорѣ, какъ термины вещей, прямо противоположныхъ; и однакожъ не трудно замѣтить, что они не имѣютъ другъ къ другу никакого прямого отношенія. Свободѣ прямо противоположно рабство, стѣсненіе, принужденіе, необходимость означаетъ собственно нужду въ опредѣленныхъ средствахъ, для достиженія извѣстной цѣли,—или наоборотъ, и въ болѣе широкомъ смыслѣ, предусмотрѣніе послѣдствій извѣстныхъ дѣйствій или событій. Свобода выражаетъ, такимъ образомъ, одно изъ нашихъ чувствъ,—именно, чувство освобожденія отъ какого нибудь предшествующаго стѣсненія; необходимость, въ обыкновенномъ употребленіи этого термина, означаетъ нашу твердую увѣренность въ средствахъ и послѣдствіяхъ. Необходимости въ этомъ смыслѣ противоположны различныя степени неувѣренности и колебанія въ ожиданіяхъ, - что, съ нѣкоторою благовидностью, можно выразить терминомъ случайности. Поэтому необходимость иногда и противополагается случайности. Не входя въ критику такого противопоставленія, мы отмѣчаемъ просто, что контрастъ свободы, и рабства или стѣсненія, и предполагаемый контрастъ необходимости и случайности, описываютъ такимъ образомъ, два совершенно различныхъ факта, не имѣющихъ другъ къ другу никакого прямого отношенія.—

Въ этомъ убѣждаетъ и самая исторія занимающаго насъ спора.

Свобода и рабство означали первоначально извѣстный фактъ общественной жизни древнихъ народовъ, и получили спеціальный смыслъ въ примѣненіи къ нашей нравственности, въ первый разъ, въ школѣ стоиковъ. Подавляемые тяжелымъ впечатлѣніемъ повсемѣстнаго рабства, ученые этой школы утѣшались глубокою мыслью, что политическая свобода и политическое рабство еще не исчерпываютъ собою всего круга человѣческой свободы и рабства; что истинно свободенъ только тотъ, кто сбросилъ рабство нравственное, или пересталъ быть невольникомъ своихъ страстей. А въ этомъ отношеніи, какой нибудь политическій рабъ, какъ Эпиктетъ, могъ далеко превосходить своего свободнаго господина Нравственная свобода была, въ этой доктринѣ, правиломъ и преимуществомъ человѣческаго поведенія.

Съ другой стороны, необходимость и случайность, со спеціальнымъ смысломъ въ примѣненіи къ нравственнымъ дѣйствіямъ, были выраженіями религіозно-мистической теоріи, распространенной, съ незапамятныхъ временъ, между многими народами жаркихъ климатовъ Смыслъ ея состоялъ въ томъ, что всѣ событія въ мірѣ, не исключая и человѣческихъ дѣйствій, предопредѣлены заранѣе, и наступаютъ съ неотвратимою силою рока или судьбы. Мысль о какихъ нибудь собственныхъ, ни отъ кого другого не зависящихъ дѣйствіяхъ признавалась иллюзіею и даже преступленіемъ противъ Божества. Такое ученіе, отвѣчающее болѣе извѣстной лѣни и апатіи народовъ упомянутыхъ климатовъ, появлялось однакожъ, подъ различными формами, и въ теоріяхъ ученыхъ Европы. Рокъ,

судьба, неизбѣжный ходъ событій и дѣйствій, непреодолимое теченіе явленій природы и духа,—все это различныя видоизмѣненія одной и той же восточной идеи.

Эти двѣ теоріи, нравственной свободы и нравственнаго рабства, роковой необходимости и случайности, слились въ одну теорію, въ первый разъ, по поводу извѣстнаго спора блаженнаго Августина съ Пелагіемъ. Свобода и необходимость, вмѣсто своихъ прямыхъ противоположностей, были противопоставлены другъ другу; и такимъ образомъ составился этотъ нескладный вопросъ о свободѣ или необходимости человѣческой воли или дѣйствій. Мы такъ свыклись съ этою постановкою вопроса, что еще долго придется ожидать того времени, когда окончательно разрѣшится въ умахъ эта вредная ассоціація, этотъ мнимый, исторически созданный контрастъ. Разложите этотъ вопросъ на его историческія начала, и весь туманъ, напущенный вѣковыми спорами, быстро исчезнетъ. Вопросъ распадается на два вопроса. какое значеніе надобно приписать стоической теоріи нравственной свободы и нравственнаго рабства; или лучше, откуда возникаетъ въ насъ идея свободы и стѣсненія, и какое она имѣетъ отношеніе къ нашимъ нравственнымъ дѣйствіямъ? Второй вопросъ справедливо ли понятіе восточныхъ жителей о роковомъ, непреодолимомъ теченіи событій и дѣйствій; или лучше, какъ слѣдуетъ понимать причинную зависимотть явленій? Этимъ разрѣшеніемъ вопроса, на его случайно и неосновательно связанныя части, уничтожается и всякій поводъ къ спору. Термины свобода и необходимость, какъ выраженіе чисто популярное, остались теперь въ наукѣ безъ всякаго точнаго смысла, и могутъ быть съ осторожностью употре-

бляемы только какъ синонимы другихъ, болѣе точныхъ терминовъ.

Если гибкій терминъ свободы приложить къ тому самоуправленію и самообладанію, въ которыхъ состоятъ акты нашей собственной воли, и въ частности произвольный процессъ обдумыванія и обдуманныхъ рѣшеній и дѣйствій; то свобода будетъ терминомъ безспорнаго факта,—и именно, нашей собственной воли, или нѣкоторыхъ нашихъ произвольныхъ дѣйствій

Если такимъ же образомъ, неуклюжій терминъ необходимости будетъ понятъ только въ смыслѣ причинной связи, т. е. постояннаго преемства извѣстныхъ предыдущихъ и послѣдующихъ событій, не заключающаго въ себѣ ровно ничего болѣе, никакой другой, таинственной связи между своими членами,—словомъ, если онъ будетъ означать только различные, наблюдаемые нами законы: то, какъ ни плохъ этотъ терминъ по своимъ историческимъ внушеніямъ, его не страшно приложить и къ операціямъ нашего духа. И это будетъ означать, ни больше ни меньше, что въ преемствѣ нашихъ духовныхъ состояній можно отыскивать извѣстное постоянство или однообразіе, или, что̀ тоже, что духъ нашъ составляетъ предметъ ученаго анализа, точно также какъ и природа матеріальная; и науки филологическаго и юридическаго факультетовъ не суть пустыя претензіи. Но эти однообразія преемства, эти законы духа не заключаютъ въ себѣ ничего непреодолимаго; потому что суть только простыя тенденціи къ произведенію, переходящія въ дѣйствительное произведеніе только тогда, когда не встрѣтится никакихъ препятствій, или задержекъ, для ихъ операцій. А такія препятствія, пріостанавливающія или ви-

доизмѣняющія операціи законовъ ума, чувствъ и воли, мы встрѣчали постоянно, въ цѣломъ изложеніи психологическаго анализа. Это обстоятельство составляетъ сущность всѣхъ высшихъ феноменовъ нашихъ произвольныхъ дѣйствій,—управленіе чувствами и теченіемъ мыслей, и процессъ обдумыванія, съ вытекающими отсюда послѣдствіями благоразумныхъ и нравственныхъ рѣшеній, поступковъ и навыковъ.

Мы изложили здѣсь основные выводы, къ которымъ пришли лучшіе изслѣдователи занимающаго насъ спора; сдѣлаемъ краткое замѣчаніе о самомъ ходѣ его, со временъ Локка.

Мы знаемъ уже, что Локкъ доказалъ всю несостоятельность схоластической теоріи способностей нашего духа, какъ особенныхъ духовныхъ агентовъ, пребывающихъ за ширмою нашихъ духовныхъ состояній. Само собою разумѣется, что этому приговору подлежитъ и наша воля, какъ способность духа, отличная отъ ума и чувствъ. Воля есть только фактъ нашихъ произвольныхъ дѣйствій, и вопросъ о ея свободѣ, какъ особеннаго скрытнаго агента, по выраженію Локка, также нелѣпъ какъ вопросъ о «четвероугольной добродѣтели»*). При такомъ положеніи дѣла, оставался только одинъ вопросъ, — о природѣ нашихъ произвольныхъ дѣйствій. Къ сожалѣнію, термины свобода и необходимость разсматривались, еще долгое время, какъ понятія противоположныя, и казались охватывающими самую сущность вопроса о произвольныхъ дѣйствіяхъ. Нельзя не замѣтить въ спорѣ по этому поводу, возникшемъ, послѣ Локка, между Коллинсомъ и его по-

*) Essay. Book II. Chap. XXI, § 14.

слѣдователями, съ одной стороны, и Ридомъ и его школою, съ другой,—того важнаго обстоятельства, что противники, въ употребленіи терминовъ свобода и необходимость, постоянно руководились историческими ассоціаціями, связанными съ ихъ насильственнымъ противопоставленіемъ. Коллинсъ понималъ свободу, защищаемую его противниками, какъ случайность, и основательно доказывалъ, что случайность нашихъ нравственныхъ дѣйствій не оправдывается ихъ наблюденіемъ, разрушаетъ нравственность, подрываетъ взаимное довѣріе между частными лицами, между обществомъ и правительствомъ, и не согласуется съ нашими понятіями о Провидѣніи. Ридъ, напротивъ, понималъ необходимость, или причинную связь, въ смыслѣ теченія вещей непреодолимаго, неизбѣжнаго,—потому что никакъ не хотѣлъ согласиться съ Юмомъ, что причинность есть только извѣстное преемство событій,—и съ этой точки зрѣнія разсматривалъ коллинсово отрицаніе свободы, какъ проповѣдь о рокѣ или судьбѣ, точно также несовмѣстимую съ всѣми пунктами, на которыхъ она опиралась. Споръ, очевидно, былъ просто на ложной дорогѣ; но послѣдствія его отозвались далеко. Сочиненія Коллинса были восторженно приняты французскими энциклопедистами; и Дидро вывелъ изъ нихъ заключенія, въ высшей степени вредныя для частной и общественной жизни. Такъ, напр., по теоріи Дидро, преступниковъ слѣдуетъ прямо казнить на эшафотѣ, чтобы уничтожить ихъ съ лица земли, какъ вредныхъ членовъ общества, потому что всякія наказанія для нихъ безполезны; — въ своихъ поступкахъ раскаяваться не слѣдуетъ; и т. д. Какъ будто наказанія не суть сильнѣйшіе мотивы къ уваженію интересовъ другихъ лицъ; или

раскаяніе не есть сильнѣйшій двигатель нравственнаго усовершенствованія!...

Всѣмъ спорамъ объ этомъ предметѣ положила конецъ новая теорія причинности, съ такою силою представленная Броуномъ. Она уничтожила пелѣный и отталкивающій смыслъ восточной необходимости, и термину свободы указала его точное значеніе. Заслуга разъясненія этого пункта принадлежитъ въ особенности Джону Стюарту Миллю).

БИБЛИО
Прогрес

*) *Mill*: Syst. d. ind. u. ded. Logik. Uebertrg. v Schiel 2 Aufl. II Th. p. 439 et sqq.